

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ПЕХОВ

ИСКАТЕЛИ ВЕТРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛФА» МОСКВА

Annotation

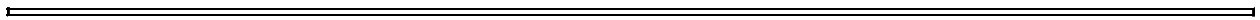
Мир Хары утратил самое ценное – знание. Все, что тысячелетие назад было обыденным и привычным, теперь кажется сказкой. За жалкие крупницы великого искусства прошлого маги ведут кровопролитные войны. Самая страшная и беспощадная война вот уже пять веков длится между теми, кто правит миром, – Ходящими и Проклятыми. Тьма и свет, некромантия и целительство сплелись в смертельный тугой клубок, уничтожающий всех, кто посмеет к нему прикоснуться. Нэсс и Лаэн бросают вызов носителям Дара, чтобы спасти свою жизнь. Что станет ставкой в их игре – совесть, любовь, деньги, знания, бессмертие?..

- [Алексей Пехов](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глоссарий](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

Алексей Пехов

Искатели ветра

Кто ищет ветер – найдет бурю

Пролог

В эту ночь Луку не повезло. Пришлось заступать в чужую смену, да еще и толком не выспавшись. Ежась от утренней прохлады, стражник постукивал ногами и грел в рукавах озябшие пальцы. Каждую уну^[1] его мысли возвращались к грандиозной пьянке, которую должны были устроить в пятой казарме в честь праздника Имени. Основная часть гарнизона намеревалась начать с утра пораньше, а он тут ерундой занимается!

– Лопни твоя жаба, – пробормотал солдат и шмыгнул покрасневшим носом.

Если комендант боится несуществующих врагов, почему не приказал закрыть ворота? Последние годы огромные сорокаярдовые створки стоят нараспашку даже ночью, и ни одна крыса так и не осмелилась через них проскользнуть. Для чего усиливать караулы, если гораздо проще опустить решетку.

Проклятый тупой капитан! Проклятый сержант! Проклятая судьба, лопни твоя жаба!

Бормоча под нос ругательства, Лук направился по стене от башни Льда к башне Огня. По пути кивнул приятелям, пьющим горячий шаф^[2], услышал очередную шуточку в свой адрес, вяло отбилась и поскорее пошел прочь, пока ему не напомнили о долге. Отдавать деньги Лук не слишком любил.

Врата Шести Башен – величайшая крепость мира, созданная самим Скульптором, перекрывала единственный перевал через западную часть Самшитовых гор. Легендарная цитадель за свою тысячелетнюю историю выдержала не один штурм, но ни разу не была взята. Армия Набатора сломала о серые камни зубы и потеряла много воинов. Чтобы заставить крепость сдаться, потребуется нечто более прочное, чем сталь и храбрость.

Пока существуют Врата – мягкое «подбрюшье» Империи надежно защищено.

Лук увидел, как из башни Дождя на стену вышли две женщины. Ходящая и Огонек. Маги о чем-то беседовали, и стражник, не решаясь прервать их разговор, остановился. Отвернулся к бойнице, разглядывая окрестности.

Он родился в небольшой степной деревушке и даже теперь, через шесть лет после того, как увидел заснеженные пики, не уставал поражаться

красоте горных вершин. Врата, построенные между двух хребтов, перекрывали въезд в долину, откуда начиналась дорога в глубь страны.

В былые годы на юг шло множество караванов. Оружие, шелка, ковры, пряности, лошадей и сотни других товаров провозили через Врата из далеких земель. Но золотые времена миновали, дорога опустела. Лишь местные пастухи да разведчики, которых комендант то и дело рассылал по соседним ущельям, осмеливались ходить по старому тракту и лезть в негостеприимные горы.

Хотя с разведкой в последнее время творилось что-то странное. Уже второй отряд северян задерживался. А ведь по всем срокам давно должен был вернуться. Командор бесился, срывал зло на капитанах, а те соответственно на сержантах и простых солдатах.

Стражник, в отличие от офицеров, втайне радовался, что десяток, в котором служит рыжий Га-нор, все еще гуляет по окрестностям. Лук должен северянину деньги. А с монетами у него не очень. В последний раз слишком много продул в кости. Почти все месячное жалованье ушло на раздачу долгов, лопни твоя жаба! Сейчас в кошельке остался один сол^[3] – это не те деньги, которые согласится принять Га-нор, а отдавать придется, северяне народ прямой, коли что не так – сразу в зубы.

Солдат высунулся в бойницу, смачно плюнул. С надеждой проследил за плевком, мечтая попасть в какого-нибудь зазевавшегося олуха, но под стеной, к вящему разочарованию Лука, никого не наблюдалось. Он в сотый раз за утро выругался и вернулся к созерцанию окрестностей.

Перед Вратами раскинулся небольшой городок. Низенькие домики были сложены из круглых камней и глины, взятой с берегов ближайшей горной реки. В поселении жили семьи пастухов, торговцев шерстью и искателей серебра. Людей нисколько не пугало, что они живут на самой границе. Крепость неприступна, солдаты опытные. Сюда никакие горные племена не сунутся. Они уже не раз получали по носу и знают, что Врата не взять. Быстрее прогрызть под горами проход, чем обрушить могучие стены неприступной цитадели.

В воздухе, несмотря на раннее лето, пахло легким морозцем. Солнечные лучи окрасили розовым снежные пики кутающихся в дымку гор. Светило медленно поднималось из-за восточных кряжей. Еще минка, и снег на вершинах засиял столь ярко, что Лук зажмурился и вновь помянул жабу.

Когда стражник открыл глаза, он увидел, что на пустой утренней дороге показались два тощих мула, тянущих старенький фургон. С такой высоты тот был не больше ладони, но Лук никогда не жаловался на плохое

зрение и прекрасно разглядел, что на козлах сидит женщина.

Одета едва ли не в лохмотья. С виду – настоящее чучело. Воин недоуменно нахмурился. Кто-то из поселенцев вздумал направиться в Ельничий брод? До него пятнадцать лиг. Везти шерсть на ярмарку, устроенную в честь праздника Имени, глупо. Для успешной торговли следовало выезжать наров на шесть раньше. Теперь же только зря животин гонять. Если и поспеешь, то к самому закрытию торговли.

Станный фургон. Незнакомый. И баба эта... Точно нищенка...

Лук, нахмурившись, попытался вспомнить, у кого в городке два столь исхудалых мула и повозка с синим верхом в придачу? Перебор знакомых имен и прозвищ ничего не дал. Если стражника не подводила память – такой рухляди он ни у кого не видел. За время службы ему не раз довелось стоять у Створок, и всех, кто отправлялся по делам в Ельничий брод, солдат хорошо знал.

Тут одно из двух. Во-первых, мало ли кто проехал в городок, пока была не его смена? Во-вторых, незнакомый фургон мог притащиться из-за перевала. А следовательно, из самого Набатора.

Станной повозке оставалось проехать до Врат ярдов двести, когда Лук окликнул болтавшего с двумя другими стражниками приятеля:

– Эй, Рек!

– Чего тебе?! – недовольно откликнулся тот.

– Глянь.

Рек недовольно заворчал, но все же повернулся в указанном направлении. Несколько ун он с безразличием смотрел на дорогу, а затем перевел взгляд на Лука:

– И что?

– Знаешь такую?

– Нет.

– Вот и я нет. Уж не с перевала ли?

Услышав про перевал, остальные солдаты, высунулись в бойницы.

– Капитану бы сообщить... – неуверенно протянул Рек.

– Вот сам и сообщай, – пробормотал Лук. Но потом все же порекомендовал: – Крикни вниз, чтобы проверили, чего там и как.

Рек отвернулся от бойницы, приложив руки ко рту, зычным голосом рявкнул стоявшим во внешнем крепостном дворе стражникам. В этот самый момент из казармы появился капитан с двадцатью несчастными, обреченными заступать на службу в праздник.

Между тем двое стражников вышли за стену и не спеша направились к фургону. Еще с десятков, в основном любопытствующие, встали у Створок.

Женщина натянула поводья и что-то ответила на вопрос солдата. Лук бы дорого дал за то, чтобы слышать, что именно. Через мгновение он увидел, как из фургона выскочили восемь человек. Шестеро оказались облачены в доспехи и прилично вооружены. От вида еще двоих кровь застыла в его жилах, а в животе неприятно закололо. Они носили белые балахоны!

Некроманты Сдиса!

Стражник хотел крикнуть, привлечь внимание Ходящей, но от страха у него пропал голос. Вытаращив глаза, он смотрел на то, как воины в цветах набаторского королевства убивают опешивших солдат и бегут к цитадели.

Внизу завязался бой.

Что-то треснуло, взвыло, зашипело, и капитана вместе с его людьми кровавыми ошметками разметало по крепостному двору. Посох одного из сдисских колдунов излучал серое сияние.

Вновь гроыхнуло, на этот раз не в пример громче прежнего, и от некроманта и ближайшего к нему набаторца осталось мокрое место. Ходящая призвала Дар, а Огонек стояла рядом, прижимая ладони к спине Госпожи.

– Врата! Закройте Врата, лопни твоя жаба! – взревел опомнившийся Лук.

Он увидел, что со стороны городка к крепости во весь опор скачут несколько сотен всадников. Рядом с набаторцами, не отставая от лошадей ни на шаг, бежали худые, похожие на черных скелетов создания.

Морты!

Рек оказался у огромного рога и, набрав в легкие воздуха, дунул. Низкий рев разнесся над башнями, возвещая о тревоге и поднимая гарнизон на ноги. Отовсюду бежали ничего не понимающие люди. Многие были без оружия.

Створки ворот, наконец, дрогнули и начали медленно закрываться.

Слишком медленно.

Под стеной кипел бой. Шестерка набаторских воинов при поддержке уцелевшего колдуна могла продержаться до прихода основных сил. Загрохотала опускаемая решетка, затем еще одна. Тут же взревело, и по крепостному двору разнесся предупреждающий крик, что «колдун сжег решетки».

Если Ходящая в ближайшие уны ничего не сделает – дела плохи.

Словно отвечая на мольбу Лука, воздух замерцал, сгустился над Госпожой и Огоньком, превращаясь в гигантское многогранное ледяное копье. Оно развернулось, нацелилось на сдисца... В это время сидевшая на козлах фургона женщина отвлеклась от созерцания схватки и вскинула

руку.

Грохнуло!

Луку на мгновение показалось, что он умер и оказался под барабаном бога северян – Уга. В ушах звенело, вокруг висела плотная завеса пыли. Стражник с удивлением понял, что упал.

Он ошеломленно потряс головой, встал на четвереньки. В ушах шумело, по лицу, кажется, текла кровь. Сплевывая попавший в рот песок и отчаянно кашляя, он с трудом встал на ноги и бросился туда, где стояла Ходящая.

Гигантские камни, сложенные в стену великим Скульптором, оказались вырваны и разбросаны на сотни ярдов. Одна из глыб упала на казарму второй роты, превратив ее в руины. Другая, пущенная точно из катапульты, – разбила фасад башни Дождя. Третья рухнула на дорогу, раздавив в лепешку пяток набаторцев вместе с лошадьми и троих зазевавшихся муртов.

Участок стены, по которому пришелся удар магии, оказался сильно поврежден. Словно великан молотом ударил. Но Ходящая была жива. Позабыв недавнюю робость перед владеющей Даром, Лук бросился к женщине. И содрогнулся. Таких ран он не видел за всю службу и теперь старался смотреть только на уцелевшее лицо. Лишь сейчас он понял, что ей не больше девятнадцати лет и у нее небесно-голубые глаза.

Она улыбнулась и сказала очень тихо, но удивительно внятно:

– Передай сестрам, Корь вернулась.

Проклятая!

– Вы уверены, Госпожа? – пролепетал задохнувшийся от ужаса Лук.

Ходящая не ответила. Глаза ее погасли, и стражнику отчего-то ужасно захотелось плакать.

Череда магических ударов обрушилась на Врата. Они уцелели, но перестали закрываться. Передовой отряд набаторцев продержался ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы всадники и мурты влетели во двор.

Началось избиение. То и дело серым полыхал посох сдисца.

Проклятая все так же сидела на козлах фургона и со скукой наблюдала, как бесконечная сине-черная лента втягивается в павшую цитадель...

Глава 1

День выдался жарким, и коровы, лениво пережевывая жвачку, прятались от полуденного зноя в тени бредняка^[4]. Замученный оводами годовалый теленок по пузо залез в реку и то и дело окунался, сгоняя с себя злющих насекомых. Пегая мамаша протяжным мычанием пыталась выгнать сына из воды, но тот был слишком занят и не обращал на призывы никакого внимания...

Порк огорченно вздохнул и отложил самодельную дудочку в сторону. Какая тут может быть музыка, когда вокруг такой шум? Проклятущая корова не унималась. Надо бы выгнать теленка из реки, да лень. И без толку это. Опять забредет.

День казался бесконечно долгим. Кувшин молока опустел наполовину, хлеб остался нетронутым. Есть не хотелось. Работать, впрочем, тоже. Пока деревенская ребятня ловила форель и играла в рыцарей, ему приходилось присматривать за буренками. Впрочем, брать в свои игры великовозрастного деревенского дурачка дети не хотели. Порк соответственно ужасно обижался, не понимая, почему все над ним смеются и крутят пальцем у виска.

Зевнув, он уже собрался поспать, благо тень от кустов, где он разлегся, еще не скоро уползет в сторону, но тут заметил, что вдалеке, на дороге, появилось четверо всадников. Не торопясь, они перебрались через реку по крепкому, срубленному крестьянскими руками деревянному мосту и, добравшись до Лысого камня^[5], направились в сторону деревни.

Выпятив нижнюю губу так, что слюни потекли на рубаху, Порк с интересом смотрел на незнакомцев.

Желающих заглянуть в Песью Травку всегда было немного. Деревня находилась в нескольких лигах от отрогов Самшитовых гор, среди дремучего Лесного края. Сюда редко кто приезжал.

Всадники совершенно не походили на сборщиков податей Наместника. У тех – красивые черно-белые мундиры, которые Порк очень мечтал примерить, а у этих – простые кожаные куртки да льняные рубахи.

– И герольда с трубачами нет, – забормотал дурачок под нос. – Не-е-е, воины Наместника куда лучше. Правда, у этих мечи тоже есть. Острые. Гораздо острее отцовского ножа, которым Порк порезался до крови. Больно было, ух! А у одного даже арбалет. Наверное, настоящий. Из такого стрельнешь – дырка будет. Был бы у Порка арбалет, больше бы никто над

ним не смеялся. У Гнута есть лук, и над ним не смеются. Не-е-е!.. Его девушки любят. Да. И лошади у этих дядек лучше деревенских. Такие враз растопчут, мокрого места не останется. Рыцарские кони. Когда Порк уйдет из деревни, тоже рыцарем станет. Дев спасать будет. Но эти дядьки – не рыцари. Где тогда разноцветные гербы, плюмажи и доспехи? У каждого рыцаря должны быть! А тут нету. Если они и рыцари, то – неправильные. Да. А мож, это разбойники? Не, тоже не похожи... Даже пятилетняя мелкота, которую родители не отпускают в лес за грибами, знает, что разбойники так смело по дорогам не разъезжают – иначе солдаты Наместника повесят их на ближайшей осине. Да и таких рыцарских коней у разбойников нет. А еще все разбойники злые, трусливые, грязные и с ржавыми ножами в зубах! Эти не такие. К тому же что им делать в деревне? У местных отродясь ничего ценного не было. Разве что лихие людишки, как называл их отец, решат брюкву у старой Розы спереть.

Порк представил, как шайка немых, заросших бородами, сжимающих в зубах тесаки мужиков, кряхтя, перелезает через плетень и, испуганно озираясь по сторонам, выкапывает из грядки злой бабки брюкву. А та стоит на крыльце, потрясает клюкой и костерит недотеп на чем свет стоит, призывая проклятия на их дурные головы. А может и клюкой кинуть, гадина. В Порка, когда он сломал ей однажды забор, кинула. Вот такенная шишка на голове была! Отец сказал, что Порк теперь точно поумнеет. Но ничего не случилось. Над ним, как и раньше, все смеялись, называли дураком и в игры свои не брали. Ну и не больно-то хотелось, если честно.

Один из всадников заметил пастуха, что-то сказал товарищам. Те съехали с дороги и через поле направились прямо к нему.

Поначалу Порк сильно струхнул. Хотел броситься наутек, но убежать – значит, оставить коров без присмотра. А ну, как разбредутся? Ищи их потом. Опять же, если корова в овраг забредет, обрешешься, но не вытащишь. От отца крепко влетит. Не углядел – получи крапивой или хворостиной. Неделю на задницу не сядешь. Так что бежать – смысла нет. Да и до леса далеко. А эти вооруженные бугаи на лошадях. Догонят, тогда уж точно накостыляют. К тому же еще неизвестно, зачем они идут, а отец точно по голове не погладит. И, выбрав между явной и призрачной угрозой, Порк решил остаться на месте и посмотреть, что будет дальше.

Всадники приблизились, натянули поводья.

– Ты из деревни, приятель? – спросил самый пожилой из четверки. Худой, высокий, с острым лицом и глубоко посаженными умными глазами, мужчина смотрел на Порка без злобы. Приветливо и чуточку насмешливо.

Еще никто не называл Порка «приятелем». Пастуху понравилось, как

это звучит.

– Ага, – кивнул осмелевший дурачок.

– Из Песьей Травки?

– Ага.

– Далеко до нее?

– Не. Не очень, дяденька. Вон за тем пригорком. Как на него заберетесь, так сразу и увидите.

– Добрались наконец, – с видимым облегчением выдохнул другой мужчина – с лицом, изъеденным оспой. – Хорошо же он заныкался, а, Кнут?

– Ты сомневался в словах Молса, Бамут? – усмехнулся тот, кто назвал Порка «приятелем».

Третий всадник – совсем молодой – ответил согласным ворчанием. Он Порку сразу не понравился. Хмурый и злой. Такой запросто по ушам надает. И смеяться будет.

– Трактир у вас есть?

– В таком-то захолустье?! До гор не больше десяти лиг, какие трактиры?! – сверкнул голубыми глазами молодой.

– Есть у нас трактир, – обиделся пастух. – Прямоком у дороги, если через деревню ехать. Большой такой. С трубой красной. Там пироги вкусные. И шаф. Мне раз отец дал попробовать. А вы зачем к нам? А мечи у вас настоящие? Поддержать дадите? А лошади, они рудесской породы, да? Ваши? Как у рыцарей! А я тоже скоро рыцарем буду. Быстрые, наверное? Вы сами не рыцари, случаем?

– Погоди, погоди! – весело рассмеялся худой. – Не все сразу. Экий ты торопливый, приятель. Давай вначале я спрошу. Коровы-то твои?

– Не. Я за ними гляжу. Ага.

– Нравится?

Пастух надулся и посмотрел на мужчину обиженно.

Издевается. А еще «приятелем» звал. Он думал, что они уже друзья.

Человек вновь рассмеялся. Трое других всадников хранили молчание и даже не улыбались. Казалось, их совершенно не интересует разговор.

– А дворов в деревне сколько?

– Много. – Порк показал пальцы на руках. – Шесть раз по столько.

– А ты грамотный. Считать умеешь, – с уважением сказал человек.

– Не, – шмыгнув носом дурачок. – Мне отец сказывал, что так. Сам я не считал.

– Скажи, приятель, новые люди у вас в деревне есть?

– Это вы про людей Наместника, что ль?

– Ну, хотя бы и про них.

– Они еще в начале весны приезжали. Красивые. Важные. И на конях. Теперь только к концу осени ждем. А других не было. Все свои. Только лесорубы приходят.

– Лесорубы? – заинтересовался человек с оспинами.

– Ага, – довольный тем, что может вести важную беседу, поспешно кивнул Порк. – У нас они лес рубят, а потом по реке ажно в Альсгару сплавляют. Из наших деревьев, знаете, какие корабли, говорят, делают? О-го-го! Всем кораблям корабли. Они плавают. Да.

– И что лесорубы?

– Да не знаю я, дяденька. Они к нам на лето приезжают. Живут в землянках, за Земляничным ручьем. Злые. Меня однажды побили и рубаху новую порвали. Потом еще и от отца попало, за рубаху-то. Да. А осенью обратно уходят. Не хотят зимовать. Говорят, дороги снегом заваливает. Не выберешься до конца весны.

– Говорю же – болото, – бросил молодой.

– Не. Тут у нас горы недалече. А еще, говорят, Врата Шести Башен, тока я их не видел. А до болота идти надо через лес несколько дней. Там, знаете, какая топь? Пойдешь – утопишься.

– Вряд ли нашего друга следует искать среди лесорубов, – как бы между прочим бросил все это время молчавший, похожий на хорька коротышка.

– Вот и я так думаю. А скажи-ка мне, приятель. Ты всех в деревне знаешь?

Порк подозрительно прищурился. Странные люди. Он им про злых лесорубов, а они опять про деревню. И про солдат Наместника спросили.

– Да ты не бойся, – с улыбкой успокоил его худой. – Мы нашего друга ищем. Ему лет как вот этому, – он ткнул в сторону человека переболевшего оспой. – Волосы светлые, глаза серые, улыбается редко и из лука стреляет лучше всех. Знаешь такого?

– Из лука лучше всех стреляет Гнут, но у него волосы черные, а одного глаза и вовсе нету.

– С ним еще женщина. Высокая и красивая. Волосы светлые, длинные, и глаза синие. Ну, так что? Есть в вашей деревне такие люди?

– Может и есть, – неохотно ответил пастух. – Некогда мне вспоминать. Коров пасти надо. Отец ругаться будет.

– Надеюсь, вот это улучшит твою память. – Всадник бросил Порку монетку.

Тот поймал ее, да так и остался с открытым ртом. Этот глупый дядька

бросил ему целый сол! Теперь можно купить вкусных сладостей и съесть, пока никто не видит. Порк ни с кем делиться не будет. Пусть знают, как дураком обзывать! Пастух попробовал денежку на зуб и поспешно, чтобы не отобрали, спрятал к себе в котомку.

– Вы их здорово описали, да. И Парса и жену его – Анн. Я сразу узнал. Мужчины переглянулись.

– Где нам их искать?

– Да очень просто. Он на окраине, недалеко от кузницы живет. У него дом приметный – на воротах коняшки с крыльями выточены. Красивые. Я таких же хочу. Как проедете через всю деревню, так и увидите.

– Давно он у вас живет?

– Не помню. – Дурачок наморщил лоб, усиленно вспоминая. – Давно.

– Бывай, приятель, – сказал худой. Незнакомцы развернули лошадей.

Когда они выбрались на дорогу, до них долетел крик Порка:

– Эй, дяденьки! Только Парс из лука стрелять не умеет. Он плотник!

– И надо тебе было с ним нянчиться, Кнут? – недовольно поинтересовался тот, кого Порк про себя прозвал «молодым». – Чего с дураком разговаривать? В деревне у любого встречного спросили бы.

– Ты меня еще учить будешь. Встречный – не придурок. За сол не купишь. Не знаешь ты деревенских. Упрутся рогом, если наши морды не понравятся, ничего не выведаешь.

– Пощекотать их ножичком.

– Ну, тогда уж дураком ты будешь, Шен, – усмехнулся Кнут. – Четверо против скольких? Это тебе не окрестности Альсгары с забитым мужичьем. Местные при виде твоей железки наутек не бросятся и цацкаться с тобой не будут. Места тут дикие. Каждый за себя постоять может. Похватают топоры да дрыны, мало не покажется. Никакой ножичек не спасет.

– Ну, тогда мы сами могли бы все дома проверить. Где-нибудь да нашли бы его.

– У тебя все просто. Шестьдесят дворов! Сколько, по-твоему, нам понадобится времени, чтобы их объехать?

– Ну, нар. Может два.

– Во-во. А если найдется добрая душа, которая побежит и предупредит его до нашего появления? А он решит, что с нами ему говорить не о чем. Тогда что? К Молсу ты сам пойдешь оправдываться?

Последний аргумент напрочь отбил у молодого желание спорить. Он недовольно поджал губы и умолк.

Между тем всадники взобрались на пригорок и увидели Песью Травку. Деревня располагалась по обоим берегам неширокой реки. Дурак обманул,

дворов насчитывалось больше шестидесяти. Справа от дороги – небольшой погост, чуть дальше – вырубки. На том берегу – поля, на которые наступала угрюмая стена непроходимого леса. Деревня, затерянная на отшибе провинции, взята в кольцо лесов, невысоких холмов и множества оврагов.

Отряд Кнута добирался сюда от Альстары долго. Последние дни приходилось ночевать под открытым небом. На лиги вокруг – ни одной таверны. Про сносную еду, вино и баб вовсе забыли. Только комарье да мошка. Хоть вой. Слава Мелоту, что они не встретили в дебрях ни лесных духов, ни говов^[6]. Держались дороги. Правда, если злые создания из чащобы не лезли, то звери – только так. Позавчера на них вышел откормленный медведь. Бамут схватился за арбалет, но пронесло. Отогнали бурого огнем, безо всякого кровопускания.

– Эта... А блаженный-то не сказал, на каком из берегов искать нашего плотника, – изрек изуродованный оспой Бамут.

– Найдем. Дела-то осталось всего ничего. Главное, добрались. – Кнут послал лошадь вперед.

Спутники, не мешкая, последовали за ним. Они проехали мимо погоста, у которого даже не было ограды. Миновали колодец, где две бабы ругались, кому первой набирать воду. И оказались в западной части деревни.

На них косились. Здесь редко видели чужаков, да еще и на лошадях. Но с вопросами не приставали.

Трактир всадники нашли быстро. Дом, и правда, оказался приметным. Большим, с красной трубой и разрисованными воротами. Хозяин, увидев постояльцев, чуть шафом не подавился. Выпучил глаза так, что Кнут начал опасаться, что трактирщика хватит удар.

Свободные комнаты, конечно же, были.

– Редко к нам гости заезжают, – пряча полученный от невысокого гостя сорен^[7], торопливо бормотал хозяин. – Пожалуйста, пожалуйста. Если кто и едет, так сразу к Ельничному броду. Мы на отшибе. Откушать желаете? Быстро все приготовим, ахнуть не успеете.

– Как ты тут не разорился? Постояльцев-то, поди, мало?

– С середины весны никого не было. Только благодаря дровосекам да нашим живу. Шаф и вино приходят пить. Но это к вечеру. А сейчас у меня пусто. Стеснения ни в чем у вас не будет. Проходите, проходите. Слава Мелоту, пославшему вас к моему скромному очагу!

– Кузнец-то в вашей деревне есть? Лошадь хромает, – как бы между прочим поинтересовался Кнут.

– Конечно! Старый Морген. Прямо по дороге, господин хороший. Потом направо, через нашу площадь и до конца деревни. У самого леса. Не ошибетесь.

Шен и Бамут многозначительно переглянулись и вновь запрыгнули в седла. Кнут и невысокий, отзывавшийся на кличку Гнус, последовали их примеру.

– Подготовь комнаты и ужин, – бросил через плечо старший. – Мы скоро вернемся.

Трактирщик поспешил уверить добрых господ, что все будет в лучшем виде, и убежал исполнять поручение. Ему и в голову не пришло подумать о том, зачем к кузнецу отправились все четверо, когда лошадь захромала только у одного.

– По словам дурачка, это где-то недалеко от кузницы.

– Если он не наврал, – заметил Шен.

Кнут хмыкнул. Щенок мечтает, чтобы дурак их обманул. Это было бы отличным подтверждением того, что командир ошибся.

Не дождется.

Кнут не очень понимал, зачем Молсу понадобилось разбивать их испытанную троицу четвертым. Шен слишком молод для того, чтобы думать. Вначале делает и лишь после осознает последствия. Глупо. Так недолго и подохнуть.

– Если наврал, вернусь и утоплю в реке, – стараясь не показывать раздражения, ответил Кнут. – В любом месте всегда найдется дурак, готовый выдать ближнего своего.

Они медленно ехали по улице, внимательно посматривая по сторонам. Из-под забора с визгливым лаем вылетела грязная, лохматая псина. К лошадям подбежать не посмела, но поливала всадников бранью до тех пор, пока те не скрылись из виду.

– Кажется, нашли. – Гнус кивнул на ворота. – Вот «коняшки».

Действительно, на деревянных воротах были выточены тонконогие лошади с лебедиными крыльями. Дом, который они искали. Большой, светлый, сложенный из сосновых бревен.

– Вот видишь, Шен, – улыбнулся Кнут. – Хотя бы иногда следует доверять людям. В том числе и дуракам.

Молодой лишь скривил губы.

– Бамут, останься. Пригляди за лошадьми, – приказал командир отряда.

– Эта... А если он огородами дернет?

– Плохого же ты мнения о нашем друге.

– Люди со временем меняются. Эй! Эта! А ну-ка, оставь арбалет в покое!

Последние слова были обращены к Шену, потянувшемуся за притороченным к седлу оружием.

– С чего бы? – не понял тот.

– Делай, что велят, – поддержал товарища Кнут. – Мы приехали поговорить. Спокойно поговорить. Эта штука может все испортить.

– Да вы никак боитесь, ребята?!

– Не твоего ума дело, чего мы боимся, а чего нет, – влез в разговор Гнус. – Твоя забота помалкивать!

Коротышку Шен уже давно выводил из себя. Велика вероятность, что рано или поздно они крепко поцапаются, и после ссоры один уже никогда не встанет. Кнут ставил на Гнуса. Опыта, замешенного на жестокости и коварстве, тому не занимать. Сколько душ за пазухой у маленького убийцы, знает только Молс.

– Заткнулись оба! – зарычал Кнут, видя, что молодой держит арбалет уже не так небрежно, как раньше. – Все разборки в городе, когда вернемся, если у вас появится такое глупое желание. А сейчас у нас общее дело. Не хватало, чтобы вы тут поножовщину устроили. Сразу говорю, если сцепитесь – вылетите из гильдии быстрее, чем Молс успеет подумать о ваших именах. Я ясно выражаюсь, тупицы?

– Ясно, командир. – Гнус убрал руку с ножа. – Погорячился.

– Все понятно, – покладисто согласился Шен, передавая арбалет Бамуту.

– Тогда давайте делать то, зачем приехали. Говорить буду я. Не дергайтесь. Шен, тебя это в первую очередь касается.

– Да понял я, понял! Что ты со мной как с маленьким?

– Потому что рубить капусту мечом это одно, а разговаривать с огородником – совершенно другое.

Сказав это, Кнут открыл калитку и вошел во двор, сразу увидев того, кого искал.

Раздетый по пояс человек колот дрова. Шен слышал о нем от своих приятелей, но представлял совсем другим. Здоровым, сильным, с большими ручищами и огромными кулаками. Тот, кого в Альсгаре знали как Серого, совсем не соответствовал образу, созданному воображением Шена. Мужчина не был здоровяком. И не казался гигантом, способным одним движением открутить голову быку-пятилетке. Ничего угрожающего. Худощавый и жилистый. Ни капли лишнего жира, но и бугров мышц не заметно.

Шен и раньше знал подобный тип людей. Силы им не занимать, вон какие жгуты жил на руках. Крепкий парень. И, наверное, выносливый, как сотня блазгов^[8]. Тяжеленный колун так и летает.

В этот момент человек прервал работу и увидел гостей. Прищурил серые глаза и небрежным движением поменял хват на колуне. Этот жест не укрылся от внимания вошедших. Шен напрягся и замедлил шаг, Гнус бросил быстрый взгляд по сторонам. Лишь Кнут остался спокоен. Он улыбался, только настороженные глаза говорили о том, что командир напряжен, точно взведенный арбалет. Не дойдя до хозяина дома пяти ярдов, посланник Молса остановился.

– Здравствуй, Серый.

Тот вызывающе помолчал, затем все же ответил:

– Здравствуй, Кнут.

– Как поживаешь?

Плотник нехорошо усмехнулся:

– Неплохо. До сегодняшнего дня.

Кнут предпочел не заметить усмешку хозяина:

– Хорошо обосновался. Глушь, лес, река, никакой городской суеты. И дом отличный.

– Не жалуюсь, – последовал сухой ответ. – Что тебя сюда привело?

– Дела, конечно же. Мы можем поговорить?

– Странно... Я думал, именно этим мы сейчас и занимаемся.

– В дом не пригласишь?

– Там грязно, – последовал угрюмый ответ.

Кнут хмыкнул:

– Шесть лет прошло, а ты ничуть не изменился. Все так же не рад гостям.

– Семь, если быть точным. Привет, Гнус.

– Привет, Нэсс. Не думал, что когда-нибудь тебя увижу. Ловко ушел на дно.

Хозяин пожал плечами:

– Раз вы нашли, значит, не так хорошо, как хотелось. Следует полагать, что Бамут остался за воротами?

– Ты же его знаешь. Не любит парень ходить по гостям. Тебе привет от Молса.

– Старый добрый Молс... – протянул плотник. – От него сложно скрыться.

Хозяин дома сделал шаг вправо и вперед, обходя наколотые дрова, и Гнус как бы невзначай скопировал его движение, отшагнув назад. В

отличие от Шена, маленький убийца предпочитал сохранять между собой и недружелюбным хозяином дистанцию. Нэсс впервые за время разговора понимающе улыбнулся и воткнул колун в колоду. Провел рукой по соломенным волосам.

Напряжение немного спало.

В этот момент на крыльце появилась высокая молодая женщина. Светлые, почти белые волосы стянуты в тугую косу, длинная черная юбка, льняная рубаха. Она увидела незнакомцев, и в синих глазах сверкнул гнев, а тонкие губы сжались в прямую линию. Тень набежала на ее лицо, и Кнут помимо воли потянулся к кошельку. Там у него лежал благословленный жрецом Мелота талисман. Он знал, что амулет против нее не поможет, но глупое суеверие оказалось сильнее его. Лишь в самый последний момент одернул себя, убрал руку.

Теперь ему приходилось не упускать из виду и мужчину и женщину.

– Доброго дня, Лаэн.

Она проигнорировала приветствие. Посмотрела на мужа. Тот ответил ей тем же. Казалось, что они разговаривают мысленно. Лаэн развернулась и вошла в дом. Перед тем как закрыть за собой дверь, бросила на незваных гостей предупреждающий взгляд.

Гнус облегченно перевел дух. Все время, пока женщина находилась на крыльце, он не дышал.

– Кажется, раньше вы работали втроем? – спросил у Кнута Нэсс.

– Работали. – Командир скорчил кислую мину, показывая, как он счастлив тому обстоятельству, что ему всучили четвертого.

– Ладно, говори, зачем пришел. – Хозяин надел рубаху.

– Молс шлет тебе привет.

– Никогда не поверю, что он заставил тебя проделать весь путь ради одного привет.

Кнут поморщился:

– Не только ради этого. Он просил передать, что за твою голову дают пять тысяч соренов. И столько же за Лаэн.

Плотник остался невозмутим:

– Неужели ты огорчишь меня и скажешь, что Молс нуждается в деньгах?

– Нет, он просто хотел тебя предупредить. В память о старой дружбе.

– Очень мило с его стороны. Как он меня нашел?

– Откуда мне знать? Ему на ушко пташки щебечут. Мне сказали – я сделал, и только-то. Предложение поступило недели две назад. Прошел слух, что ты жив. Доказательства явно были серьезными, раз из тебя хотят

сделать трофеей. Согласись, за такие деньги дураки найдутся.

– О да. Что в нашем мире никогда не переводится, так это дураки. Гнус, расслабься и убери руку с ножа.

– Прости, привычка, – поспешно извинился тот и в доказательство мирных намерений даже отошел к воротам.

– Слушок о таких деньжищах, как ты понимаешь, не остался незамеченным. Ваши жизни под угрозой.

– Что еще хотел передать мой старый друг?

– Всего ничего. Цену назвал Йох Трехпалый.

В серых глазах вспыхнуло пламя. И тут же погасло.

– Что же. Спасибо за новости. Передавай Молсу мою благодарность.

– Вообще-то он очень рассчитывал, что ты передашь ее лично.

– Я не настолько соскучился по Альсгаре, чтобы возвращаться.

– Здесь опасно – любая крыса вас знает. Не спрячетесь. Мы остановились в трактире. Будем дней пять-шесть. Если передумаешь, дай нам знать.

– Почетный эскорт?

– Вроде того. Бывай.

Кнут, не говоря больше ни слова, пошел к воротам. Последним выходил Гнус. Что характерно – пяťсясь.

Глава 2

Я не стал их провожать. Слишком много чести. Остался на крыльце, наблюдая за тем, как недомерок закрывает за собой калитку. Этот парень – та еще мерзость. В старые добрые времена в Альсгаре мы столкнулись с ним на узкой дорожке. В тот раз сойти с нее пришлось Гнусу. Но это не означало, что он признал мое право брать лучшие заказы. Отнюдь. Всего лишь вынужденное и временное отступление. И сейчас, спустя годы, от него можно ожидать любых неприятностей. Я не стану поворачиваться к нему спиной.

Неожиданное появление «товарищей» по бывшему делу произвело на меня впечатление. Забери их Проклятые! У меня до сих пор не укладывалось в голове, как нас смогли найти. Пять лет переездов с места на место, и все впустую!

Мы нигде подолгу не задерживались, старались не заводить не то что друзей, даже знакомых. Вели себя тише воды, ниже травы. Я и Лаэн знали: несмотря на то, что для всех мы давно мертвы, нас продолжают искать. Особенно искали в первые два года.

Мы благополучно избежали неожиданных облав. Тогда по множеству примет стражники, солдаты Наместника и люди Ходящих искали мужчину и женщину. Дважды нас едва не взяли, и дважды мы сухими выходили из воды. Потом, когда уже все успокоилось, мы все равно продолжали осторожничать. Так прошло еще три года. Затем, уверившись, что о нас все забыли, я привез Лаэн на самые задворки Империи. На юг. За страну болот блазгов. В леса.

В деревне мы провели два спокойных и счастливых года. Жизнь в глуши особого удовольствия ни жене, ни мне не доставляла, но приходилось тянуть время, выжидать, а затем попытаться вернуться к морю и сесть на какой-нибудь корабль. Уплыть куда подальше.

И вот в тот момент, когда я начал считать дни до отъезда, в наш дом бесцеремонно вваливается прошлое, от которого мы так долго и успешно бегали. Уму непостижимо, как нас смогли найти после тех заячьих петель, что были накручены за это время.

Смешно!

То, что не смогли сделать шпионы Ходящих, без труда провернул старина Молс. Как? Как?! Как, побери меня Бездна, он смог нас отыскать?!

Дверь распахнулась, и Лаэн села рядом. Какое-то время мы молчали.

Слышали, как приятели Кнута залезают на лошадей и отъезжают от дома.

– Что думаешь? – спросил я у жены.

– Правду говорят – как не беги от прошлого, оно рано или поздно тебя догонит. У нас в запасе неделя, не больше. Потом здесь станет слишком опасно.

– Жаль, что придется все оставить. Дом хороший.

Мне и в самом деле было не по себе. Забавно. Все время мечтал уехать из этой дыры, а как настало время делать ноги, жалко бросать. Жилье как-никак построено моими руками.

– За эти годы ты успел стать настоящим домоседом, дорогой, – усмехнулась она. – Раньше ты им не был.

– Ты тоже была другой, – я скопировал ее усмешку. – Пришло времечко отправляться в дорогу.

– Молс может врать. Он давно хочет отправить Трехпалого в Счастливые сады. А тут мы так удачно подвернулись. В любом случае нам придется убрать заказчика. Молс именно на это и рассчитывает. Кнут не зря сказал, что он ждет личной благодарности.

– Убрать Йоха придется, это правда. Но вот поможет ли это нам? Если те, кто нас искал, сели на хвост, все впустую. Нам не дадут спокойно жить.

Лаэн нахмурилась и положила голову мне на плечо. Мое солнце понимала, о ком идет речь и кто еще может нас искать. Те самые люди, из-за которых нам пришлось инсценировать свою смерть и навсегда покинуть Альсгару семь лет назад...

...Снег шел второй день. С низких серых небес безостановочно падали крупные белые хлопья. Они оседали на мостовых, площадях, деревьях, сторожевых башнях, рыночных палатках, красных черепичных крышах, шпилях храмов Мелота и шапках прохожих. Альсгара Зеленая, как называли столицу южной провинции Империи, превратилась в Альсгару Белую.

Больше всего свежему снегу радовалась детвора. Всем остальным он доставлял лишь неудобства. На дворе начало весны, а снег валит, словно во время праздника Лун^[9]. До чего же мерзкая погода!

Я выругался про себя и потер руки в перчатках. Пальцы начинали коченеть. На чердаке, где я маялся вот уже третий нар, властвовал холод. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Окно давно выбито, и сюда задувал ледяной ветер. К этой неприятности добавлялось еще одно неудобство – темнота. Скудный свет, струящийся с вечерней улицы, нисколько не помогал. А свечу я зажечь не рискнул. Конечно, шанс, что

огонек увидят прохожие, невелик, но рисковать не стоит.

Проклятье! Ну и холод! Я стал усиленно тереть руки, пока в кончики пальцев вновь не вернулось тепло. Хорошо, что это не лютая зима. Иначе я бы уже давно околел.

Я осторожно выглянул на улицу. Опять выругался. Еще полнара, и окончательно стемнеет, а цели до сих пор нет. Опаздывает на нар. Дважды ударил колокол на Надвратной башне Высокого города^[10]. Девять наров. Проклятье! Ну где же она? Где?! Я поймал себя на том, что нервничаю.

Немудрено. Куш, который нам с Лаэн отвалили, был немаленьким. Пятнадцать тысяч соренов золотыми имперскими – сумма сумасшедшая. Никогда ни за чью голову не давали таких денег. Даже за Наместника. Так что заказ стоил всех возможных последствий. Мы решили рискнуть.

Да. С нынешней работой придется завязать и навсегда исчезнуть, но с такими деньгами (кстати говоря, выплаченными вперед) и море по колено.

Когда я рассказал Лаэн о предложении, поступившем от неизвестного заказчика, она не стала меня разубеждать бросить это рискованное занятие. Понимала, что я уже попался на крючок. Выслушала молча. Молча встала и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вернулась лишь через нар. Я не знал, где она была все это время. По покрасневшим глазам видел, что плакала, но спрашивать ничего не стал. Она не любила, чтобы кто-то видел ее слабость. Так что пришлось сделать вид, что я ничего не заметил.

Лаэн села за стол, взяла меня за руку и кивнула. Мое солнце все еще была со мной. А это означало, что мы беремся за дело. Без ее участия заказ не стоил выеденного яйца блазга – вынесут вперед ногами.

Обзор с чердака оказался ужасный. Не видно подходов и отходов. Лишь небольшое пространство перед выходом на площадь и то, что находилось непосредственно под окном. Я знал, что стрелять придется из крайне неудобного положения. Цель будет на виду всего ничего.

Любой, хоть немного понимающий в стрельбе из лука, скажет, что устраивать «гнездо» на таком месте – глупо. Именно поэтому я и выбрал его. Когда начнется переполох, все внимание охраны обратится на колокольню и стоящий напротив нее дом богатого вельможи – там можно устроить отличные засады. И очень удобные. Но сидеть в подобных «секретах» не стоит, иначе после выстрела можно будет уйти только в одном направлении – на кладбище. А я считал, что туда мне отправляться еще рано.

«Нэсс?»

Лаэн «молчала» уже больше нара, и прозвучавший в голове голос заставил меня вздрогнуть.

«Здесь», – мысленно ответил я ей.

«Цели нет. Я волнуюсь. Если не появится в ближайшие пятнадцать минок, придется уходить».

«Понял».

Я скрипнул зубами от досады. Она права. В темноте шанс промахнуться слишком велик. А мазать нельзя. Нужен точный выстрел. Один. На второй просто не будет времени.

Тепло ласковым ручейком пробежало по позвоночнику, и я расслабил напряженные мышцы. Благодарно выдохнул. Прислонился к стене. Находящаяся на другом конце улицы напарница знала, когда прийти на помощь.

Лаэн обладала Даром, хотя не была ни Огоньком, ни Ходящей. Она умела разговаривать на расстоянии с любым человеком. Впрочем, этим ее способности не ограничивались, но о большинстве других талантов Ласки не знал никто, кроме меня.

Как она сумела разжечь «искру» без помощи Ходящих – я не понимал. И не хотел расспрашивать о ее прошлом, а она никогда не заводила такие разговоры. Возможно, оно было слишком темным, поэтому не стоило лезть в ее душу. Положа руку на сердце, мне было все равно, кем она была раньше. Я просто поставил себя перед свершившимся фактом – Лаэн владеет Даром, и точка. Я знал, что люблю ее и могу ей доверять. Мы были не только друзьями и напарниками, но и семьей. О последнем никто, кроме Молса, не догадывался. Но тот ни о чем не спрашивал, в чужие дела не лез. «Есть! Вижу ее. Приготовься».

Я, не суетясь, снял теплые перчатки, убрал их за пояс. Надел те, что для стрельбы. Затем взял в руки стовосьмидесятифунтовый^[11] лук. Уперев нижний рог в землю, надавил на верхний и, задержав дыхание, с усилием натянул тетиву. Я пристреливал это чудовище больше недели и без труда пробивал дубовую доску на расстоянии двухсот ярдов. Жаль, что придется его бросить. Но после убийства выходить с этим на улицу – вселенская глупость.

«Готов».

«Идут по улице. Быстро. Будут у тебя через минку».

«Понял».

«По моему знаку...»

Я кивнул и только потом понял, что Лаэн не может меня видеть.

«С ней шестеро. Два Огонька и четверо гвардейцев. У двоих арбалеты».

«Меня больше волнуют Огоньки».

Вновь горячая волна.

«Не беспокойся. О них позабочусь я».

Я хмыкнул. Лаэн должна сделать самое сложное – ошеломить двух ведьм, снять защиту, создаваемую ими над целью. Ненадолго. Всего лишь на три, быть может, четыре уны. Этого времени должно хватить на выстрел.

Внезапно падающие снежинки закрутило. Спустя мгновение их скорость и направление стали другими. Северо-западный ветер сменился северным. Плохо.

«Ветер изменился. – Лаэн также не забывала следить за обстановкой. – Северо-запад. Порывы. Четверть пальца».

Четверть пальца. Еще хуже. Придется брать упреждение и молиться Мелоту, чтобы во время выстрела капризная стихия не взбрыкнула. Хорошо, хоть лук не слабый да стрела тяжелая.

«Вижу. Знаю. Спасибо».

«Двадцать ун. Они возле дома казначея. Идут к тебе».

Я постарался выровнять дыхание. Вдох, выдох. Это обычный выстрел. Ничего более. Я стреляю из лука, сколько себя помню. Я прошел войну в Сандоне. А на войне все гораздо сложнее. Тут никто не бежит на тебя с мечом. Надо всего лишь увидеть, прицелиться и сделать то, за что нам заплатили.

Взяв лежавшую на полу стрелу с белым, сделанным из неизвестного мне материала наконечником, быстро проверил оперение. Не повреждено ли?

Стрелу передал человек заказчика вместе с вознаграждением. Когда Лаэн ее увидела, то наотрез отказалась брать в руки. Сказала лишь, что подобная штука создана для того, чтобы убивать в людях основу их Дара, гасить «искру» и уничтожать саму душу волшебника. Поначалу я отнесся к подобному «гостинцу» с предубеждением. Но использование странной стрелы – было одним из жестких условий заказа. Пришлось поскрипеть зубами и согласиться. Но я до сих пор не знал, как она поведет себя в полете.

«Встречаемся в Гавани^[12], где договорились. Если не приду через нар – уходи без меня».

«Ты прекрасно знаешь, что без тебя я никуда не уйду!»

Мы собирались покинуть город не так, как это запланировал заказчик. Слишком велик шанс, что он (или она) решит избавиться от исполнителей. Лаэн разработала собственный план и теперь собиралась проверить его в деле. Никто, кроме меня и ее, не знал о том, куда мы направимся после

задания. Для всех Серый и Ласка исчезнут. Умрут.

Я положил стрелу на тетиву и уже не отрывал глаз от заснеженной улицы. Полумрак. Идиоты-фонарщики опять запаздывают. Проклятье! Именно сейчас мне нужен свет!

«Все еще северо-западный. Полпальца. Через минку изменится на северный».

«Запомнил».

«Удачи. Вот они!»

И тут я их увидел. Группа людей быстро шла в сторону Крестцовой площади. Впереди два гвардейца, за ними женщина. Потом еще две. Шествие замыкала пара солдат.

Края наконечника стрелы неожиданно замерцали лиловым. Я едва не отбросил ее в сторону.

«Лаэн! Стрела светится!»

«Не беспокойся. Она ощущает „искру“ цели. Сто пять ярдов».

Не беспокойся? Если кто-нибудь из них догадается поднять голову и посмотреть в мою сторону, можно забыть об удаче.

«Какая из них? Та, что первая?»

«Девяносто пять ярдов. Нет. Вторая слева».

«Уверена?»

«Да. Слушай меня. Соболиная шуба. Девяносто. Как только скажу...»

Я видел маленькую женскую фигурку в соболиной шубе. Сейчас они подошли на минимальное расстояние, но я не стрелял. Плохой угол. Спусти уну вторая женщина закрыла собой жертву.

«Девяносто пять... Сто... Сто пять...»

Она уходила от меня все дальше и дальше. Еще ун двадцать, и соседний дом полностью перекроет обзор.

«Северный. Четверть пальца. Навстречу тебе едет фургон. Через восемь ун закроет цель. Жди. Сто десять...»

Я видел удалявшуюся спину. Но вполне доверял чутью Лаэн. Вот и фургон. Миг – и он проехал дальше.

«Сто пятнадцать... Давай!»

Недели тренировок не прошли даром. Я действовал, не думая. Вскинул лук, натянул «на разрыв»^[13], выстрелил.

Танг!

Я тут же отскочил от окна к стене, успев заметить, что устремившаяся к цели стрела оставляет за собой лиловый след.

Лаэн действовала одновременно со мной. Конечно же, я ничего не почувствовал, но знал, что защита ничего не подозревающих Огоньков

оказалась смята.

Хлоп!

Улица на мгновение осветилась лиловым. Стрела нашла свою цель.

Бах! Бах! Бах!

Грохот снаружи известил о том, что Огоньки пришли в себя и ударили вслепую. Лаэн молчала, опасаясь, что теперь-то волшебницы смогут услышать наш «разговор». Очень надеюсь, что мое солнце уже ушла.

Я бросил лук и, на ходу снимая перчатки, покинул чердак. По шаткой лестнице спустился до второго этажа. Отпер дверь, вошел в загодя снятую комнату, быстро переоделся в лежащее на свежем хлебе платье подмастерья пекаря. Не забыл добавить на одежду и руки муки.

На ходу откусил от булки и, жуя, открыл окно, ведущее на задний двор. Примерившись, перепрыгнул на сарай. С него – прямо в высокий сугроб. Встал. Огляделся.

Пусто. Подбежал к низкому забору, без труда перемахнул через него и подворотнями вышел на узенькую улочку. А затем, никуда не торопясь, пошел прочь. С улицы Рукавиц доносились приглушенные расстоянием крики.

Отсюда было видно лишь возвышавшуюся колокольню. А точнее то, что от нее осталось. Озверевшие Огоньки, недолго думая, жахнули магией по верхним этажам ближайших строений, надеясь задеть убийцу.

Что же. Не зря я «свил гнездо» в менее заметном месте, иначе бы меня просто расплющило. Пока поймут что да как, мы с Лаэн будем уже далеко, а наши (якобы) трупы обнаружат полностью обгоревшими в старой берлоге Йуолы и Ктатака. Надеюсь, друзья простят, что мы сожгли один из их сараев.

Я быстрым шагом направился в ночь...

– Буду собираться. – Лаэн вздохнула и встала с крыльца.

Я потрянул головой, прогоняя воспоминания. Семь лет прошло, а помню все, словно это было вчера.

– Да. Ты права. К завтрашнему вечеру желательно покинуть деревню. Я не смогу забрать деньги.

– Я схожу. Но только завтра.

– Одна? Уверена, что справишься?

– Вполне. Кнуту сообщать будем?

Кнут, может, и неплохой человек, но слишком сближаться с ним не стоит.

– Нет.

Я хмурился. Идея ее похода в лес в одиночку не очень нравилась. Но деньги взять может только она. Это правда.

– А если он узнает и решит составить нам компанию?

Я просчитал варианты и произнес:

– Лучше бы ему не узнать.

Лаэн жестко усмехнулась и ушла в дом.

Глава 3

Га-нор наклонился к уху командира и едва слышно прошептал:

– Не нравится мне это.

Лохматый Да-тур ничего не ответил. Вместо него подала голос молчунья Та-ана:

– За все время, что мы здесь торчим, ни один из шестерых не пошевелился. Крепко же они спят!

Невысокая северянка была права. Спали горцы на удивление крепко.

Дети Ирбиса^[14] притаились на невысоком скалистом выступе. Внизу горел маленький костер, у которого, завернувшись в рваные одеяла, лежали враги. Осторожные горцы обычно всегда выставляли стражу, но сейчас она отсутствовала. И это не нравилось следопыту отряда. Можно предположить, что Га-нор не заметил секрета, но командир рыжеволосых воинов скорее отрубил бы себе руку, чем поверил в то, что его кровный брат пропустил опасность.

Неизвестность выводила из себя. Да-тур в который раз подумал, что их поход был проклят. А ведь поначалу ничто не предвещало беды! Несущие службу у Врат Шести Башен северяне знали ущелья и тропы Самшитовых гор, как свои пять пальцев. В землях Империи не найти лучших разведчиков, чем они. Ни один вражеский отряд не мог незамеченным проскользнуть через перевалы, если их стерегли Дети Ирбиса.

Когда десяток Да-тура вышел из Врат Шести Башен, никто не рассчитывал на неприятности. Все было тихо, пока отряд не спустился в долины за основной грядой. Здесь каждый поселок, каждая пядь земли кишели набаторскими солдатами. А затем Та-ана заметила среди врагов белую мантию сдисца. Разведчики, не мешкая, бросились в обратный путь. Следовало немедленно сообщить об увиденном коменданту Врат.

На обратном пути, в одном из угрюмых ущелий на них напал горный гов. Они глупо попались. Старую дозорную башню, оставленную имперскими солдатами еще во время Войны Некромантов^[15], следовало обойти кругом. Северяне поторопились, решили срезать путь и пошли напрямик. Вот и нарвались на выбравшуюся из летней спячки голодную тварь. Выжило только трое. Да-тур, Га-нор и Та-ана. Семь Детей Ирбиса навсегда остались в узком ущелье.

Га-нор – высокий, рыжеусый и загорелый – приподнялся на локтях, посмотрел вниз. Нахмурил кустистые брови. Все же странно, что горцы не

озаботились выставить охрану.

Ни движения, ни звука. Ничего, кроме далекого мерного гула – горная река гремит на перекатах. Нет никаких поводов для тревоги. Если это засада, то очень умелая. А умелые засады не входят в достоинства нетерпеливых горцев. Во всяком случае, так долго пролежать неподвижно чусы никогда не могли, если только они не были мертвецами...

И внезапно Да-тур понял.

– Клянусь шкурой ледяного демона! Они же мертвы! – ошеломленно сказал он.

– Давайте уйдем, – прошептала Та-ана и сама себе удивилась. Она никогда не боялась мертвецов, но все, что сейчас происходило, выглядело странным. – Не стоит беспокоить их души.

Га-нор мрачно кивнул и поддержал лучницу:

– До рассвета далеко. Мы успеем много пройти.

Да-тур тихо встал, прошел по скалистому карнизу с десятков ярдов, удалившись как можно дальше от костра, и спрыгнул вниз. За ним последовали его товарищи. То и дело оглядываясь, они поспешили прочь.

На западном склоне двуглавой горы внезапно полыхнул зеленый светлячок. Он превратился в огненный шар, по крутой дуге взлетел в небо, завис в наивысшей точке, а затем рухнул туда, где остались тела чусов^[16]. Достигнув земли, шар бесшумно лопнул, разбрызгивая во все стороны изумрудное пламя.

– Сдисский колдун!

Это была засада, и ждали именно их. Вероятно, Белый, которого Та-ана видела вместе с набаторскими солдатами, заметил чужаков и решил остановить. К чему раньше времени тревожить гарнизон Башен?

– Уходим. Быстро!

Да-тур нутром чувствовал разливавшуюся по ущелью опасность. Он очень надеялся, что расставленная ловушка еще не захлопнулась и есть шанс ускользнуть из цепких пальцев некроманта.

– Берегись! Сзади! – крикнула стоявшая на карнизе лучница.

Командир отряда обернулся и отпрыгнул. Крепко выругался. Лежавшие вокруг костра мертвецы вставали с земли, Га-нор выхватил из-за спины меч. Эти создания оказались на удивление проворны. Северяне едва успели подготовиться к встрече.

Двое надели на Да-тура, еще один – на рыжеусого, а последний, четвертый, бодрой рысью направился к Та-ане. Женщина выпустила в лицо порождению магии стрелу, но безрезультатно.

Освещенные лунным светом искаженные лица, оскаленные зубы и

горящие зеленым огнем глаза могли напугать кого угодно. Да-тур пронзил грудь одного из чусов, но это не произвело на противника ни малейшего впечатления. Подоспел Га-нор, уже успевший расправиться со своим врагом.

– Голову руби! – рявкнул следопыт, ловко подсекая ближайшему мертвяку ноги.

Командир крутанулся, снес слуге сдисца половину черепа и бросился на подмогу к девушке. Спустя минку все было кончено.

Двое мужчин тяжело дышали, Та-ана дрожащими руками вырезала из успокоившегося трупа стрелы. Да-тур взял низкорослую лучницу за шкурку, без труда поднял ее с колен и поставил на ноги:

– К Угу стрелы! Постараемся выйти из ущелья и затеряться в горах.

Они неслись вдоль ручья. По мокрым камням, едва касаясь земли. Ущелье превратилось в узкий каньон, скалы закрыли собой небо. Луну заслонили облака, и бежать приходилось при свете звезд. В темноте слышалось тяжелое дыхание воинов, звон ручья и все усиливающийся грохот безымянной реки. Да-тур скомандовал привал. Га-нор тут же упал и приложил ухо к земле.

– Никого, – наконец выдохнул следопыт, вставая с камней. – Нас загоняют в ловушку, брат. Отсюда не выберешься.

Он был прав. По таким отвесным скалам заберется разве что мангуст. Если вход и выход из каньона перекроют, им не вырваться.

– Добраться бы до реки... – с надеждой протянула Та-ана. – По воде уйдем.

– Должны добраться, – решительно сверкнул глазами Да-тур.

Течение у берега оказалось сильным, и из воды они выходили с трудом. Плавать в темноте по быстрой, ледяной горной реке отваживались или самоубийцы, или Дети Ирбиса. Первые разбивали головы на перекатах, вторые выживали. Воины плыли больше полунара и благодаря скорости течения оставили опасность далеко позади.

Они попадали на камни, переводя дух. Впрочем, Та-ана тут же села на корточки и отжала волосы. Затем натянула на тисовый лук новую, сухую тетиву, раскрыла футляр из кожи и развернула промасленную бумагу, в которой хранились стрелы. Лучница понимала, что без лука ей и ее товарищам придется совсем худо.

Га-нор во время плавания наглотался воды и теперь кашлял.

Ветер разогнал облака, вновь появилась луна, и северяне увидели белесые и величественные руины древнего города. Люди покинули горную столицу бывшей имперской провинции, когда началась Война

Некромантов. С тех пор минуло больше пятисот лет. В Герку – город Тысячи колонн, как называли его путешественники, так никто никогда и не вернулся. Столетия превратили бывшую жемчужину высокогорья в мертвое королевство холодного ветра. Он каждый вечер спускался сюда с покрытых снегом вершин и тоскливо завывал в руинах древних зданий. Это место называли городом призраков. Горцы обходили его стороной и не решались останавливаться на ночевку, если между ними и белыми стенами было расстояние меньше дневного перехода.

Но северянам сейчас было не до суеверий. Путь через Герку в пять раз короче других дорог. На южной оконечности города начиналась тропинка, ведущая на перевал, а там уж и до Врат рукой подать.

Они прошли через высокую арку того, что было раньше главными воротами, и оказались на широкой улице. Куда ни кинь взгляд – разрушенные дома и тысячи мраморных колонн, уходящих в небо. Лунный свет искрился на них, оживлял, заставлял казаться ослепительно прекрасными, как в те годы, когда здесь кипела жизнь. Серебристо-синие просветы пустой улицы, тяжелые тени старых строений, истрескавшаяся от времени каменная мостовая и почти невидимая глазу голубоватая дымка зарождающегося тумана...

Герка безучастно смотрела на чужаков темными провалами домов. Ей было все равно, кто и зачем пришел к ней. Лишь с ветром она пела свои песни. Ветер был ее вечным другом, а люди всегда уходили и предавали. Она не желала мстить им за предательство и хотела лишь одного – чтобы ее оставили в покое. Поэтому некогда великий город пропустил троих воинов с далекого севера и не причинил им вреда.

Точно так же он поступил с теми, кто пришел следом за рыжими.

Тропка шла по краю обрыва. Слева от нее – базальтовая стена. Справа – пропасть. Разведчики поднимались уже больше нара, и долина, в которой находился город Тысячи колонн, осталась далеко внизу. Да-тур то и дело бросал взгляд на тускнеющие звезды. Рассвет дышал им в спину. К этому времени следует добраться до перевала, а еще лучше – миновать его.

Неприветливый, резкий, ледяной ветер, снег на тропинке. Перевал, вот он уже, рукой подать. Ночь забрала все силы, они устали, но продолжали упорно двигаться вперед. Га-нор несколько раз останавливался и смотрел назад. Он все еще не верил, что удалось обмануть некроманта.

Впереди, на тропе появился человек. На фоне быстро светлеющего неба и белых пятен снега был виден только его силуэт – высокий, массивный, широкоплечий. Он шел со стороны перевала. Не торопясь, вразвалочку, словно гуляя.

Та-ана вышла вперед. Прицелилась.

– Забери меня снежные говы! Кто это? – Лучница нервничала и кусала потрескавшиеся губы.

– Не знаю, – напряженно ответил Да-тур. – Никого, кроме слуг Белого, здесь быть не может. В ногу.

Женщина хищно улыбнулась и натянула тетиву. Незнакомцу осталось всего ничего. Га-нор напряг зрение и увидел, что все тело человека закрыто чешуйчатым доспехом.

– Не стреляй! «Рыба»! – гаркнул он в тот момент, когда Та-ана отправила стрелу в полет.

Грохнуло так, что заложило уши.

Чужак лопнул, словно перезрелый плод. Теплый удар смрадного воздуха сбросил не удержавшегося Га-нора в пропасть. Та-ане тоже не повезло. Как только «рыба» взорвалась, во все стороны разлетелись сотни острых металлических чешуек. Целый десяток их изрешетил женщину, убив ее на месте.

Да-тур стоял у стены и только поэтому не свалился вниз. Одна из чешуек едва не угодила ему в голову, другая оставила глубокую царапину на предплечье. В воздухе пахло горелым мясом, волосами и чем-то еще. Станным. Отталкивающим.

На шатающихся ногах северянин подошел к Та-ане и упал перед ней на колени. Его мутило, кровь текла по руке. Голова трещала. Кругом валялись ошметки мяса того, кто совсем недавно был живой смертью.

Уже светало, а он все еще стоял над телом женщины. Наконец очнулся, сорвал с шеи клановый платок, перетянул им рану на руке. Воткнул меч в землю, опираясь на него, рывком поднялся на ноги и... нос к носу столкнулся с тремя мортами.

Ужасно худые создания, с длинными руками и ногами, тонкими шеями и блестящими черепами. Лоснящаяся эбеновая кожа плотно обтягивала выпирающие кости. Янтарные глаза на фоне темных провалов отрубленных носов казались огненными. Никаких доспехов. В руках мечи-скимы. Телохранители некроманта пришли за добычей.

Да-тур взревел, поднял клинок, рассчитывая дорого продать жизнь. Тропка была так узка, что враги могли нападать лишь поодиночке. Это давало шанс если не выжить, то продержаться как можно дольше.

С первым из противников, несмотря на его мастерство, рыжий справился быстро, попросту улучив момент и сбросив его в пропасть. Затем он ринулся вперед, нанося удары наотмашь, вынуждая врагов пятиться.

Откуда-то снизу прилетел уже знакомый зеленый шар и разорвался за спиной. Колдун находился внизу, в долине, возле самого выхода из Герки, чтобы добраться до сына Ирбиса, ему потребуется много времени. К этому моменту Да-тур или победит или проиграет.

Морт атаковал в шею, скрестив клинки, словно ножницы, но человек присел и пронзил проклятую тварь насквозь. Ударил ногой, освободил клинок и... захлебываясь кровью, упал на бок.

Поначалу он не понял, что случилось. Постарался встать. Не вышло. Ноги отчего-то не слушались. Над ним стояла Та-ана. Ее глаза пылали зеленым.

Когда они наткнулись на «рыбу», Га-нор стоял к краю пропасти ближе всех. Это обстоятельство его и спасло. Во время взрыва северянин свалился вниз и тем самым избежал участи быть по уши наспигованным стальной чешуей.

Падал он недолго. Путь в бездну прервался из-за очень кстати подвернувшегося куста горного ошена^[17]. Густые цепкие ветви деревца, вбившего корни прямо в скалу, приняли на себя удар человеческого тела и сломались. Но сына Ирбиса спасли. В двух ярдах ниже ошена располагался узкий карниз. Именно на него и угодил Га-нор. Падение с такой высоты на твердую поверхность должно было сломать человеку кости, но благодаря деревцу он лишь потерял сознание.

Следопыт очнулся, едва слышно застонал. Открыл глаза, полежал, стараясь понять, где находится. Солнце стояло в зените. Прошло довольно много времени с тех пор, как они наскочили на «рыбу». Воспоминание о твари колдуна заставило его осторожно пошевелить руками и ногами, стараясь понять, целы ли они. По всему выходило – да.

На то, чтобы оценить, куда он попал, времени много не понадобилось. Га-нор искренне поблагодарил Уга за спасение жизни. Если бы не карниз, выбитый в скале ветром и дождями, падать северянину и падать. С такой высоты лежащий в долине город Тысячи колонн казался не больше ладони.

Га-нор внимательно изучил скалу и пришел к неутешительным выводам. Трещин, конечно, много, но пальцы туда не просунешь. Чуть выше растет ошен с обломанными ветвями. Если снять пояс, можно попытаться до него добраться. Но выдержат ли корни его вес? Вряд ли. Да и если даже он заберется, что дальше? До края все равно не достать.

С этого птичьего карниза деваться некуда. До верха не допрыгнуть, а отправляться вниз можно, только если хочешь покончить с жизнью. Так что смерть он встретит наедине с горным ветром, небом и голодом.

О том, что случилось с товарищами, следопыт старался не думать. Та-ана стояла ближе всех к «рыбе», ей вряд ли удалось выжить. Да-тур, если и остался цел, скорее всего, посчитал соплеменника погибшим. Если так, то теперь кровный брат уже за перевалом, на пути к Вратам Шести Башен.

Во время падения Га-нор потерял меч, и у него остался только кинжал. Будь их два, северянин, не раздумывая, начал бы штурмовать стену. Он раньше проделывал подобный трюк, а однажды на спор забрался по отвесной стене, прилегающей к башне Дождя. Но с одним кинжалом нечего и мечтать о том, чтобы оказаться наверху. Уж проще отрастить крылья.

Весь день прошел в безуспешных попытках найти выход из ловушки. Га-нор метался от края до края площадки, ругался, но все было без толку. Проклятия и молитвы не помогали.

К вечеру, когда до захода солнца оставалось не больше нара, следопыт сидел, прислонившись к стене, и, подбирая лежащие вокруг камешки, бросал их в пропасть. Понимая безнадежность ситуации, отстраненно подсчитывал дни, выделенные ему Угом для жизни. Выходило, прежде чем сдохнуть от голода, придется порядком помучаться. Крайне безрадостная перспектива.

Эмоции требовали выхода, и северянин выругался. Громко. Как и следовало ожидать – ничего не случилось. Затем ему на голову и за шиворот посыпались пыль и мелкая каменная крошка. Га-нор вскочил, испугавшись возможного камнепада. Но ничего подобного не произошло. Невольный пленник напряженно вглядывался вверх и наконец увидел то, что хотел. Вновь посыпалась крошка, затем упало несколько камешков. Все говорило о том, что там кто-то ходит. Сейчас сыну Ирбиса было все равно кто это – друг или враг. Сорок лет это не тот возраст, чтобы подышать, словно угодившая в капкан ледяная белка. Уж лучше умереть от вражеского оружия и отправиться на праздник к Угу, чем превратиться в бледного призрака.

– Эй!!! – заорал он что было сил. – Эй!!! Я здесь!!! Внизу!!!

Поначалу никто не откликнулся. А затем он увидел, что сверху на него неотрывно смотрит человек. Привлеченный криками, неизвестный лежал на краю обрыва, заглядывая вниз. Га-нор вновь хотел заорать, теперь уже от радости, но разглядел незнакомца, и крик застрял у него в горле. Это лицо он знал. Ни грязь, ни кровь не могли его изменить. Тяжелая челюсть, лохматые рыжие косы и шрам на лбу. Да-тур. А вот приподнятая верхняя губа, обнажавшая в оскале ровные белые зубы и зеленые глаза...

Тварь, раньше бывшая его кровным братом, неотрывно смотрела на человека. Не спуская взгляда с мертвеца, северянин потянулся к кинжалу, и

это послужило сигналом. Оживленный магией сдисца труп спрыгнул на Га-нора. Растопырив руки и ноги, он, словно паук, упал туда, где только что находился воин.

Звук, раздавшийся при ударе тела о камень, заставил содрогнуться привыкшего к смерти и крови сына Ирбиса, казалось, хруст костей должны были услышать даже в золотой Марке. Несмотря на торчащие сквозь одежду и плоть осколки сломанных ребер, раздробленные руки и вывихнутую под неестественным углом правую ногу, покойник пытался подняться.

Га-нор не мешкал. Выхватив кинжал, он оказался за спиной порождения сдисского колдуна и, вцепившись в окровавленные рыжие космы, оттянул голову мертвяка назад и быстрым движением вскрыл шею. Оружие с мерзким звуком скрипнуло по шейным позвонкам. Остановился следопыт только тогда, когда зеленый огонь в глазах Да-тура погас.

Тяжело дыша, он снял с дважды мертвого тела свой риз – широкий кинжал – и ногами спихнул труп в пропасть. Га-нор не собирался рисковать и оставлять это рядом с собой. Никаких сожалений сын Ирбиса не ощущал. Да-тур мертв, его дух в чертогах Уга, а то, что осталось в этом мире, всего лишь оболочка, находящаяся под властью сдисца.

Солнце почти достигло вершин, и длинные тени накрыли лежавшую внизу долину. Га-нор, не мешкая, начал подъем.

Все оказалось проще, чем он думал, и северянин без труда находил опору с помощью кинжалов. Прислонившись к скале, вбить в нее клинок, подтянуться на одной руке, всадить второй кинжал чуть выше, вновь подтянуться. И так раз за разом. Высоты сын Ирбиса не боялся и медленно, но верно приближался к спасительному краю. Когда до него оставалось не больше двух ярдов, следопыт остановился и позволил себе небольшой отдых. Верхний участок скалы был гораздо сложнее, чем весь пройденный путь. Трещин меньше. А тут еще и ветер проснулся, норовя сдуть человека в пропасть.

На самый верх скалолаз поднялся, когда стемнело. Помня о судьбе Да-тура, осторожно приподнял голову над краем. Дав глазам привыкнуть к темноте, внимательно изучил окрестности. Никого. Облегченно фыркнул, перевалился через край и тут же вскочил на ноги, угрожающе сжимая в каждой руке по клинку.

Ни мертвецов, ни сдисских колдунов. Пусто. Тихо. Тела Та-аны нет. Это настораживало. Следопыт напряженно всматривался во мрак, готовясь дать отпор, но никто не собирался нападать. Что бы ни случилось с лучницей – здесь ее не было.

Прямо у тропинки Га-нор увидел меч Да-тура. Он подхватил его и быстрым шагом, постоянно оглядываясь по сторонам, направился к перевалу. Сын Ирбиса все еще не терял надежды добраться до Башен и предупредить коменданта. Быть может, еще не поздно.

Перед Войной Некромантов земли Империи не заканчивались у Самшитовых гор, они простирались до самого Набатора. Все то, что сейчас называлось Приграничным краем, ранее было Империей. В долинах стояли города и деревни, через которые проходили торговые пути. Привычная жизнь рухнула, когда появились Проклятые. С тех пор эти земли и оставлены. Уж слишком мрачная слава о них ходила. Лишь горцы рисковали жить в угрюмых холодных долинах.

Люди ушли, но города, такие, как Герка, остались. Восемь Шпилей – сторожевые башни, которые создавал сам Скульптор, также оказались покинуты. Только девятая, прозванная башней Тревоги, использовалась армией Империи. Древние книги говорили о том, что Скульптор ваял башни в то же время, что и легендарные Врата. Уходящие на шестьдесят ярдов в высоту, сложенные из черного камня, с множеством бойниц, они простояли тысячу лет.

Но со стороны никогда не скажешь, что уцелевший Шпиль пережил множество войн. Он был точно таким же, как и в день завершения строительства. Казался хрупким и прекрасным, словно Скульптор был не человеком, а йе-арре. Некоторые считали, что легендарный мастер взял в руки потоки горного воздуха и сплел из него небесную красоту. А потом превратил воздух в камень.

В историях, которые рассказывали старики, говорилось, что до Войны Некромантов дозорные в башне без труда переговаривались с товарищами, находящимися в восьми других Шпилях. Может, в этих историях и была доля правды, но сейчас они казались сказкой. Также ходили слухи, что в ныне замурованном подвале спят Лепестки Пути. С их помощью солдаты могли мгновенно перемещаться в тот из Шпилей, где требовалась помощь. Но и это давно стало легендой. Ходящие больше не могли управлять Лепестками.

Скульптор создал башню Тревоги недалеко от дорог, ведущих к двум перевалам. Га-нор добрался до нее в середине дня. Следопыт издали заметил, что над скалой, за которой находилась башня, кружит с десяток стервятников. Сын Ирбиса остановился и нахмурился. Внимательному человеку такое скопище падальщиков говорило о многом.

Действительность оправдала его худшие опасения. Перед Шпилем

соорудили виселицу, на которой раскачивалось трое покойников в одежде имперских солдат. Всех остальных свалили у стены, даже не удосужившись похоронить. Отяжелевшие от свежего мяса стервятники, затевая драку за особо лакомый кусочек, противно орали.

В башне появились новые хозяева. Набаторцы. Га-нор спрятался за камни и стал наблюдать за врагами. Случившееся не укладывалось в голове. Выходило, что отряд противника безнаказанно проскочил через перевал и вырезал гарнизон. Последнее не удивляло. Это раньше здесь несли службу две отборные сотни, а теперь командор Врат отправлял сюда два десятка солдат. Да и то не всегда.

Годы долгого мира даруют ощущение безопасности. Как правило, ложное.

Вот и доигрались. Стражу застали врасплох. Те даже тревогу не успели поднять. У десятков воинов не было никаких шансов выстоять против почти сотни хорошо обученных черноволосых бойцов.

Набаторцы вели себя как дома и уже начали обживать Шпиль. Это означало только одно – они не ожидают со стороны Врат никакой угрозы. Что случилось с крепостью?

В догадках Га-нор перестал теряться, когда на южной дороге появились всадники. Северянин начал считать, но сбился на шестой сотне. Затем прошел большой отряд пикинеров и арбалетчиков. Судя по всему, под стенами цитадели собирали целую армию. Интересно, на что рассчитывает король Набатора? Врата не так просто взять.

В течение всего дня по тракту то и дело проходили отряды. Также Га-нор увидел шестерых сдисских колдунов и множество их прислужников. Медленно проковыляли два десятка «рыб», пробежало около восьми сотен мортвов. Двести вооруженных огромными мощными луками тварей, в которых он узнал Сжегших душу, проплыли над самой землей. Судя по увиденному, вечный враг Империи – Набаторское королевство заключило союз со Сдисом и скопило немалые силы.

Следопыт не представлял, что делать дальше. Остаться здесь – глупо. Рано или поздно его увидят. Бежать в горы и ждать, когда все закончится, – недостойно воина клана Ирбиса. Отправляться к Вратам? Самый безумный поступок из всех возможных. Он не прорвется через посты противника.

Так и не придя ни к какому решению, он остался на месте, решив до поры до времени не спешить.

К вечеру нахмурилось, похолодало, и тяжелые свинцовые тучи плотной пеленой окутали ущелье. А потом начался сильнейший ливень,

загнавший вражеских солдат в башню. Пирующие над трупами птицы с трудом поднялись в воздух. Печата шаг и увязая в жирной грязи, под рокот барабанов, под присмотром пяти Белых протопала сотня мертвецов. Затем дорога опустела.

Северянин начинал думать, что под прикрытием ненастья стоит рискнуть и попытаться добраться хотя бы до городка. Посмотреть, что там происходит, а уж затем решать, что делать дальше.

В этот момент из башни вышли двое. Закутавшись в плащи, они подхватили лопаты и направились в сторону затаившегося Га-нора. Тому ничего не оставалось делать, как постараться не привлекать к себе внимание. Последнее оказалось несложно. Когда лежишь по уши в грязи, увидеть тебя непросто.

Не дойдя до сына Ирбиса десяти шагов, люди начали рыть яму.

– Проклятый сержант! Сам-то задницу в тепле держит, а мы что?

– А мы, как всегда, крайние, – поддержал второй. – Удавил бы гада!

– Удавишь его, как же, – пробурчал первый. – Он нас всех переживет, сволочь. Пусть сам под дождь вылезает и копает могилы. А я не нанимался!

Он в раздражении воткнул лопату в землю и, бурча проклятия, подошел к тому месту, где прятался Га-нор. Встав над ним, начал развязывать завязки штанов. Сын Ирбиса, понимая, что сейчас окажется не только под дождем, но и под еще одной, гораздо более неприятной струей, встал во весь свой немаленький рост.

Набаторец решил, что из земли вылез демон, и от страха надул в так и не развязанные штаны. Северянин, не глядя, рубанул мечом, перепрыгнул через упавшее в грязь тело и бросился ко второму противнику.

Когда все было кончено, он кинул быстрый взгляд в сторону башни. Подхватив первый труп за ноги, отволоч подкрытие камней. Затем спрятал второго мертвеца. Теперь время шло на минки. Рано или поздно кто-нибудь вылезет под дождь, чтобы проверить, как идет работа у землекопов-могильщиков. До этого момента желательно убраться как можно дальше.

Второго набаторца он убил ударом рукояти меча в висок. Пачкать одежду кровью (особенно когда она тебе почти впору) неразумно. Рыжий воин быстро переоделся и спрятал лицо под капюшон плаща. Килт и клановый платок свернул и взял с собой.

Возле башни Тревоги располагался огороженный навес, под которым стояло четыре десятка лошадей. Три из них были оседланы. Взяв одну из них под уздцы, он вывел животину на тракт.

Непогода согнала набаторские патрули, так что никто не спешил

останавливать одинокого всадника. Через нар северянин увидел раскинувшийся перед Вратами городок и удивленно хмыкнул. Он ожидал наткнуться на пепелище и вражескую армию. Но город оказался не тронут, и тысяч людей и нелюдей словно здесь и не было.

Следопыт заставил перейти лошадь на шаг. Куда делась вражеская армия? Не могла же она раствориться в воздухе, если, конечно, этому не поспособствовали Ходящие.

Он медленно ехал по единственной городской улице, когда трое всадников появились из-за поворота и направились в его сторону. Га-нор остался невозмутим. Воины поравнялись с сыном Ирбиса, без всякого интереса скользнули взглядами по его плащу с эмблемой одного из набаторских отрядов и, так ничего и не сказав, проехали дальше.

Обошлось.

Крепость вынырнула из дождливой пелены внезапно. Четыре из шести башен оказались разрушены, а Створки распахнуты настежь. Га-нор до последнего момента не допускал даже мысли о том, что Врата пали. Он не представлял, как это могло случиться. Кто виноват в таком промахе?! Кто ответит за то, что враг вошел в земли Империи?!

– Эй, ты!

Разведчик натянул уздечку и обернулся. На дороге стояли двое с алебардами.

– Ты из башни?

Га-нор не стал отрицать и кивнул.

– С донесением капитану?

Вновь кивок. Один из набаторских солдат нахмурился:

– Что-то неразговорчив ты, приятель.

– Сам бы поговорил после нара скачки под таким дождем.

Га-нор постарался сгладить резкую «р», указывающую на его принадлежность к народу севера.

– Ладно. Проваливай.

Он поблагодарил Уга за то, что вояки не догадались заглянуть под капюшон. Попробуй объясни им наличие рыжих волос. В Набаторе, где все смуглые и чернявые, рыжина – редкость.

По уму следовало повернуть назад, пока не поздно. Горы большие, там вполне можно спрятаться. А еще лучше отправиться на запад. Рано или поздно он достигнет Золотой Марки, а там уж по морю доберется до Империи. Но... вот они, Створки. Еще пять минок и уже дома.

И Га-нор решился.

На воротах его попытались остановить, но он гикнул, ударил пятками

в лошадиные бока и, не слушая воплей, влетел во внутренний двор. Сшиб не успевшего отскочить олуха, рубанул мечом сунувшегося алебардщика и, выскочив со двора через ворота Наместника, оказался на земле Империи.

За спиной трубили рога.

Глава 4

Вжжжжиг... вжжжжиг... вжжжжиг.

Точильный камень, словно заговоренный, ползал по лезвию ножа. Кнут смотрел на ежедневный ритуал Гнуса без должного понимания. Считал, что подобное занятие себя не оправдывает, и низкорослый убийца лишь зря расходует силы и время.

– Тебе не надоело?

– А что? Думаешь, уже острый?

– Острый?! – возмутился Кнут. – Да ты всю дорогу от Альсары только этим и занимаешься. Скоро камни, как масло, начнешь резать.

– Разве это плохо? К тому же ты, как всегда, привираешь. Им даже бриться тяжело. Вот, смотри.

В доказательство Гнус попробовал кинжалом прядь собственных волос. Та мгновенно уменьшилась на дюйм.

– М-да, – протянул человечек, с огорчением поглядывая на свое отражение в клинке. – Кажется, и вправду, достаточно.

С улицы вошел Шен. Гнус, увидев его, заворчал и, немного подумав, вновь достал из-за пояса точильный камень. Нехорошо посматривая на молодого ставленника Молса, он, к вящему раздражению Кнута, вновь начал елозить ножом и противно вжикать.

– Где потерял Бамута?

– Он следит за нашим другом, пока Гнус занимается ерундой.

– Странно, что ты его оставил. Скучно стало, малыш? – спросил коротышка, и Кнут нахмурился.

Эти двое и не думают успокаиваться. Он старался не ставить их в пару, но теперь-то что делать? Разводить по разным концам деревни? Ай, спасибо, Молс! Удружил, ничего не скажешь!

– Хватит! – теряя терпение, зарычал Кнут. – Я вам вчера говорил: если решите пустить друг другу кровь – только после задания.

– Задание мы вроде выполнили вчера, – не спуская глас с Гнуса, процедил Шен.

– Это мне решать, что мы выполнили, а что нет. Гнус, поднимай задницу и топай к Бамуту. Считай, что началась твоя смена. А ты садись и жри.

– Вы меня невзлюбили с первого взгляда. Скажешь, не так? – произнес Шен, усаживаясь на лавку.

Кнут дождался, когда ему принесут шкаф, сделал глоток и только после этого ответил:

– Что же, парень, буду откровенным. Ты лишний в нашей сработанной тройке. Пятое колесо в телеге. Я не знаю, с какого ляду Молс тебя с нами отправил. И что хуже всего – я не знаю, каков ты в деле. На что мы можем рассчитывать и что от тебя ждать.

– А ты меня испытай, – потянулся голубоглазый.

– Делать мне нечего. До тех пор пока тебя нельзя будет проверить на задании, я, Гнус и даже добряк Бамут будем считать тебя обузой.

Шен нахмурился, затем расхохотался:

– Воля твоя! Если считаешь, что мне приятно находиться в вашей компании, то глубоко заблуждаешься. Шляться по периферии Империи, кормить комаров и общаться с угрюмыми старыми дураками – не большое удовольствие!

Кнут несколько не обиделся на «дураков».

– Да ты ученый, Шен. Слова-то какие знаешь. «Периферия»!

Тот, поняв, что сболтнул лишнее, громко фыркнул и занялся едой. Командир отряда насмешливо за ним наблюдал. Это не первая оговорка «малыша». Он и раньше вворачивал в речь крайне странные для выходца из городского дна словечки. Парень неплохо «играет», но опыта ему явно не хватает. Впрочем, у Молса наверняка была причина отправить Шена с ними.

– Не цапайся с Гнусом. Это мой тебе совет. Дружеский. И не корчи такую рожу, ты еще щенок, чтобы с ним тягаться. Гнус тебя прожует и выплюнет. Не лезь к нему, еще раз говорю.

– Да дался мне этот недомерок! – разрезая свиную колбасу, отозвался Шен. – Он мне даром не нужен. Лучше скажи, долго мы еще здесь будем торчать?

– Мы только вчера приехали, а ты уже соскучился по дому.

– Представь себе. Так сколько?

– Сейчас время работает не на нашего друга. Он не дурак, должен понимать, что если его смогли найти мы, то найдут и другие. День, может, два, и он с подружкой отправится в бега.

– И?..

– Как я уже говорил, Серый – умный парень. Понимает, что спрятаться будет тяжело. Когда за голову назначена такая награда, за тобой спустятся даже в Бездну. Можно оттянуть свидание со смертью, сбежав на край Обжитых земель. Можно забраться в болота блазгов, в гнезда йе-арре или леса Высокородных, но рано или поздно тебя найдут. Десять тысяч соренов

на дороге не валяются. Охотники найдутся, можешь мне поверить. Тут только один вариант – чтобы тебя оставили в покое, надо вынуть душу из заказчика.

– То есть ты считаешь, что Йох обречен?

– Скажем так. Я предполагаю, что у него есть все шансы не увидеть следующий праздник Имени.

– Печально. Говорят, он оплачивает все городские праздники. Альсгара много потеряет с его смертью.

– Как и Наместник. Его лапа также любит получать оплату. Он служит и нашим и вашим. Я еще не видал задницы, которая так легко могла усидеть на трех стульях. Император, Ходящие и личные интересы. Ха! Порой я начинаю подумывать, что быть Наместником не так уж и плохо.

– Прибыльная работенка. И не пыльная. Только и знай, пиши указы, отчитывайся перед столицей да пляши с посольствами Набатора и Золотой Марки. Ну и денежки лопатой в карман сгребай.

– Соображаешь, – крикнул Кнут. В его голосе проскользнула нотка уважения. – Кстати, давно ты в гильдии? Раньше я о тебе ничего не слышал.

– А кто тебе сказал, что я из гильдии? – неожиданно улыбнулся Шен.

Кнут прищурил глаза:

– Молс сказал, что ты поедешь с нами...

– Но разве он что-то говорил о том, что я вхож в ваш союз?

Нет. Ничего он такого не говорил. Просто приказал Кнуту взять молодого человека с собой и не задавать вопросов.

– Я задолжал ему услугу, вот он меня и попросил прогуляться с вами.

– Угу.

Все не так просто. Чтобы Молс, да вдруг отправил с ними совершенно чужого человека без видимой причины... Просто «прогуляться»?! Кнут дураком не был и в подобную чушь не верил. Шен это понял, но переубеждать командира не стал:

– Не знаю, стоит ли говорить об этом твоим друзьям.

– Не стоит. Они и так тебя не слишком любят. Значит, ты нам не помощник?

– Если рассчитываешь, что я буду бегать по деревне с удавкой или метательными звездами, вынужден тебя разочаровать. Кстати говоря, зачем тебе нужны помощники? Награда за Серого и его подругу просится в руки?

– Нет. Молс таких распоряжений не отдавал.

– При чем тут Молс? С десятью тысячами соренов можно наплевать на гильдию. Начать новую жизнь, а? Неужели ни разу не думал о том, чтобы

рискнуть?

Кнут ничего не сказал, но по тому, как напряглись его руки, Шен понял, что оказался прав.

– Неважно, о чем я думал, а о чем нет. Важно то, что я в итоге сделаю. С Серым и Лаэн без приказа Молса связываться не буду.

– Они так опасны?

– Причина не только в этом. Я никогда не пойду поперек полученного заказа. Какие бы деньги ни лежали на кону. Тебе не понять.

Шен пожал плечами, показывая, что за такую сумму лично он враз забыл бы о всяких глупостях.

– Что до Серого, – продолжил командир, – он, действительно, опасен. Знаешь его историю?

– Нет. Только то, что вы говорили между собой.

– Он пришел в Альсгару десять лет назад. Откуда-то с юго-востока. Вроде бы до этого отстреливал Высокородных в Сандоне. С луком был на «ты», и не только с ним. Очень быстро поднялся. Стал забирать самые сложные и высокооплачиваемые заказы. Некоторым из гильдии, не самым последним людям в нашем ремесле, это не понравилось. Их нашли в один из дней в выгребной яме. Мертвыми. Гнус, кстати, тоже был в числе недовольных. Но вовремя остановился. Не то что его дружки. В общем, после этого случая к Нэссу не лезли. Да и Молс взял парня под крыло. Я с Серым работал один раз. Могу сказать, что он вполне заслуживает уважения. Лучший стрелок из известных мне.

– Что же он забрался в такую глушь при таких-то успехах?

– Никто не знает. Разве только Молс. Я могу только догадываться.

– Очень интересно послушать.

Кнут внимательно изучил физиономию Шена. Не насмехается ли? Но молодой человек оставался бесстрастен.

– Пора сходить, проведать Бамута. – Командир встал с лавки. – Идешь?

– Да. Так что насчет догадок?

– Зачем тебе?

– Должен же я знать, чего мне от него ждать. Молс ничего не сказал.

– Хм... – Кнут вновь испытующе посмотрел на собеседника. – До того как Йох не объявил награду за голову Серого, я считал его и Лаэн мертвыми. Семь лет назад в их берлоге нашли два обгоревших тела. Все, в том числе и я, решили, что Нэсса все же смогли достать какие-то прыткие ребята. А теперь... Теперь я начинаю думать, что он сделал все правильно. В то время, когда якобы умер наш друг, произошло одно громкое убийство.

Цель уничтожили стрелой. Мастерский выстрел. Идеальный. Лучник находился в таком месте, что попасть можно было, только если твою руку направляет сам Мелот. Я знал лишь одного такого стрелка – Нэсса.

– То есть Серый убрал цель, надул всех, подхватил подружку и смылся?

– Вот-вот. Именно, что надул. Кстати, с подружкой они работали в паре.

– Слушай, а мне показалось или вы в самом деле боитесь ее куда больше вашего чудо-стрелка?

Кнут недовольно поморщился. Гнус прав. Этот парень порой раздражает до умопомрачения.

– Она может вскипятить мозги, прежде чем ты вытащишь из ножен меч.

– Это умеют делать все женщины, – хохотнул Шен.

– Я серьезно. Она – единственная в нашем деле, кто обладает Даром. Все думают, что Лаэн только говорить может, не открывая рта, но когда я с Серым работал в связке – видел, как девчонка взорвала одному парню голову.

– Так что же? Она Ходящая, что ли? – пробормотал его собеседник.

– Нет.

– Огонек?

– Что ты пристал? Никто не знает. У нее есть Дар, и все. А кто она, какая разница? Хватит разглагольствовать. Нас ждут.

Выйдя на улицу, они пошли в сторону дома Нэсса. Шен задумчиво молчал, и Кнут начал жалеть, что не сдержал язык за зубами.

– А кто был целью?

Командир непонимающе посмотрел на спутника.

– Кого прихлопнул Нэсс, если ему пришлось так быстро делать ноги?

– Ходящую, – сухо сказал убийца и, не обращая внимания на изумленно раззявившего рот подчиненного, пошел дальше.

Порк плелся по лесу и с наслаждением грыз медовый пряник. Карманы его порванных штанов были забиты сладостями. Дурачок купил угощение на деньги, которые подарил ему добрый дяденька. Тот, который на лошади рыцаря, но не рыцарь. Но хороший. И лошадь у него хорошая. И меч тоже. А еще он приятель Порка. Ага. Они с ним самые большие друзья. Порк этому дядьке что хошь сделает. Даже пряником угостит. Надкусанным. Или нет! Даже целым! Пусть деревенские ребята не говорят, что он жадный и глупый. Вранье! Все вранье! Они вечно насмеются! За

это он не даст им ничего вкусенького. Никогда! А чего со злюками делиться? Опять рубаху ему испачкают, грязью начнут кидаться. И играть в рыцарей не берут. Вот когда Порк убежит из дома и станет рыцарем, он всем покажет. Обзавидуются!

Сейчас он шел на любимую поляну. Там, рядом с быстрой речкой, можно в тишине и покое съесть всякие вкусности, не опасаясь, что кто-нибудь заметит. А то соберутся и начнут кланчить: «Порк, дай попробовать! Ну кусочек, Порк, а? Ты же добрый!»

У! Приставучие пиявки!

Дурачок с досадой пнул подвернувшийся под ногу гриб. Его шляпка взмыла в воздух и, ударившись о древесный ствол, разлетелась на множество кусочков.

– Ух! – с восторгом произнес Порк.

Он и не догадывался, что грибы умеют так здорово летать и разбиваться. Куда лучше, чем брюква старой Розы. Дурак покрутил головой, выискивая в траве приметные красные шляпки, но ничего такого поблизости больше не было. Разочарованно вздохнув, он вышел на поляну и тут же отступил обратно. Под прикрытые деревья.

Недовольно выпятил губу. Гадость какая! Его любимое место уже было занято! Возле старого дуба стояла жена плотника Анн. Что она здесь делает? Вот сейчас он дожует еще один пряник, а потом выйдет и скажет, что это его полянка! Пусть уходит.

Пока Порк догрызал пряник, ему пришла в голову еще одна идея. А вдруг Анн перестанет сверлить глазами это глупое дерево и решит искупаться в реке? А что? Сейчас время жаркое, может, и захочет. А он тут тихонько посидит и посмотрит. Увидит ее голой, да. Порк уже однажды видел голых девушек, они купались у Черного Омута в ночь на летнее солнцестояние. Правда, деревенские парни тогда заметили прятавшегося в кустах дурачка и крепко его отделали. Чуть все кости не поломали.

И тут Порк едва не подавился. Ствол дуба раскололся, словно по нему разом ударила топорами сотня злобных дровосеков. Все внимание пастуха оказалось приковано к дереву, поэтому он не сразу увидел, что с противоположной стороны поляны, из леса, вышли вооруженные люди...

Старый Морген – кузнец – встретил меня приветливо. Пригласил в дом, усадил за стол. Обижать его не хотелось, так что мы неспешно обсудили погоду, будущий урожай и соседей. Наконец пришло время перейти к делам:

– За мной должок был за инструменты. – Я положил на стол шесть

солов.

– Не к спеху. Терпит, – пробасил кузнец.

– Деньги никогда лишними не бывают, – не согласился я. – К тому же, слышал, ты сватов для сына засылал. Так теперь каждый медяк на счету будет.

– Твоя правда, – широко улыбнулся Морген. – Что это ты с долгами стал рассчитывать? Никак уезжать собрался?

– Придется. По делам.

– Дела – это хорошо, – крикнул кузнец. – Это куда лучше, чем штаны протирать. Когда вернешься?

Я усмехнулся:

– Потому и пришел к тебе. Не вернемся мы. Дом продавать не хочу. Да и времени уже на это нет. Говорят, твоему Рену жену привести некуда. Стройку ты только месяц назад затеял. Долго ждать. Забирай дом. Пусть живут у нас. Хочешь – насовсем, хочешь – пока свою избу не справите.

Его такое щедрое предложение ошеломило. Он опять крикнул, откинулся на стуле, задумчиво нахмутив брови.

– Неожиданно. Мелот свидетель, очень неожиданно. Все же ты странный человек, Парс. Хозяйство вот так запросто даришь.

– Я щедрый. – При всем моем старании улыбка все равно вышла кислой. – Если уж отдавать добро, то в хорошие руки. Так берешь или нет?

– Беру, конечно. Дураком буду, если не возьму. Только за так брать что-то неловко. Люди говорить начнут...

– Люди всегда говорят, дай им только волю.

– Давай хоть часть денег выплачу. Бедствовать не будете.

Ответить я не успел. В голове огненной каплей взорвалось:

«Помоги!»

«Картина», пришедшая от Лаэн, показала мне поляну, где были спрятаны деньги, полученные нами за убийство Ходящей. Я, не попрощавшись, выскочил из дома порядком удивленного кузнеца и бросился на помощь. Бежал и безостановочно пытался «звать» ее. Тщетно. Лаэн, впервые на моей памяти, «молчала». В свете последних событий, предполагать можно было самое худшее. Я уже пять раз проклял себя за то, что позволил ей заниматься этим делом в одиночку.

Из оружия у меня с собой был только метательный топорик. Полезная вещь в лесу или на охоте, да и для убийства сойдет, но не против хорошо вооруженного противника.

Я пролетел через растущие вдоль реки заросли бредняка и сразу увидел, что происходит на поляне. Шагах в двадцати от меня в землю было

воткнуто короткое копье. Рядом тело мужчины. Еще один труп – недалеко от кромки леса. На противоположном краю поляны лежала Лаэн.

Над ней стояли трое. Они смеялись и шутили, нисколько не переживая по поводу гибели своих товарищей. Один из них как раз спускал штаны.

Размытый круг рассек воздух, и метательный топорик с мерзким звуком угодил в затылок неудавшемуся насильнику. Он взмахнул руками и, обливаясь кровью, упал. Я выскочил на поляну и бросился в сторону двоих уцелевших.

Один из них начал поднимать арбалет, второй потянулся за мечом. Меня это не испугало. Я лишь оскалился да прибавил ходу. В тот момент, когда мерзавец нажал на спусковой крючок, я прыгнул. Арбалетный болт просвистел рядом, не причинив вреда. Я приземлился на руки, гася скорость, перекатился через голову. Вскочил рядом с копьем. На ходу подхватил его и швырнул в меченосца. Копье угодило ему в живот, отшвырнуло назад и прищибило к дереву. Наемный убийца закричал и вцепился в окровавленное древко руками.

Оставшийся противник, сжимая в зубах болт, лихорадочно пытался еще раз взвести арбалет. Я не дал ему такой возможности. Оказавшись рядом, упал на колени, пропуская над собой оружие, которым он пытался размозжить мне голову. Вкручивая кулак, ударил под колено. Тот вскрикнул, потеряв устойчивость, упал.

Я откатился в сторону, оказался рядом с трупом, в голове которого застрял мой топорик. Вырвал оружие, подскочил к начавшему вставать противнику. От души пнул ногой в лицо, ломая нос. А затем нанес два быстрых сильных удара, раскроив череп. К этому времени пронзенный копьем перестал корчиться и испустил дух.

Все было кончено.

Я бросился к жене. С облегчением увидел, что она жива и всего лишь без сознания. На левом виске надувалась огромная шишка. Кожа была содрана, и на щеку стекала кровь.

За спиной оглушительно щелкнула тетива, свистнул болт, послышался вскрик. Из кустов вылез Бамут с разряженным арбалетом. За ним появились Кнут и щенок, имени которого я так и не удосужился узнать.

– С почином тебя. Быстро они вас нашли, – крикнул Кнут.

При всем своем дружелюбии он не спускал глаз с моего у-така^[18]. Я, стараясь не упускать их из виду, скосил глаза и увидел человека, в которого попал Бамут. Во время боя один из жаждущих легких денег отсиживался в укрытии. Когда я отвлекся на Лаэн, парень решил попытать счастья и получить награду. Что же. У него это едва не получилось.

Теряю хватку.

– Эта... Что бы ты делал, если бы мы не подросли?

– Справился бы сам, – хмуро ответил я.

Бамут к этому времени ловко перезарядил оружие и положил его на локтевой сгиб. Мне не понравилось то, как он на меня смотрел. Похоже, он тоже захотел заработать легкие деньги, поэтому бросил быстрый взгляд в сторону командира, ища одобрения. Кнут на невысказанный вопрос едва заметно покачал головой. Бамут улыбнулся, пожал плечами и забросил оружие за спину, а затем, перестав обращать внимание на присутствующих, начал потрошить карманы мертвецов.

Напряжение немного спало, но все старались не делать резких движений. Я по-прежнему стоял между Лаэн и людьми Молса. Их мирные намерения меня ни в чем не убедили.

– Что с ней? – осторожно поинтересовался Кнут.

Я не ответил, лишь подозрительно прищурился. Оставалось только догадываться, что на уме у этой троицы.

– Если бы мы захотели, ты бы уже был покойником.

Я презрительно скривил губы и вновь промолчал.

– Лаэн надо помочь. – Кнут не унимался.

– Как вы нас нашли?

– Шли за тобой.

– Скорее бежали, – поправил командира молодой. Он с интересом изучал труп, прищипленный копьем к дереву:

– Ловко ты его.

– Вы решили взять на себя обязанности телохранителей? – Я, поколебавшись, убрал топорик за пояс. – Не слишком ли резкая смена работы?

– Судя по всему, мы поменяли ее очень вовремя. Незнакомые морды. – Кнут скусающе пошевелил носком сапога одно из тел. – Не из наших. Залетные. Так что с Лаэн?

– Жива.

– Я могу подойти к ней? – неожиданно спросил молодой и тут же наткнулся на мой колющий взгляд. – Ей сейчас требуется помощь.

– Я сам в состоянии помочь, – отрезал я.

Не собираюсь подпускать к своей женщине никого из этих господ.

– Я лекарь.

– С каких пор их в гильдии держат?

– Я не из гильдии. Кнут может подтвердить.

Кнут замешкался, но кивнул. Врут или нет? Бамут не удержался:

– Кнут, чего Шен заливает?

Кнут поморщился и перевел разговор на другую тему:

– Что с теми жмуриками?

– У обоих лица сожжены, – ответил Бамут. – Я и не знал, что Лаэн так умеет. Теперь не поймешь, кто это. Эта... Так он чего, и вправду болячки лечит? Может, Молс с нами еще и лавку аптекаря пошлет в следующий раз? – Бамут хохотнул, но его шутку никто не поддержал.

– Так могу посмотреть? – спросил Шен.

– Ладно. – Я неохотно отошел в сторону. – Но учти...

– Не надо угрозы! – Он зло сверкнул глазами.

Я встал так, чтобы одновременно видеть и лекаря и Бамута.

В лесу слышались испуганные крики. Появился Гнус. А я все беспокоился, где прячется этот крысеныш? Он тащил за шиворот упирающегося и вопящего Порка. Этот-то что здесь забыл?!

Рядом с маленьким убийцей дурачок казался великаном. Впрочем, Гнуса это обстоятельство ничуть не смущало.

– Глупая сволочь обделалась.

– Где ты его нашел?

– Ясное дело – в кустах. Подглядывал. А может, с этими был. Там, недалеко, семь лошадей. Убить его?

Услышав последние слова, Порк взвыл. Захлебываясь в рыданиях и мольбах, он на коленях пополз к Кнуту. Я только и смог разобрать, что «не виноват» и «думал, голую тетю, а тут эти злые».

– Я ничего-о-о-о! Мне коро-о-ов пасти-и-и. Я пря-я-я-яники отдам!

– Успокойся, приятель. И пряник свой убери. Тебя никто не собирается убивать.

Лаэн застонала, я тотчас забыл о дурачке и бросился к ней. Рыкнул, и Шен предусмотрительно отошел в сторону.

Мое солнце открыла глаза.

«Спокойно. Они мертвы. Я успел».

«Что эти здесь делают?»

«Шли за мной. Было не до того, чтобы еще и за хвостами приглядывать».

«Я слишком слаба. Сейчас справлюсь только с одним».

Я увидел, как в синих глазах начинает зарождаться магическая буря, и поспешно «сказал»:

«Стоп! Не стоит. Кажется, сегодня мы сможем разойтись мирно».

И вслух:

– Как ты себя чувствуешь?

– Голова трещит. – Она осторожно дотронулась до шишки на виске. Поморщилась.

– Идти сможешь?

– Незачем, – подошел Кнут. – Гнус отправился за лошадьми. До деревни есть дорога?

– Есть. За рощей.

– Мы вас проводим. Я поговорил с дураком. Утверждает, что нападающих было больше, чем сейчас трупов. Считать не умеет, но, судя по количеству лошадей, – семеро. И один с крыльями, как у птицы.

– Да. Йе-арре, будь он неладен! – выругалась Лаэн, с моей помощью вставая на ноги. – Его я встретить не ожидала. Подлетел со спины. Хорошо, что не убил.

– Интересно, где он может быть? – Шен перенес внимание на окрестные деревья.

Бамут взял арбалет наизготовку.

– Не суетитесь. Теперь уже не поймаешь. Смылась птишка. Эй, приятель! Хватит рыдать. Проваливай. Да, да. Ты! Дуй к своим коровам!

Дважды Порка упрашивать не пришлось. Он вскочил и, забыв о разбросанных на траве пряниках, бросился к лесу. Ну вот. Теперь растреплет по всей деревне, что здесь произошло.

– Ого! Что это?

Шен заглянул в чрево расколотого дуба и выудил оттуда мешок.

– Увесистый.

Я, ничего не говоря, протянул руку к находке. Парень от такой наглости опешил, хотел возмутиться, но увидел в моих глазах угрозу и отдал.

– Это ваше? – любопытствовал Кнут.

– Наше, – ровным голосом ответил я ему. Больше они вопросов не задавали.

Глава 5

Рек умер тихо. Лук пропустил этот момент, так как провалился в беспокойную дрему, а когда проснулся, раненый уже находился в Счастливых садах. Везению приятеля пришел конец, а ведь ему удалось невозможное – вместе с Луком вырваться из Врат. Часть пути пришлось тащить Река на своем горбу, парень потерял слишком много крови. Затем стражник свернул в лес – дорога была опасна, и следовало переждать пару дней, пока все успокоится. В предгорьях, недалеко от крепости, находилась заброшенная серебряная шахта. Таких в окрестностях – десятки. Раньше здесь добывали серебро для имперских солов, но жилы истощились, и выработки пришли в упадок. Лук решил, что лучшего места для временного укрытия не найти. Вряд ли кто-нибудь из набаторских солдат полезет проверять оставленные более восьмидесяти лет назад штольни.

Теперь следовало выбираться наверх. Он нащупал топор, взял в руку фонарь, но зажигать не стал. Пробирался на ощупь до тех пор, пока опустившийся потолок не заставил встать на колени. Только тогда Лук решился потратить масло. Исходящий от фонаря свет был скуден, и рассмотреть, что делается в полутора жалких ярдах, не представлялось возможным. Он полз на четвереньках по влажному полу, кляня свою осторожность. Не стоило так далеко забираться. Вполне можно было остаться у входа. Никто бы их здесь не искал. Когда у него появилась возможность выпрямиться во весь рост, стражник облегченно перевел дух. Идти стало проще. Спустя какое-то время он ощутил слабое дуновение ветерка на лице и понял, что до выхода рукой подать. Миновав развилку, ведущую к нижним штольням, он перелез через кучу переработанной породы и увидел вдалеке бледный свет.

Вновь начали терзать сомнения. Вдруг наверху опасно? Поспешно затушив фонарь, он пошел медленно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. В какой-то момент Луку почудились чьи-то шаги, и он чуть не выпрыгнул из собственных штанов, но затем, кроме его испуганного дыхания, в штольнях не раздавалось ни звука.

Когда до выхода оставалось около двадцати ярдов, Лук услышал тихий шелест, снова испугался и лишь потом понял – это дождь. Стражник облегченно улыбнулся и повесил фонарь на скобу, с которой его и взял, спускаясь вниз.

Дождь оказался неожиданно сильным. Вечерело. Мир окутался

паутиной серых оттенков. Резко пахло сырой землей, листвой, и ко всему этому примешивалось зловоние. Напротив шахты, не далее, чем в десяти ярдах, спиной к бывшему стражнику Врат, стоял худой, облаченный в рванье человек. Дождь, насквозь промочивший остатки одежды и редкие волосы, нисколько не беспокоил этого странного субъекта.

Лук, не дыша, разглядывал неизвестного. Доходяга вел себя смирно и не имел при себе никакого оружия. Вроде безопасен. Хотя Проклятая до поры до времени тоже казалась мирной овечкой. Воспоминание о Кори заставило Луку покрепче взяться за топор. Мелот знает, чего ожидать от незнакомца.

– Лопни твоя жаба, – пробормотал солдат и в сердцах сплюнул. – Встал прямо на дороге. Почему бы не насладиться дождем в другом месте?

Лук начинал злиться. И на незнакомца, и на себя. Собственная осторожность, а точнее трусость, бесила невероятно. У него топор. Он в два раза сильнее. Но до сих пор стоит там же, где и три минки назад. Еще раз сплюнув на каменный пол, стражник решился. Вышел под дождь и, набрав в легкие побольше воздуха, гаркнул:

– Эй ты!!!

Человек обернулся, и у Луки мгновенно пересохло во рту. Он увидел бледное, отдающее синевой лицо незнакомца, провалившийся нос, черные губы с запекшейся кровью и горящие изумрудным огнем глаза...

После бешеной скачки Га-нор натянул поводья и спрыгнул с седла. Рано или поздно лошадь устанет. На дороге оставаться опасно – из Врат обязательно отправят погоню. Следопыт не питал иллюзий, что случится потом. Один против многих – не воин, и пощады ему не будет. Так что надо как можно скорее уйти с тракта и затеряться среди предгорий, в лесах. А уж после этого прорываться к своим, на север.

Лошадь, опустив уши, смирно стояла под проливным дождем. Животину жалко, но ничего не поделаешь. Га-нор достал кинжал, уколол в круп, громко заорал и тут же отскочил в сторону. Животное заржало от боли и бросилось сломя голову прочь. Сын Ирбиса посмотрел ей вслед, а затем с трудом начал подниматься по размытому ливнем склону невысокой горки. Наверху рос густой ельник – отличное место для того, кто хочет прятаться. Северянин, сжав зубы, упорно лез вверх.

Наконец, он достиг деревьев и, забравшись под колючие лапы, перевел дух. Дорога осталась внизу, но, несмотря на дождь и наступающие сумерки, ее было прекрасно видно из укрытия. Узкая лента, вьющаяся

среди невысоких гор, недалеко от быстрой, сейчас коричневой от идущего дождя реки.

Минок через пять из-за поворота вылетел отряд преследователей. Два десятка злых набаторцев подгоняли взмыленных коней. Они пронеслись мимо, даже не посмотрев туда, где скрывался следопыт. Га-нор надеялся, что сыны снежных червей не скоро обнаружат лошадь, а как найдут, пусть гадают, с какого места он решил пойти пешком.

Выждав несколько минок, беглец отполз от края. Встал, тщательно осмотрел место, где лежал. Толстый ковер намокшей хвои выглядел примятым. Плохо, но тут ничего не поделаешь. Всех следов не уберешь, как ни старайся.

Га-нор набросил на голову капюшон трофейного плаща и быстрой походкой направился вдоль дороги. Он пока не считал, что следует уходить далеко в горы, это слишком замедлит его продвижение. Лучше идти по склону, под прикрытием леса. Очень скоро предгорья превратятся в невысокие холмы, а затем – в равнину. Там можно свернуть на запад и попытаться достичь пограничных гарнизонов, если их, конечно же, еще не смяли передовые части врага. Следопыту хотелось надеяться, что разжиревшие от безделья южные армии будут в состоянии сдержать накатившийся на них вал синей^[19] саранчи.

Быстро темнело. Дождь не ослабевал ни на минутку. Он шелестел в ветвях сонных деревьев, тяжелыми каплями срывался на землю, и северянину казалось, что лес ведет с небом неспешную беседу. Внезапно опытное ухо следопыта расслышало, как в умиротворенный шепот деревьев вплетаются звуки боя.

Кто-то орал: «Ну, подходи, сволочь! Давай!» Кто-то в ответ надсадно хрипел и рычал. Га-нор обнажил меч и решительно двинулся вперед. Он не собирался оставлять опасность за спиной. К тому же кому-то требовалась помощь, и этот кто-то вполне мог оказаться союзником.

Звуки драки приближались. Ругань стихла, зато хрипы стали кровожаднее. Сын Ирбиса рукой отодвинул мешавшую обзору еловую ветвь и увидел каменистый склон с темным квадратным провалом – входом в заброшенную шахту. Чуть дальше стоял развалившийся от времени барак, на его крыше уже успели вырасти молодые деревья. Дорога, по которой раньше вывозили руду, заросла молодым ельником так, что осталась лишь небольшая поляна возле самой шахты. Груды крупных камней, извлеченных из земных недр; проржавевшие скобы; перевернутые вагонетки в лужах; сгнившие до основания массивные балки для укрепления сводов. Среди этого запустения шел бой.

Га-нор сразу же узнал полноватого человека, несмотря на то, что морда у парня была грязной, словно тот сутки просидел в руднике. Никаких сомнений не возникало – это Лук, стражник из гарнизона Башен. Любитель игры в кости и его должник.

Встав в проем двери барака, парень с явным трудом отмахивался топором от насакивающих на него противников. Один из оживших трупов уже получил свое и валялся у самого выхода из шахты с проломанной башкой. Зато четверка других, достаточно бодренько пыталась дорваться до вожделенного мяса. Солдат на свое счастье догадался выбрать удобную позицию, да и мертвяки друг другу мешали, иначе бы они давно до него добрались. На глазах у северянина Лук раскроил топором плечо одному из мертвецов и пихнул ногой в живот, отбрасывая от себя. Долго так продолжаться не могло. Стражник начинал уставать.

Га-нор выскочил из-под прикрытия деревьев и кинулся на помощь.

Ситуация – хуже не придумаешь. Тварь, которую поначалу Лук принял за живого человека, оказалась ожившим покойником. До этого момента ни с чем таким солдат не сталкивался. Да, слышал всякие сказки, но видеть – не видел. Некромантия в Империи под запретом. Это не Сдис, где колдуны занимаются черной магией и управляют покойниками.

Все происходящее казалось нереальным. Лук не поверил бы глазам, но ему пришлось это сделать. И быстро. Тварь бросилась без всякого предупреждения. Как бы ни был испуган стражник, дело свое он знал и «убил» людоеда с первого раза, раскроив ему голову одним хорошим ударом. Прежде чем солдат успел прийти в себя и как следует выругаться, на него напали еще двое.

Первый мертвец все это время висел над входом в шахту. Мелот знает, что он там делал, но спрыгнув, едва не упал Луку на спину. Человека спасло то, что он решил поближе рассмотреть свой «трофей» и шагнул вперед. На помощь первому «прыгуну» из темноты шахты выскочил второй. Именно его шаги слышал солдат, когда вылезал из укрытия. Бывший стражник Врат возблагодарил судьбу, которая так счастливо развела их дороги. Встреть он чудовище во мраке подземелья, и еще неизвестно, чем бы это закончилось.

Лук успешно сдержал первый натиск, но тут из-за барака появились еще два незваных гостя. Человека загнали в ловушку. Пришлось задать стрелача и встать в дверях, чтобы сволочи подходили по одному. Пока ему удавалось отбиваться от наседавших существ, но с каждой уной это становилось все тяжелей и тяжелей. Руки наливались свинцом, а удивительно проворные покойники и не думали уставать.

Хрипы, горящие огнем зеленые глаза, щелкающие зубы, бледная кожа, запекшаяся кровь.

Он застонал от отчаяния, разрубил одному из врагов плечо, пихнул его в живот, второму почти перерубил руку, затем ткнул топором в морду третьего.

– Голову руби! По голове их! – внезапно раздался чей-то крик.

Двое мертвецов тут же обратили внимание на вновь прибывшего. Луку было не до того. Он только понял, что это человек, да успел разглядеть, что у появившегося спасителя плащ набаторских кавалеристов. Но с этим можно разобраться чуть позже. Сейчас незнакомцу было не до него. Он тоже сражался.

Два бросившихся на незнакомца покойника позволили Луку перейти в контратаку. Он отпрыгнул влево и вперед, развернулся, что есть сил саданул прыгнувшего следом за ним мертвеца по башке, но промазал и повалил того на землю, разнеся ему ключицу и грудину. Рванул топор на себя, крутанулся, снося голову еще одному все-таки умудрившемуся подобраться сзади труп. Вновь развернулся, обрушил град ударов на поднимавшегося с земли зомби. Противно треснула лопнувшая голова, оживленный магией некроманта труп дернулся и обмяк.

– Получили?! Лопни твоя жаба! – победно сплюнул стражник.

И только теперь солдат вспомнил о спасителе. Тот как раз закончил разбираться с «неприятностями» и вытирал клинок.

Лук не ошибся. Этот парень, действительно, оказался набаторцем. Из-за надвинутого на лицо капюшона было непонятно, как он выглядит. Человек закончил вытирать меч, пнул обезглавленное тело и пошел к солдату. Тот угрожающе взмахнул топором.

– Сдурел? – спросил незнакомец.

– Слушай, – просипел запыхавшийся за время боя Лук. – Я тебе благодарен за помощь, но здесь наши дорожки расходятся. Ты туда, я туда, и забудем о нашей встрече.

– Последние мозги со страху потерял? – участливо поинтересовался союзничек и снял капюшон.

Лук так и остался с раскрытым ртом. Эту физиономию он узнал. Сухое скуластое лицо, орлиный нос, рыжие висячие усы и волосы точно такого же цвета, собранные в короткую толстую косу. Га-нор, сын Ирбиса, пропавший в горах с отрядом Да-тура. Тот самый северянин, которому Лук проиграл в кости деньги.

– Не верю, – пробормотал солдат.

– Хочешь сказать, что я вернулся с того света и решил потребовать с

тебя должок? – устало усмехнулся Га-нор.

– Если ты и покойник, то гораздо хуже этих тварей. Они хотя бы денег не просили.

– Да. Зато были бы счастливы сожрать твое сердце.

От подобной перспективы солдата передернуло.

– Как ты здесь оказался?

Га-нор не ответил, он повернул голову в ту сторону, откуда пришел, напряженно вслушиваясь в шум дождя. Лук поступил точно так же, но, в отличие от северянина, ничего подозрительного не услышал и поэтому осмелился задать вопрос:

– Что такое?

– Заткнись, – коротко бросил сын Ирбиса.

В сумерках лицо его заострилось, под глазами легли тяжелые тени, и он сам стал напоминать мертвеца. Лук невольно поежился. Прошла минка, началась другая. Дождь припустил еще сильнее, хотя это и казалось совершенно невозможным. У Га-нора не было плаща, и он давно промок, а все еще всматривался в темноту и нюхал воздух. Лук тоже решил попробовать, но почувствовал лишь исходящий от мертвых тел смрад.

– Да в чем дело, лопни твоя жаба?

– Уходим.

– Что?!

– Уходим, и быстро.

– Но...

Сын Ирбиса зло сверкнул глазами:

– Я не собираюсь с тобой торговаться. Или ты идешь мной, или остаешься встречать гостей.

Луку понадобилась уна, чтобы понять, о каких «гостях» идет речь. О тех самых, с зелеными глазами.

– Я иду с тобой, – поспешно сказал он и испуганно оглянулся по сторонам, ожидая, что вот-вот из-за густых елей выпрыгнут тощие темные силуэты.

– Пойду быстро. Надо сбить их со следа. Смотри под ноги. Не отставай.

Лук судорожно кивнул и, оглянувшись в последний раз, поспешил за северянином.

Несмотря на отсыревшие дрова, костер удалось разжечь без труда. Пламя трещало и плевалось искрами, густой дым уходил в дыру в крыше. А это сейчас самое главное. Лук замерз, как собака, и только теперь у него

появилась возможность согреться и высушить одежду.

Полночи они бежали по темному лесу. Спускались со склона, вновь забирались, шли по хребту очередной горки и опять спускались. Затем долго брели вверх по течению по руслу ледяного ручья. Трижды Лук поскальзывался на мокрых камнях и, ругаясь, падал в воду, и трижды крепкие руки северянина вытаскивали его за шкурку, ставя на ноги.

Сын Ирбиса превзошел даже непревзойденного капитана-покойника из башни Льда. Тот и то никогда не гонял подчиненных через подобную полосу препятствий. Лук устал: ноги болели ужасно; дышалось с трудом; топор казался невыносимо тяжелым; хотелось рухнуть и послать все в зад жабе, а еще лучше – божку северян. Но он этого не делал. Его подгонял страх. И поэтому уставший солдат упорно шел за Га-нором.

Тот почти не разговаривал, постоянно менял направление, вилял меж балок и ручьев, выписывал петли вокруг деревьев, часто останавливался, вслушивался, нюхал воздух и продолжал путь. В какой-то момент Луку показалось, что они ходят по кругу. Наконец, в тот момент, когда солдату уже стало все равно – сожрут его мертвецы или нет, они пришли.

В роще старых чинар, среди высоких кустов ежевики, стояла избушка охотников – леснянка. Древняя, заросшая мхом и чагами, с частично провалившейся крышей, выбитыми окнами и ненадежной дверью. Внутри пахло гнилым деревом, сыростью и пометом диких животных. Пол нещадно скрипел, в маленькой печке было мышинное гнездо. Как видно, это место давно никто не посещал.

Лук не понял, знал ли об этом убежище Га-нор, или они наткнулись на него случайно. Но спрашивать вопреки обыкновению не стал, посчитав, что ночевать здесь гораздо лучше, чем под дождем.

Следопыт так и не произнес ни слова. Молча разжег огонь, разобрав поленницу отсыревших дров, лежавших в углу. Затем закрыл глаза и, казалось, уснул. Солдат поколебался, но с расспросами лезть не решился. Тихо встал и попытался закрыть дверь.

Засов отсутствовал. Так что стражник приспособил для этого кусок ствола молодого деревца. Ненадежно. Гнилые доски не выдержат даже двух хороших ударов. Лук это понимал, но с хоть так закрытой дверью чувствовал себя гораздо спокойнее. Во всяком случае, если сюда попытаются ворваться, то он об этом узнает загодя, а не в тот момент, когда враги окажутся внутри.

Оставались еще и окна. Он быстро изучил их. Маленькие. Лук через такие бы не пролез, но кто-нибудь достаточно худой – запросто. Ни хороших досок, ни гвоздей, ни молотка здесь не было. Оставалось уповать,

что все противники будут большими и толстыми.

– Что произошло у Врат?

Неожиданно прозвучавший голос Га-нора заставил Лука подпрыгнуть:

– Лопни твоя жаба! Ты меня до смерти доведешь!

– Все будем у Уга.

– Это ты будешь у Уга, а я еще собираюсь пожить, – пробурчал Лук, проверяя сохнувшую одежду, и присел к огню. – У тебя пожрать ничего нет? Я сутки без еды.

Северянин порылся в мешке, который взял из седельной сумки набаторской лошади. На свет появился сахар, луковица, немного сыра и четвертушка подсохшего ржаного хлеба. У Лука заурчало в животе.

– Надеюсь, ты в состоянии есть и рассказывать? – поинтересовался Га-нор, разрезая кинжалом лук.

Его товарищ кивнул и, принявшись за еду, начал рассказ. Сын Ирбиса слушал. Все произошедшее было куда хуже, чем он думал. В дело вступили Проклятые! Корь, именем которой его пугали еще в детстве. И, наверное, не только она. Сколько их? Шесть или восемь? Проклятые способны доставить гораздо больше неприятностей, чем все остальные. Если, конечно, Лук по своему обыкновению не врет. А он явно не врал.

Набатор уже какой век хочет отвоевать у Империи юг, расширить королевство. Вот и представился долгожданный случай.

– Должен был еще кто-то уцелеть.

– Может быть, – вяло ответил Лук. И слепому было видно, что он в подобное не очень-то верит. – Нам с Реком удалось уйти, потому что мы со стены сбежали по южной лестнице. Там до пятой калитки рукой подать. Вот только не думаю, что кто-нибудь еще последовал нашей дорогой. Набаторцев тьма навалилась. А еще морты. Еле прорвались.

– Ходящая точно умерла?

– Да, – погрустнел солдат. – Проклятая так вдарила по стене, что...

Он не закончил, да это и не требовалось. Повисло тяжелое молчание. Оба смотрели в пламя костра и думали о своем.

Лук считал, что ему повезло. Га-нор – отличный следопыт и неплохой рубака. Шансов выжить с ним куда больше, чем в одиночку. Не приди северянин к нему на помощь, он уже был бы покойником.

– Га-нор, что теперь?

Сын Ирбиса неохотно ответил:

– Будем прорываться к своим. В Ельничий брод идти – смысла нет. Он давно уже взят. Я думаю, что Набатор пойдет на Окни и Гаш-шаку. Это лишит Альсгару поддержки, ну и даст им возможность собраться для удара

в центр Империи. Как только уйдем от предгорий, надо поворачивать на запад.

– Мне надо в Альсгару, – неожиданно заявил Лук. – Ходящая просила рассказать про Проклятую.

– Все уже должны знать об этом.

– А если нет?

– Значит, узнают на днях. В любом случае ты опоздаешь.

– Я обещал.

Га-нор с удивлением посмотрел на упрямо поджатые губы собеседника. Вот уж чего он не ожидал – что игрок в кости держит слово.

– Если ты не пойдешь со мной, я пойду сам.

– Вокруг леса. Дальше начинаются болота блазгов. Пропадешь.

– Если все время брать западнее, можно выйти к Песьей Травке. От нее есть дорога до Альсгары.

– Думаешь, набаторцы ее не перекрыли? – фыркнул северянин.

– Стоит рискнуть. Ты пойдешь со мной?

– Давай поговорим завтра. Сейчас надо спать. Я очень устал.

– Тогда я покараулю, – вызвался разом повеселевший Лук. Северянин не отказал, обещал подумать. Уже хорошо. Гораздо хуже, если бы он уперся рогом и сказал «нет». Это упрямое племя переубедить все равно что заставить йе-арре продавать шелка за бесценок.

Солдат подхватил топор и сел у выхода, положив оружие рядом.

– Разбуди меня к утру, я тебя сменю. – Следопыт облокотился спиной о стену и закрыл глаза.

– Угу. Га-нор!

– Да?

– А откуда взялись те мертвецы? Разве они не должны быть рядом с некромантом?

– Должны. Но они могли и сбежать.

– Как?

– Ногами.

– А что насчет наших преследователей? Они не нагрянут под утро?

Сын Ирбиса раздраженно засопел, но все же ответил:

– Если только умеют ходить по следу. Но они слишком тупы для этого. Не должны найти. Если что, буди меня. А теперь заткнись и дай мне поспать.

Лук кивнул, но его собеседник этого уже не видел. Заснул.

Солдат повозился, устраиваясь удобнее. Покосился на дверь. Вздохнул, протяжно зевнул. И, слушая шелест падающего на крышу дождя,

стал смотреть в догорающее пламя...

Га-нор проснулся и услышал мирное посапывание. Не открывая глаз, северянин выругался. Лук уснул и, конечно, не разбудил его. Досадный промах, который мог стоить им жизни. Но на этот раз обошлось. Ночью никто не пытался проникнуть в убежище, а это означало, что им удалось сбить тварей со следа.

Хорошо.

Судя по бьющему в глаза солнцу – распогодилось. Да и утро, скорее всего, позднее. Сильны спать! Впрочем, не удивительно – напряжение последних дней требовало должного отдыха. Может, и правильно, что Лук не стал его будить. Хоть немного выспался.

Он вспомнил о вчерашнем разговоре. В предложении Лука есть здравая мысль. Вряд ли набаторцы соблазнятся деревушкой. К тому же шастать по лесу на пустой желудок – не дело. Еды мало, без арбалета охотой не проживешь. Да и времени на нее не будет. А в Песьей Травке можно запастись пищей, и одной бедой станет меньше.

Солнце так и било в глаза. Надо бы отодвинуться в сторону, но... не хотелось. Теплый свет – неожиданно приятное ощущение.

Внезапно на солнце набежала какая-то тень, лучи на одну уну перестали падать на лицо, а затем вновь вернулись. Всего лишь краткое, ничего не значащее мгновение, но все благодушное настроение северянина разом пропало. Он резко открыл глаза. Прищурился.

Через окно, которое находилось напротив того места, где он лежал, были видны кроны чинар и лоскуток ясного голубого неба. Значит, как он и предполагал, недавняя тень – не облако.

Он не шевелился и не отрывал напряженного взгляда от окна. Осторожно втянул ноздрями воздух. Запах был столь легким, что даже чуткий нос северянина не сразу его почувствовал. Но когда уловил... Га-нор похолодел. Похоже, они крепко вляпались. Уг заberi, если он ошибся! Воздух пах миндалем.

Лишь одно из известных ему существ издавало подобный запах. И сейчас оно было не на стороне солдат Империи. Если бы не тень, Га-нор никогда бы не почувствовал опасности. Умная тварь держалась с подветренной стороны, да и лес не молчал. Птицы щебетали вовсю, их не смущало присутствие постороннего.

Что теперь? Дождется ли враг, когда они выйдут из избушки? Насколько ему хватит терпения? Видят ли его сейчас?..

Северянин глянул на Лука. Тот спал, открыв рот. Солдат находился напротив второго окна и даже не подозревал, что его скальп уже сочли

трофеем. Уг, помоги! Как не вовремя!

Стараясь совершать как можно меньше движений, Га-нор нащупал возле себя хлеб, оставшийся после вчерашней трапезы. Пальцами отломил кусочек, скатал его в шарик. Примерившись, щелчком отправил полученный наряд в лоб Луку. Тот открыл глаза.

Заметив встревоженное лицо северянина, Лук хотел просить, что случилось. Га-нор поспешно сложил пальцы в предупреждающий знак, призывая сохранять тишину. Слава Угу! Понял. Пальцами сын Ирбиса попытался объяснить, что им грозит опасность. И это оказалось понятным. Теперь самое сложное – следовало отодвинуться от окна так, чтобы снаружи их стало не видно, что придется сделать быстро и по возможности одновременно. Неизвестно, какое из окон «удерживает» противник.

К сожалению, солдат не имел понятия о сложностях кланового языка детей Севера, но обычную армейскую знаковую скороговорку знал, и рыжий, как мог, растолковал ему, что к чему.

«На счет три, – беззвучно прошептали губы следопыта. – Раз... два... три!»

Га-нор взвился в воздух. Свистнуло, раздался глухой удар. Следопыт рухнул на пол, перекатился и оказался под самым окном. Быстро осмотрелся по сторонам.

Лук был жив. Сейчас он прижимался к двери, а его полное добродушное лицо приобрело цвет простокваши. В стене, на которую солдат совсем недавно опирался спиной, торчала стрела в полтора ярда длиной. Толстая. С фиолетово-красным оперением.

– Проклятье! – выругался северянин.

– Кто это?! – заорал насмерть перепуганный Лук, очень живо представляя, как его прибывает к стене такой вот штукой.

– От двери! Живо!

Чего Луку было не занимать, так это сообразительности. Он не стал задавать глупых вопросов и сделал то, что было велено. Не отпуская топора, перекатился в сторону и на животе дополз до безопасного места между стеной и каменной печкой. Для стрелка здесь была мертвая зона.

Следующая стрела насквозь пробила хлипкие дверные доски, выйдя из них на две ладони. Останься стражник на месте, он бы уже был покойником.

– Лук! Живой?

– Вроде да. – Солдат дрожащими руками ощупывал себя. – Кто это?

– Сжегший душу!

– Настоящий?

Он тут же понял всю глупость вопроса. Случившееся не походило на сказку его старого дядьки-пропойцы.

– Откуда он здесь взялся?

– Спроси чего полегче, – буркнул Га-нор. Что тварь забыла в лесу – еще тот вопрос. – Сиди, не высовывайся.

– Ага.

Солдат понимал, что их приперли к стенке. Избушку держат на прицеле, не выберешься. Высунешь нос, получишь стрелу.

Га-нор пока находился вне видимости Сжегшего, но тот вполне может поменять позицию. Стараясь не поднимать головы и держаться стены, северянин поспешно переполз в угол, где его уж точно не могли достать.

Лук из противоположного края напряженно наблюдал за рыжим. Тот уселся и, поймав встревоженный взгляд товарища, невесело усмехнулся. Понимал, в какую навозную кучу они угодили.

– Сколько у нас времени до того момента, как ему надоест ждать? – спросил стражник.

Га-нор отметил, что солдат не запаниковал и оружие в руках сохранил. Молодец.

– Все зависит от того, как давно он здесь и что хочет получить.

– Скальп. Не знаю, как тебе, а мне мои волосы дороги.

– У тебя их не так уж много и осталось.

Лук кисло усмехнулся:

– И все же. Что ты намерен делать?

– Думать.

Как убить Сжегшего, когда нет арбалета? Пока до него добежишь – подстрелит, словно ожиревшую куропатку. Выйти через дверь – самоубийство, окна тоже отпадают. Как и крыша.

Сжегшие душу – хорошие лучники. Быть может, люди и нириты Брагун-Зана стреляли точнее, чем жители Великой пустыни, но и те и другие проигрывали Сжегшим в силе. Луки этих существ по мощности могли поспорить с самыми грозными из арбалетов. Стрела запросто пробивала большинство доспехов, созданных кузнецами этого мира.

Имперские войска сталкивались с воинами Сжегших несколько раз, еще до Войны Некромантов. И очень часто стычки заканчивались не в пользу людей. На землях Империи страшных лучников давно не видели, но помнили прекрасно. И если хотя бы малая часть рассказов о них правда – справиться со стрелком будет очень и очень непросто.

– Он может войти сюда?

– Не знаю, – после некоторого раздумья ответил Га-нор. – Если дурак,

то может. Поглядывай за крышей. Если подберется к дыре, то перещелкает нас как орехи.

– Сам поглядывай. – Лук с решительным видом перехватил топор. – Лопни твоя жаба, но я не собираюсь здесь куковать.

Прежде чем Сын Ирбиса успел спросить, что задумал солдат, тот начал рубить пол. Топор взлетал и падал, ломая старые доски. Уже через несколько минок в полу появилась дыра, куда без труда можно было пролезть.

За время работы парень запыхался и вспотел, но его добродушное лицо выглядело донельзя счастливым.

– У меня отец охотником был. Такие срубы всегда на ямах ставят. Пол от земли на ярд, если не на два поднимают. Когда зимуют, там продукты держат. До люка не добратся, он под окном, так что я вот...

– И что потом? Предлагаешь нам залезть под пол? – Вид у северянина был скептическим.

– Нет. Предлагаю сделать это тебе. – Увидев, как рыжие брови поползли вверх, Лук поспешно пояснил: – Я вряд ли смогу справиться с этой тварью. А ты сможешь.

– Как я выберусь из-под земли? Пророю подземный ход?

– Говорю же – изба стоит на сваях. Между полом и землей заколочено досками. Все гнилое. Много сил не потребуется.

– И пока я там буду ползать, ты собираешься отсидеться здесь?

Лук пожал плечами:

– Ползать с тобой я могу. Мне не зазорно. А вот к Сжегшему подкрасться – нет. Сам понимаешь, меня он за лигу услышит. Я в дозоры по Самшитовым горам не хаживал.

Га-нор задумался. Ему предложили выход. Риск, конечно, велик, но или рисковать, или сидеть здесь, пока не умрешь с голода. Или к Сжегшему придет подмога. Морти, например. Тогда уж точно будет поздно дергаться. И солдат прав. В этом деле от него толку никакого не будет. По лесу ходит, словно кабан, – шумит так, что даже глухой услышит. Больше вреда, чем помощи. Придется справляться собственными силами.

– Хорошо, сделаем по-твоему.

По стенке он дополз до окна, затем до печки. Теперь следовало миновать простреливаемый участок. Лук, понимая, что сейчас случится, отодвинулся. Га-нор прыгнул, вновь на долю уны опередив ударившую в пол стрелу.

– Упорная с-с-скотина, – процедил сын Ирбиса.

– Главное, что косая, лопни твоя жаба!

Северянин согласно хмыкнул и, не мешкая, спрыгнул в дыру. Яма оказалась неглубокой, где-то по пояс.

– Жди здесь. Если что, я тебе крикну.

– Я точно ничем не могу помочь?

– Помолись за меня, если тебе делать нечего, – предложил Га-нор и скрылся под полом.

Здесь царил полумрак, сильно воняло плесенью, сыростью и землей. Он быстро сориентировался и выбрал путь к глухой стене, находящейся напротив двери. Сжегший вряд ли станет следить за этим участком. Зачем, когда предполагается, что выходы есть только через дверь и окна?

При всем желании здесь было не разогнуться, поэтому пришлось ползать на четвереньках. По счастью, ползти было недалеко. Сын Ирбиса уперся в набитые на сваи доски, которые являлись продолжением стены и закрывали просвет между землей и потолком-полом. Как и говорил Лук, часть досок прогнила, часть оказалась прибита абы как, да еще и неплотно пригнана друг к другу. Га-нор чутко прислушался и не услышал ничего подозрительного. Щебетали птицы, гудели насекомые, ветер гулял в кронах высоких чинар. Следопыт приник к щели и внимательно осмотрел окрестности. Основной обзор закрывали ежевичные кусты, разросшиеся в колючую, прогибающуюся под крупными темно-фиолетовыми ягодами живую изгородь. Оставалось уповать на то, что враг сейчас находится в противоположной стороне.

Следопыт извлек кинжал, просунул клинок между досками и, используя оружие как рычаг, начал освобождать себе дорогу. Работая, северянин старался не переусердствовать, действовать мягко, чтобы не дай Уг, древесина не треснула. Он справился с этой задачей. Дерево поддавалось без труда, и через несколько минок терпеливой работы сын Ирбиса вылез из-под избушки.

На животе, не поднимая головы, ужом проскользнул к ежевичным кустам. Не обращая внимания на колючки, с грехом пополам обполз эту преграду и, не вставая, по мху добрался до ближайшей чинары. Участок в жалких десять ярдов он преодолевал едва ли не пятнадцать минок. В искусстве сливаться с лесом в единое целое Га-нор мог поспорить даже с Высокородными. Ни одна веточка не треснула, ни один даже самый тонкий кустик не качнулся, да и птицы не встревожились.

Спрятавшись в углублении между массивными корнями дерева, северянин с облегчением перевел дух. Самое сложное позади. Дальше должно быть проще. У него появилось преимущество – враг не знает, что кто-то выбрался из избушки. И этим следует воспользоваться.

Правда, ползание по ежевичным зарослям не прошло даром. Все тело, включая лицо, оказалось покрыто неглубокими кровоточащими царапинами. Но с этой досадной мелочью можно разобраться после. Сжегший – не морт, нюх у него не такой сильный, кровь не почует.

Пригибаясь к земле, короткими перебежками от дерева к дереву Га-нор бросился прочь от леснянки. Он не оглядывался до тех пор, пока не ушел в лес ярдов на восемьсот.

Если бы не Лук, он убрался бы и дальше. Пока его хватятся, пройдет очень много времени. Можно так запутать следы, что его даже Проклятые не найдут. Но придется возвращаться. Уг не поймет, если сын Ирбиса бросит товарища. Расплата после смерти будет страшной. Загнать в ледяную бездну Забвения – это ужаснее всяких Сжегших.

Изменив направление с севера на восток, он прошел еще около четырехсот ярдов. Стороннему человеку могло бы показаться, что северянин без всякого смысла бродит по лесу. На самом же деле Га-нор обходил засевого лучника по крутой дуге, намереваясь зайти с тыла. Потребовалось больше нара таких «блужданий», чтобы он тихо и незаметно для противника подобрался к избушке с «лицевой стороны».

До нее оставалось не больше пятидесяти ярдов. Было прекрасно видно закрытую дверь с угодившей в нее стрелой и окно. Но вот Сжегший отсутствовал, хотя по всем предположениям должен был находиться где-то рядом. Именно отсюда он стрелял.

Сменил позицию?

Плохо. Тварь сидит в укрытии, а вокруг избушки множество деревьев и кустов. Есть где спрятаться. Северянин надеялся вычислить укрытие, из которого Сжегший мог бы с легкостью вести стрельбу по окну. Первая точка была на том месте, где залег он сам; вторая – шагах в тридцати от него, за чинарой. Но там, судя по всему, никого не было. Здесь враг тоже не прятался, иначе Га-нор уже отправился бы на суд Уга.

– Где же ты засел, гаденыш? – не разжимая зубов, процедил он.

Время текло, но следопыт так и не мог обнаружить противника. Все говорило о том, что тот с чего-то взял, да и ушел. Га-нор не стал прислушиваться к глупой мысли. Он был слишком осторожен для этого. Решил ждать столько, сколько потребуется.

Большой пестрокрылый дятел пролетел над леснянкой и привлек его внимание. Птица села на ствол соседней чинары и тут же вспорхнула, словно что-то ее испугало. Следопыт впился глазами в густой кустарник, растущий рядом с деревом. Раньше он тоже не оставил его без внимания, но никаких признаков опасности не заметил и благополучно забыл о

кустах, начав искать другие укрытия, где мог бы спрятаться Сжегший.

Ничего подозрительного. Кусты как кусты. Мало ли чего испугалась птица?

Опять потянулись бесконечные минки ожидания. Но теперь Га-нор не спускал взгляда с кустов. И тут изменился ветер. В нос сразу же ударил запах миндаля.

Северянин едва не выругался. Тварь пряталась всего в двадцати шагах от него. А он был столь слеп, что, если бы ни птица, никогда не заметил врага. Слава Угу, что когда подводят глаза, есть еще и нос.

Он стал отползать назад и вбок. Когда расстояние сократилось до десяти шагов, увидел Сжегшего. Голова, тело по пояс и две руки. Вместо бедер и ног у этих существ был короткий чешуйчатый змеиный хвост. Для чего он им – было непонятно, передвигались твари исключительно по воздуху, так как благодаря магии свободно парили над землей. Правда, невысоко. По слухам, могли подниматься на высоту человеческого роста.

Череп создания казался деформированным. Слишком высокий и тяжелый лоб, ввалившееся личико, хрупкие скулы. Жиденькие волосы, в которые вставлено красно-фиолетовое перо неизвестной птицы. Желтая, сморщенная кожа, маленькая нижняя челюсть, лицо старика. Нос и уши отсутствовали. Вместо них – черные дырки. Длинные, худющие, точно у скелета, руки выглядели обманчиво слабыми, хотя без труда могли гнуть подковы. На сухое костлявое тело наброшена грязная серо-зеленая туника. Колчан с пукон стрел за спиной. Еще три стрелы воткнуты в землю. В руках тварь сжимала лук такого размера, что Га-нору стало нехорошо. Из подобного не людей, а снежных троллей убивать.

Все внимание лучника занимала избушка. По сторонам Сжегший не смотрел и даже не подозревал, что человек все это время прятался недалеко от него. Га-нор обнажил меч. Сделал шаг в сторону врага. Замер. Еще один. Вновь застыл. Сейчас он, как никогда, напоминал большого рыжего ирбиса. Кота, подкрадывающегося к ничего не подозревающей добыче.

Сжегший пошевелился, и северянин, перестав прятаться, бросился вперед. Тварь услышала, взвизгнула, развернулась, вскидывая лук. Она оказалась гораздо проворнее, чем думал разведчик.

Га-нор в последний момент отпрыгнул в сторону, и стрела рассерженным шмелем прожужжала рядом с ухом. Он замахнулся мечом, с хаканьем ударил сверху вниз, метя в лицо. Меч рассек кожу, плоть, кости, мозг и развалил голову противника. Тот выгнулся, подлетел вверх на добрых два ярда и, ломая кусты, упал на землю. Га-нор на этом не остановился и нанес уже мертвому Сжегшему еще три страшных удара. По

мнению следопыта, тварь это заслужила.

Сын Ирбиса возвратился к избушке и забарабанил в дверь:

– Лук, вылезай!

Там завопили, и из дверей с опаской вышел солдат:

– Лопни твоя жаба! Я уж думал, что тебя того...

– Это я его «того».

– Ты весь в крови.

– Ежевичные кусты постарались. Тварь меня едва не подстрелила.

– Он был один?

– Да. Убираемся отсюда.

– Я хочу посмотреть.

– Зачем?

– Никогда не видел живого Сжегшего.

– Он не живой.

– Мне без разницы.

Га-нор с безразличием пожал плечами, махнув рукой в сторону, где лежало тело. Вошел в избушку, быстро собрал вещи в сумку. С порога увидел, что Лук крутится вокруг трупа. Рыжий подошел к стражнику и тоже посмотрел на мертвеца. На взгляд следопыта, в нем не было ничего интересного.

– Успел убить нескольких наших, гадина. – Лук указал на три человеческих скальпа, привязанных к колчану Сжегшего.

– Туда ему и дорога, – угрюмо отозвался Га-нор. Солдат вытащил из волос убитого красно-фиолетовое перо, чудом не испачканное кровью.

– Возьму на память. Знаешь легенду о том, как появились Сжегшие душу?

– Нет. – Следопыт попытался натянуть тетиву трофейного лука. Бесполезное занятие. Для этого дела требовался настоящий силач. Северянин с сожалением бросил оружие на землю.

– В стародавние времена народ Сжегших душу был точно такой же, как йе-арре. Они вместе жили на юге, за Великой пустыней. Это только потом крылатые^[20] перелетели на север. По легенде наших пернатых друзей, племя Сжегших, раньше называвшихся как-то по-другому, нарушило заветы своего бога, и тот наказал отступников. Отобрал у них крылья, сверг с небес и сжег души. Твари рождаются, живут, умирают, а дальше их ждет ничто. Никакого шанса попасть в Счастливые сады или в Бездну. Лишь пустота да забвение. Вот кто такие Сжегшие души.

– Они и без крыльев отлично летают. Собирайся, сказочник. Надо уходить.

– Куда мы сейчас?

– Куда ты и хотел. В Песью Травку. А там поглядим.

Лук, ничего не говоря, разгладил перо и убрал во внутренний карман старой куртки.

Глава 6

Набаторцы вошли в деревню ранним утром.

Сначала на дороге, ведущей в сторону Врат, появились всадники. Шестьдесят человек пролетели по центральной улице и собрались возле трактира, который быстро превратили в некое подобие военного штаба. Четверых постояльцев выгнали вон, и те сочли за лучшее не возмущаться и, тем паче, не оказывать сопротивления. Трактирщик, бледный от страха, дрожащими руками распахивал по карманам золотые монеты и, запинаясь, бормотал, как он счастлив принимать таких дорогих гостей. Оставшиеся солдаты быстренько разместились по соседним домам. Препятствий им не чинили, благо вели они себя на удивление вежливо. Не убивали, не грабили, к женщинам не приставали, за все услуги исправно платили. Было видно, что пришли надолго, а потому нет никакого толку воровать и тащить то, что и так стало твоим.

К обеду на дороге показался отряд пехоты. Человек восемьдесят, быть может сто, деревенские не считали. Эти тоже вели себя прилично, во всем слушались капитана-кавалериста и быстренько рассредоточились по избам. Половина воинов вооружилась топорами и начала рубить лес. Капитан собрался строить у дороги небольшой форпост и казарму.

В помощь солдатам отрядили дровосеков, но те оказались слишком горды и глупы, чтобы работать на чужаков. Схватились за топоры. Трех зачинщиков бунта по приказу офицера повесили, а еще двоих для остротки утопили в реке. Эти казни на остальных подействовали отрезвляюще, и больше с «древорубами» проблем не возникло – они исправно валили лес для будущей крепости. Бревна на лошадях свозили к Лысому камню. Именно там, по задумке командира набаторцев, должен был встать форт, перекрывающий дорогу к Вратам Шести Башен.

Один из солдат нашел запрятанную местными бутылку самогона. Напившись, стал приставать к жене кровельщика. Мужик не стерпел и дал обидчику в лоб. Тот схватился за меч, крестьянин – за вилы. Подоспевший патруль обезоружил мужчин, а капитан вынес суровый приговор – повесить обоих. Солдата за неисполнение приказа, кровельщика за то, что посмел поднять руку на воина Набатора.

На казнь согнали почти всех жителей деревни. Мужчины хмурились и сжимали кулаки, но не глумили, бабы их удерживали. Многие женщины плакали, опасаясь, что начнется расправа над всеми поселянами. Однако их

опасения не оправдались. Никого из собравшихся не тронули. Капитан зачитал у виселицы обращение набаторского короля к своему народу, где говорилось, что деревни и города, занятые славной армией союзных войск Набатора и Сдиса, переходят под покровительство Его Величества на веки вечные. Всем, кто будет оказывать помощь армии и принесет присягу, став подданным Его Величества, будет разрешено спокойно жить, работать и не платить налогов в течение десяти лет. Также отмечалось, что за оказание сопротивления доблестной армии короля, за помощь вражеским войскам Империи и прочие преступления против короны всех нарушителей ждет смерть.

Казнь состоялась. И больше смертей не было.

– Не выйдешь. Во всяком случае, сегодня. Патрули. На окраинах – посты. Нам придется задержаться, – вынесла неутешительный вердикт Лаэн.

Она только что вернулась с улицы и рассказывала мне последние новости. Я слушал и крепил наконечник к узкому древку. Еще несколько заготовок лежали на столе. Рядом с ними – восемь уже готовых стрел. Тут же был лук со снятой тетивой. В отличие от простого^[21], который я использовал в последнем деле, этот был не таким большим и дальнобойным. Меньше прежнего, композитный^[22], с четырьмя изгибами^[23]. Но в умелых руках он становился не менее грозным оружием, чем его старший брат. А я без ложной скромности могу сказать, что считаю свои руки достаточно умелыми.

– Постараемся уйти ночью.

– Это неразумно. Первые дни они будут бдительны. Но когда поймут, что крестьяне никуда не собираются бежать, перестанут стеречь границы деревни. Надо выждать.

– Лаэн, мы не можем ждать. Ты вчера чудом осталась жива.

– Я была неосторожна. Больше это не повторится. – Она сердито перебросила косу через плечо. – Ты опасаясь новых гостей?

– Отчасти, – неохотно признался я. – Еще больше я опасюсь того, что сказал капитанчик во время казни. Союз Набатора и Сдиса. Понимаешь теперь, как им удалось взять Врата?

– Я не дура. – Она криво улыбнулась. – Некроманты. А за ними последние пять сотен лет стоят Проклятые.

– Которым неизвестно что здесь понадобилось.

– Раньше Империя была их страной. Решили зайти в гости.

– Сегодня тебе не очень хорошо удастся ирония, – очередная стрела была готова, и я положил ее рядом с остальными. Поискал глазами новый наконечник, выбрал широкий срезень. – Вам, госпожа, может грозить опасность.

– Не думаю, что к нам на огонек заглянут бывшие Ходящие.

– Полагаю, неделю назад никто не думал, что они решат заглянуть в Империю. Не знаю, что нужно Проклятым в нашей стране. Но теперь здесь опасно. Надо придерживаться прежнего плана и отправляться в Альсгару. У Йоха должок.

– До этого ли? Сейчас война.

– Гийянам^[24] всегда нужны деньги. От нас не отстанут, пока мы не уберем заказчика.

Лаэн покачала головой. Она поняла мою мысль, но все еще сомневалась:

– Ты упрям, как стадо самых туполобых ослов, Серый. Мы не справимся.

– А ты слишком надеешься на милость Мелота, Ласка. Как показывает опыт, неприятности на голову сваливаются неожиданно.

Я видел, что она хотела вспылить, «зарычать» на меня, но сдержалась. За прожитые вместе годы успела узнать, что тогда я еще сильнее заупрямлюсь и сделаю все по-своему. Поэтому она погасила порыв и примирительно улыбнулась:

– Давай подождем до вечера, дорогой.

– Давай, – легко согласился я. – Но ничего не изменится. Нам повезло, что живем на окраине. А то бы пришлось впускать в дом всякую мразь.

Известие о том, что Врата пали и в Империю вторглись враги, я принял спокойно. Да, конечно, поначалу не поверил. Но набаторцев видел своими глазами, а значит, те как-то прошли через Самшитовые горы. Сделать это можно было лишь через Врата, и вряд ли гарнизон крепости пропустил врагов по доброте душевной.

На самом деле, мне было все равно, кто правит. Хоть Император, хоть Проклятые – все едино до тех пор, пока не трогают меня и мое солнце. Дают жить спокойно, и ладно. А все остальное – их личная грызня, и геройствовать за чужие интересы – глупо. Кому это надо? Разве что сказителям, только и мечтающим превратить опрометчивый поступок очередного мертвого «героя» в очередную слащавую легенду.

– Ну вот. Накликал, – вздохнула Лаэн, посмотрев в окно. – Стоит подумать о дряни, и она тут как тут.

Я увидел, что во двор входит четверка людей Молса. Ласка опасно

сузила глаза:

– Выпроводить их?

– Нет, – быстро ответил я. – Узнаем, что им на этот раз понадобилось.

Бамут и Гнус встали у ворот. Кнут и Шен подошли к крыльцу. Мы встретили их на пороге.

Кнут, увидев нас, благодушно поинтересовался:

– Как здоровье, Лаэн?

– С каких пор ты столь заботлив?

– С тех пор, как Молс попросил сопроводить вас до Альсары в целости и сохранности. Я зарабатываю на вас деньги.

Она рассмеялась невеселым смехом:

– Честный ответ. Не ожидала от тебя.

Тот невозмутимо пожал плечами:

– Мы по делу пришли. Набаторцы забрали трактир в «вечное пользование», а нас попросили убраться, пока целы.

– Поражаюсь такой доброте. Наши бы, на их месте, чужаков вздернули. Особенно столь подозрительных. В вас за версту видно шпионов.

– Мелот от Тощей вдовы^[25] миловал. Мы не стали дожидаться, пока о нас вспомнят. Их капитан, несмотря на молодость, еще та скотина.

– Эта... И лошадей всех отобрали, ублюдки! – зло оскалился Бамут.

Я подбросил у-так в воздух. Поймал за рукоятку. Подбросил. Поймал.

– Что потребовалось от нас? Мы лошадей не вернем.

– На постой пустите?

Мы с Лаэн даже не переглянулись.

«Я им не доверяю».

«Я тоже, Нэсс. Но они могут оказаться полезны, если соберемся уходить».

«Проще без них. Иначе придется отрастить глаза на затылке».

«С ними будет легче выбраться из деревни. Затем постараемся избавиться».

У нее был практичный склад ума. Она никогда не спешила отказываться от полезных вещей. Умная девочка.

«Нельзя стараться избавиться. Либо мы это сделаем, либо нет. Ты уверена, что сможешь справиться со всеми, дорогая?»

«Да».

«Хорошо, сделаем, как ты сказала. Но сначала попытаемся прорваться без их помощи».

– Не вижу у вас оружия. – Я цепким взглядом осмотрел непрошенных

гостей.

– Сказали все сдать. Бамуту еще и в глаз за припрятанный арбалет дали.

– Хорошо. Можете остаться. Южная половина дома в вашем распоряжении. Вход с огорода. Надеюсь, вы не причините нам хлопот.

В последние слова я вложил угрожающие нотки.

– Никаких хлопот не будет, – поспешил заверить Кнут. – Ты надолго собираешься здесь задержаться?

– Подумываю над этим вопросом, – неопределенно ответил я.

– Просто в качестве размышления... Сегодня набаторский патруль попытался остановить двух всадников, которые направлялись в вашу деревню со стороны Альсары. Как я слышал из разговора, эта парочка оказала отчаянное сопротивление. Так что пришлось расстрелять их из арбалетов. Но четверых солдат они завалить успели. Серьезные ребята.

– Хочешь сказать, это по наши души?

– В последнее время в Песьей Травке словно медом намазано для лихих людишек. Нам всем надо смываться. Даже набаторцы рано или поздно могут кого-то прозевать. Или за жителей возьмутся. Я не верю в их доброту.

– Мы подумаем.

– Воля ваша. Думайте. Мы подождем дня два, а потом свалим.

– А как же деньги? – насмешливо спросила Лаэн. – Неужели вы нас оставите?

– Деньги это, конечно, хорошо, но жизнь дороже. Я рядом с набаторцами теряю аппетит. А если нагрянут наши войска, то тут такая каша заварится, что выбраться из котла будет сложно.

– Поживем – увидим, как все обернется, – ответила Лаэн. – Обед не скоро. Раз остались, натаскайте воды в бочку у сарая.

– Я что, нанимался по хозяйству работать? – возмутился Гнус.

– Считай это платой за постой. И, кстати! Отдай нож.

– Какой нож?! – тут же ощерился он.

Она улыбнулась:

– Никогда не поверю, что набаторцы смогли его у тебя отнять. Если хочешь здесь жить, то только по моим правилам. А они гласят – никаких ножей за пазухой!

Гнус набычился, собираясь начать спор. Кнут тяжело нахмурился. Маленький убийца бросил на командира недовольный взгляд, но невысказанному приказу подчинился. Извлек из-под куртки свое излюбленное оружие. Бросил к моим ногам.

Я поднял:

– Получишь, когда будешь уходить. Не забудь про воду. Кто работает – тот ест.

Порк был не согласен с мнением окружающих. Он считал, что появление набаторцев это здорово и ужасно интересно. До сего дня деревенский дурачок никогда не видел столько вооруженных людей в одном месте.

Наверное, половина из них была рыцарями. Да. К тому же повешенных он тоже никогда не видел. А это было ужасно познавательно и смешно. Хлоп, и они начинают так забавно дергать ногами и хрипеть! А еще у них языки вываливаются и синими становятся, точно ежевика. Порк любил ежевику. Она сладкая, вот только очень колючая. Больно. Надо помолиться Мелоту, чтобы он все шипы согнал с кустов, тогда можно смело лакомиться вкусненькими ягодками себе на радость.

А еще те повешенные, точнее солдат, штаны намочил, когда уже был мертвым. Испугался, наверное, к Мелоту в Счастливые сады идти. Ну и дурак. Да.

Кровельщика, конечно, жалко, он никогда Порка не трогал... Хотя нет. Так ему и надо. Как-то попросил Порк одолжить ему денег на меч, чтобы можно было дев спасти, а мужик его взащей выгнал. Так что пусть теперь повисит и ворон покормит, подумает, за что его наказали.

Нет, все же зря люди в деревне говорят, что набаторцы гадкие. Ничего они не гадкие. Дровосекам мигом показали, кто тут главный теперь. Дали им по мордам, так что те сразу тихонькими стали. Вон лес рубят так, что щепки летят. Небось не хотят повешенными быть. Синеть и языки вываливать. И в речке тонуть не хотят. Так что добрые эти солдаты. И капитан у них добрый. И умный. Прямо как сам Порк. Да. Как он сразу догадался, что дровосеки злые, когда Порк пожаловался, что они ему рубаху порвали. А капитан рассмеялся и сказал, что их накажет. Потом. Как-нибудь. Очень хотелось посмотреть, как их будут наказывать. Это куда интереснее, чем коров пасти. Угу.

Не злые набаторцы. А те, кто так говорит, – дураки. Вот пойдет Порк и расскажет своему другу капитану, что о его людях думают.

Поначалу он не надеялся, что солдаты станут его друзьями. Они казались страшными и ужасно злыми. Вытолкали его взащей вместе с рассказами о рыцарях, но, поняв, что он очень-очень умный, начали с ним разговаривать. С удовольствием шутили и много-много смеялись. Они были рады его видеть и всегда спрашивали, когда Порк станет рыцарем?

Даже обещали дать самый большой настоящий меч и научить с ним обращаться. Пока сказали тренироваться с палкой. Он выломал целое деревце, представил, что это меч, и пошел рубить головы брюкве старой Розы. Ух и разоралась же та на него! Чуть клюкой не кинула. А когда Порк сказал, что ему разрешил сам капитан, стала проклинать «тупого дурака». Кого карга обозвала дураком, Порк так и не понял. Но сегодня вечером он точно нажалуется на препротивную старуху господину Наю. Пусть тот сам у нее узнает. И повесит гадкую вместе с дровосеками. Чтобы тем скучно не было. А Порк посмотрит и посмеется над зловредными.

Пастух вдруг вспомнил, что теперь дровосеков повесить будет очень сложно. Он самолично видел, как их изрубили в капусту. Позавчера это было. Ага. Порк, как всегда, пас проклятых ленивых коров на старом месте, недалеко от Лысого камня. Точнее коровы сами паслись, а он наблюдал за тем, как строится деревянный форт. Это была самая настоящая крепость, пускай половина частокола еще не поставлена. Зато уже успели построить вышку, и на ней сидел самый настоящий лучник и смотрел за дорогой! Он в любого мог стрельнуть. И попасть. Они храбрые – эти лучники. И меткие! Почти как Гнут из деревни, только не одноглазые...

Так вот, дровосеки, а с ними некоторые из солдат строили крепость, а тут по дороге от Альсары ка-а-к выскочат! Имперские солдаты. Человек сорок. Все на конях, кричат, оружием машут. Начали рубить всех, кто под руку попался! Порку даже страшно стало – и дровосеков порубили и солдат! Даже не стали разбираться, кто хороший, а кто злой. Древорубов надо было убивать!

А с набаторцами можно было дружить. Вечером встретиться, поговорить об оружии и о девах, выпить шафа у трактирщика. Вкусный у него шаф! Набаторцы теперь Порка каждый день угощают и смеются, когда того ноги не держат. Но он на них не обижается. Нет. Он же понимает, что они по-доброму веселятся. К тому же скоро ему меч подарят. Нельзя с ними ссориться.

А имперцы злые – живыми не ушли. Капитан из деревни прискакал на помощь со своими воинами. И каждый воин вез с собой еще по лучнику. Те с лошадей спрыгнули и как начали палить! О-го-го! А еще тот, что на вышке сидел, – помог. Ух, как они их стрелами всех обсыпали! Многих поубивали. Ага. А тех, кого не смогли, всадники набаторские порубили. Ну и правильно. Так им и надо! А деревенские их еще друзьями считали. Ну не дураки ли?..

Потом Порк смотрел, как набаторцы осматривают тела мертвецов. Забирают их лошадей, оружие, деньги, красивые сапоги. Много-много

всего интересного. Он тоже хотел. Вот только к покойникам его никто не подпустил. Так что все досталось не ему.

И в этот самый момент Порк вспомнил о других мертвецах. Тех самых, в лесу, на поляне. Которых убил страшный плотник. Должны же у них были остаться всякие там деньги и другие красивые и нужные штуки. Их можно себе оставить или поменять на вкусняшки. Ага. А с виду этот Парс таким добрым казался, а убил неизвестных дядек так же быстро, как и набаторцы летучий отряд имперских солдат. Хорошо, что Порк не догадался никому рассказать о том, что случилось. А то бы всех покойников себе другие разобрали, а он опять с носом остался. Какой все же он умный!

У дурачка появилась цель. Он решил завладеть имуществом мертвецов, а потому, оставив коров на попечение Мелота (старательно помолившись ему), отправился в лес. Идти пришлось далеко, через всю деревню.

Он боялся, что попадет на глаза отцу, и тогда точно несдобровать. Но повезло. Никто не остановил. В лесу Порк начал сомневаться. А вдруг славных мертвецов нашел кто-то другой и обобрал? Что тогда? Зря перся. Не будет у него полезных вещей и всяких вкусняшечек. А вдруг покойники куда-то делись?

Чем ближе он подходил, тем страшнее ему становилось. Так некстати вспомнились истории, которые прошлым летом рассказывал сын мельника. Про мертвяков, которые оживают, вылезают с кладбищ и жрут всех, кто мимо них ночью ходит. А тех, кто не ходит, а бежит, вначале догоняют, а потом уж жрут. Во время одной особо страшной истории подкравшийся Льон схватил Порка за плечи и гавкнул. Дурачок со страху испачкал штаны и неделю заикался. А все смеялись и звали его тухлой репой.

В нос ударил неприятный запах, и дурак понял, что покойные никуда не делись. Он увидел поляну, человеческие тела, порядком объединенные хищниками и вороньем, и чужака, внимательно осматривающего трупы. Смердящий воздух и тысячи мух, слетевшихся на мертвечину, того несколько не волновали.

Порк от разочарования едва не заплакал! Опоздал! Теперь все заберет этот! Этот! Все деньги и другие вещи. Пропали его вкусняшки и богатство! Мерзкий гад!

Человек стоял к Порку спиной. Высокий. Широкоплечий. В руках посох черного цвета со странным набалдашником, но дурачок никак не мог понять, что в нем не так. Человек оказался одет в длинный белый плащ с капюшоном, подпоясанный широким черным поясом, на котором висел

страшный кривой меч.

Да. С ним не поспоришь. У него оружие. Как достанет, как срубит голову, если начнешь просить, чтобы поделился находками.

Расстроенный Порк тихонько заскулил, кулаками размазал слезы по грязным щекам.

Неизвестный обладал отличным слухом. Он тут же оторвался от изучения покойников, резко обернулся и посмотрел на кусты, в которых прятался пастух. Лицо «конкурента» скрывал капюшон, и Порк видел лишь темный провал. Когда пастух «наткнулся» на тьму под капюшоном и ощутил пронизывающий до костей взгляд, то испытал новый приступ страха. Вжался в землю, затаил дыхание, надеясь, что незнакомец его не увидит.

Но тот и не думал отворачиваться. Все так же стоял и смотрел. Сердце Порка готово было вырваться из груди от страха. Он уже пожалел, что вообще пришел сюда. Лучше бы пас коров. Ну их, эти сокровища. Жил без них и еще сто лет проживет. Сейчас дурачок хотел лишь одного – чтобы жуткий человек ушел.

Он медленно стал отползать назад, и тут «белый» быстро направился в его сторону. Теперь Порк видел, что набалдашник посоха вырезан из цельного куска черного камня, которому придали вид черепа. Пастух замер, пораженный ужасом.

– Выходи, – приказал «капюшон», останавливаясь перед зарослями. – Я не причиню тебе вреда.

Порк не посмел послушаться. Попискивая от страха, стараясь не смотреть на заговорившего с ним, выбрался на поляну. Какую-то долю уны человек рассматривал его, а затем снял с головы капюшон.

Теперь он перестал казаться ужасающим и зловещим. Не намного старше Порка. Загорелый, черноволосый, с высокими скулами, тонкими чертами лица, красивыми карими глазами и аккуратно подстриженной бородкой.

На дурачка незнакомец смотрел с любопытством, но без всякой враждебности.

– Ты из деревни?

Порк поспешно кивнул, стараясь показать, какой он хороший.

– Знаешь, что тут произошло?

Вновь кивок. Он не собирался врать.

– Кто их убил?

– Парс, плотник.

– А этих двоих тоже он? – Человек указал на два ближайших к ним

тела.

Пастух наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Затем отрицательно покачал головой:

– Не-е. Эти уже были мертвые, когда Парс прибежал жену выручать.

– Жену? Это она сожгла им головы?!

– Не знаю, – не стал обманывать Порк. – Я не видал.

– Интересно, – пробормотал неизвестный и задумчиво перебрал пальцами по посоху. – Знаешь, где живет эта женщина?

– Ага. Здесь. Неподалеку.

– Проводишь меня?

Порк согласно кивнул и икнул от удивления. Дурачку показалось, что череп на посохе ему улыбнулся.

В день, когда в мой дом завалилась четверка людей Молса, уйти из Песьей Травки не получилось. Набаторцы при всем своем дружелюбии за выходами из деревни следили бдительно. Предпринятая нами с Лаэн ночная попытка прорваться к лесу едва не окончилась провалом. Два секрета, плюс частота патрулей, плюс смотровые на вышках и освещенные кострами поля. Пришлось вернуться несолоно хлебавши. Во дворе мы наравались на Кнута. Тот не удивился возвращению вооруженных и походному одетых хозяев. Лишь многозначительно хмыкнул, дожеввал репу и, так ничего и не сказав, тихонько насвистывая, ушел в отведенную «гостям» половину.

Все последующие дни я ходил хмурый и злой. И только Лаэн, давно привыкшая к подобным всплескам дурного настроения, могла меня успокоить. Я был готов кидаться волком на любого. Ничегонеделанье выводило из себя, к тому же я чуял грядущие неприятности и ощущал себя загнанным в ловушку зверем.

Кнут старался лишний раз на глаза нам не попадаться. Остальные также вели себя тише воды ниже травы. Даже Шен и Гнус перестали цапаться, хотя в первый вечер только этим и занимались. Сейчас они заключили нечто вроде временного перемирия, «не замечая» присутствия друг друга. Гости видели нас дважды в день – за обедом и ужином. Все молчали, быстро съедали предложенную снедь и уходили восвояси. Правда, Гнус ни с того ни с сего взял себе за правило наполнять огромную бочку у сарая водой из колодца. Впрочем, никто против такой самостоятельности не возражал.

Спустя неделю после появления набаторцев Кнут решился на разговор:

– Мы через пару дней уходим.

Я в этот момент мрачно ковырялся ложкой в похлебке и насмешливо поинтересовался:

– Планируешь за это время подготовиться?

– Да. Надо уточнить маршруты патрулей, смену постов.

– Это я могу тебе рассказать и сейчас.

– Тогда что вас останавливает?

– Желание жить долго и счастливо.

– Ясно, – процедил он и надолго задумался. Затем, почему-то посмотрев на Гнуса, спросил:

– Никаких шансов?

– Ну... шансы есть всегда. – Я оставался ехидно-насмешлив. – Но тихо слить не удастся. Это я гарантирую. А с боем прорываться не очень разумно. Во всяком случае, на данный момент.

– Неужели до леса не добраться? – изумился Шен.

– И что потом? Здесь единственная дорога до Альсгары. Леса на лиги вокруг. А дальше топи. Блазги со своими плотинами постарались. Не пройти. Единственный приемлемый путь – тракт. А за ним наблюдают.

– И все же мы рискнем. Дольше здесь оставаться опасно.

– Воля ваша. – Я безразлично пожал плечами.

– Ты боишься? – язвительно спросил Шен. Кнут предостерегающе зашипел на него, но лекарь и бровью не повел.

Я, вопреки ожиданиям всех присутствующих, не вспыхнул, а лишь лениво потянулся:

– Вот что я тебе скажу, щенок. В тот день, когда я куплюсь на столь глупую уловку, можешь потребовать с меня сто соронов. Если, конечно, ты не испугаешься.

Гнус заржал от восторга, что его противника так ловко отбрили. Хлопнул рукой по столу. Но, прежде чем Шен успел сказать ответную гадость, его прервали:

– Эта... У нас гости! – предупредил Бамут, все это время сидевший у окна и строгавший из деревянного обрубка некое подобие человечка.

Увидев вошедшего во двор, Лаэн стала белее, чем одежда незнакомца, и грязно выругалась.

– Никому не дергаться. Ведите себя смирно, – сказал я, убирая под стол топорик.

– Он же один, – удивился Гнус.

– Гнус, сиди тихо! Я не собираюсь отскабливать твои кишки со своего потолка. Кнут, надень на него поводок. И на этого молокососа тоже.

Шен на «молокососа» не обиделся и, кажется, даже не услышал. Он был так же бледен, как мое солнце. Гнус немного присмирел и спросил с жалобной ноткой:

– Да объясните мне, наконец, что это за хмырь?!

– Просто сиди тихонько, а? – Даже всегда спокойный Бамут начал нервничать. – Мы можем уйти в другую половину дома.

– Толку-то? Он нас все равно учует, – с какой-то безнадежной тоской произнес Кнут. – Приперся, гад! Вот ведь вляпались! Что ему здесь надо?

– Сейчас узнаем. – Лаэн отбросила упавшую на глаза светлую прядь и вышла навстречу некроманту.

Уну они смотрели друг другу в глаза. Лаэн надеялась, что выглядит достаточно испуганной.

Некромант оказался молод. Лет двадцать пять, не больше. Но судя по посоху – мастер Четвертого круга^[26]. Для такого возраста – это чрезвычайно много. «Значит мальчик талантливый – нечего сказать. – Лаэн старалась принять правильное решение, понимая, что главное – не переиграть. – И, наверное, умный. С ним может возникнуть множество проблем. Как некстати он пришел! Неужели у колдуна талант Ищущего^[27]?! Почуял Дар?»

Она поспешно поклонилась, пряча глаза, чтобы Белый не прочел в них ничего лишнего. Быстро, глотая слова, затараторила:

– Что привело доброго господина в этот дом? Он желает заказать что-то из дерева? Не извольте сомневаться, добрый господин, все сделают, как вы захотите, а если что не так, так у любого спросите, каждый ответит, что тут живет лучший плотник в деревне. На прошлогодней ярмарке, что в Ельничьем броду проводилась, то...

– Помолчи, – негромко оборвал ее гость. Весь интерес в его глазах пропал. Теперь он обшаривал двор. – Мне сказали, здесь живут Анн и Парс-плотник.

У Лаэн больно кольнуло сердце.

– Вам правильно указали дорогу, добрый господин, – подобострастно ответила она, про себя пожелав проклятым болтунам удавиться на собственных кишках. – Это здесь.

– Я хочу их видеть. Немедленно.

– Я Анн. Мой муж в доме.

Цепкие карие глаза впились в ее лицо. Черные густые брови удивленно поползли вверх. Неожиданно некромант усмехнулся:

– Или меня обманули, или ты умней, чем кажешься.

Лаэн постаралась сохранить угодливое лицо. Смотреть на сдисца она больше не решалась. Боялась, что взгляд выдаст.

– Веди в дом! – не дождавшись ответа, резко бросил он.

– Пожалуйста, пожалуйста, – заторопилась она. – К столу проходите, добрый господин. Чем богаты, не побрезгуйте.

Некромант вошел в дом, увидел пятерых мужчин.

Хмыкнул:

– Много же у тебя мужей.

– Я – муж, – негромко отозвался я, поднимаясь со стула. – А это родичи. Погостить приехали.

– Гости – дело хорошее. – Сдисец поправил висящий на боку кривой меч, сел за стол. – Да ты садись, не стой, плотник. Знаешь, кто я?

– Знаю.

– А твои... родичи? – Последнее слово он произнес с усмешкой.

– Знают.

– Это хорошо. Значит, не будут делать глупости и избавят меня от труда портить вашу избу. Хозяйка, ты, кажется, обещала накормить. Я с дороги голодный.

Спустя несколько мгновений перед ним появилась тарелка с сытной куриной похлебкой, ломоть ржаного хлеба, масло, лук, крынка со сметаной и кружка с холодным мятным шафом.

Колдун, ни на кого не обращая внимания, начал с явным аппетитом есть. Все молчали. Бамут, словно ничего не произошло, продолжал строгать из деревяшки смешного человечка, но его выдавали вспотевший лоб и некоторая нервозность в работе. Я видел, что он волнуется, рука с ножом едва заметно подрагивала, и четырежды стружки были толще, чем требовалось. Шен и Гнус сидели у печки. Первый со скучающей физиономией пытался рассмотреть сквозь потолок небо. Второй, наконец поняв, кто заявился к нам в гости, сплел пальцы на руках и бормотал себе под нос то ли молитву от злой магии, то ли проклятие.

Я вяло жевал хлеб. Мы с женой успели переглянуться, и она подала знак «молчание». Лаэн не знала, сможет ли некромант услышать мысленный разговор, и не хотела это проверять.

– Вкусно готовишь, – сказал незваный гость, отодвигая от себя опустевшую тарелку. – Сядь.

Она, поколебавшись, подошла к столу и села напротив колдуна. Рядом со мной.

– Слышал я, что в лесу, неподалеку, убили кого-то. Знаете об этом?

– Нет, добрый господин.

Некромант улыбнулся, кивнул. Было непонятно, поверил он ей или нет.

– Странные убийства, хочу сказать, – ни к кому толком не обращаясь, произнес он. – Есть среди мертвецов двое. Можно подумать, что бедняг сунули головами в кузнечную печь. Об этом вы, конечно, тоже ничего не слышали?

– В лес редко ходим. Мелот миловал, мертвых не видели. Да и в деревне о них не болтали, – ответил я.

– А тебе я слова не давал! – Карие глаза нехорошо блеснули. – Так что, Анн? Знаешь ты что-нибудь об этих несчастных?

– Нет, добрый господин.

– Не ври мне, – мягко предупредил он ее.

– Я говорю правду, – произнесла Лаэн.

А я только вспомнил о Порке, который нас видел. Проклятого болтливового дурака следовало утопить в реке, пока была такая возможность! И вот, пожалуйста, – оставили болтуна в живых.

– Посмотри на меня. – В голосе колдуна слышалась вся та же обманчивая мягкость. – В глаза.

Она собрала волю в кулак и сделала то, что он просил. Некромант смотрел долго. Невыносимо долго. Я напрягся, готовясь, если что, перевернуть на эту тварь стол. А там как получится. Неожиданно сдισεц расхохотался:

– А у тебя талант, девочка. – Слышать «девочка» от куда более молодого, чем она сама, человека – почти смешно. Я видел, как мое солнце сдержала едкую фразу, готовую вот-вот сорваться с языка. – Врешь ты умело. Или не врешь?

– Мне незачем врать. Да и как бы я посмела обманывать вас?

– О! Это было бы очень... неосмотрительно с твоей стороны. Ложь ни к чему хорошему не приводит. Ты должна это понимать. И знаешь, наверное... я верю тебе. Что делать такой хорошей хозяйке, как ты, в лесу, где что ни поляна – покойники?

Некромант явно издевался. Он знал! Знал, что она была там, почувствовал остатки магии. Такое ведь возможно.

Но отчего-то продолжал игру.

Кнут небрежно подтянул под себя ноги, чтобы удобнее было прыгнуть колдуну на спину. Я понял его задумку, но, наоборот, расслабился и положил руки на колени, поближе к у-таку.

– Откуда приехали «родичи»?

– Из Альсары, – негромко произнес Шен.

Белый расцвел в счастливой улыбке, словно они с лекарем оказались земляками.

– Хороший город. Говорят, красивый. Я и мои братья намереваемся туда со временем заглянуть. Очень интересное место. Многие из Альсары обладают Даром. У тебя он есть, Анн?

– Нет, добрый господин. Я не из этого города.

– Печально. – И, продолжая рассуждать вслух, закончил: – На Ходящую ты не похожа. Огонек? Я не ощущаю твоего жара. Кто ты? Самоучка? Если да, то как ваши ищущие упустили такую силу?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, добрый господин.

– Может, и не понимаешь, – не стал спорить он. – А может, и понимаешь. Мне, увы, не узнать. Это очень печально, знаешь ли. Поэтому вскоре мы продолжим наш разговор. Но в присутствии еще одного... человека. Я сегодня же сообщу ему о тебе. Думаю, ты будешь польщена оказанной честью.

Он встал из-за стола, дошел до двери, обернулся:

– Я вернусь с новыми вопросами, и лучше бы вам... всем приготовить ответы, которыми я останусь доволен. Будет очень неприятно разрушить столь милый моему сердцу родственный круг. Скоро прибудет тот, кого я жду. А пока, чтобы вы не вздумали со страху сбежать, я нашел для вас надежную охрану. До скорой встречи, Анн.

Неспешной походкой колдун вышел за ворота. Плотно притворил за собой калитку. Ожидавшая его пятерка мортов зашевелилась.

– Охраняйте дом, – бросил некромант. – Следите за людьми. Никто не должен уйти. Если попытаются – верните. Но не калечить. Женщину даже пальцем не троньте. Она нужна мне целой.

Анн оказалась умна и отнюдь не робкого десятка. Сдисцу нравились такие. Врала, конечно, когда говорила, что не была в лесу. Ее выдал стук сердца. Но вот когда он упомянул о Даре, женщина и вправду ничего не понимала. Никаких намеков на ложь. Жаль, что он не умеет ощущать силу, пока ее не призывают.

Можно, конечно, и самому справиться. Снизойти до банальных пыток в крайнем случае. Но он боялся ошибиться. Если Анн умрет и с ней умрет ее способность, Вышестоящие^[28] его по голове не погладят. Так что придется просить помощи. Колдун не любил этого, но другого выбора не было. Приказ был предельно ясен – при нахождении людей, у которых может быть «искра», сообщать незамедлительно.

Концом посоха сдисец начертил на прокаленном зноем песке волнистую линию. Заключил ее в треугольник, произнес короткую формулу

вызова. Из скудных теней соткался вестник, сердито зашипел, получил указания и растаял. Он знал, кого следует искать и что передать.

Оставалось ждать.

Глава 7

Га-нор оказался хорошим учителем. За последние дни Лук узнал о лесе больше, чем за всю жизнь. Северянин по мере сил и возможностей обучал спутника правилам следопытов. Опыт тот перенимал медленно, но успехи были налицо. Во всяком случае, солдат перестал ломиться через сухой кустарник и топтаться по влажной почве. Старался идти по краю тропинки, чтобы не повредить натянутые над ней паутинки, ступать след в след за сыном Ирбиса. Сопел значительно тише, говорил вполголоса, слушал лес и внимательно смотрел по сторонам. А, главное, – не путался под ногами.

Спустя несколько суток подобного «натаскивания», Га-нору приходилось следить за товарищем куда меньше, чем в первое время. Расстояния, пройденные в дневные переходы, возросли на порядок.

После встречи со Сжегшим душу людей никто не преследовал. Кажется, наконец-то враги потеряли след беглецов. Но Га-нор осторожничал и спешил, словно за ним гнались все Шестеро^[29].

Поначалу пробирались по заросшим лесом предгорьям, которые довольно быстро сменились холмами. Спустя еще три дня началась лесистая равнина со множеством озер, речушек и ручьев в балках – непролазные заросли бредняка и еловых завалов, темные овраги и мрачные чинаровые рощи.

Спутники бойко двигались на запад. Дорог сторонились. Поначалу, когда местность была неровной, двигались параллельно тракту, затем ушли далеко влево, и Лук вообще потерял всякую ориентацию в пространстве. Он не понимал, как северянин определяет, куда идти. Пытался ориентироваться по солнцу, но не получалось. Солдат не верил, что петли и спирали, которые они ежедневно наматывают по лесу, приведут их к Песьей Травке. Однажды Лук попытался вслух высказать свои сомнения по поводу правильности пути, но наткнулся лишь на многозначительное хмыканье. Га-нор не собирался ничего разьяснять.

Стражник тяжело вздохнул. После бесконечно утомительной ежедневной ходьбы он разуверился в том, что они доберутся до нужного места. Деревня не город. Шанс пройти мимо, не заметить ее среди буковых, сосновых и дубовых рощ – велик. А если заблудиться, в лесах можно бродить до скончания жизни. Как бы еще в Сандон^[30] не загреметь. То-то Высокородные будут счастливы встрече с чужаками. Впрочем, кажется,

следопыт движется на запад – в противоположную сторону.

По глупости Лук решил уточнить у Га-нора, в каком направлении они идут.

– На восток.

– Как на восток? Ты уверен?

– Уверен, – невозмутимо ответил тот.

– Но нам надо на запад, лопни твоя жаба!

– А сейчас идем на восток, – рассеянно бросил северянин.

Он остановился и, присев на корточки, стал осторожно ощупывать пальцами землю.

– Как на восток?! Почему на восток?!

– Не паникуй. Дорога верная. Пришлось сделать крюк. Нехорошее место было. Надо вернуться в обратном направлении. Брать восточнее.

– Вернуться... – недовольно заворчал Лук. – А чем тебе та тропка не угодила? Шли нормально.

– Говорю же, место нехорошее. Берлога гова. Неужели запаха не почувствовал?

– Ну... да. Пахло как-то странно. Я думал, это трава какая-то цветет.

– Трава... Интересно было бы на тебя посмотреть, если бы ты тут без меня пошел. Трава! Так лесной демон пахнет во время линьки. Поэтому я и решил не лезть. Связываться с ним – себе дороже. Уж лучше лишний день потерять...

– Ну, если гов, тогда понятно, – перестал возмущаться Лук. – Но ты мне скажи, когда мы придем? Прем и прем. Прем и прем. Меня от этих елок-палок уже тошнить начинает. В город хочу. Шафа. Еще немного, и я сдохну.

– Шафа! – хмыкнул охотник. – Твой шаф, брат, сейчас набаторцы хлебают.

– Но это не значит, что я не могу о нем мечтать.

– Выпей воды из ручья и заткнись. – Га-нор закончил ощупывать землю и встал.

– Только и знаешь, что «заткнись», «тише», «не ори»...

– Не ори.

– Да кто нас здесь услышит?!

– Дурень, сколько раз повторять?! – прошипел сын Ирбиса. – Лес тишину любит. Твои вопли за лигу слышны. Говори шепотом, я не глухой.

Лук обиженно засопел, но голос понизил:

– Ты так и не сказал, когда мы доберемся до этой клятой деревни.

– Скоро. Считай, уже добрались.

– Никакого жилья поблизости нет.
– Под ноги посмотри. Видишь следы?
– Нет.
– Отпечатки старые. Уже оплыли, и земля к пальцам не липнет. Суток двенадцать-пятнадцать.

Га-нор повел рукой над участком тропинки. На взгляд Лука, тот ничем не отличался от других.

– Следы еще ни о чем не говорят.
– Еще как говорят. Особенно, если это крестьянские лапти. Кто-то из деревни охотился. Не советую идти дальше. Там волчья яма.
– Где? – Солдат остановился как вкопанный.
– В пяти шагах от тебя. Прямо.
– Да нет здесь ничего, лопни твоя жаба!

Земля была как земля. Если там и есть ловушка, то отлично замаскированная.

– Ты вообще ничего не видишь, – начал злиться сын Ирбиса. – Но это не значит, что этого нет. Давай за мной. След в след.

Он сошел с тропинки и обогнул опасное место.
– И зачем ее тут поставили?
– А я знаю? Может, на гова. Может, на зверя. В любом случае идти нам осталось от силы четыре нара.
– И отдохнем! – У Лука сейчас была лишь одна мечта.
– Если все тихо. А нет, придется дальше идти. До Альсгары. Западное направление это не север. Больше никакого жилья по дороге не встретим. Ждут тебя леса и блазгские болота. И переть нам через них еще недели две, если не больше.

Солдат громко застонал, выражая этим звуком всю степень своего отчаяния и недовольства.

Когда перевалило за полдень и тени от деревьев начали удлиняться, спутники вышли на берег реки.

Га-нор уселся на землю и распустил шнуровки на сапогах. Лук вообще разулся. Подошел к прогретым солнцем камням и, щурясь, словно обжеванный простокваши кот, опустил ноги в холодную воду.

– Застудишь, – предупредил его сын Ирбиса.
– Я закаленный, – возразил солдат и тут же громко чихнул.
Сын Ирбиса, грызя травинку, понимающе усмехнулся:
– Похоже, осталось всего ничего. Пойдем по течению. Вон, за излучиной начинается светлый лес. Не очень большой. Пройдем его, и окажемся у деревни.

– Ты что? Здесь был?

– Нет.

– Тогда откуда знаешь?

Следопыт пожал плечами.

– Ладно... поверю на слово. В чем вам, северянам, не откажешь, так это в чутье. Уф! Уж думал, мы никогда не доберемся. Только сейчас я понял, как ненавижу лес. – Он выбрался из воды, взялся за портянки. – До счастья – рукой подать.

– Рано радуешься. Еще неизвестно, что там происходит.

– Да нужна набаторцам эта глушь! Окни и Гаш-шаку – вот куда они попрут. Если полезут к Альсгаре, то оставят Лестницу Висельника открытой и получают удар в спину. Нет. Они вначале возьмут юг, обложат перевал, перекроют отход на север и только потом вернутся и возьмут Зеленый город. Я бы так сделал. Вначале перегородил Лестницу, а уж потом начал резвиться.

– Стратег... Набаторцам все нужно. Может, они и пропустят деревушку, та для них вправду особой ценности не представляет. А может, нет. Не хочу спорить. Через нар увидим.

– А я вот готов поспорить. – Лук хитро прищурился. – Ставлю сорен против того, что я тебе задолжал, что никаких набаторцев мы не увидим.

– Надеешься отыграть долг? – усмехнулся сын Ирбиса и подкрутил ус.

– Вот-вот.

– Идет. Если все будет так, как ты сказал, я с превеликой радостью забуду о том, что ты мне должен.

Солдат довольно хохотнул, посчитав, что победа в кармане.

Лук шел по лесной тропинке и думал о том, что даже в такой глуши должен быть трактир. Вроде ребята из третьей роты, когда мотались вместе с капитаном в Альсгару, останавливались в трактире Песьей Травки. Следовательно, можно ожидать шафа, вкусного жаркого, горячей воды и отдыха на приличной кровати. На двоих у них даже есть один сорен, зашитый в сапог стражника. Пригодилась заначка. Хорошо, что не успел проиграть ее в кости. Совсем скоро эта монета даст ему и Га-нору возможность почувствовать себя нормальными людьми. Интересно, а у следопыта есть деньги?

Раньше этот вопрос Лука не тревожил. Не до того было. Он бросил быстрый взгляд на идущего впереди северянина.

Вряд ли у него есть хоть что-то. В рейды по Приграничному краю деньги не берут. С кем там торговать? С горцами? Так что если у рыжего и были какие-нибудь сбережения, то они остались в крепости, а,

следовательно, сейчас перекачывали в карманы набаторцев, будь они неладны.

– Лук, не отставай, – не оборачиваясь, командовал Га-нор.

– Да бегу уже почти, лопни твоя жаба! – возмутился бывший стражник. – Потаскал бы топор с мое...

Следопыт ничего не ответил. Присев на корточки, стал изучать землю. Лук, уже давно привыкший к этим неспешным процедурам, терпеливо ждал.

Солдату пришла в голову мысль о том, как несправедливы к северянам жители Империи. Особенно центральных и южных провинций. Детей Ирбиса считали варварами. Дикарями. Тупыми, вспыльчивыми и грубыми людьми.

Одетые в шерсть и кожу, щеголявшие в килтах, вечно бряцающие оружием, они, по мнению многих, были годны лишь на то, чтобы умереть во славу Империи. Бирюки, жрущие сырое мясо. Рыжеволосые берсерки, раскрашивающие лица красной краской и делающие себе страшные татуировки на спинах. Да еще и поклоняющиеся странному и непонятному богу-воину Угу. Еще надо разобраться – не враг ли он всеблагому Мелоту?

Это, конечно же, самые глупые сплетни. Пожирание родившихся в клане слабых младенцев, взятие в жены собственных внучек, купание в растопленном снегу, щедро сдобренном горячей вражеской кровью – вот то небольшое, что говорят о Детях Ирбиса, когда они этого не слышат.

Раньше Лук многое считал правдой. Конечно, в такие глупости, как кровавые ванны, он не верил. Но в то же время был согласен, что все северяне грубы, неотесанны и непроходимо тупы. Даже после того как стражник приехал служить к Вратам Шести Башен и там впервые увидел Детей Ирбиса, он не изменил своего отношения. Краткое общение лишь убедило в правдивости множества слухов. На него пару раз рыкнули и чуть не дали в морду. Больше Лук с «варварами» старался не беседовать, что, в общем-то, было несложно. Гарнизонные стражники все время крутились на стенах и возле ворот или пыхтели на тренировках под надзором сержантов, а северяне ходили в разведку. Шастали по Приграничному краю, вновь возвращались, отдыхали, отъедались и опять уходили в горы.

Путешествие с Га-нором заставило его пересмотреть свои взгляды насчет северян. Солдат, при всем желании, не мог назвать спутника дикарем. Возможно, таким он показался бы большинству жителей просвещенной Империи, но не Луку. Следопыт не был тупым, грубым или вспыльчивым. Наоборот. Опытен, умен, расчетлив, хладнокровен, умеет просчитать ситуацию и никогда не совершает поспешных поступков.

– Очень много следов. Даже лошадиные копыта. Часто сюда заходят, – прищурив глаза, заметил сын Ирбиса.

Неожиданно сойдя с тропинки, втянул носом воздух:

– Чуешь?

«Гов?! Сжегший душу?! Покойник?!» – вихрем пронеслось в голове у Лука. После событий у Врат Шести Башен он ожидал чего угодно.

– Нет. А что там?

– Держи топор наготове. Прикрывай спину. За мной, но башкой по сторонам крути. Если что увидишь – скажи, но не ори громко.

Тропа осталась позади. Товарищи шли по густому подлеску, река все время была по левую руку. От глаз ее скрывали густые заросли, но Лук слышал журчание на перекатах. Они вышли на лесную прогалину, где трава была им по пояс. Га-нор вновь начал нюхать воздух и прислушиваться.

– Что? – стараясь не дышать слишком громко, поинтересовался стражник. Сейчас северянин был для него единственной опорой и надеждой. – Какая дрянь на этот раз, лопни твоя жаба?

– Скоро увидим. Хватит на меня пялиться, я не баба! Кому говорил, башкой по сторонам вертеть? В высокой траве не менее опасно, чем среди деревьев. Здесь целую армию можно спрятать.

Лук испуганно икнул и сжал мокрыми ладонями древко топора. Теперь это место казалось ему небезопасным.

Вопреки ожиданиям стражника, никто не спешил выскакивать из травяных зарослей. Поляну они миновали без всяких приключений. Началась дубовая роща. И только теперь Лук почувствовал то, что давно уже уловили чуткие ноздри Га-нора – запах разлагающихся трупов.

Мертвецы пахли ужасно. Даже если бы Порк вздумал не мыться целый год (что, конечно же, ему никогда не позволит сделать отец), он бы так не вонял. Деревенскому дураку, в третий раз вернувшемуся на поляну, было плохо. От запаха кружилась голова и бунтовал желудок. Его даже дважды стошнило, в последний раз прямо на рубаху.

Это было очень и очень плохо. Теперь придется ее стирать, иначе к дому в такой не подойдешь. Отдубасят, что на задницу месяц не сядешь. Отец не посмотрит, у него в друзьях добрые, славные набаторцы и тот дяденька, что оказался самым настоящим колдунцом-некромантом. Он даже после просьбы Порка подарил ему этих мертвецов. И теперь они его, можно делать с ними все, что хочешь. Да!

И все, что принадлежало этим мертвякам, – теперь тоже его. Ни один

набаторский солдат не отнимет. А если отнимет, Порк пойдет к своему другу-колдуну, нажалуется, и тот превратит злюку в какую-нибудь тухлятину. Пусть знают, как Порка обижать! У него такие друзья, что о-го-го!

Тысячи кружащихся над разлагающимися телами мух, противно жужжали и все время норовили залететь в рот. Дурак плевался, отмахивался, но это мало помогало. Жара заставляла его потеть, а пот да испорченная рубаша лишь привлекали мерзких насекомых. Но Порк все равно делал то, зачем сюда пришел.

Он уже стал счастливым обладателем двух пар изрядно провонявших мертвечиной сапог (одна оказалась впору и тут же нашла более достойного хозяина, чем прежний), золотой цепочки, трех кошельков, в которых было немало мелких монет, ножа с красивой рукоятью из оленьего рога, острого-преострого меча и... много чего еще. Порк в одночасье стал настоящим богачом.

Почти сбылась его мечта – он купит всяких вкусностей, а потом его примут в рыцари. Только пусть попробуют не принять! А если не примут, он пойдет в колдунцы. Тоже будет носить кривой меч, белое и посох. А что? Некромантов, как оказалось, куда сильнее боятся, чем рыцарей. Вон все деревенские о лучшем друге Порка только шепотом говорят, да в светлое время суток. Трусят! Даже капитан Най, самый храбрый набаторец в деревне, говорит с колдунцом очень уважительно и не ссорится.

Вот только Порк немножечко ревновал к Парсу-плотнику. А вдруг тот более близкий друг некроманту, чем он? Вон, колдунец к нему в дом ходил, сидел там, а потом пятерых мортов оставил. Сухих, как шкелеты, и с мечами. И лица у них безносые, а глаза желтые-прежелтые, как у кота старой Розы. В прошлом месяце Порк решил проверить, умеет ли этот толстяк плавать, изловил кота, но до реки донести не смог. Домашний любимец дрался отчаянно и исцарапал дураку все руки. Пришлось его отпустить. Прямо в лужу.

А эти морты – страхолюдины еще те! Порк, когда их увидел, чуть не умер со страху. Стоят, не шевелятся. Только глазами по сторонам зыркают и никого к дому Парса не пускают. Правда, туда никто и не ходит. По той улице теперь вообще боятся ходить... Какой же все же противный этот мертвец! Сапог ну никак не хочет сниматься.

Порк со злостью пнул труп, заставив сотни мух взвиться в воздух.

Гадский сапог не желал сползать с ноги гадского мертвяка!

Он пытался и так и эдак. Пыхтел, тянул, дергал – ни в какую. А сапоги были хорошие. Кожаные и с золотой ниткой у шнуровки. Если такие

самому надеть, то все девы – твои. Даже отвоевывать не надо будет. Главное, чтоб впору пришлись. И слезли. А что пахнут – ничего. Это самое нестрашное, да. В свинарнике тоже воняет, и – ерунда. Вон он его каждую неделю моет. Сапоги тоже помоем. И почистит. А потом дев пойдет очаровывать.

Долго же он тут возится. Вон целая куча добра. Надо к стаду бежать, но оставлять такие сапоги нельзя. Обязательно кто-нибудь придет и сопрет. И хорошо, если только их. Тут богатства до небес. Моргнуть не успеешь, как украдут. Взять с собой нельзя. Как все это тащить? В чем? Да и не поднять. Тяжело. Надо прятать. Или в стволе расколотого дерева, авось туда, глупые, не посмотрят. Или в кустах. Вот только сапоги проклятущие снять... Порк повернулся к покойнику спиной, снова схватился за сапог и потянул. Кусты на краю поляны внезапно зашевелились, и перед испуганным пастухом появились двое мужчин. Первый – высокий, рыжий и старый. С мечом и в смешной юбке. Второй – пухленький, с заросшим щетиной лицом. У него был вот такенный топор.

– Дровосек, – пробормотал Порк. Также он понял, что появились незнакомцы совсем не вовремя. В тот самый момент, когда все богатство оказалось сложено в одну кучу. Конечно же, они пришли именно за ним.

– Мое! – взвизгнул пастух и заметался между сваленным бараклом и так и не снятыми с мертвеца сапогами. Затем, понимая, что с ними ему никак не справиться, с воплями обиды и страха бросился в противоположную от людей сторону.

– Гдо эдо был, лопни двоя жаба? – прогнусавил сквозь прижатый к носу и рту рукав рубахи Лук.

Мертвечиной несло так, что он боялся потерять сознание.

– Явно не оживший покойник. Обычно они бегут не от тебя, а к тебе, – с иронией ответил ему Га-нор.

– Мелот его знает. Выглядел он еще так...

– Мародер. Жаль, что ушел.

– Бабему?

– Потому, что его можно было расспросить. А еще потому, что ему может хватить ума привести сюда кого-нибудь. Уходим. Живо!

Лук не возражал. Покинуть зловонную поляну, где валялись (слава Мелоту!) окончательно мертвые мертвецы, он счел за великое счастье.

Га-нор почти бежал. Стражник хоть и запыхался, но не отставал. Такой темп они поддерживали минок десять.

Наконец северянин остановился, нырнул в кусты и тут же исчез. Лук нервно топтался на месте.

– Ну, долго тебя ждать? – Из зарослей появилась недовольная голова следопыта.

– Откуда я знал, что мне тоже сюда? – оправдался солдат, залезая в укрытие.

– Смотри.

– Куда?

Сын Ирбиса отодвинул ветку.

– Туда.

За краем зарослей начиналось небольшое поле, а за ним была прекрасно видна расположенная по берегам реки деревня. Лук так обрадовался этому зрелищу, что не сразу заметил смотровую вышку, где стояла едва видимая с такого расстояния фигурка лучника и идущий вдоль домов патруль из трех солдат.

– Теперь ты должен мне два сорена.

Лук разочарованно помянул жабу. Деньги ерунда. Бездна с ними! Набаторцы куда хуже. Неужели им и вправду суждено пробираться лесами и болотами до самой Альсгары?

– Я лучше здесь умру, – простонал он.

– погоди умирать. Жди.

– Не думаю, что мы здесь что-нибудь высидим.

– Я не прошу тебя думать. Я прошу ждать. Надо посидеть и посмотреть. Уходить рано. Дотянем до ночи, там будет видно.

– Нам не удастся пробраться в деревню незамеченными.

– Глупости! – фыркнул Га-нор. – Ты посмотри на них. Кого им здесь охранять и кого опасаться? Особенно с этой стороны. При желании в поселок снежный тролль проберется, не говоря уже о человеке. О! А это, кажется, по наши души.

Лук увидел, как через поле от деревни скачет с десятков всадников. На одной лошади сидели сразу двое. Первый – набаторский солдат, а второй, судя по светлой рубахе, – тот самый парень, которого они спугнули с поляны. У кромки леса солдаты натянули поводья, спрыгнули с лошадей, оставили одного из своих присматривать за ними и скрылись за деревьями.

– Они нас не обнаружат? – Лук заерзал по траве и на всякий случай подтянул топор к себе поближе.

– Не волнуйся. Эти дурни даже мамонта при свете дня в запертой клетке не найдут. К тому же мы совсем не там, где должны находиться по их мнению. Порыскают и успокоятся. Далеко в лес не пойдут.

– Может, они упорные.

– Ты видел их походку? Всадники. Что они понимают в лесе? Им бы

только скакать да орать в три горла. Заблудятся в бабушкином огороде. Хочешь поспорить?

– Хватит мне на сегодня споров. Если нас не найдут, я буду только рад. А следы они читать умеют?

Га-нор скорчил презрительную физиономию, явно говоря этим, что столь непростительно глупых мыслей он от Лука ну никак не ожидал.

– Всегда может найтись упрямый дурень. А мы тут лежим, ничегошеньки не видим. Вдруг он с тыла зайдет?

Северянин основательно обдумал это предположение, затем глубоко вздохнул:

– Хорошо. Ради твоего спокойствия пойду и проверю. Ты обладаешь ужасным свойством – вселять в людей неуверенность в собственных силах.

– Я просто с детства осторожен, – оправдывался Лук.

– Лежи здесь. И, ради Уга, не высывайся, пока я не вернусь.

Он скрылся в высокой траве. Лук, потев от волнения, остался ждать. Северянин вернулся минок через двадцать, причем не с той стороны, откуда его ждал стражник.

– Ну что?

– Говорю же – им только лошадям хвосты крутить, а не по лесам шастать. Потоптались на месте, никого не нашли. Накостыляли тому парню по шее за то, что их зря прогонял.

Действительно, почти тут же из леса показались люди, водрузились на лошадей и, никуда не торопясь, отправились восвояси.

– Слава Угу, что нам попались тупицы кавалеристы, а не разведывательный отряд. Эти, прежде чем уйти, каждую травинку бы рассмотрели. А тут... олухи!

В деревне все было тихо и мирно. Всадники скрылись за домами, лучник потихоньку жарился на вышке, патрули лениво бродили по окраинам. Га-нор еще трижды уходил, затем возвращался.

– Так, значит, с темнотой пойдем?

– Я пойду. Будешь ждать меня здесь.

Он прав. В ночном предприятии с Луком мороки больше, чем пользы. Так что спорить стражник не стал. Двигаться наравне с северянином сложно. А делать это бесшумно, практически не оставляя следов, – непосильная задача.

– Принеси чего-нибудь пожрать. Скоро живот паутиной зарастет.

– Чего врешь? Ел утром.

– Корка хлеба и корка сыра это, по-твоему, еда? Я здоровый мужик, а не какой-нибудь задохлик и...

– Любишь пожрать.

– Люблю, – легко согласился с правдой жизни Лук. – До ночи я как-нибудь дотерплю. Но к утру без жрачки точно околею.

– Где я тебе возьму? Схожу в трактир и куплю? Или завалиться к набаторцам и у них попросить?

– Ну я же не прошу так, сразу... Чего ты злишься? Просто, если у тебя вдруг появится возможность... э-э-э... позаимствовать что-нибудь съестное, я буду счастлив. Стану молиться за жизнь и здоровье твоей семьи до скончания веков.

– У меня нет семьи.

Понимая, что сморозил глупость, Лук помрачнел, но тут же нашелся:

– Ну, тогда за тебя молиться буду, к тому же я...

– Помолчи, пустобрех, – беззлобно оборвал его сын Ирбиса. – Ты мешаешь мне считать.

– Считать что? – Солдат оторвался от созерцания пасторального пейзажа деревни и окрестностей и наконец-то повернулся к следопыту.

– Набаторцев. Должен же я знать, сколько здесь патрулей?

– Трое на вышке. Один всегда смотрит, двое других, как я понимаю, сидят на полу. Наверное, в кости играют. Ловко обставили. Если кто нападет, то до последнего будет считать, что лучник один. Тех-то не видно. Смена происходит каждые два нара. Патрулей четверо. В каждом по трое. Проход между первым и вторым, третьим и четвертым – десять минок. Между вторым и третьим – все двадцать. По сторонам смотрят редко. Третий патруль один раз задержался на полнара. Тьма знает, что они делали. Пока ни разу не менялись. Люди все те же. Похоже, стража обходит Песью Травку по границе. Обычный гарнизонный распорядок в захваченном селении. Насчет количества ничего не могу сказать. Мы на самом дальнем конце поселка. Судя по домам и сплошным полям-огородам – здесь не слишкомлюдно. В других местах с надзором, может, и получше.

Пока Лук рассуждал, Га-нор смотрел на него, удивленно прищурив глаза. Вот уж чего северянин от своего спутника не ожидал, так это такой внимательности.

– Что смотришь? – грубовато поинтересовался солдат. – У меня рога пока еще не выросли.

– Как ты все это заметил?

– А я что? По-твоему, полный дурак, что ли? Ни на что не способен, кроме как в кости играть? Я столько лет в гарнизоне Башен лямку тянул. На Створках постой с мое и не так еще натренируешься. Нам без этого никуда. Всех местных-окрестных надо в лицо знать. Кто что везет, к кому приехал.

Контрабанду носом чуют. Это для вас, разведчиков, мы всегда были и оставались мусор. А мы...

– ...и вы оставили Врата открытыми, – безжалостно закончил следопыт.

Лук хотел сказать ответную гадость, но в последний момент махнул рукой и, отвернувшись, не разговаривал с Га-нором до самого вечера.

Ночь выдалась теплой и ясной. Луна еще не появилась, но из-за тысяч высыпающих на небо звезд было достаточно светло. Лук лежал в укромном лесном логове, и кусты надежно скрывали солдата от чужих глаз.

Га-нор ушел уже больше нара назад, и солдат нервничал. Рубаха на спине намокла от пота. К тому же от волнения у него разболелся живот. За время одиночества он уже десять раз успел перебрать все пришедшие в голову варианты по поводу долгого отсутствия следопыта. Самый худший из них – сын Ирбиса давно мертв. Тогда находиться в укрытии опасно. Если набаторцы начнут искать всерьез, могут прихватить собак. Или кого похуже. Тогда точно хоть прячься, хоть не прячься – все равно найдут.

Страх взметнулся к самому горлу, сдавил так, что стало трудно дышать. Лук едва не бросился прочь. Огромным усилием воли заставил себя остаться на месте, закрыл глаза, начал медленно считать до десяти.

Не думать о бегстве. Он не может позволить себе такого малодушия. Бросать северянина – подло. Тот слишком много для него сделал.

Он еще раз посмотрел на спящий поселок. Ни души. Ни движения. Свет в домах не горит. Здесь, как и в любой другой деревне, ложатся рано и встают спозаранку, лето – пора работы. Оно ленивых не любит. Лук вспомнил пословицу, которую говорил ему еще дед: «Если летом долго спать, зимой будешь голодать».

Громкий крик ночной птицы заставил его вздрогнуть и выбросить посторонние мысли из головы. Лук ненавидел лес всем сердцем. Он не понимал его и боялся. Постоянные шорохи в древесной кроне. Чьи-то вскрики, так похожие на всхлипы ребенка. Деревья, порой принимающие немыслимые очертания страшных чудовищ. Горящие глазки под корнями дуба. Зловещие тени. Солдат не знал, где бы он предпочел провести ночь, если бы судьба предоставила выбор, – в лесу или на кладбище. Правда, немного подумав, Лук выбрал кладбище. Там хоть понятно, кого бояться. Стражник разглядел человеческую фигуру, когда до незнакомца оставалось не больше шести ярдов. Схватил топор, вскочил на колени, собираясь дорого продать свою жизнь.

– Успокойся.

– Лопни твоя жаба! Жив!

– За мной. Только тихо, – шепнул северянин. На плече у него висел мешок. – Я нашел безопасное место.

До «безопасного места» идти пришлось достаточно долго. Когда Ганор вывел Лука из леса, деревенские дома оказались совсем рядом.

Лук с недоумением посмотрел на товарища.

– Ты хочешь сказать, что здесь безопаснее, чем в кустах?

– Не здесь. На мельнице.

– Она не выглядит заброшенной, – скептически произнес солдат, изучив стоявшее у реки строение.

– А я этого не говорил.

Лук хотел возразить, что глупо торчать на виду чуть ли не у всех местных жителей, но сын Ирбиса уже был возле водяного колеса.

– Они что, дверей не запирают?

– Кому тут воровать? Все друг друга знают. А набаторцы сами у себя не украдут. Им тоже хлеб нужен. Заходи.

Северянин плотно закрыл дверь. Высек огонь, зажег фитиль стоявшего на полу масляного фонаря. Тут же прикрыл его металлической шторкой, чтобы случайный ночной патруль не увидел света.

– Ты уже успел здесь побывать? – От Лука не укрылось, как легко следопыт ориентируется в малознакомом помещении.

– Да. Вон по той лестнице. Наверх.

Лестница спиралью вилась мимо огромных шестеренок и жерновов. Второй этаж. Сплошные механизмы. Вкусно пахнет зерном и мукой.

Сын Ирбиса взял стоящую у стены стремянку, проверил на устойчивость.

– Давай.

На потолке обнаружилась крышка деревянного люка, ведущего на чердак.

– Нас здесь найдут, – обреченно произнес стражник.

– Не найдут. Я проверял. Туда не заглядывали уже месяца два. Здесь гораздо безопаснее, чем в лесу. Мы как у Уга за пазухой. К тому же с этого места большая часть деревни – как на ладони. Лезь.

Лук все еще сомневался, но все же забрался по стремянке, откинул в сторону тяжелую крышку. Залез. Взял протянутый северянином топор.

Пахло пылью, старыми вещами и едким птичьим пометом.

– Слушай, а мельник с утра фонаря не хватит?

– Мельник нет. А кое-кто из крестьян поищет, – усмехнулся в рыжие усы следопыт.

Он сложил стремянку, поставил на место. Затем легко подпрыгнул,

уцепился за край люка и, легко подтянувшись, забрался на чердак.

Га-нор опустил крышку на место. Та хлопнула, подняв в воздух целое облако пыли.

– Придавить бы ее чем-нибудь. Чтобы точно никто не залез. Ну-ка, помоги мне.

В одном из углов грудой были свалены ржавые мотыги, вилы, обломки кос. Таким на чердаке самое место. Здесь же лежал расколотый малый жернов. Весу в нем было фунтов триста. Мельник не стал выбрасывать ненужную, а с чисто крестьянской домовитостью запрятал ее, когда-нибудь сгодится. Вдвоем они перетащили жернов и положили на люк.

– Вот. Можем спать спокойно. Располагайся. – Северянин отряхнул ладони.

Только теперь Лук осмотрелся как следует. Доски на полу и на скошенных стенах были грубыми. От таких заноз нацеплять – раз плюнуть. По углам чердака скопилась старая, запыленная мукой паутина. В противоположной части, на фоне уже начавшего светать неба, большим квадратом выделялось окно. У него не было ни рамы, ни тем более стекол. Просто пропиленная в стене брешь. Должно быть, зимой здесь полно снега.

Лук подошел к окну, сел на корточки. Внизу река, впереди – деревня. Все равно что на дозорной вышке. Вид не хуже.

– Нас с утреча только слепой не заметит.

– Ну, ты бы еще туда задницу голую выставил. Тебя тогда за лигу разглядят. Уйди от окна, дурень.

– Что ты отсюда хочешь увидеть?

– Все, что смогу. Вот. Держи.

Га-нор бросил приятелю мешок. В нем обнаружилась копченая баранья нога, пяток луковиц с зелеными побегами, столько же яблок, маленький горшочек меда, брюква.

– Ого! – восхищенно воскликнул стражник, и в его животе приветственно заурчало. – Это кто такой добрый с тобой поделился?

– Амбар и ближайшие огороды. Хлеба достать не удалось.

– Спер, значит, – одобрительно крикнул Лук, нарезаю кинжалом мясо. – Это правильно. Просить и покупать опасно. А ну как местные солдатам доложат? Лучше уж по старинке. Осторожненько. Взял, где положили, и унес.

– Осторожненько, – пробурчал добытчик. – Едва Угу душу не отдал. Там помимо патрулей секрет лежал, который я не заметил. Ловко залегли. Прямо на них вывалился. Они, как и я, были несказанно удивлены.

– Всех?

– Всех... Взмок, пока тела к реке таскал и следы прятал. С утра хватятся. Начнут окрестный лес чесать. Теперь уже серьезно.

– Деревню тоже могут.

– Вряд ли. Тут набаторцев видимо-невидимо. Я пока огородами да полями бегал, считать замучался. Они едва ли не в каждом доме сидят. На восточном краю, у дороги, казармы ставят. А чуть дальше то ли форт, то ли крепость. Даже ночью работа идет. Окапываются. Наши дураки мух ловят, а потом будут выбивать их большой кровью.

Лук слушал рассказ о похождениях товарища, не забывая жевать. От еды становилось тепло и уютно. Клонило в сон.

Солдат уже засыпал, когда в деревне испуганно завывла собака. К первой псине присоединилась вторая. Затем третья. Еще. И еще.

Лук вскочил. По его спине бегали холодные мурашки. Отчего-то стало жутко.

– Чего они?

– Не знаю. Спи, – не открывая глаз, процедил следопыт.

– Они неспроста. Ты только послушай!

Тоскливый вой собачьего племени вознесся до небес, отразился от них и растекся по речной долине, пожирая предутреннюю тишину. Казалось, что сама земля стонет и дрожит от этого звука. Стражнику захотелось закрыть уши руками. Лишь бы только не слышать.

– Наши старейшины говорят, что когда воет одна собака – ей плохо. А когда все – жди беды, – после недолгого молчания промолвил Га-нор.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Лишь только то, что сказал. – Сын Ирбиса повернулся на другой бок. – Спи. Скоро утро.

И, словно по незримой команде, все стихло. Следопыт уже давно посапывал, а Лук никак не мог заснуть. Собачий крик все еще звенел у него ушах.

Глава 8

Перепопчатый крылгзан повел большим влажным носом из стороны в сторону и встрепенулся. Сквозь ароматы раннего утра, свежей травы и цветущей земляники пробивался слабый, едва ощутимый запах. Такой долгожданный и манящий. Ветер истрепал его, превратил в призрак, и, если не поспешить вдогонку, след растает.

Не мешкая, зверь раскрыл крылья и бросился преследовать ускользящую добычу. Проснувшийся после пятилетней спячки крылгзан хотел есть. Он летел над лесом, накапливая в пасти яд. Пролетая над большим заболоченным озерцом, вспугнул молодого оленя, но не стал отвлекаться на него. Добыча, которой создание собиралось сегодня отобедать, гораздо ценнее.

Пришлось преодолеть больше восьми лиг, прежде чем цель оказалась настигнута. Вначале в нос ударил одуряюще-сладкий, безумно дразнящий, теплый, приятный дух свежего мяса. А затем он увидел восемь маленьких точек, двигавшихся вереницей по лесной дороге.

Шестеро четвероногих, теплых и трепещущих – лошади. Шестеро двуногих – нежных и сладких – люди. И двое непонятных, с неприятным запахом. Таких он еще не встречал. В другое время, прежде чем напасть, крылгзан проявил бы осторожность, понаблюдав... но голод слишком силен. К тому же чем могут навредить эти наземные?

Крылгзан оказался настолько захвачен выбором жертвы, что не сразу увидел поселение за лесом. У твари даже крылья задрожали от предвкушения. Сколько мяса!

Он и не знал, что в этих землях столько вкусной еды. Хорошо, что покинул старое гнездо и прилетел сюда. Конечно, перелет забрал все силы, пришлось долго спать, но теперь-то он отъестся. Вначале всадники, а затем можно будет потаскать человеческих детенышей из большого деревянного гнезда на берегу реки.

Зверь выбрал жертву. Он схватит ее прежде, чем остальные успеют опомниться и понять, кто на них напал и что случилось. А еще плюнет ядом и убьет лошадь. А может, если повезет, и другого всадника.

Крылгзан сложил крылья и камнем рухнул вниз. Черные точки стремительно вырастали в размерах. Когда он снизился, рядом что-то прожужжало. На свою беду он не обратил на это внимания и во второй раз стрелок оказался точнее. Тяжелая стрела ударила в грудь. Развернула.

Тварь заклекотала, раскрыла крылья, гася скорость, выставила перед собой лапы со страшными когтями, грозя разорвать обидчика, и... еще четыре стрелы нашли свою цель. Крылгзан, ничего не соображая, не глядя, плюнул ядом. Крыло взорвалось болью, стало тяжело держаться в воздухе. Он с трудом изменил направление полета, думая только об одном – поскорее улететь прочь. Но над самыми верхушками елей в него вновь попали, на этот раз в глаз, и зверь, ударившись о древесный ствол, ломая крылья, упал на землю и забился в предсмертных конвульсиях.

Тиа со скучающим видом натянула поводья. Ее лицо во время неожиданного нападения ни разу не дрогнуло. Чего нельзя сказать о пяти ее спутниках. Эти закованные в черную броню королевской гвардии Набатора идиоты наложили в штаны, как только им пришлось встретиться с чем-то посерьезнее мечей и копий. И кто кого охраняет? Девушка подумала, что Тальки явно издевалась, когда посоветовала взять с собой эскорт. От шей-за'нов куда больше толку, чем от гвардейцев.

– Не стоит, Ша-хо, – негромко бросила она. – Не трать на пададь стрелы. Он и так сдохнет.

Старый шей-за'н с шестью красно-фиолетовыми перьями в волосах убрал зазубренную стрелу обратно в колчан.

– Как скажете, госпожа. – Его тихий голос напоминал шелест листьев. – Он кружил над нами. Когда захотел мяса, мы с братом его убили.

– Вы поступили правильно. Я вами довольна.

От приятной похвалы старый и молодой шей-за'ны приподнялись над землей на полтора ярда. Она легко спрыгнула с седла.

– Госпожа, – сказал седой усатый ветеран, – это чудовище еще опасно. Я бы не советовал...

– А разве я просила твоего совета? – холодно бросила она.

Командир поперхнулся и прикусил язык. Его подчиненные сделали вид, что они ничего не слышали. Закаленные в боях вояки если и не боялись девушки, то опасались ее. Уже успели наслушаться историй о несладком характере.

На первый взгляд Тиа можно было дать не больше девятнадцати лет. Среднего роста, гибкая, с отличной фигурой, красивым лицом. Раскосые карие глаза, идеально прямой нос и полноватые губы наводили на мысль о древней крови. Черные, заплетенные в две тяжелые косы волосы и золотистая кожа – наследство, доставшееся от матери-южанки.

Пропыленная долгой дорогой длинная юбка с разрезами, замшевые сапожки с длинными носами, белая мужская рубашка с острым воротником и дамская курточка теплого, под стать коже Тиа, цвета.

Никаких украшений, кроме бус из мелких коричневых ракушек. Никакого оружия. В девушке не было ничего угрожающего. Но пятеро набаторцев и двое тех, кого в землях Империи привыкли называть Сжегшими душу, слушались ее беспрекословно.

Крылгзан наконец-то перестал хрипеть, щелкать челюстями и плевать желтой пенистой слюной и издох.

– Проверьте себя. – Она не повышала голоса. – Если на одежде или доспехах остался яд – выбрасывайте их. Ша-хо, за мной.

Сопровождаемая молчаливым шей-за'ном, она подошла к труп. Крылгзан вызывал любопытство. Эти существа обитали далеко на востоке, там, где Самшитовые горы превращаются в непроходимые Облачные пики. На самом краю земли. В землях Империи, а уж тем более Набатора и Сдиса, твари были очень редкими гостями. Тем удивительнее оказалась встреча.

Тиа, стараясь не наступать на капли отравы, обошла тело. Подумала, что за ядовитые зубы зверя Тальки продала бы душу. Зло улыбнулась – она и пальцем не пошевелит, чтобы вырвать бесценное сокровище из пасти чудовища. Ей это не нужно, а ради Тальки спину гнуть не собирается. Если старой карге захочется – пускай сама сюда едет и возится с трупом.

В последнее время настроение ее оставляло желать лучшего, и на это были причины. Когда перед Тиа появился вестник, она находилась за много лиг отсюда – направлялась вместе с Рованом к Лею. Последний застрял вместе с армией у Перешейков Лины, и ему срочно требовалась помощь. Прибывший смешал все карты, и ей пришлось спешно возвращаться назад. Бешеная круглосуточная скачка, постоянная смена лошадей, плохая еда и тупость спутников выводили из себя.

Когда девушка вернулась в Башни, там все еще торчала Митифа, самозабвенно перерывающая библиотеку Ходящих. Тупой стерве ударило в голову, что она сможет разгадать тайну Лепестков Пути. Мгновенно перемещаться в пространстве – это замечательно. Разом решится масса проблем. Но Митифа ничего не добьется. У нее мозгов не хватит, чтобы найти ключ к творению Скульптора и последнему заклинанию Сориты^[31]. С подобной задачей могла бы справиться только Гинора, но ее кости уже давно лежат в болотах Эрлики. Однако Митифа не понимает, что ее усилия обречены. Дорвалась до старых архивов, теперь неделю не вытащишь. Тиа ненавидела дуру всей душой. Впрочем, если положить руку на сердце, она не любила никого из своих компаньонов. И не доверяла им. Разве только Тальки заслуживала того, чтобы прислушиваться к ее советам, да и то в редких случаях и с оглядкой. Девушка не питала никаких иллюзий насчет

целительницы. Как только подвернется подходящий случай, старая карга первой продаст Тиа со всеми потрохами. Несмотря на утомительное путешествие, в появлении вестника были положительные моменты. Во-первых, шанс уйти из-под назойливого внимания Рована и – что самое важное – Лея. Теперь эта парочка не будет ей мешать. Во-вторых, если нашедший свободного носителя не ошибся, и она сможет взять под контроль чужую «искру» – ее сила увеличится. А это очень хорошо! Вечно быть на вторых ролях – тяготит.

Тиа вернулась к лошади и села в седло. Ее спутники благоразумно помалкивали.

Маленький кортеж вновь отправился в дорогу. Телохранители все время посматривали на небо, но девушка не собиралась им объяснять, что второй крылгзан в этих местах может появиться спустя сотню лет. Не раньше. В данный момент ей было не до людей. Она жаждала сбросить с себя пропыленную, пахнущую потом одежду, залезть в горячую ванну с травами и сидеть там до скончания веков. Также она не имела ничего против смазливой служанки, которая потеряла бы ей спину.

Лес расступился в стороны, и дорога, бодренько пробежав мимо зарослей лихоцвета, спустилась с холма к мосту. Недалеко от Лысого камня путь раздваивался. Один взбирался на низенький холм, второй резко сворачивал на запад, пересекал долину и вновь нырял в леса. К Альсгаре. Недалеко от этого тракта кипела работа. Уже успели поставить одну башню и западную стену крепости, большие бараки и две смотровые вышки. Возле холма также шло строительство. Возводились фундаменты будущих казарм и укрепления по обеим сторонам дороги. На вершине холма – еще одна вышка.

Отряд встретил патрульный разъезд – пятеро вооруженных мечами и легкими луками всадников.

– Какими судьбами в нашу дыру? – поприветствовал командира группы путешественников, капитана Грая один из патрульных.

На Тиа никто не обратил внимания. Ша-хо и его брат были куда интереснее. Не все набаторцы успели привыкнуть к этому народу.

– Кто здесь главный?! – рыкнул Грай.

– Капитан Най, – тут же подобрался в седле патрульный.

– Проводи нас к нему, – улыбнулась Тиа.

Удивленный солдат покосился на королевского гвардейца, но тот остался невозмутим. Кавалерист оказался смышленным и на свое счастье не стал интересоваться, с какой стати командует какая-то девчонка.

– Да, госпожа.

Тиа щурилась от чересчур яркого солнца. Ее настроение улучшилось. Долгая поездка подошла к концу, хотя Песья Травка и не впечатляла. Правда, ничего другого девушка не ожидала. Деревня как деревня. Таких в мире тысячи. Оставалось уповать на то, что здесь можно отыскать ванну.

Возле самой деревеньки стояла крепкая добротная виселица. Два оструганных столба с перекладиной и пятерка изрядно вонявших мертвецов. Тиа поморщилась. Что за дурная привычка – оставлять после себя грязь? Раз уж казнили, то извольте закопать, когда пахнуть начинают. Именно за подобный подход к казням она не любила Рована. Этот могильный червяк при всей своей удачливости и полезности общему делу с юного возраста болел опасным недугом – неумной тягой окружать себя мертвыми телами. Он при случае и без случая пытал людей, а после с радостью украшал шатер частоколом копий, на которых были насажены головы. А затем неделями вдыхал аромат разложения. Тиа Рована ненавидела. Она не понимала, как такая тварь могла родиться от той же матери, что и Ретар.

– Мертвецов убрать, – негромко бросила она. – Сейчас же.

– Госпожа, но мы должны быть с вами, – попытался возразить Грай.

– Ничего со мной не случится. Впрочем... – Она на уну задумалась, а затем приняла решение: – Ты можешь остаться.

Ехавший впереди солдат слышал разговор и чуть с седла не упал. Шутка ли – по первому капризу какой-то девки воины Его Величества становятся могильщиками?

Остановились у трактира, Тиа ловко спрыгнула с седла и потянулась. Подумала, что если Митифе все же удастся оживить Лепестки Пути, она первая скажет ей спасибо. Путешествовать подобным образом будет гораздо проще, чем на лошадях.

После долгого сидения в седле она ощущала себя настоящей старухой, и спасти ее могло только одно – ванна.

Будь проклят Мелот, если она не готова убить за нее любого!

Бросив поводья Граю, девушка вошла в трактир. Зал оказался светлым, просторным и чистым. И пахло приятно. Тиа повеселела. Шансы получить кровать без клопов резко возросли.

На полу, возле пузатых винных бочек, сидел большой деревенский парень. Судя по лицу – дурачок. Увидев Тиа, он забыл о шафе и раскрыл рот от удивления, словно никогда раньше не видел женщин. Не обратив внимания на вожденный взгляд недоумка, она прошла к столу, где сидели пятеро офицеров. На ходу бросила возникшему перед ней трактирщику:

– Комнату. Лучшую. И горячую ванну.

- Но госпожа! – опешил тот. – Свободных комнат нет.
- Кто из вас капитан Най? – негромко спросила она у офицеров.

– Не знаю, для чего ты меня искала, но я в полном твоём распоряжении, красотка, – обворожительно улыбнулся черноусый молодой человек. – Да и мои друзья с радостью с тобой познакомятся и уступят свою ванну.

Один из мужчин весело рассмеялся, другой восхищенно присвистнул, по достоинству оценив красоту неизвестной.

– Где ты все это время от нас пряталась? – отсмеявшись, сказал коренастый лысеющий мужчина. Судя по нашивкам на рукаве – командир лучников.

– Ты что, не видишь, она не местная? Не похожа на деревенских девок, – произнес другой военный и отхлебнул шафа.

– И то правда. Най, уступи мне право первому познакомиться с нашей прекрасной незнакомкой.

– Изволь. Надеюсь, ты не возражаешь, милая, что я буду разговаривать с тобой позже?

Офицер встал, взял Тиа за талию:

– Пойдем.

Она насмешливо приподняла брови и, улыбаясь, процедила:

– Убери руку.

– Ого! – хохотнул Най. – А девчонка-то с гонором.

– Мне это даже нравится, – рука на талии девушки сжалась сильнее, – шлюхи с гонором – это такая редкость...

Находишься на месте Тиа Аленари, она убила бы мужлана за столь разнузданное поведение. Митифа, недолго думая, оторвала бы ему руку. Тальки мило побеседовала бы, а затем устроила какое-нибудь изощренное издевательство. Впрочем, вряд ли офицер соблазнился бы старой каргой. Он настолько позабавил Тиа, что та даже не стала его наказывать. Предоставила сделать это Граю, который как раз входил в трактир.

Капитан, которому поручили охранять госпожу от любых посягательств, мгновенно разобрался в ситуации. Его облаченный в перчатку с металлическими нашивками кулак врезался в лицо наглеца и опрокинул того навзничь. Офицеры возмущенно закричали, вскочили, схватились за оружие и только тут разглядели вновь прибывшего. Наступила тишина. Даже офицер с разбитой мордой перестал богохульствовать.

– Спасибо, Грай, – сочла возможным поблагодарить человека Тиа.

Она протянула руку, и телохранитель тут же подал ей бумагу. Девушка

никогда не гнушалась пользоваться подобными документами. Порой несколько гербовых печатей и подписей важных людей действовали на окружающих куда эффективнее любой магии. Девушка передала документ Наю.

Тот, сердито хмурясь, раскрыл кожаный чехол, не глядя, бросил его на стол, развернул бумагу. Прочитал, и его лицо мгновенно сделалось белым. Когда к нему вернулась способность говорить, он, стараясь не смотреть ей в глаза, произнес:

– Простите, госпожа, за это недоразумение. Мы все приносим свои извинения за столь неподобающее к вам отношение и готовы понести заслуженное наказание.

– Хм... – Она наморщила очаровательный носик. – Мне нравится, что вы умеете признавать ошибки. Это хорошее качество. Осталась малость – не совершать их впредь. Потрудитесь найти мне комнату и ванну. Думаю, капитан Грай и его люди также не откажутся от хорошего обеда.

– Да, госпожа. Я буду счастлив, если вы займете мои апартаменты. Позвольте вас сопровождать.

– Позволяю, – благосклонно согласилась она.

– Трактирщик! Горячую ванну! Живо! – рявкнул капитан и, сделав приглашающий жест следовать за ним, поспешил к широкой дубовой лестнице, ведущей на второй этаж.

– Где некромант? – небрежно спросила Тиа, когда набаторец открыл ей дверь.

– Где-то в деревне. Или у крепости.

– Я хочу видеть его. Немедленно.

– Я самолично займусь его поисками, госпожа.

– Как только найдете, сразу пришлите ко мне. Пусть не мешкает.

Сказав эти слова, она вошла в комнату и, бросив куртку на стул, гибко потянулась.

Как и предполагал Лук, спозаранку пришел мельник с сыновьями, и на мельнице закипела работа. Закрутились жернова, начали вносить мешки с зерном, выносить – с готовой мукой. Поначалу солдат нервничал, но спустя короткое время понял, что местным и дела нет до чердака. Он расслабился, даже поспал еще нар. Затем плотно позавтракал. Вернулся из утреннего похода Га-нор, рассказал, что убитых и утопленных им в реке людей хватились. Проверяли окрестные дома и прочесывали ближайший лес.

– Хорошо, что мы перебрались сюда. Я был не уверен, что на нас не наткнутся. Ого! Смотри, какие гости!

Лук отряхнул с ладоней крошки и, стараясь не высовываться, посмотрел в окно.

По ведущей от холма дороге спускалась группа всадников. Среди солдат была женщина, а сразу за ней следовали двое существ, в которых стражник без труда распознал Сжегших душу.

– Лопни твоя жаба! Тикать надо, – испуганно простонал он.

– Только панику не разводи, – цыкнул на него сын Ирбиса. – Если выскочим, нас точно перестреляют как куропаток.

– А если найдут, то обложат как волков.

– Да кому ты нужен? Никто и не знает о твоём существовании. А уж тем более они. Сиди. Не дергайся.

– А вот теперь мы влипли всеми четырьмя лапами, дружище, – как-то уж слишком спокойно произнес Лук. – От этого гада мы так просто не отвяжемся.

Далеко-далеко на поле, почти у самого леса, там, где Га-нор расправился с набаторским секретом, стоял человек, облаченный в белое.

Сдисец трижды проверил место и не обнаружил никаких намеков на драку или убийство. Трое олухов исчезли без следа. Трава примята, но так всегда случается, когда три здоровых мужика несколько наров сидят на одном месте.

Некромант не слишком волновался о пропавших вояках. Если бы кроме них утром недосчитались еще двадцати солдат, он и тогда не обратил бы на это особого внимания. Но ежедневное ничегонеделанье заставило его быть раздражительным, а тут хоть какое-то развлечение. Стоило развеяться и поискать.

Людей хватились еще ранним утром, когда пришедшие к засаде сменщики не обнаружили товарищей на привычном месте. О происшествии сразу же доложили капитану Наю, и тот отрядил на розыски пятьдесят человек. Как и следовало ожидать, это ничего не дало. Поисковые команды перерыли деревню и даже заглядывали в лес, но никаких следов не обнаружили. Троица как в воду канула. Куда дурни могли пойти? Кругом леса, через них вовек не продерешься. К тракту не подходили – это точно. Дозорные никого не заметили.

На убийство не похоже, в двух десятках ярдов вокруг никаких следов. Хоть что-нибудь ведь должно было остаться. Вытоптанная трава, кровь, тела, в конце концов! Разве что кто-то напал на них с неба, схватил за шкуру и уволок. Колдун в подобное не верил. Ни одно из существ, обитавших в этих землях, на такое не способно. Так что по прошествии

полунара загадку он так и не разгадал. Конечно, можно воспользоваться магией и проверить, нет ли здесь эха душ, которое всегда появляется после смерти людей. Но подобное заклинание требует таких затрат силы, что... исчезнувшие бараны этого просто не стоят. Не рассчитывая найти разумное объяснение странному и довольно неожиданному исчезновению, некромант огорченно поджал губы и, опираясь на посох, пошел восвояси.

Через поле ему навстречу во весь опор летел всадник. Сдисец прищурил глаза и узнал капитана Ная.

– Вот вы где! Я ищу вас по всей округе! – воскликнул набаторец, натягивая поводья.

– Зачем я вам понадобился в такой чудесный день?

– Вас ждет... госпожа.

– Вот как? – Он сразу понял, о ком идет речь. Слава темным богам! Его вестника восприняли всерьез. А значит, томительное ожидание подошло к концу. Интересно, кто из повелителей почтил вызов своим вниманием? В любом случае, кто бы это ни был, теперь-то он точно узнает, есть ли у Анн Дар, или все было зря.

– Давно?

– С полнара, наверное. Она в моей комнате. Сказала, чтобы вы сразу же шли к ней.

– Уступите лошадь.

– Извольте.

Колдун, не мешкая, вскочил в седло.

– Ну? Успокоился? Ничего он не нашел, – сказал Га-нор, когда некромант скрылся за домами. – Вечно панику разводишь.

– Кто бы говорил! Лопни твоя жаба, но ты испугался не меньше моего. Северянин усмехнулся в усы.

– Хотелось бы мне знать, куда так заторопился сдисец? – между тем продолжил Лук.

– Ну уж точно не по твою душу.

– Как знать. Как знать. Теперь я начинаю думать, что лучше бы мы перли по лесу до Альсгары, как ты и предлагал вначале. К тухлой жабе такую Песью Травку! Мало того, что здесь набаторцы, так еще и самый некромант объявился! Не нравится мне это. Собаки зря не воют. Нюхом чую – будет беда.

И вновь сын Ирбиса промолчал, но по его глазам видно, что он разделяет опасения спутника.

Колдун остановился перед дверью, заметно нервничая. Поправил мантию, стараясь, чтобы складки на ней лежали ровно. Затем настал черед пояса с кривым мечом. Негоже представлять перед повелителем в неопрятном виде. Собрался постучать, но не успел.

– Входи, Избранный. Входи. Не стой на пороге.

В женском голосе слышалась насмешка. Некромант распахнул дверь, сделал два шага, преклонил колено и устоялся в пол. Левая рука на посохе. Правая прижата к сердцу. Ритуальный поклон Избранного перед повелительницей.

– Будь добр, оставь условности и закрой дверь. Холодно.

Он опешил, но сделал в точности так, как его просили. Поднял глаза от пола и тут же вновь стал смотреть на носки своих сапог.

Тиа издала тихий смешок:

– Я попросила оставить условности за дверью. Смотри. Разрешаю.

Она сидела в бронзовой ванне спиной к нему. Две темные косы обвиты вокруг головы и закреплены бриллиантовыми заколками. Загорелая кожа, хрупкие плечи, изящная шея. Все остальное скрывала пушистая пена.

Лица он не видел, но этого и не требовалось. Колдун знал, кто перед ним. Одна из повелителей. Госпожа Тиа. Пламя Заката, как называли ее племена Великой пустыни.

Та, что в Империи носила прозвище Тиф.

– Говори.

– Я нашел женщину. У нее может быть Дар.

– «Может быть»? Плохое слово. Если из-за него пришлось столько проехать, то я буду огорчена. – В ее голосе проскользнула стальная нотка. – Продолжай.

– Как только я приехал в деревню, то почувствовал эхо использования Дара.

– Очень интересно. А ты не подумал, что это может быть ошибкой?

– Подумал, госпожа. И прежде чем отправить вам вестника, решил сам все проверить. Не Ходящая. Может, самоучка, хотя я ничего не смог почувствовать. Или я ошибся, или она очень осторожна...

– Или мы имеем дело с настоящим самородком, если Избранный не в состоянии ее прочесть. Она еще в деревне?

За все время разговора Тиа ни разу не посмотрела на собеседника.

– Да. Я держу ее под охраной.

– Тогда почему крестьянка все еще где-то там? Приведи. Посмотрим на твою находку.

– Она будет перед вами через полнара.

Проклятая махнула рукой, позволяя колдуну идти, закрыла глаза и, блаженствуя, растянулась в ванной.

Глава 9

– Какая-то сволочь сперла ночью со двора фонарь. И еще эта... собаки-то как под утро выли. – Бамут вырезал из дерева очередного человечка.

Шен, сложив руки на груди, лежал на жесткой лавке, подложив под голову свернутую куртку. Он дремал, но как только товарищ завел разговор, не поднимая век, произнес:

– Помяни мои слова. Они еще не так взвоют, когда некромант вернется. Да и мы тоже.

– Глупости. Его нет уже неделю. О нас давно забыли.

– Не будь идиотом, – угрюмо произнес Кнут. – Если бы о нас забыли, то и этих безносых, что у ворот караулят, давно бы след простыл. Колдун Лаэн за лигу учуял, теперь не отвяжется.

– Он тока по ее душу пришел. Нас Белый не тронет.

– Дурак, – смачно произнес командир.

– Почему сразу дурак? – нисколько не обиделся Бамут.

– Добра от некроманта ждешь. Вот почему. Он и бабу заберет, и нас за компанию утащит.

– Эта... надо было мне Серого в лесу щелкнуть. Такую возможность упустил. Уже бы в Альсгаре сидели.

Гнус, слышавший разговор, изобразил на физиономии нечто напоминающее согласие. Он также считал, что они упустили прекрасный шанс разжиться большой кучей денег.

– Молс тебя потом самого щелкнет.

– Молс, Молс. Надоело мне под ним ходить. Эта... Как маленькие! Своих мозгов, что ли, нет? – На этот раз его никто не поддержал. Бамут какое-то время недовольно ворчал себе под нос, а затем спросил: – Я так понимаю, через муртов не продрагаться? Даже с Серым и его бабенкой?

– До тебя только через неделю дошло, да? Я с Нэссом говорил еще в тот день, когда Белый ушел. Муртов завалить можно. Но некромант об этом проведает.

Бамут наконец-то заткнулся. Теперь надолго. Шен вновь задремал, Кнут и Гнус занялись игрой в кости. Лишь когда пришло время обеда, они перешли в ту половину дома, где жили Нэсс и Лаэн.

Увидев на столе вместо уже ставшей привычной за эти дни еды разложенные вещи и оружие, Шен присвистнул:

– Это к чему?

– Мы уходим, – нехотя ответил Нэсс, убирая топорик за пояс.

– Прямо сейчас?! – вырвалось у Кнута.

– Да.

– С ума сошли?

– Вас никто с собой не зовет. – Лаэн лихорадочно упаковывала вещи в мешок. – Можете сидеть здесь сколько угодно. Дом в вашем полном распоряжении.

– Объясните, в чем дело, – нахмурился Кнут. – Нэсс, ты же первый осторожничал, а теперь сваливаешь при свете дня! Думаешь, морты и колдун вас так просто выпустят?

– Я знаю одно, – огрызнулся Серый, достав из-под стола колчан со стрелами. – Если мы не уйдем сейчас, то не уйдем уже никогда. И некромант вместе с этими тварями покажется нам детским лепетом.

– И кто же теперь свалился на наши головы?

– Не знаю.

– Великолепно! – презрительно фыркнул Шен. Нэсс не обратил на него внимания.

– Откуда у тебя такие сведения? – хмуро спросил Кнут.

– Лаэн почувствовала.

Командир почесал подбородок. Серьезное заявление. Подружка Нэсса так просто паниковать не будет. Ему потребовалось не много времени, чтобы принять решение:

– Мы идем с вами.

– Сдурел? Из-за того, что ей что-то приснилось, лезть на рожон? – Бамут изумленно вытаращился на командира. – Я, эта... шагу отсюда не сделаю.

– Ты и впрямь дурак! – презрительно сплюнул Гнус, тоже быстренько разобравшись, что к чему. – Ей так просто ничего не кажется. К тому же забыл, как зверье сегодня ночью под окнами выло? Я с тобой, Кнут.

– Шен?

Тот лениво потянулся, затем пожал плечами.

– Пожалуй, составлю вам компанию, – протянул лекарь.

– Опоздали! – не сказала, а простонала побледневшая Лаэн.

Во двор вошел некромант.

Самая пора стукнуть себя по голове за глупость. Чувствовал же, что сваливать надо раньше, еще в тот момент, когда к нам завалился сдисец. Чувствовал! Но из-за собственной осторожности и тупости сидел в берлоге до последнего! Чего хотел дождаться? Сам не знаю. И вот результат.

Досиделся, побери меня Проклятые!

Уйти нам не дали.

– Без паники. – Я услышал свой голос словно со стороны. – Вещи со стола! Живо!

Слава Мелоту, мои бывшие дружки не в первый раз оказывались в щекотливой ситуации. Они не стали оспаривать мое право командовать ими. Вопросов не задавали и занялись делом. Быстро и четко.

– Лаэн, в другую комнату.

«Я ему так просто не дамся!»

«Я тебя так просто не отдам».

Я бросил Гнусу его нож. Тот ловко поймал, сунул за голенище сапога. Надеюсь, крысенок сможет им воспользоваться, если нас прижмут.

Быстро оглядел свое «воинство». Рассредоточились по комнате они мастерски – одно слово – гийяны. Заняли все удобные точки. Гнус сидел у двери, Кнут рядом с печкой. Шен недалеко от ухвата, а Бамут встал у окна.

На крыльце послышались шаги, и вошел некромант. Морда его мне не понравилась еще в тот раз, а сегодня так и хотелось кинуть в нее чем потяжелее.

– Где она?

Сдисец не придавал значения людям Кнута. На мой взгляд, крайне неосмотрительно. Особенно если за спиной маячит Гнус. Лично я, случись со мной подобная оказия, постарался бы отрастить глаза на затылке.

– Кто? – прикинулся я дурачком.

– Твоя жена. Не советую ее прятать.

– Зачем она вам, господин? Мы ничего не сделали.

– Тебе нечего бояться, плотник. С ней просто хотят поговорить.

– А если она этого не хочет? – довольно невежливо спросил я.

– Ты же не желаешь, чтобы я разобрал дом по бревнышку?

Он был слишком уверен в себе и не считал нас опасными. Тот, кто владеет магией, очень часто ставит обычных людей на один уровень с животными. Большая ошибка. Паренек явно не знает, что иногда звери опаснее людей. Особенно крысы. Они кусают, когда этого не ждешь. Исподтишка. Неожиданно. Как это обычно любит делать мой приятель Гнус.

Вот и сейчас он не стал мешкать и, повинуясь едва заметному знаку Кнута, начал действовать. При всей моей нелюбви к Гнусу – я готов был его расцеловать. Мастера, какой бы скотиной он ни был, видно за лигу.

К своему стыду, я пропустил момент, когда нож переключался из-за голенища сапога к нему в руку. В следующую уну горло сдисца оказалось

вскрыто от уха до уха.

Убить некроманта оказалось ничуть не сложнее, чем отправить в Счастливые сады какого-нибудь толстого торговца. На мгновение на всех словно столбняк напал. А затем началось форменное безумство. Я швырнул топорик в появившегося в дверном проеме морта. Попал, но, к сожалению, не убил.

Кнут, вооружившись тяжелой дубовой лавкой, что есть сил саданул раненую тварь по морде, заставив ее вылететь на улицу. Дверь он захлопнул прежде, чем четверка оставшихся мортов успела взять нас в оборот.

С момента нападения на Белого прошло не больше пяти ун.

– Лаэн! – рявкнул я.

Мое солнце уже была рядом. Передала мне лук с колчаном, бросилась на помощь Гнусу. Тот сидел верхом на еще живом колдуне и безостановочно тыкал в него ножом. Белая шелковая мантия превратилась в красную. Лицо и руки гийяна оказались в чужой крови, но это его нисколько не смущало. Лучше испачкаться, чем дать некроманту возможность сотворить заклинание.

Лаэн подняла с пола выроненный некромантом посох, воткнула его острый конец в тело врага, провернула. Колдун дернулся и умер. Теперь уже наверняка.

– Готов! – Гнус, не мешкая, освободил труп от кривого меча. Бросил трофей Кнуту. Тот, заполучив клинок в лапы, сразу же забыл о лавке.

– Бамут, поройся в комнате, под кроватью, – сказал я. – Там арбалет и болты к нему...

Я еще не успел договорить, а он уже бросился за оружием.

Один из мортов, недолго думая, решил войти к нам через окно. Здесь его встретил Шен с ухватом. Ткнул в морду, едва не попав под меч-ским, отскочил и пырнул в живот. На этот раз удачно. Настала моя очередь поработать. Первый срезень начисто перерубил самому настырному из воинов пустыни тонкую шею. Второй угодил его товарищу в морду. Нас сразу же оставили в покое.

Вернулся Бамут. Его рябая физиономия сияла от счастья. А как же иначе? Он вновь повстречался со своим самым близким другом – арбалетом. Стрелял подручный Кнута из этой штуки неплохо, так что мы с ним сможем составить неплохую команду, когда настанет время практиковаться в стрельбе. Главное, чтобы стрел и болтов хватило. У меня пятнадцать обычных, еще два срезня и пять с узким наконечником для латников. Маловато, но тут уж ничего не поделаешь. Все запасы в сарае, но

теперь туда не сунешься.

– Учитесь, как надо колдунов валить, – крысиная физиономия Гнуса была в чужой крови, – мертвее мертвого.

– Ошибаешься. – Лаэн повернулась к убийце, и тот от неожиданности отпрянул. Было чего испугаться. Глаза моего солнца пылали синим пламенем. Она коснулась «искры». – Его пытаются оживить.

– Кто? – вырвалось у Шена.

– Тот, кого я боюсь. Держите дверь. Мне требуется время. – Она перехватила посох сдисца двумя руками, и набалдашник неожиданно «потек», изменил форму, уменьшился, и череп из мужского превратился в женский, а затем, просыпаясь, зевнул.

Тиа сразу почувствовала, что недалеко кто-то умер, но не придала этому должного значения. Мало ли кто это мог быть. Крестьяне испокон веков мрут, как мухи. То голод, то болезни. При такой жизни в этом нет ничего удивительного. Так что когда исконно женское любопытство все же взяло верх над ленью, было почти поздно.

Она сразу же ощутила серебристую, дрожащую, словно струна, нить души некроманта. Та вот-вот собиралась утечь в Бездну.

Времени удивляться и гадать, что же произошло, не оставалось. Проклятая, не раздумывая, «схватила» нить, не давая ей окончательно уйти из этого мира. Получилось. Теперь следует вернуть ее в тело и привязать к мертвой оболочке хотя бы на время. Колдун пока ей нужен.

Тиф начала медленно и осторожно тянуть серебристую струну обратно, одновременно сплетая сложное заклинание, которое позволило бы «разжать руку», не опасаясь упустить душу.

Ей это почти удалось. Когда оставалось всего лишь несколько коротких рывков, в работу Проклятой грубо вмешались. «Удар» по «руке» был столь силен и внезапен, что не ожидавшая ничего подобного Тиа на мгновение потеряла контроль над собственной магией. Всего лишь на краткий миг хватка ослабла, и с таким трудом пойманная сущность Избранного утекла, как вода сквозь пальцы. Только ее и видели.

Взвыв от бешенства и разочарования, Тиф выскочила из ванны.

– Готово! – выдохнула Лаэн.

Она пошатнулась, и я подхватил ее под локоть, не дав упасть.

– Он же чуть не встал! Эта... С распоротым горлом-то! Вы видели? Видели, а? – Руки у Бамута заметно дрожали, голос охрип.

– Видели, – угрюмо ответил Шен. Вся его улыбочность и ехидство

разом улетучились. Морда серьезная, и даже ухват в руках теперь не кажется смешным. – Чего нам еще ожидать от твоего страшилища?

– Чего угодно. Теперь о нас знают. Долго я с ним бороться не смогу.

– Доберемся до леса? – деловито поинтересовался Гнус, вытирая физиономию взятой со стола белой скатертью.

– Попробуем, – ответил я ему, тут же прикидывая пути отхода. Выходило, что лучше всего по нашей улице до моста, а потом мимо мельницы. Оттуда до леса рукой подать. Затеряться в нем не сложно. Главное – выбраться из деревни.

– Заканчивайте болтовню! – Голос стоявшего у окна Кнута вернул меня на землю. – Морти вновь собираются попытать счастья.

Я потянулся к колчану, но Лаэн сердито тряхнула головой:

– Не трать зря стрелы. Я сама. Будем прорываться к лесу. Кнут! С дороги!

Того не надо было просить дважды. Он живенько отпрыгнул в сторону. Мое солнце крутанула посох над головой и, направив его на дверь, гортанно выкрикнула:

– Ррагон-рро!!!

Череп оглушительно взвыл. Замешкавшийся Бамут, забыв об арбалете, ничком повалился на пол. Дом тряхнуло так, что у меня на мгновение потемнело в глазах.

– Ба! – вскрикнул лежавший возле окна Лук и дернул Га-нора за – рукав куртки. – Ба!

От переизбытка эмоций он разом позабыл об излюбленной «лопнувшей жабе».

Даже отсюда было видно, что на том краю деревни происходит нечто из ряда вон выходящее. Крыша одного из домов подлетела в воздух на добрых двадцать ярдов, а потом ухнула где-то на соседском огороде. Затем закрыла поднявшаяся до неба пыль.

Неожиданный мощный всплеск силы заставил Тиа удивленно выругаться. Она даже одеваться перестала. Так и застыла на месте. Мокрая и полуголая.

То, что сейчас произошло, казалось невозможным. Ай да некромант! Жаль, что его убили, иначе она сделала бы это сама. Кретин! Не смог распознать в найденной им бабе мощнейшего самородка!

Неизвестная оказалась сильна. Проклятая не ожидала, что в такой глуши может жить столь яркая «искра». По первому впечатлению

магического эха эта крестьянка ничем не уступала многим из Ходящих. К тому же «дуреха» мастерски владеет своим талантом, ибо не каждый способен вот так просто управлять чужим магическим посохом, да еще и заплетать Дар вокруг магии иного толка. Столь ловко играть с силой Смерти! Настоящий талант! Таких надо холить и лелеять или убивать, забирая себе их «искру».

Тиф выдернула заколки из волос, заставив обе косы упасть на мокрую спину. Не глядя, швырнула дорогие безделушки на пол, поспешно надела юбку. Конечно, можно атаковать и отсюда, но это все равно что стрелять вслепую. Или промахнешься, или убьешь. А последний вариант Тиа не устраивал. Нет. Она выловит эту гадину живой! А потом хорошенько допросит. Не может быть, чтобы у нее не было учителя. Без должных знаний и подготовки хилссом^[32] овладеть невозможно. А когда все узнает, заберет силу себе.

Тиф пришло в голову, что, возможно, ей противостоит не невинная девочка-самоучка, а Ходящая из Совета.

Нет. Глупости. Не станет Мать^[33] посылать одну из дочерей на самоубийство. К тому же будь это Ходящая, она бы никогда не раскрыла себя подобным образом. Но все равно стоит проявить осторожность и, прежде чем лезть в реку, поискать брод.

Проклятая щелкнула пальцами, и в комнате на мгновение стало темно. Тени сгустились и соткались в черного ворона. Он хрипло каркнул и, разбив стекло, вылетел на улицу.

На ходу надевая рубаху и ругаясь, как заправский сапожник, Тиа выскочила за дверь.

Я не раз и не два видел Дар Лаэн в действии. Но даже в самых смелых мечтах не мог представить, что она способна на такое.

Крыша дома с воем и треском взмыла в небеса. Массивные сосновые бревна, из которых были сложены стены, разлетелись в стороны, словно сухие прутьи. Из-за окутавшей нас пыли щипало глаза, да и дышать, признаюсь честно, оказалось нелегко. К тому же я опасался, что пока мы не видим дальше собственного носа, морты порубят нас в мелкое крошево. Но мои опасения оказались напрасными, никто не спешил нападать. Гнус ругался и богохульствовал так, что, услышь его вопли Мелот, не видать спутнику Кнута Счастливых садов, как собственных ушей. Бамут попытался поддержать товарища в высоком искусстве, но на пятом слове закашлялся и больше не продолжал.

Пыль вскоре начала оседать. Я тут же встал рядом с Лаэн, закрывая ее от возможной опасности. Мои случайные компаньоны, напротив, старались держаться от нее как можно дальше. Идиоты! Неужели у них не хватает мозгов понять, что без ее магической поддержки мы по улице больше сотни ярдов не пройдем?!

Несмотря на затишье, я не убирал стрелу с тетивы. Кто знает, что на нас может выскочить? Встречать проблемы, ковыряя в носу, по меньшей мере, неосмотрительно. А то, пока палец вытащишь, можно и руки лишиться. Лаэн тоже ворон не считала. Посох оказался недвусмысленно направлен туда, где я в последний раз видел дверь. Надо сказать, что некромантская игрушка меня нервировала. Нет ничего приятного в недовольном внезапной сменой хозяина шипящем черепе.

Лаэн заметила мой опасливый взгляд и успокаивающе «сказала»:

«Я его держу».

«Крепко держи, – на всякий случай посоветовал я. – Не удивлюсь, если эта штука кусается».

«Поверь, это самое малое, на что он способен», – усмехнулась она.

«Тогда ради моего спокойствия не спускай с него глаз. И бросай, как только он начнет брыкаться».

Вслух я обратился к команде Кнута:

– Шевелим ногами!

Мы выбрались во двор и с радостью увидели, что заклинание разорвало мортов на кусочки. Воины пустыни оказались не прочнее моей берлоги. Из всех слуг сдисца более-менее уцелел только тот, кого придавило бревном. Да и то вид у него был довольно жеваный.

Ни дома, ни забора. Пока мои компаньоны кашляли, плевались, терли глаза да ругались, я выглянул на улицу и ошеломленно присвистнул. По всей округе валялись сосновые доски и бревна. Избы ближайших соседей тоже немало пострадали. Людей видно не было. Запрятались под кровати и в погреба, теперь – неделю не вытащишь. Ну, оно и к лучшему, меньше мороки, никто под ноги лезть не будет. Из тела убитого морта я вытащил свой топорик.

– Все в порядке? – подошла ко мне Лаэн.

– Да. Просто не каждый день увидишь, как крыша твоего обиталища учиться летать. – Моя улыбка вышла кривой. – Как оказалось, я слишком мало знал о твоих талантах.

– По счастью, раньше у меня не было необходимости их демонстрировать, – уж слишком небрежно ответила она. – Пойдем. Хилсс сосет магию. Надолго меня не хватит.

Я не сразу понял, что речь идет о живом посохе некроманта. Да, пожалуй, если дать этой штуке волю, она не только магию, но и душу высосет.

– Поговорим потом, – согласился я.

Вид у моего «воинства» был такой, словно они год ползали по барсучьим норам. Грязные, как блазги в болоте. И злые, как нириты после оскорбления их королевы. Гнус ни на уну не прекращал сквернословить. Кнут все еще кашлял да смотрел слезящимися глазами по сторонам. Бамут единственный, кто не терял времени даром. Он держал арбалет наготове и внимательно оглядывал улицу, на случай если появятся желающие разобраться, что здесь происходит.

Шен громко чихнул, отбросил ухват в сторону и подошел к телу морта. Поднял с земли ским. Ладно, буду надеяться, что щенок умеет зарабатывать на жизнь не только лечением. Гнус, как видно, исчерпав запас слов и воображения, перестал ругаться.

– Эта... Долго вы там будете копать? – нервно рявкнул Бамут.

Он опередил меня всего лишь на мгновение. Я хотел спросить то же самое.

– Не ори! – прохрипел Кнут и сплюнул. – Уже идем.

– Нет, ты видел! Ты видел, а? – От волнения Лук захлебывался словами. – Ничего себе! Это же что там ударило, чтобы так дом размесить?

– Не знаю. – Га-нор угрюмо смотрел на рассеивающуюся пыль.

На той стороне реки засуетились набаторцы.

– Зуб даю, что это некромантовых рук дело, – тем временем продолжал предполагать стражник. – Не понравился ему кто-то, вот он и взбесился. Все сдисцы ненормальные, они же с покойниками якшаются, лопни твоя жаба! Ох, чую, на этом гад не успокоится. Как пойдет по деревне, круша все направо и налево! Он и до нас доберется.

Северянин потянулся так, что хрустнули кости, и, легко встав, начал складывать вещи в мешок.

– Ты это чего? – опешил стражник.

– Неужели не видишь, какая суматоха началась? Набаторцы, как вши на горячей голове забегали, им сейчас не до нас. Дело серьезное. Если быстро уйдем, патрули не обратят на нас внимания. Лесом уходим.

– Да мы в стариков превратимся, пока через дебри до Альсгары дойдем, – уныло ответил Лук. Его совершенно не прельщал предстоящий поход. – Может, есть иная дорога...

– Конечно, есть. Вон она. Через мост, а потом к сдисцу на обед. Он

будет рад тебя встретить, – язвительно произнес сын Ирбиса. – Не думай о том, что предстоит. Если удастся прорваться, постараемся выйти на главный тракт и продолжим путь как нормальные люди.

Услышь Лук про «нормальных людей» от заросшего рыжеватой бородой, облаченного в испачканную одежду угрюмого северянина в другое время, он бы повеселился. Но сейчас было не до смеха. К тому же сам он выглядел ничуть не лучше товарища. Чучело чучелом. Только людей пугать. Городская стража примет их за бродяг или разбойников с большой дороги. А наткнись на Лука капитан башни Льда, он бы солдату такую жизнь устроил, что тот от внеочередных караулов на стене избавился бы не раньше, чем через пару лет.

– Ладно, будь по-твоему. – Стражник взялся за топор.

– Другой разговор, – одобрительно крикнул Га-нор. – Только ты не слишком уж торопись. Пока рано дергаться. Лучники нас так просто не выпустят.

– Где?

– Двое, в ста ярдах отсюда. К мельнице идут. Да не увидят. Рано еще.

Солдат огорченно вздохнул, положил топор на колени. Закрыв глаза и постарался успокоить бешено колотившееся сердце.

Тиа пришлось остановиться на середине трактирной лестницы, так как именно в этот момент ее «позвал» ворон. Зрение на мгновение померкло, к горлу подступил скользкий комок, в ушах зашумело, и тут же в глаза ударил яркий свет. Потребовалось несколько ун, чтобы Проклятая сориентировалась и смогла оценить увиденное. В первый момент смотреть на окружающий мир с помощью птичьих глаз всегда сложно.

Она парила между небом и землей. Слева мелькнула синяя лента реки, в которой отразилось яркое солнце и темная стена леса. Тиа отдала мысленный приказ, и ее помощник поменял направление полета. Подальше от огородов и окраин, поближе к центру. Внизу суетились люди. Высота была небольшая, и Тиф прекрасно видела набаторцев. По запыленной улице медленно проехала груженная дровами телега. На полном скаку пролетело четверо всадников.

– Ну, где же ты прячешься, – прошептала Проклятая. – Покажись.

Пришлось полагаться на удачу, и та ей сопутствовала. Тиф вновь изменила направление полета пернатого слуги. Сместилась к реке, ближе к восточной части Песей Травки. Ворон пролетел над водяной мельницей, мостом, промелькнули крыши, улочка, сады, огороды, и тут она увидела разрушенный дом и людей.

Пятеро вооруженных мужчин и женщина с хиллсом.

Она не думала, что девка так молода. В таком возрасте обладать столь ярким потенциалом! Нет, она совершенно не похожа на Ходящую. Сила в ней ощущалась, но характерных для имперских волшебников узоров Дара не было и в помине. Учили ее явно не в Радужной долине^[34]. Через ворона Проклятая потянулась к носительнице Дара, стараясь исподволь проверить ее способности. Дуреха, конечно же, не могла ничего почувствовать, это было за пределом ее возможностей...

И тут женщина резко повернула голову. Одно мгновение, сощутив глаза, она смотрела на птицу, а затем указала на нее стоящему рядом светловолосому человеку. Прежде чем Тиф успела увести помощника, мужчина вскинул лук.

Глаза обожгла резкая боль, мир померк, и взбешенная Проклятая снова очутилась в трактире.

Пронзенная стрелой птица камнем рухнула на дорогу. Вот уж не знаю, отчего Лаэн так разволновалась, но ее просьбу я исполнил, не задавая лишних вопросов.

– Тренируешься? – ядовито спросил Шен.

Я бросил на него хмурый взгляд. Рано или поздно щенок договорится. Найдется добрый человек и укоротит ему язык.

– Нет, это он тебе на кашу подбил, – «остроумно» объяснил Гнус.

– Сам будешь жрать! – огрызнулся лекарь.

– Закройте пасти! – взвилась Лаэн. Глупое переругивание начало ее раздражать. – Нашли время!

В этот момент тело ворона растворилось в воздухе, оставив после себя только стрелу, которую я, не мешкая, убрал обратно в колчан. На странное исчезновение моей добычи Гнус крепко высказался.

– Птица была его глазами. – Мое солнце пыталась успокоить шипящий посох. – Теперь он знает, где мы.

– Совет примете? – Кнут вопросительно посмотрел на меня.

Я пожал плечами. Если есть, что сказать, пусть говорит.

– Надо с дороги уйти. Нас сейчас каждая собака увидит, не ровен нар, подоспеют набаторцы и...

Словно отзываясь на его опасения, на улицу выскочили четыре всадника.

Прежде чем я и Бамут успели прицелиться, Лаэн выскочила вперед. Вновь раздался противный вой, и магический удар пришелся по солдатам. До сегодняшнего дня я даже и подумать не мог, что люди, не говоря уже о

лошадях, умеют летать. Оказалось, что умеют, да еще и похлеще многих птиц. У меня создалось впечатление, что по группе всадников шарахнула огромная булава и швырнула их в небо, словно те были легче пылинок. Что же, если они каким-то образом пережили удар, то я им не завидую. Приземление на грешную землю вряд ли будет приятным. Готов поспорить на деньги, что находятся в мешке Лаэн, костей эти ребята не соберут.

Гнус, увидев, что случилось с врагами, вновь начал перечислять все известные ему ругательства. По третьему разу за день. Я не понял, чего в его словах больше. Страх или восхищения. А вот Кнут, оглушенно потряс головой, а затем одобрительно и слишком уж громко произнес:

- Кр-р-расиво полетели, сволочи.
- Умеют, когда хотят, – поддержал его Бамут и нервно заржал.

Душераздирающий вопль прозвучал столь внезапно, что не ожидавший ничего подобного Лук едва не выскочил из собственной шкуры. Ему показалось, что он слышит песнь кир-лле^[35]. Солдат прильнул к окну. Что-то черное рухнуло с неба на берег реки и с глухим противным стуком ударилось о землю.

– Ух! – это все, что произнес Га-нор. Изломанное, окровавленное нечто совсем недавно было живым человеком. Судя по обрывкам одежды – набаторским воином. Прежде чем стражник успел что-то сказать, Провидение прислало еще одну жертву. Телега, доверху нагруженная мешками с мукой, принял на себя страшный удар тяжелого лошадиного тела и, не выдержав, развалилась. В воздух взметнулась мучная пыль.

Работавшие на мельнице люди с воплями ужаса кинулись врассыпную. Стоявшие недалеко лучники, наоборот, бросились к месту происшествия.

– Скройся! – Следопыт отпрянул от наблюдательного пункта, и солдат последовал его примеру.

Они слышали, как набаторцы громко и испуганно переговариваются.

– Говорил же я, что Белый ненормальный, – проговорил Лук. – Не налили ему супа, вот он умишком окончательно и тронулся. Вначале пошел дома рушить, а теперь на своих набросился. Помяни мои слова, не пройдет и нара, он всех на уши поставит.

– Жду с нетерпением. В бардаке скрывается будет намного проще.

– Убежать от сдвинувшегося колдуна не так-то просто, – возразил солдат. – Он эту меленку вместе с нами одним движением руки отправит в Морассию. Эх! Угораздило же нас!

Увидев побелевшую от ярости и кое-как одетую Тиа, набаторцы

повыскакивали из-за столов.

– Най, – прохрипела Проклятая. – Немедленно всех людей в восточную часть деревни. Оцепите улицы так, чтобы даже мышь не проскользнула. Задерживать всех. При малейшем сопротивлении – убивать. Но женщин не трогать. Брать живыми. Живыми! Это, надеюсь, понятно? Исполняйте!

– Все люди на стройке, госпожа! Потребуется время...

– Меня не интересует, как вы это сделаете! – перебила его Тиф.

Капитан и его люди, больше не пререкаясь, бросились исполнять приказание.

– Госпожа, что-то серьезное?

– Бери людей, Грай. У меня появилось неотложное дело.

Она едва ли не бегом выскочила из трактира. Огляделась.

– Ша-хо!

Шей-за'н подлетел к ней и, не мигая, уставился фосфоресцирующими плоскими фиолетовых глаз. Проклятая «показала» слуге улицу, «нарисовав» ее прямо в воздухе.

– Отправляйтесь с братом в это место и задержите людей. Женщину трогать не смейте!

Увенчанная перьями голова склонилась в утвердительном поклоне. Оба Сжегших душу полетели выполнять приказание. Тиа проводила их взглядом и повернулась к ожидающим ее гвардейцам.

Совет Кнута уйти с улицы как можно скорее, был здравым, и Лаэн решила им воспользоваться. Она ткнула посохом в ближайшие ворота, те разлетелись в щепы. Мои спутники уже успели немного привыкнуть к подобному и потому удивляться не стали. Гнус, к примеру, даже не ругнулся.

Соседи прятались по домам, так что привечать нас никто не вышел. Цепной пес, давно учуявший, что в округе творится неладное, не спешил вылезать из будки и встречать незваных гостей лаем. Оно и к лучшему. Не хватало еще с собаками воевать.

Наш дальнейший путь больше всего походил на полосу препятствий. Пробирались дворами и огородами, перелезали через заборы, шли по крышам сараев и курятников. Когда преграда оказывалась непреодолимой или когда на нее требовалось слишком много усилий, Лаэн использовала Дар, пробивая в крестьянских постройках широкую просеку. Никто не бросался нас останавливать. Перепуганные жители носа на улицу не высовывали. Набаторцев также пока не было видно, что меня вполне

устраивало.

Впереди шли Кнут и Шен, сразу за ними – Лаэн, затем мы с Бамутом, замыкающим был Гнус. Признаюсь честно, недомерок, все время находящийся за спиной, меня нервировал. Перед глазами то и дело возникал образ некроманта со вскрытым горлом. Вот и гадай: то ли тебя прикрывают, то ли собираются уколошить. Успокаивал я себя только тем, что пока Гнус со мной в одной упряжке и ему не до сведения старых счетов.

Шли мы ходко, почти нигде не задерживаясь, и я начал надеяться на то, что нам удастся выбраться из этой передраги. Вот только Лаэн меня беспокоила. Несмотря на то, что ее глаза продолжали гореть лихорадочным огнем магии, она явно слабела. Кожа стала мертвенно-бледной, скулы заострились, волосы потускнели и намокли от пота, липли ко лбу. Непокорный посох колдуна пил из нее жизненную силу.

– Не пора ли от него избавиться? – спросил я жену, когда мы пересекали засаженный брюквой огород старой Розы.

– Еще нет, – едва разжимая губы, неохотно ответила она. – Хилсс пока нужен.

– Я очень надеюсь, что ты знаешь, что делаешь, – недовольно проворчал я.

– Просто будь рядом.

Я хмуро кивнул. Конечно, буду.

Откуда-то справа, из-за заборов, донеслись крики. Нас ищут. Пока у них не хватает мозгов проверить дворы, шныряют по улицам, но долго это не продлится. Если солдатня может себе позволить быть тупой, то офицеры – нет. Дворы обязательно начнут «чесать», а если хватит людей, – просто оцепят деревню. Время работает не на нас. Главное – скорость. Если успеем прорваться, пока набаторцы бегают с открытыми ртами и вытаращенными глазами, значит, все отлично. Нет – придется плыть по реке, и я не уверен, что нам удастся добраться до берега. Мы все дружно пойдем ко дну. До реки, кстати говоря, осталось всего ничего. Сейчас мы были недалеко от моста. Обогнуть хлев, добраться до калитки, ведущей на соседний двор, а с него на улицу. Рискованно, конечно, но иначе никак.

Возле хлева Кнут вляпался в навозную лепешку, раздраженно выругался, поспешно нагнал Шена и пошел рядом. Старая Роза из-за закрытой двери посылала нам проклятия. Мы вытоптали ее огород. Хлипкая калитка оказалась заколочена, таким образом карга пыталась защитить свой двор от дурачка Порка, живущего по соседству. Как я слышал, он был большим любителем лазить туда, где его никто не ждет.

– Кнут, дай я, – сказала Лаэн.

Но тот не послушался. Одним ударом ноги сорвал калитку с петель и упал с раздробленной головой от удара набаторского воина. Шен отпрыгнул назад и влево, мое солнце вскрикнула, а я, не мешкая, выстрелил. На место одного мертвого солдата, встали двое. А затем весь мир закрутился в свистопляске боя.

Где-то над ухом сухо щелкнул арбалет Бамута, я выхватил из-за пояса топорик, метнул в уцелевшего противника. Вокруг нас, словно из-под земли, выросло еще четверо. Шен и Гнус вступили в схватку, зазвенело железо. Пока они пытались покончить с врагами, Лаэн ткнула посохом в морду ближайшего к ней солдата. Череп тут же откусил ему половину лица. Человек, позабыв обо всем на свете, вопя и истекая кровью, рухнул на землю, зажимая страшную рану обеими руками. Последний «свободный» набаторец попытался обойти меня справа, но увидев в руках моей жены кровожадный хилсс, замер. Это его и сгубило. Бамут времени даром не терял и воткнул ему кинжал в живот.

– Шен, в сторону! – крикнула Лаэн.

Лекарь, вполне грамотно отражавший атаки, проворно отпрыгнул, уходя с линии «магического выстрела». Вой черепашки – и враг вместе с забором, превратившимся в доски, улетел далеко вперед. Гнус к этому времени как раз расправился со своими «неприятностями» и теперь добивал укушенного в лицо.

– Забери меня тьма! Что они здесь делали?! – с горечью смотрел на тело Кнута.

– Нас ждали. – Шен тяжело дышал.

– Не мели чушь. – Я вытащил из трупа топорик, вытер лезвие об одежду и убрал обратно за пояс. – Посмотри, парни почти в исподнем, хоть и при оружии. Они по многим домам в деревне расползлись. Жить где-то надо, пока казармы не отстроят. Вот мы и наравались.

– Это Кнут наравлся. Чего вперед полез? Лаэн же ему говорила... Столько лет из всего выбирался, а здесь, словно молокосос, попался. Дурак...

Бамут посеревшими губами быстро-быстро шептал молитву. Да, Кнута, и вправду, было жаль. Не самый плохой человек, к тому же умел держать этих шакалов в подчинении. А теперь остается только гадать, когда они сорвутся.

– Его уже не воскресишь. Бамут, перезаряди свою игрушку. – Лаэн быстрым шагом пересекла двор.

Из дома выглянула пропитая морда. Папаша Порка собственной

персоной.

– Эйто... вы чевойто, а?

– Скройся! – приказал Гнус, и хозяина как ветром сдуло.

На улице никого не оказалось. Мы быстро пересекли ее и, прижимаясь к забору, бросились в сторону реки. На той стороне, у мельницы, сутились люди.

– Там лучники! – предупреждая крикнул мне Шен.

– Я ими займусь, – вызвалась Лаэн.

За последние несколько минок она еще сильнее осунулась и побледнела. Ее кожа казалась прозрачно-восковой, под глазами появились устрашающие темно-синие круги, волосы словно истаяли. Я мог «снять» этих дурней прежде, чем они успеют взять более-менее правильный прицел. Нечего играть со смертью, когда все можно сделать обычным оружием. Отвернувшиеся лучники не самая сложная мишень.

Я почти не целился. Ветер дул от меня, «мишень» стояла неподвижно, так что упреждение я не брал, а дугу посчитать мог даже младенец. Да и расстояние в сто пятьдесят ярдов для этого лука не расстояние. В тот момент, когда первая стрела угодила точнехонько в цель, ее сестра уже сорвалась с моей тетивы.

– Как щенков! – вот и все, что сказал Га-нор, когда подстрелили набаторцев.

– Откуда стреляли?

– С той стороны. Да не туда смотришь! Левее!

Только теперь товарищ северянина разглядел четверых мужчин и женщину. Один из незнакомцев – светловолосый, застыл посреди улицы. Его оружие все еще было поднято, а правая рука отведена к уху. Он только что окончил стрелять и, судя по всему, любовался проделанной работой. Что же, у него был повод собой гордиться. На «раз и два» прихлопнуть сразу двоих.

– Хотел бы я знать, кто это такие.

– Какая разница, если они избавили нас от неприятностей? – пожал плечами Га-нор.

– Они могут быть нашими союзниками! Давай дадим о себе знать!

– Увидел двоих мертвецов, и тут же последние мозги отшибло, – участливо прокомментировал следопыт. – Где твоя осторожность? Думай головой. Я не уверен, что если мы покажемся ему на глаза, нас встретят распростертыми объятиями.

– Об этом я как-то не подумал, – смутился Лук.

– Интересно, почему тогда мой народ вы смеете называть тупицами?
– Я никогда так вас не называл! – вспыхнув, возмутился стражник и тут же перевел разговор: – Давай лучше посмотрим, что они собираются делать дальше.

Эта дева была самой красивой на свете. Да. Куда там деревенским! Те, когда ее увидят, от зависти лопнут и собственные косы слопают. Таких в Песьей Травке еще никогда не было. Даже его лучший друг, капитан Най, ее слушается. И колдунец с ней тоже дружит.

Совсем скоро Порк станет рыцарем, и тогда дева его полюбит. А он будет спасать ее от всяких там разбойников и драконов. Чтобы не скучала, да. А кто про красавицу говорить плохое начнет, того он проучит и заставит просить у дамы сердца на коленях прощение.

Дурачок решил, что тех, кто откажется, заставит землю есть. А еще лучше – нажалуется капитану Наю, и негодяев повесят.

Сейчас «дама сердца» деревенского пастуха куда-то очень спешила в окружении пятерых суровых воинов. Порк хотел пойти вместе с ними, но наткнулся на злой взгляд седовласого капитана и с дружбой больше не лез. Плелся позади, стараясь не потерять свою «любовь» из виду.

– Эй, а это что за чудо? – услышал я изумленный голос Гнуса.

Недомерок смотрел куда-то мне за спину. Я резко обернулся.

По пустой улице, из центра деревни, к нам навстречу, летели двое. Да, да. Я и сам сперва не поверил. Именно летели. Они без всяких крыльев парили на высоте человеческого роста. Ног, кстати говоря, у них не было. Какие-то жалкие змеиные хвостики. В общем, никогда ничего подобного я не видел, и, наверное, к лучшему. Не хочу иметь с подобными существами ничего общего. Особенно, если у них в руках луки такого размера, что даже самому сильному человеку в мире их не натянуть.

– За дом! – приказал я и, не проверяя, послушались ли «компаньоны», потянулся к колчану.

Оба незнакомца, как по команде, вскинули луки. Они сделали это так быстро, что я едва успел отпрыгнуть к двору. Пришлось пригнуться. Над головой громко стукнуло о доски. Я выругался, едва ли не ползком бросился к прикрытию, в последний момент совершив скачок, которому могла бы позавидовать любая опьяневшая блоха.

– Цел?! – проорал Шен.

Я проигнорировал его вопрос, осторожно высунулся из-за угла дома и тут же отпрянул. В землю воткнулась стрела. Не стрела, а целая оглобля.

Такой хребты можно лошадям переламывать.

Обстрел ребята вели жесткий, ничего не скажешь. Мы носа высунуть не могли, не говоря уже о том, чтобы перейти через мост. Тут же превратят в ежей.

– Кто это, заberi меня Бездна?! – выкрикнул Гнус. Он не ожидал получить ответа. Впрочем, как и я. Так что я очень удивился, когда отозвался Шен:

– Шей-за'ны.

– Кто-о-о? – не понял Гнус.

– Сжегшие души, – пояснил лекарь. – Это они.

Отлично! Вот с кем я в этой жизни не планировал встречаться, так это с существами из сказок. Не думал, что жители Великой пустыни заберутся так далеко на Север.

– Лаэн, сделай что-нибудь! – взмолился Бамут.

– Я не могу ничего сделать, пока их не увижу.

А увидеть она их не может, потому что эти гниды держат нас на прицеле. Высунешь голову из укрытия и тут же схлопочешь стрелу в глаз.

– Их надо отвлечь!

Идея Шена была не лишена «оригинальности». И как то я сам до подобного не додумался?

– Умник! – презрительно фыркнул я. – Раскрой тайну, как это сделать.

Тот на мои слова сразу же окрысился:

– Побегай по дороге. Пока они будут тебя дырять, твоя женщина соорудит какое-нибудь страшное заклятие.

У меня возникло стойкое желание вытолкнуть молокососа из-за стены в просвет между домами. Сжегшие душу встретят его с большой радостью.

«Это единственный выход», – раздался у меня в голове голос Лаэн.

«Ты серьезно?»

«Я чувствую, как „Он“ приближается. Нам придется рисковать, или все будет зря. Ты мне поможешь?»

Я не колебался ни уны:

– Что надо сделать?

– Похоже, наши новые друзья попали в неприятную ситуацию, – слишком уж задумчиво процедил Га-нор.

Лук поспешно кивнул, соглашаясь, затем, поняв, что северянин смотрит не на него, а в окно, «угукнул». От Сжегших душу солдата начинало трясти крупной дрожью. Эти создания даже хуже оживших покойников. От них так просто не избавишься.

– Эй! Ты же не собираешься им помочь?! – До стражника только сейчас дошло, что приятель вот-вот бросится на помощь попавшим в переделку людям.

Сын Ирбиса посмотрел Луку в глаза и неохотно покачал головой:

– Нет. Конечно, нет. Это было бы самоубийством.

– Эта... Если здесь задержимся, набежит целая свора набаторцев. Болтов и стрел на всех не хватит.

Он был прав. Совсем скоро враги явятся на помощь к Сжегшим душу. Тогда мы точно можем забыть о том, чтобы добраться до леса. Дальше местного кладбища не убежим.

– Я еще способна на три-четыре заклинания, – прошептала Лаэн. – Времени почти совсем не осталось.

– Все готово? – спросил я у нее.

– Да. На счет три... Раз! Два!

– Что это вы собираетесь делать? – с подозрением прищурился Шен.

– Три! – скомандовала она.

Я полностью доверял ей и ее мастерству, поэтому не раздумывал ни уны и бросился из-под защиты стен на открытое пространство. Сорвавшееся с конца посоха заклятие ударило в песок у моих ног. В воздухе задрожал пылевой щит, в котором застряли стрелы Сжегших. Опоздай Лаэн хотя бы на мгновение, и быть мне покойником.

Магический щит надежно защищал от стрел, поэтому я, петляя, словно заяц, несясь по улице, стараясь, чтобы лучники ни на уну не теряли меня из виду. Пока Сжегшие отвлеклись на меня, Лаэн успела произнести заклинание.

Тиа увидела ее в тот момент, когда женщина вышла из-за угла дома и вскинула хилсс. Шей-за'ны вместо того, чтобы прострелить ей ноги, безостановочно лупили стрелами в светловолосого человека, метавшегося по улице. Вокруг него мерцал ореол «Объятий пыли». Глупцы! Неужели они не видят, что все их потуги бесполезны! Стрелы через этот щит не действуют.

А стерва умна. Когда она ее свяжет, то обязательно спросит, кто научил ее такому заклятию. Это магия Смерти, Ходящие о ней ничего не знают. Кто же ее учитель? Не спуская с женщины глаз, Проклятая начала сплетать заклинание связывания. Оно должно было отрезать незнакомку от Дара и спеленать ее по рукам и ногам.

Вспышку силы она ощутила в тот момент, когда ее заклятье уже

готовилось сорваться с пальцев. Воздух затрепал от магии, в волосах Проклятой сверкнули и исчезли синие искры, а затем грохнуло так, что она от неожиданности прикусила язык.

На том месте, где только что находились шей-за'ны, появилась тугая, синевато-черная воронка смерча. Ша-хо и его брата закрутило, а в следующее мгновение разорвало на тысячу мелких кусочков.

Дура! Тупица! Неумеха! Выскачка! Использовать такое мощное заклинание и тратить столько силы ради того чтобы убить двоих! Все равно что с боевым молотом охотиться на блох! У нее точно нет мозгов! Легкомысленная самоучка!

Тиф нехорошо прищурилась, и в следующее мгновение заклятие сорвалось с ее пальцев.

От прогремевшего среди ясного неба грома Лук испуганно икнул и, не поверив глазам, протер их. Ничего не изменилось. Между домами продолжал бушевать сиреневый смерч.

– А вот и некромант! – обреченно произнес стражник.

– Заблуждаешься. – Га-нор оказался наблюдательнее своего товарища. – Это та баба.

– Проклятая! – ахнул Лук.

– Или Ходящая. Так или иначе, рядом с ними нам делать нечего. Собирайся.

– Что, прямо сейчас? – ошеломленно спросил тот, но послушно встал.

– Можешь дожидаться, пока они развалят мельницу. – Было непонятно, всерьез следопыт предлагает это или шутит. – А мне в последнее время начали нравиться леса.

– И мне, лопни твоя жаба! – поспешно, словно боясь, что его оставят, произнес Лук.

Они убрали лежащий на люке жернов. Спрыгнули вниз. Никто их не остановил и даже не заметил. Мельница работала, но была пуста. Когда стало «жарко», все местные разбежались.

Не оглядываясь и более не интересуясь разворачивающимися за спиной событиями, разведчик и стражник преодолели открытое пространство невспаханного, заросшего высокой травой поля и оказались в спасительном лесу.

Когда смерч рассеялся, я увидел, что к нам навстречу решительными шагами движется какая-то девчонка в окружении закованной в черную броню пятерки набаторцев. Справиться с этими вояками в ближнем бою – и

думать нечего. Щиты, мечи, тяжелые доспехи. Изрубят в капусту, если только мы их раньше не подстрелим.

В этот момент посох низко и торжественно взревел. Лаэн пронзительно вскрикнула и отбросила его в сторону, словно тот был раскаленным. Но это не помогло. Ее руки от кончиков пальцев до плеч охватило лиловое сияние.

С криком отчаяния и боли мое солнце упала на землю. Сияние между тем осталось только на запястьях и стало принимать форму, очень уж похожую на кандалы. Я бросился к ней на помощь, но она успела мне крикнуть:

– Не подходи! Это не «Он», а «Она»!

На догадливость я никогда не жаловался. Сразу понял, что все беды от спутницы набаторцев. Лиловая магия – ее рук дело. Не раздумывая, рванул из колчана стрелу, оттянул тетиву к уху, выстрелил. Двое парней в черном сдвинули треугольные щиты, закрыв девку от угрозы. Я выругался.

Краем глаза заметил, что Гнус с Бамутом даже и не думают помогать. Пролетели мимо меня и, что есть сил, побежали к лесу.

Тиа не ожидала, что спеленать стерву будет столь легко. До самого последнего момента, когда заклятие ударило по ней через хилсс, дуреха и не подозревала, что должно случиться. Никакого сопротивления она не оказала. То ли не хватило силы, то ли ее этому не удосужились научить. Заклятие, действующее через посох, пускай и отброшенный, держало крепко. Но Проклятая и не думала расслабляться. Во-первых, она ни на уну не забывала о том, что перед ней самородок с очень мощной природной «искрой». Во-вторых, Тиф до сих пор ожидала от неизвестной какой-нибудь каверзы. Очень сложно отказаться от мысли, что все это не является ловушкой Ходящих. Лишь в тот момент, когда на тонких запястьях синеглазой крестьянки появились магические цепи, Тиа облегченно перевела дух.

Получилось! Теперь девка в ее власти!

Двое идущих впереди Проклятой гвардейцев сомкнули щиты. В них тут же с глухим стуком угодила стрела. Тиф от неожиданности вздрогнула. Все мысли были настолько заняты противницей, что она и думать забыла о других опасностях. Если бы не телохранители, то случилось бы то, чего Тиа с таким успехом избегала несколько последних веков. Неизвестный лучник оказался неробкого десятка, и ему почти удалось воспользоваться ситуацией в своих целях.

Тиа собралась разделаться с наглецом, но тут к валявшемуся на земле

посоху подскочил молодой мужчина...

Когда Гнус и Бамут задали стрекача, я напрочь забыл о лекаре. Сбросил со счетов, решив, что толку от него, как от козла молока. Поэтому, когда невесть откуда взявшийся Шен выскочил на дорогу и поднял отброшенный Лаэн посох, я потерял дар речи.

Череп, как это было и раньше, тут же «оплавился» и приобрел новую форму. Белый, как мел, парень, не мешкая, направил посох в сторону напавшей на Лаэн женщины и громко, тщательно проговаривая все звуки, крикнул ту самую фразу, что я уже слышал от моего солнца:

– Ррагон-рро!!!

Череп совсем по-человечески вскрикнул от боли, и в тот же момент в группу врагов ударило ослепительно белое копье света.

Поведение щенка было странным. Чего он хотел достичь тем, что схватил хилсс? В парне совсем не ощущалось никакого намека на «искру».

Но, когда посох «прочел» нового хозяина и изменил форму, у Тиа не осталось времени, чтобы удивляться. Она мгновенно «перевела» часть силы на щит, выброшенный навстречу чужому заклинанию. В следующую уну ее охватил яркий свет.

Боль пронзила каждую частичку тела, заставила выгнуться дугой и издать хриплый, животный вопль муки.

Земля под ногами содрогнулась от ужаса. Перед моими глазами плыли разноцветные пятна.

Шен стоял на том же месте, а посоха некроманта больше не существовало. Он рассыпался, превратился в черные хлопья, которые сразу же подхватил легкий ветерок и, играя, понес по улице. Лаэн больше не кричала. Лиловое пламя на запястьях погасло, и она пыталась встать. Я тут же кинулся к ней, подхватил, поставил на ноги. Ее била крупная дрожь, зубы клацали, на бледных щеках появился нездоровый румянец. Она повторяла одно и то же слово:

– Целитель... Целитель...

– Идти сможешь?

Какое-то мгновение мое солнце смотрела на меня, не понимая, чего я от нее хочу, затем кивнула. Прошла несколько шагов на подгибающихся ногах и едва не упала.

– Я помогу! – Шен оказался рядом, подхватил ее. Парень был мокрым от пота. Из носа текла кровь.

Сосуды в голубых глазах полопались. Но вроде стоит крепко и сил не растерял. Я передал Лаэн ему.

– К лесу! Догоню!

Он с легкостью взвалил ее на плечи и понес к мосту.

Трое из пяти набаторцев мертвы. Один безостановочно кричал. Другой вяло шевелился. Заклятие угодило прямо в них, даже земля вокруг оказалась оплавлена.

Девчонке крепко досталось. Волосы обгорели. Чудом уцелевшее от пламени лицо – один кусок окровавленного мяса. Левого предплечья как не бывало, и она сживала правой уцелевшей рукой культю, пытаясь остановить кровь. И в то же время, несмотря на ужасные раны, ведьма силилась встать на ноги.

Я не дал ей такой возможности и безжалостно расстрелял гадину из лука, всадив в нее три стрелы. Первая ударила в правую часть груди и заставила ее упасть обратно на землю. Вторая угодила в бок. Третья в шею. Не знаю, кем она была, но умерла точно так же, как умирают обычные люди.

Порк, все это время прятавшийся за уличным колодцем, тоскливо завыл. Я, не обращая на него внимания, повернулся и побежал догонять уже находящихся на той стороне реки Шена и Лаэн.

Капитан Грай пришел в себя от бесконечного крика Лая.

– Сейчас. Потерпи, дружище, – прошептал командир гвардейцев разбитыми губами. – Сейчас.

Раненый его не слышал и продолжал выть на одной ноте.

Грай, преодолевая боль, с трудом встал на колени и застонал. Правую руку обожгло так, словно он засунул ее в жаровню с углями. Кровь, текущая из-под шлема, заливала глаза, но, несмотря на это, капитан смог рассмотреть рану. Можно забыть о том, что эта рука когда-нибудь взялась за меч. Большой и указательный палец отсутствовали.

Капитан оторвал от лежавшей рядом с ним окровавленной тряпки, ранее бывшей чьей-то одеждой, кусок и худо-бедно замотал рану. Лай к этому моменту наконец-то перестал кричать. Он был мертв. Набаторец, ежеминутно вытирая лицо от крови, огляделся. Все было кончено. Он единственный, кто выжил после того, как на них набросилась Ходящая. Товарищи и госпожа – мертвы.

Госпожа мертва...

Он не мог в это поверить. Такое не укладывалось в голове. Грай никогда не мог подумать, что те, кого жители этой земли называли

Проклятыми, могут умирать. Но Тиа лежала перед ним, вся поломанная и окровавленная, и три стрелы, оставшиеся в ее теле, были неммым укором ему.

Он не справился. Не смог. Не оправдал честь, возложенную на него. Опозорил свой род.

На самой границе пылавшего болью сознания набаторец отметил, что рядом кто-то пошевелился. Здоровенный парень с лицом дурака, что шел за ними от самого трактира, встал на ноги. Он подошел к набаторцу и сказал с такими знакомыми воину интонациями:

– Ты плохо выполнил работу, Грай.

Раненый вздрогнул, поднял голову и испуганно охнул, увидев глаза парня. Они были абсолютно белыми. Незрячими. Казалось, в них полыхает могильное пламя. И этот, чуть насмешливый, молодой и уже ставший привычным голос! Только один человек осмеливался говорить так с королевским гвардейцем.

– Это... это невозможно, – прошептал Грай. – Я не верю... госпожа... Взгляд Тиа не предвещал ничего хорошего.

Глава 10

Шен на первой же остановке дал Гнусу в морду за то, что тот сбежал и увел за собой Бамута. Но, к моему удивлению, недомерок на удар не ответил. Похоже, до поры до времени он решил не лезть в драку, так как перевес был не в его пользу. И я и Лаэн не слишком жаловали этого урода.

Гнус и Бамут вели себя тише воды ниже травы, и мало-помалу обстановка перестала быть напряженной. Обиды отошли на второй план. Сейчас все держались друг за друга, поэтому приходилось делать вид, что ничего существенного не произошло.

К вечеру четвертого дня мы остановились на ночевку в чинаровой роще. Сегодня был пройден достаточно большой отрезок пути, и можно было с чистой совестью отдыхать до следующего утра.

– Ты уверен, что здесь безопасно? – спросил у меня Гнус.

– Посуди сам. Мы четыре дня рысью бредем через дебри. Не сегодня, так завтра выйдем к тракту. Направление верное. Если за нами и была погоня, то она отстала. Иначе нас бы давно взяли за хвост. Не думаю, что небольшой костер сможет повредить. К тому же есть тетерку сырой не слишком полезно. Лично я предпочитаю жареную птицу.

Гнус угрюмо выслушал, кивнул, показывая, что согласен с приведенными доводами, и ткнул Бамута в бок. Тот, недовольно кряхтя, встал, и они вдвоем ушли собирать хворост для костра. Я проводил их взглядом, пока они не скрылись за деревьями. Лаэн дремала, подобрав под себя ноги и прислонившись к древесному стволу. Дорога утомила ее. Она так до сих пор и не оправилась после происшедшего в деревне.

Я снял с себя куртку, осторожно, чтобы не разбудить, укрыл жену.

– Пригляди, – шепотом попросил Шена.

Лекарь оципывал подстреленную мной тетерку и, не отвлекаясь от дела, кивнул. Ни я, ни Лаэн, ни он о том, что произошло в Песьей Травке, не говорили. Мы старательно избегали этой темы, прикрываясь нехваткой времени. Отчасти это было правдой. Изнурительные пешие переходы заканчивались тем, что во время вечерних привалов все на скорую руку перекусывали и проваливались в сон до самого утра. Иногда не было сил даже выставить стражу. Затем – опять в дорогу, а там нормально не поговоришь. Я не хотел, чтобы нас услышали Гнус и Бамут.

О странных талантах Шена наши «беглые» ничего не знали. Быть может, оно и к лучшему. Парень, как видно, не стремился делиться своей

тайной с окружающими.

Я взял лук и пошел в ту сторону, куда совсем недавно отправились мои «лучшие друзья». Доверия у меня к этой парочке и раньше не было, а после их бегства и подавно. Без опеки Кнута Гнус стал большой «занозой», а Бамут подчинялся ему беспрекословно. Нам с Лаэн еще повезло, что Шен пока не с ними. Но и за лекарем нужен глаз да глаз, особенно если он умеет не только лечить, но еще и кидаться раскаленным светом. Дураку ясно, что парень достаточно опасен, и у него могут быть свои причины устроить нам «сладкую жизнь» без всякого науськивания со стороны моих «братьев по цеху». Избавиться бы от них, но я не уверен, что мне удастся это проделать без тяжелого ущерба для собственной шкуры. Кроме «приглядывания» за собирателями хвороста требовалось обойти вокруг места ночевки. Мало радости расположиться возле логова гова или берлоги шпагуков. А уж проснуться в их желудке – еще то удовольствие. Кроме всего вышеперечисленного меня беспокоил последний отрезок пути, по которому мы прошли. С детства страдаю подозрительностью. А в последнее время она очень болезненно отвечает на любую странность. Как только мы очутились в лесу, мне начало казаться, что за нами кто-то следит. Впрочем, на «казалось» далеко не уедешь. Если и следили, то делали это мастерски. Вчера после полудня я отстал от спутников и устроил небольшую засаду. Ощущение слежки мгновенно пропало. То ли мне и вправду все почудилось, то ли неизвестный ловкач стал гораздо осторожнее.

О своих подозрениях я никому не говорил. Даже Лаэн. Нет нужды суетиться раньше времени.

Небо было еще светлым, но здесь, между могучих стволов огромных чинар уже растеклись густые сумерки. Готовившийся уснуть лес казался мрачным и пустым. Никаких тропинок, даже звериных. Приходилось идти наобум и смотреть под ноги, чтобы не наступать на сухие ветки и не спотыкаться о торчавшие из земли черные корни.

Без ложной скромности могу сказать, что ходить по лесу умею. Сказался приобретенный в молодости опыт, когда пришлось какое-то время побродить по Сандону. Этот лес и сейчас не любит чужаков, а в то время вход людскому племени в королевство Высокородных и вовсе был заказан. Мирного договора между Империей и этим народом не было, и любой, кто входил в чащу, мог надеяться только на собственную ловкость и опыт. Спустя какое-то время я услышал недовольное ворчание Бамута:

– Темно, хоть глаз выколи!

– А ты еще нар повозись и обратную дорогу будешь искать на ощупь, – ответил Гнус. Сразу за этими словами раздался треск ломаемой ветки.

– Ну, давай, эта... ты меня научи, как хворост собирать.

– Шевелиться надо быстрее. Не ровен нар, заплутаем. Я слышал, в трех соснах люди блуждали и дошли от голода. А путь – вот он был. Рядышком.

– Так, эта, когда магия, – разочарованно протянул Бамут. Вновь треснула ветка.

– А кто тебе сказал, что здесь ее нет? Выглядит местечко, словно проклятое. Не удивлюсь, если с нами случится какая-нибудь дрянь.

Бамут нервно рассмеялся и, судя по шелесту листьев, стал поторапливаться. Я, стараясь не шуметь, подошел ближе и, встав за дерево, наблюдал. Далеко же они зашли. Веток рядом со стоянкой хоть завались, а им, видите ли, захотелось переться в самую чащу.

– Вот скажи мне, с чего, эта... мы должны здесь все делать, а они отдыхать?

– Заткнись.

– Нет, ну почему я всегда крайний? Мне, эта, до смерти надоело.

– Предлагаешь пустить им кровь? – с насмешкой поинтересовался Гнус.

– Ага. Я все время думаю о десяти тысячах.

– Не о том ты думаешь. Ох не о том!

– А что может быть лучше денег?

– Ну, к примеру, собственная могила.

– Ха!

– Понимаю, она не так хороша, как сорены, но гораздо ближе к тебе, чем обещанная Йохом награда.

– Эта... ты к чему?

– Ты что? Совсем тупой?! – неожиданно рассердился Гнус. – Постоянно забываешь о Лаэн. Проспал, когда она половину деревушки под корень снесла? Думаешь твоя пустая башка крепче?

Бамут опустил на колено и стал подбирать хворост. Некоторое время арбалетчик сердито сопел, придумывая достойный ответ.

– Добрая сталь любую дрянную магию остановит, если, эта, с умом подойти. Не ты ли некроманту горло вскрыл?

– Ну, я. Колдун нас ни во что не ставил. А Лаэн знает, на что и я и ты способны. Я не хочу к ней приближаться, даже когда она спит. К тому же остается Серый. Он в состоянии выпустить из кого-нибудь душу, пока его завалят. Неоправданный риск.

– Нас трое, а их двое.

– Эти двое пятерых стоят. К тому же... ты думаешь, Шен на нашей стороне?

– Да.
– С чего бы?
– Я с ним говорил.
– Когда?
– Успел во время вчерашней стоянки.
– Ну-ну. Я в нем не сильно уверен.
– Эта... Если тебе не нравится парень, то это ничего не значит. Кнут к нему относился нормально.

– И где твой Кнут? Тухнет с проломленной башкой в какой-нибудь навозной яме. Прости меня Мелот за такие слова. Я еще раз говорю, что Шену не доверяю. К тому же есть разница – делить десять тысяч на двоих или на троих.

– Так все же ты решился? – обрадовался Бамут.
– Решиться – не значит сделать. Будем ждать благоприятного момента. Если он представится. А сейчас рано дергаться. Серый ведет нас. Коли уберем его, вовек из лесов не выйдем.

– А если, эта, до самой Альсгары твоего момента не будет?

– Тогда забудь о деньгах. Идем.

Почти стемнело. Гнус и Бамут подняли с земли заготовленный хворост и ушли по направлению к стоянке. Так. Так. Так.

Что же, предположения насчет этих скотов полностью оправдались.

Я сдержался и не стал их трогать. Несмотря на опасность сосуществования, ребята могли пригодиться. Лишние руки в таких местах никогда не бывают лишними. А если нам суждено нарваться на кого-нибудь из семейки говов, я без всякого сожаления отправлю им в глотку эту троицу.

Пока Лаэн рядом, не стоит слишком опасаться того, что они отправят нас в Счастливые сады. До того как мы выйдем на тракт, можно не беспокоиться, что нас посмеют укусить. А вот когда лес закончится, придется от них избавиться.

Я начал продвигаться в сторону тропки, по которой мы шли весь день. Она находилась ярдов на триста правее того места, где крутились Гнус с Бамутом. Небо приняло густой фиолетовый оттенок, и на нем высыпали первые звезды. Прекрасно видна Змея, и Синее пламя на ее хвосте ярко горит, указывая на юг. Сверившись с направлением, я двинулся вперед.

Ненавижу ходить по ночному лесу. Не человеческое это дело. Хотя в былые времена я знал опытных следопытов, способных перемещаться во тьме дремучей чащи так, словно они шли по городской улице. Я подобными умениями не обладал. Приходилось таращить глаза, чтобы не

стукнуться лбом о какой-нибудь древесный ствол. Но это мало помогало. Луны, как назло, еще не было.

Я остановился и, держа наготове лук, встал за дерево. От глаз не было никакого толку, так что пришлось прислушиваться, надеясь уловить подозрительный шорох. Но минки сменялись минками, а ничего не происходило.

Все как обычно в ночном лесу. Шелестел ветер в древесных кронах, где-то вскрикнула проснувшаяся птица. Что же. Буду надеяться, нас, и правда, никто не преследует. Я пересек тропку, снова углубился в чащу, теперь уже возвращаясь обратно, и вновь оказался у опушки, где обнаружил Гнуса и Бамута. Далеко-далеко впереди мерцал теплый огонек костра. Пахло жареным мясом, и в животе немедленно заурчало. Я уже мечтал о доле тетерки, когда слева, совсем рядом, едва слышно хрустнула ветка.

Стрела ушла в темноту, прежде чем я успел подумать о том, что произошло. Звук, раздавшийся мгновением позже, известил меня о том, что я промазал и угодил в дерево. Я громко гаркнул, предупреждая сидевших у костра об опасности, и отправил вторую стрелу на удалявшийся от меня шорох. Так и не понял, попал или нет.

Проклятие! Меня чуть не застали врасплох! Если бы сидевшему в засаде не попала под ноги эта расчудесная ветка – неизвестно, как бы все повернулось.

– Что случилось? – Лаэн прибежала первой.

Гнус и Шен с горящими ветками вместо факелов спешили за ней. Бамут вооружился арбалетом.

– Здесь кто-то был. – Я не отрывал взгляд оттуда, куда «ушла» моя стрела.

– Кто? – нахмурился Шен.

– Я знаю? Свет у вас. Проверьте землю. Может, остались какие-нибудь следы. Вон там. И вот там.

Первую стрелу мы нашли довольно быстро – она застряла в чинаре. Недалеко от нее обнаружилась сломанная ветка, которая, возможно, спасла мне жизнь.

– Ничего не значит. – Лекарь мне не верил. – Она могла так проваляться год.

– А трещало у меня в голове, – мрачно отозвался я.

– Не удивлюсь, – огрызнулся он. – Света слишком мало, чтобы о чем-то говорить.

В руках Лаэн возник шарик, излучающий бирюзовый свет. Его хватало

на то, чтобы осветить лес на расстоянии двух ярдов. Я заметил, что, когда мое солнце произнесла заклинание, Гнус отшатнулся. Отлично! Это заставит его быть осторожным и не совершать опрометчивых поступков.

– Этого хватит? – устало спросила она, протягивая «светлячка» Шену.

Лекарь, не дрогнув, принял его на ладони. Вопросительно посмотрел на меня.

– Я стрелял дважды.

– Куда?

Получив направление, они начали искать.

– Есть! – откликнулся через минку Бамут.

Мы поспешили к нему и увидели, что он вертит в руках стрелу. Гнус взял ее, поднес к глазам.

– Ты все же кого-то зацепил. На ней кровь. – Маленький убийца осторожно попробовал окровавленный наконечник кончиком языка. – Человеческая.

– Да ну? А ты пробовал еще какую-нибудь? – ехидно поинтересовался Шен.

– Да пошел ты! – сразу же зарычал Гнус.

– Заткнитесь, – приказала Лаэн. – Человеческая она или нет, ясно одно – здесь действительно кто-то был. Я думаю, нам придется дежурить по ночам. Иначе можно однажды не проснуться.

Ее предложение было встречено одобрительным молчанием.

Поговорить с Лаэн я смог лишь на следующий вечер, во время привала. Важный разговор запоздал на целых пять дней, но тут уж ничего не поделаешь. На все мои мысленные призывы она отвечала упорным молчанием.

Пока троица, навязанная нам Молсом, сняв сапоги, разлеглась на отдых под высокими золотистыми соснами, мы вышли на небольшую, заросшую малиной поляну. Прежде чем добрались до удобного места, чтобы поговорить без свидетелей, пришлось продираться через заросли. Жена по дороге успела набрать полную горсть крупных душистых ягод и теперь, усевшись на прогретый солнцем древесный ствол, задумчиво их жевала.

После «общения» с посохом некроманта она все еще оставалась бледна, но болезненная бескровная прозрачность исчезла, а волосы перестали быть тусклыми. Да и слабость пропала, что не могло меня не радовать.

– Как ты?

– А? – Она отвлеклась от тяжелых мыслей и какое-то мгновение

смотрела на меня, не понимая, о чем я говорю. – Лучше. Гораздо лучше. Спасибо. Как ты думаешь, кто за нами следил?

– Сам бы хотел это знать. Он идет за нами с первого дня.

– Не скажу, что это меня слишком беспокоит, дорогой.

– Ты права. Он бы давно напал, если бы захотел. Первые три ночи все спали без задних ног. У парня была куча возможностей.

– Ты же заметил, сколь он опытен. Эти тупицы так и не рассмотрели следов, но ты-то видел?

– Ну... – протянул я. – Скажем так, по тому, что этот тип изволил мне оставить, можно сказать, что он не простой человек. Почти никаких отпечатков на земле. Не в первый раз «работает» в лесу. И от стрелы ушел с легкостью, тогда как любого другого я без труда бы подстрелил. Хорошо знает лес. Но если честно, он беспокоит меня гораздо меньше, чем произошедшее в деревне...

Мысленно ты общаться не хочешь, быть может, теперь, когда мы остались наедине, сможешь объяснить все случившееся.

Лаэн понимающе хмыкнула, отправила в рот очередную ягоду. Вид у нее был довольно грустный.

– Ты так ничего и не понял, да?

– Не понял что?

– Нэсс, – вкрадчиво произнесла она. – Я «не хочу» говорить с тобой мыслешепотом только потому, что не могу. Не «не хочу». Замечаешь разницу?

Наверное, вид у меня был достаточно глупый, и мое солнце разочарованно вздохнула.

– У м-м-м... тех, кто пользуется Даром, это называется затуханием «искры». Хилсс колдуна потребовал всех моих возможностей. Он почти выпил меня до дна. Посох постоянно просит жизненных и магических сил, он пытается ими, иначе отказывается повиноваться. А потом пришла эта женщина...

– Кто она? – перебил я ее.

Лаэн испытующе на меня посмотрела и, ничего не сказав, съела последнюю ягоду. Вытерла красные от сока руки. Едва-едва пожала плечами:

– Она была очень сильна. Настолько, что я предполагаю, это кто-то из Проклятых.

Я не сразу понял, что это не шутка:

– Проклятая?! Что за нелепость! Так легко она бы не далась!

– Кто тебе сказал, что это было легко? – От ее пронзительного взгляда

я вздрогнул. – То, что мы справились, с ней, я могу назвать только чудом. К тому же она не принимала нас всерьез, и мы застали ее врасплох.

Как-то не укладывалось в голове, что кто-то из Проклятых оказался на нашем пути. Когда подобными сказками пугают в детстве, вырастая, перестаешь в них верить.

– Считаешь это глупостью?

– Есть немного, – неохотно ответил я. – Согласись, очень тяжело поверить в то, что несколько дней назад я собственноручно отправил в Бездну одну из Шести.

– Дело твое, дорогой. Я не заставляю верить. Если тебе так проще, можешь считать ее очень сильной волшебницей, вот и все. Без всяких имен. А то, что она сильна, это правда. Лично я, как ты мог заметить, в открытом поединке проиграла ей в пух и прах.

– Зато Шен справился прекрасно, – подхватил я, переводя разговор в новое русло.

Лаэн скривилась так, словно я подсунул ей кубок уксуса.

– Да уж. Справился...

– Кто такой наш общий друг?

– Целитель.

– Я это знаю.

– Не путай понятия. Не лекарь. Целитель.

– А что? Есть какая-то разница?

– Огромная. Целительство – одна из редких сторон Дара.

Вот тебе и раз!

– Хм. То есть парень такой же, как ты?

– И да и нет. В нем есть «искра», но она отличается от моей. И от «искр» Ходящих. И от Огоньков. И от некромантов. Не скажу, что она у него сильна, скорее наоборот. Ее почти не раздули, поэтому потенциал пока не слишком велик...

– Не велик? Он справился с той девкой играючи! Хлоп, и все!

– Не более чем случайность, – невозмутимо ответила она. – Целители в нашем мире крайне редки. Один из десяти тысяч тех, кто владеет Даром, несет в себе подобное умение. Таких, как он, можно сосчитать по пальцам одной руки. К тому же мужчина! На моей памяти из мужчин только Скульптор обладал подобными способностями. Все остальные Целители – женщины.

– Не понимаю, как умение лечить людей с помощью магии помогает строить.

– Лечить магией могут все. Даже некроманты. Но не умеют это делать

так, как Целители. Их Дар направлен именно на это. Вплоть до возвращения из мертвых. Обратная сторона некромантии, если хочешь. Только получается не пустая злобная оболочка, настоящий, живой человек. А способности Скульптора были за пределами нашего понимания. Вот почему никто из ныне живущих магов не может повторить его творений. Или хотя бы приблизиться к ним. Врата Шести Башен, школа Ходящих в Радужной долине, восемь Шпилей, дворец Императора, усыпальницы Павших, Лепестки Пути, наконец.

– Э... – протянул я. – Почему же я о Целителях ничего не слышал?

– Говорю же, люди с подобной «искрой» рождаются достаточно редко. И они не спешат бегать по городам и деревням в надежде вылечить как можно больше народа. Последняя Целительница была Матерью Ходящих. Пять поколений назад. С тех пор с подобным Даром никто не рождался.

Я предпочел не спрашивать, откуда Лаэн все это знает.

– И все же вернемся к моему вопросу, – напомнил я. – Если они лечат, то как могут калечить и тем более строить?

– У каждой «искры» есть своя обратная сторона.

– Для меня это пустые слова.

Ее синие глаза задумчиво прищурились.

– Это все равно что обычное лекарство. Ну, вот возьмем отвар от кашля из корней грешняка. Если его выпить очень много, то вместо избавления от болезни получится как раз наоборот. Легкие просто лопнут, и захлебнешься собственной кровью. Так и здесь. Кто сказал, что лекарь не может убить?

– Ну, если он коновал, – усмехнулся я.

– Не обязательно от неумения, дорогой. Согласись, что опытный лекарь знает человеческое тело настолько, что, появившись у него такое желание, и он без труда отправит любого в Счастливые сады. В магии Целителей все точно так же. Остановить сердце? Заставить лопнуть сосуды? Наслать мор? Если он умеет срастить сломанный позвоночник, то почему бы ему не уметь его ломать? Уникальная боевая магия, не имеющая ничего общего с привычными канонами школ Ходящих и Сдиса. Не Жизнь и не Смерть. Выше этого. И совсем другое. Если обратить подобный Дар во зло, можно наворотить таких бед, что о них веками будут помнить. За примером далеко ходить не надо – Проказа, одна из Проклятых, является Целительницей.

– Ого! По легендам, от насланной ею заразы вымерла половина юга.

– Совершенно верно. Думаю, теперь ты представляешь, на что способен опытный Целитель. Нет, – сказала она, угадав, о чем я хочу

спросить. – Шен так не может. Пока. Я же говорила тебе – его Дар не развит. Это всего лишь случайность. Парню повезло, что он смог совладать с хиллсом. Еще больше повезло, что когда Шен пропустил через него свой Дар, и его «искру» не выжгло. Когда Жизнь встречается со Смертью, чаще всего они друг друга убивают. Но магия Шена иная. Переплетаясь с магией некроманта, она повела себя непостижимым образом. О таком я никогда не слышала. Чистый обжигающий свет. Скорее, он и сам не думал, что получится. Даже Проклятая ничего не подозревала. Она, конечно же, выставила защиту, и я могу сказать, что ее бы не каждая Ходящая пробилла. Но вот от того, что получилось в результате сплетения «искры» Целителя и магии Смерти, защита не спасает. Если честно, я не знаю, есть ли вообще средство от такого заклинания...

– Неужели ни ты, ни эта девка, ни некромант не почувствовали, кто такой наш лекарь?

– Нет. Не почувствовали. «Искру» друг друга может ощутить отнюдь не каждый носитель Дара. А уж если ее умело скрывать... Белому не хватило опыта, чтобы меня поймать. Про Дар Целителя я вообще умолчу. Тепло его «искры» в корне отличается от всего, с чем приходится сталкиваться большинству магов. Почувствовать Целителя можно, только когда он проявил свои способности. И не раньше. Так что ни я, ни Проклятая, ни сдисец не подозревали о талантах дружка Молса до самого последнего мгновения.

– Кстати о... – я колебался, но затем все же произнес, – о Проклятой. Если ты права, и это была... которая?

– Хм... – Она подтянула колени к подбородку и, обхватив их руками, задумалась.

Я терпеливо ждал.

– Изначально мятежников в Совете Башни было больше двадцати, но только восемь из них пережили Темный мятеж, и именно их называют Проклятыми. Лихорадка и Холера погибли во время Войны Некромантов. Осталось шестеро. Двое из них – мужчины. Остается четверо женщин. По крайней мере, пара из них вполне подходит под известные описания. Так что мы столкнулись или с Корью или с Тифом.

Я поежился. До сих пор не верилось, что мы видели кого-то из тех, кто устроил Темный мятеж и развязал Войну Некромантов.

– Что понадобилось Проклятой в таком месте, как Песья Травка?

– Ответ очевиден, дорогой. Я. А точнее – мой Дар. Конечно, можно думать, что ее привело сюда чистое любопытство или надежда переманить меня на свою сторону, но мне что-то в это не верится. Некоторые из самых

сильных магов умеют присоединять чужие «искры» к своему Дару и становиться сильнее.

Я видел, что эта тема ей неприятна, и перестал настаивать. Перевел разговор на другое:

– С чего это Молс прислал к нам Целителя?

– А ты уверен, что он знает, что у Шена Дар?

– Нет, – после недолгого раздумья ответил я. – Но если так, то мне вообще непонятно, что заставило его отправить вместе с гийянами обычного лекаря.

– Что или кто? – Лаэн состроила хитрую рожицу.

– Намекаешь на Йоха?

– Не знаю. Когда, по-твоему, мы выйдем на тракт?

Я прикинул пройденное расстояние:

– Послезавтра, если будем продвигаться в прежнем темпе и ничего не случится.

– Значит, как только окажемся на дороге, они станут слишком опасны для нас. Я не поручусь за Гнуса.

– А я ни за кого из троих. Вчера вечером довелось услышать разговор наших собирателей хвороста.

Я вкратце пересказал разглагольствования Гнуса и Бамута.

– Быть может, попытаемся избавиться от них сегодня же? – предложил я.

– Это будет непросто, – неохотно сказала Лаэн. – Я не уверена, что в открытую справлюсь с кем-нибудь из них. К тому же никто не знает, что выкинет Шен, если мы прижмем его к стенке.

– Но я же не прошу тебя лезть в драку. Пользы от твоего Дара гораздо больше, чем от твоего ножа.

Одну уну она смотрела на меня с удивлением, а затем тяжело вздохнула:

– Я думала, ты понял.

Последовало долгое молчание. Затем она тихо прошептала:

– Я не могу пользоваться Даром.

Мне показалось, что я ослышался.

– Ты... что?

– Я НЕ МОГУ пользоваться Даром! – потеряв выдержку, крикнула она и спрятала лицо в ладонях.

Какое-то время я ошеломленно смотрел, как она беззвучно плачет, затем подошел к ней и обнял:

– Ш-ш-ш... Тихо. Тихо. Все хорошо, – попытался я утешить ее. В

какой-то мере это помогло. Плач перешел в тихие всхлипы.

– Не могу... Потеряла его... Не могу... Вот почему не отвечала на твои мысленные призывы. Просто не слышу. Собиралась тебе рассказать сегодня... Уже начала, но ты спросил про Проклятую, и я не решилась продолжать. Я уже начала тебе рассказывать про затухание «искры». Хилсс колдуна выпил меня. А заклятие Проклятой связало оставшуюся магию. «Искра» погасла настолько, что я не способна воззвать к Дару.

– Но ведь вчера ты создала «светлячок» для Шена.

– Это надо было сделать, пускай и из последних сил. В первую очередь для того, чтобы Гнус видел.

– Дар ушел не навсегда?

– Конечно. «Искра» не погасла. Но чтобы восстановиться, требуется некоторое время.

– Как долго?

– Подобного со мной никогда не бывало. Я могу только предполагать. Две недели. Быть может, месяц.

Пришлось закусить губу, чтобы не выругаться. Не думал, что все так плохо. У нас нет в запасе не то что недели, но даже трех дней. Без магической поддержки моего солнца справиться с троицей наших незваных компаньонов будет тяжело.

Из густых зарослей, ярдах в пятнадцати от нас, с возмущенными воплями вылетела пестрая птица. Я тут же оказался на ногах, готовый выстрелить. Лаэн тоже вскочила.

– Что-то ее испугнуло, – сказала она.

Никаких подозрительных движений и шорохов. Если там кто-то и прятался, то вел себя очень тихо. Так мы простояли несколько минок, напряженно вслушиваясь в звуки леса.

– Бесполезно, – подала голос Лаэн. – Если там кто и был, он уже давно убрался восвояси.

– Или до сих пор прячется, – не согласился я с ней. – Нас могли услышать.

– Не думаю. Достаточно далеко.

– Некоторые обладают прекрасным слухом, – вновь возразил я и вскинул лук.

Танг!

Стрела ушла туда, откуда совсем недавно вылетела птица. Выждав еще минку, я взял в правую руку топорик, в левую – длинный кинжал и пошел на разведку, не очень-то надеясь, что смог кого-то задеть.

Как и предполагал, стрела воткнулась в землю. Я убрал ее обратно в

колчан, осмотрел место. Трава вокруг была примята, а одна из веточек малинового куста сломана. Несколько спелых ягод, не удержавшись, упали на землю.

Это могло означать многое.

Или ничего не значить.

– Эх, Альсгара! – мечтательно вздохнул Бамут и, заложив руки за голову, растянулся на листьях. – Кто бы знал, как я по ней, эта, соскучился!

– Долгие прогулки полезны для здоровья. – Лаэн задумчиво пошевелила угли догоравшего костра веточкой. Тут же целая стая искр устремилась в ночное небо.

– Только не для моего! Я думаю, что дух Зеленого города у меня в крови.

– Думать вредно, дружок, – мягко сказала мое солнце. – Ты же знаешь, что от множества мыслей может быть масса неприятностей. Передай мне воду, будь так любезен.

Бамут сел, потянулся до хруста в суставах. Все, что касалось работы, он делал очень неторопливо. Я видел, что жену это бесило.

– Возьми мою. – Гнус кинул ей флягу. – Пока он расшевелится, век пройдет.

– Не клевети, – обиделся Бамут и вновь улегся. – Торопиться ведь некуда.

Я вышел из мрака, где стоял все это время.

– Все спокойно? – прочистив горло, спросил Гнус. Мое появление застало его врасплох.

– Вроде бы, – неопределенно ответил я ему. – Второй день тихо. От нас, похоже, и вправду отстали.

– Слава Мелоту. – Шен подбросил в гаснущий огонь хвороста. – А то каждое дежурство ждешь чего-то...

– И дальше жди, целее будешь. – Лаэн глотнула из фляги Гнуса и сморщилась. – Проклятие! Ты где эту воду взял?

– В ручье. – Недомерок явно не ожидал подобного вопроса.

– Плохой ручей нашел. Горчит.

Она сплюнула, затем опрокинула флягу.

– Эй! Эй! – вскричал Гнус. – Ты что делаешь?

– Не вопи, – посоветовал я ему. – Что, воды негде набрать? Каждый день на пути два-три родника. Не умрешь.

Лаэн, все еще отплевываясь, бросила опустевшую флягу владельцу.

– Хоть бы разрешения, что ли, спросила, – недовольно сказал он и

закрутил крышку. – Завтра будем на месте, да, Нэсс?

– Кто сказал? – сухо поинтересовался я.

– Да по всему так оно выходит. Последние переходы все время по прямой. На запад идем, солнце вечерами прямо в морду бьет, особенно когда через перелески топаем. По дням если считать, так уже вроде должны добраться.

Умный гаденыш. От таких, как ты, надо сразу же избавляться. Сегодня. Ночью. Когда все уснут. Больше эта компания нам не нужна.

«Вроде» в лесу не считается. Вроде должны. А вроде и нет. Будет тракт – хорошо. А нет, так придется пробираться, пока не выйдем.

– Думаю, теперь и ребенок дорогу найдет. – Улыбка Гнуса мне очень не понравилась.

– Это ты к чему? – сказал я.

– Просто радуюсь. Скоро домой. – Он все так же нагло улыбался.

Мы с Лаэн украдкой переглянулись.

Итак. Что же следует из всего только что услышанного? Дорогу найдет даже ребенок? То есть в проводнике они больше не нуждаются? Уверены, что сами выберутся из леса? Вероятно. Идиоты не знают, что впереди болота, и надо поворачивать на север. Считают, что сами смогут выгрести. Следовательно, мы переходим из разряда опасных спутников в опасные трофеи, за которые обещано много-много денег. Избавиться от нас решили? Да только мы это сделаем быстрее, ребята.

Первым придется кончать Шена. Целитель он или не Целитель, мне на это плевать. Пускай такие, как наш лекарь, рождаются раз в сто или даже в тысячу лет, но он самый опасный из троицы.

– Вот приеду в Альсгару, заживу. – Бамут снова сел. – Эта... куплю себе домик. В пригороде. На берегу моря. А еще лучше хороший трактир, поближе к пирсам. А ты чего со своей долей делать будешь, Гнус?

– Я-то? – Недомерок с любовью ощипывал лепесточки с маленького невзрачного цветка. – Рано об этом думать. Вот как получу, так и решу. Сорены всегда найдется, на что потратить.

– Думать надо заранее.

– Вы, ребята, никак разбогатеть собираетесь? – Я старался поддерживать непринужденный разговор, хотя внутри у меня все сжалось. – Наследства ждете?

– Вроде того. – Гнус закончил обрывать лепестки и бросил все, что осталось от цветка, мне. – Вот. Полюбуйся.

Бамут неожиданно заржал.

– Что это? – Я проигнорировал смех.

– Власница. Ключ к десяти тысячам соренов. Все еще не понимаешь? Сок этого цветочка заставит уснуть даже лошадь.

– Вот уж не думал, что ты так хорошо разбираешься в лесных травках, – сказал я, растягивая слова.

– В отличие от всяких выскочек, настоящие гийяны проходят долгую школу. – Гнус больше не улыбался. – Не надо! Хуже будет.

К луку я больше не тянулся. Арбалет Бамута недвусмысленно смотрел мне в грудь.

– Как это понимать? – холодно спросил я, скосив глаза направо. К моему удивлению, Лаэн спала.

– Вода из фляги горчила! – осенило меня. Они нас обыграли.

– Молодец! – одобрил Гнус мою догадливость. – Так и есть. Я не очень надеялся на нее, но удача меня любит. Когда ведьма проснется...

– Вскипятит тебе мозги.

– Так мы и поверили. Я прекрасно слышал, что она ничего не может. Твоя баба ничуть не опаснее комара.

Значит, это он прятался в малине. Дотянули, забери меня Бездна!

– Я, если бы она, эта, не глотнула той дряни, мы б ей просто по башке тюкнули, – влез в разговор Бамут.

– Молс будет недоволен. – Сейчас я, как никогда раньше, пожалел, что нет Кнута.

– А мне с такими деньгами плевать на Молса и гильдию, Серый.

– Тогда не понимаю, почему ты со мной разговариваешь.

– Мы не собираемся вас убивать. Что делать с вашими башками в лесу? Пока до города довезем, они десять раз сгниют. Трехпалый может нам и не поверить. Так что доставим Йоху живой товар. И целый. Мы даже бить тебя не станем, коли будешь покладист.

– Я просто в восторге, – сказал я и резко упал на правый бок, одновременно бросая левой рукой топорик.

Громкий щелчок арбалета, и выпущенный болт прошел над моей головой. Бамут не ожидал от меня ничего подобного и, замешкавшись, промазал. Впрочем, попасть в цель, когда у тебя во лбу засел блазгский у-так, не так уж и просто.

Один готов!

Гнус зарычал, взвился в воздух и всем весом рухнул на меня прежде, чем я успел вскочить на ноги. Удар опрокинул на спину. Руку, в которой был зажат нож, грозивший попортить мне шкуру, удалось перехватить в самый последний момент. Острие замерло в дюйме от лица. Гнус давил, что было сил в одну сторону, я – в другую. Свободной рукой впился ему в

лицо, пальцами стараясь добраться до глаз.

– Тебе помочь? – раздался ленивый голос Шена.

– Конечно... да! Тупица! – прорычал Гнус.

Нож приблизился к лицу еще на полдюйма. Внезапно мой враг вздрогнул и обмяк. Шен стоял над нами с окровавленным скимом. Заметив мой ошеломленный взгляд, он выдавил неуверенную улыбку:

– Я его всегда не любил.

А я сбросил с себя мертвеца, встал:

– И что дальше?

– Ничего. Мы вполне можем ужиться. Очень надеюсь, что доберемся до Альсгары вместе.

– А потом?

Он долго-долго смотрел на меня, затем убрал ским и тихо сказал:

– Давай попробуем разбудить Лаэн.

Лес изменился. Исчезли непролазные дебри и могучие деревья, появились тропки, множество прозрачных ключей выбивалось из земли и втекало в небольшие озера, спрятанные от любопытных глаз за стеной густого ельника. Почва местами стала влажной, прибавилось мошки и комарья. Последние не давали нам жизни до той поры, пока погода не испортилась и не пошел дождь. Стало сыро, душно и противно. Все указывало на то, что недалеко отсюда лежат Великие блазгские болота. Мы повернули на север, в надежде рано или поздно выйти на тракт, который как раз должен был проходить по границе болота и леса.

Лаэн постоянно сплевывала горькую слюну и «добрыми словами» вспоминала Гнуса и Бамута. Будь ее воля, она бы с радостью убила мерзавцев во второй раз. В той скоротечной схватке мне не оставалось ничего иного, как рисковать. Шанс, что меня продырявят болтом, был крайне велик. Да и Гнус оказался не увальнем. На помощь Шена я совершенно не рассчитывал, а она оказалась очень кстати.

Мы не стали их хоронить. Думаю, Молс на это не обидится. Гильдия никогда не защищает тех, кто пошел против ее воли. Так что тела остались там, где легли. Лесному зверью тоже надо есть.

Целитель шел впереди, и когда начинал сбиваться с пути, я говорил ему, какого направления следует придерживаться. По понятным соображениям, мы не стали рисковать и оставлять Шена у себя за спиной. Даже после вчерашней помощи доверять ему не стоило. Хотя я понимал, что все это – капля в море. Физически я скручу щенка в бараний рог, но вот против его магии мне противопоставить нечего. И не только мне, но и

Лаэн. Шен прекрасно слышал мой вчерашний разговор с Гнусом и, конечно же, знал о том, что мое солнце на время лишилась Дара.

Беззащитная спина лекаря все время находилась перед глазами, но соблазна воткнуть в нее что-нибудь острое не возникало. У парня имелась своя цель, и он не единожды ее озвучил – дойти до Альсгары. Из этого можно заключить, что раньше того момента, как появятся стены Зеленого города, интерес к нам он будет проявлять только как попутчик. А убивать всех направо и налево могут только ненормальные и мерзавцы. Смею надеяться, за годы работы я не стал настолько мерзкой скотиной, как Гнус или Бамут.

К полудню от бесконечного дождя мы промокли до нитки. Я боялся за тетивы, хоть они и были спрятаны в металлической коробочке на самом дне мешка, в котором лежали наши деньги. Оперению стрел тоже приходилось несладко, но тут уж ничего не поделаешь. Хорошо хоть, что идем под деревьями, часть капель оседает на ветках и листьях.

– К вечеру разжечь костер будет трудновато, – раздался голос Шена. Капюшон куртки он надвинул на лицо так, что я видел лишь заросший щетиной подбородок.

– К вечеру мы должны выйти к тракту.

– Хорошая новость.

– Шен, я давно хотела спросить, кто тебя учил? – Лаэн поравнялась с лекарем.

– Ты о чем? – В его голосе было слишком много напускного непонимания.

– Кто разжег твою «искру» и помог овладеть Даром?

– А кто учил тебя? – с вызовом спросил он.

– Никто, – сразу же ответила она. – Мне учитель не потребовался.

– Так я и поверил, – пробурчал он из-под капюшона. – В Песьих Травках ты показала себя во всей красе. Подобное мастерство затруднительно без хорошего наставника. Пусть я не так умел, как ты, но основы мне известны. Ни одна из Ходящих не способна управлять хилссом.

– Ты сам отправил заклятие через посох.

– Не путай обычную «искру» с целительской. К тому же ты видела, к чему это привело. Я не рассчитывал на такой эффект.

– Ни на минку в этом не сомневалась.

– И все же, – не унимался Шен. – Кто был твоим наставником, если ты так легко играешь со Смертью? Ни один из живших в Радужной долине такому научить не может.

– Ты в этом так уверен, малыш?

Вопреки всему, он не обиделся на «малыша». Лишь рассмеялся невеселым смехом:

– Уверен. Иначе ты была бы с Ходящими. Такой талант они никогда бы не упустили, а уж тем более не оставили без присмотра. Скажи, почему ты не убила того некроманта сразу? Как только он к нам пришел. Не сомневаюсь, ты бы с легкостью с ним справилась.

– Не преувеличивай моих сил.

– Скорее, я их недооцениваю, – не успокаивался лекарь. – Остается только предполагать, как тебя упустили Ищущие. Столько лет быть под носом у имперских магов и остаться незамеченной.

– И мы вновь возвращаемся к тому, с чего начали, Шен. Если ты не прятался, значит, Ходящие о тебе знают и ты заодно с ними, что для нас сейчас неприемлемо. Или ты так же ловок, как я, и все время скрывался?..

– Нет ничего проще, чем скрыть «искру» Целителя от других. Ее не ощущают до той поры, пока не пользуешься Даром.

– О да! Я это на себе проверила. Так, значит, прятался, да, Шен? Самоучка?

– Что-то в этом роде.

– Даже если нет, мы ведь этого так и не узнаем, правда?

– Ты не говоришь о себе, я о себе. По-моему, все честно. Давай оставим эту тему. Лично я не собираюсь ничего обсуждать.

– Как пожелаешь. Одно могу сказать – учили тебя из рук вон плохо. Твой потенциал практически не развит. Вспыхиваешь и тут же гаснешь. Много ли ты умеешь?

– За собой следи, Лаэн. За собой. Со своими проблемами я справлюсь собственными силами.

После этого разговора в нашем маленьком отряде надолго воцарилось молчание.

– Ты думаешь, это разумно? – В голосе Лука звучало сомнение.

Га-нор, из-за дождя походивший на намокшего рыжего пса, не оборачиваясь к собеседнику, тряхнул головой. Стражник так и не понял, как расценивать этот жест, и поэтому счел необходимым напомнить:

– Двоих они вчерашней ночью прикончили.

– Может, чего не поделили. Всякое бывает.

– Всякое? – ужаснулся Лук. – Эти ребята совсем недавно прирезали собственных товарищей, лопни твоя жаба! И ты считаешь, что с нами они будут вежливее?!

– Проклятый дождь. Следы исчезают быстро. – Сын Ирбиса в

раздражении дернул себя за ус, а потом, спохватившись, ответил на возмущение спутника:

– Я не собираюсь выходить на них. И завязывать дружбу тоже. У нас один путь, вот и все. Идем следом за ними и не шумим. Это все, что от нас нужно. Думаю, даже ты справишься.

– У них лучник. Не забыл?

– Забудешь тут. – Га-нор коснулся повязки на левом плече. – Ничего не скажешь, парень хорош.

– Плохо, что не прирезали его. Я бы чувствовал себя гораздо спокойнее, если бы знал, что меня не подстрелят. Не слишком быстро мы идем, а?

– Нормально.

– Да мы же их нагоняем!

– Следы говорят, что все в порядке.

– Ты же сам только что сказал, что дождь их все съедает!

– Не суетись.

– Не суетись. Не бегай. Не прыгай. Не ной. Не спи. Иди быстрее. Иди медленнее. Если честно, иногда я жалею, что тот парень тебя не продырявил.

В ответ на эти слова следопыт весело хохотнул, но, бросив взгляд на землю, разом стал серьезным. Лук этого не заметил и продолжал разглагольствования, пока на него не цыкнули.

– Ну вот! Опять ты мне затыкаешь рот! – возмутился солдат.

– Да помолчи же ты! – прошипел северянин. Он исподлобья осматривал поляну.

– Что? – затаив дыхание, спросил Лук и начал озираться по сторонам.

Стрела с белым оперением разрезала дождливую пелену и вонзилась в землю у левой ноги Га-нора. Стрелок находился на другом конце поляны. Капюшон отброшен, светлые волосы прилипли ко лбу, серые глаза, как и наконечник стрелы, наложенной на тетиву мощного изогнутого лука, неотрывно смотрели на сына Ирбиса.

– Вляпались, лопни твоя жаба! – простонал Лук. – Говорил же, слишком быстро идем.

Га-нор нахмурился. Если бы стрелок хотел, он давно бы уже их прикончил. Без всякого предупреждения. А здесь медлит. Значит, не так ему их жизни и нужны. Есть надежда, что они смогут договориться.

– А вот и остальные, – пробормотал солдат, когда из-за деревьев вышли молодой, не старше двадцати лет, парень и женщина с вещевым мешком за плечами. Та самая, что в деревне от Сжегших душу мокрого

места не оставила. Ходящая или Огонек, Лук не знал.

– Кто такие? – В серых глазах лучника застыл лед.

– Га-нор из клана Ирбиса. Следопыт отряда разведчиков. Врата Шести Башен.

– Лук, стражник первой роты башни Льда. Врата Шести Башен.

Парень, стоявший рядом с женщиной, присвистнул:

– Далеко же вас занесло от Самшитовых гор. Заблудились?

– Нужда заставила.

– Конечно же, большая.

Молокосос нравился Луку все меньше и меньше:

– Большая. Набаторская армия и сдисские колдуны называется.

– Давно ушли?

– Как штурмом крепость взяли, так и ушли. Лесами к своим пробирались.

– А за нами зачем идете?

– У нас дорога одна. Не наша вина, что вы направляетесь туда же, куда и мы.

– И куда же, по-твоему, мы идем? – нехорошо прищурившись, спросил молодой.

– В Альсгару, конечно же.

– Да ну?

– Помягче, Шен, – одернула молодого женщина. – Мы не уверены, что вам с нами по пути.

– Не хотите идти вместе, не надо, – угрюмо ответил следопыт. – Мы вашей компании не ищем. Пропустите вперед. Нам делить нечего. У всех свои дела.

– Вы за нами топаете от самой деревни, так?

Луку очень хотелось соврать, но, судя по выражению лица стрелка, тот не любил сказок.

– Да. Мы ушли немного раньше, но потом пропустили вас вперед.

– Это ты ночью ходил вокруг костра? – Сероглазый заметил окровавленную повязку Га-нора.

– Точно. Хорошо стреляешь.

– Хорошо бегаешь, – не остался тот в долгу, но лицо его уже не было таким мрачным. – Ты везунчик.

– Уг хранит умелых, – невозмутимо произнес следопыт. – Я могу узнать твоё имя?

– Серый, – после недолгого молчания ответил мужчина и опустил лук. – Бросайте оружие и можете идти впереди. Но так, чтобы я вас видел.

И без глупостей.

Глава 11

Тальки часто повторяла, что зеркала любят лгать, даже если ты просишь их сказать правду. На приказ показать истину они всегда отвечают смехом и искажением реальности. Юлят, ловчат, изворачиваются и лгут, лгут, лгут.

«Никогда не доверяй зеркалам, милочка. И не поворачивайся к ним спиной. Они могут обжечь», – говорила старая карга, добро улыбаясь и попивая холодный шаф.

Тиа ей не верила – зеркало всегда показывало реальность. Но сегодня все изменилось. Впервые оно обмануло, и Проклятая с ненавистью смотрела на свое отражение, ставшее вдруг чужим.

Хотелось выть. Кричать. Убивать всех, кто попадется под руку: тупых местных жителей, перепуганных набаторцев. Тех, из-за кого она стала такой: суку-девицу, мальчишку-щенка, внезапно проявившего Дар Целителя, и лучника. Последнего в особенности. Она вытащит из него все жилы, а потом заставит съесть собственные глаза. Рыхлый, широкоплечий детина, с пухлыми, отвисшими губами, плоской тупой мордой и белесыми нечеловеческими глазами смотрел на Тиф из лживого зеркального мира. И она не выдержала. Зарычала, словно загнанная в угол волчица, и что есть сил ударила тяжелым кулаком в ненавистное лицо. Зеркало лопнуло. Разбилось вдребезги. Рассыпалось острыми продолговатыми осколками по полу, грозя поранить босые ноги. Лицо исчезло и... осталось. Здесь. С ней. У нее. Навсегда. Костяшки правой руки жгло, на доски пола капала кровь. Тиа не обращала на это ровным счетом никакого внимания и изо всех сил старалась унять кипящее в груди бешенство. Теперь она, как никто другой, понимала Аленари, которая всегда разбивала этих лгунов, где бы они ей ни попадались.

Невыносимо знать, что ты – уже не совсем ты. Аленари еще повезло. Она лишилась лица, но сохранила тело. Тиа не могла похвастаться даже этим. В одно мгновение Проклятая потеряла все, что у нее было. То, чем она так заслуженно гордилась. Вечная молодость и красота канули в Бездну. Истинная оболочка оказалась уничтожена, остался лишь дух. А еще – душа и тело дурака, с которым она оказалась связана. Сейчас дух Тиа «стоял» у парня за левым плечом и, удерживая «узы контроля», рассматривал мерзкого уроды.

Тело, к которому Тиф оказалась привязана, словно собака на цепи,

было смертным. Ему отведен ужасно короткий срок. Рано или поздно оно состарится, умрет, и что тогда? Второй раз рядом не окажется Целителя... Непредсказуемая душа человека «взбрыкнула». Продолжая испытывать боль в руке, Тиа на мгновение выпустила «узы». Прежде чем она успела вновь перехватить контроль над чужим телом, пастух заскулил, увидел окровавленную кисть, закричал:

– Отпусти-и-и-и!!!

Из его глаз ушла мертвенная белизна, они вновь стали голубыми и водянистыми.

Выругавшись, Тиф «обняла» его сзади за шею, стараясь подавить отвращение, зашептала что-то успокаивающее, зрачки Порка расширились, побелели и растеклись, захватывая радужку и белок, превращая их в ужасающее бельмо. Одновременно Тиф отрезала оказавшуюся неожиданно сильной душу от управления этой оболочкой.

Удалось, но с каким трудом! Если бы у призрака Тиа было тело, оно бы взмогло! Каждая попытка овладеть чужой скорлупой стоила ей неимоверного напряжения. А уж когда пришлось выполнять более сложные действия, чем идти или бежать, Проклятой казалось, что ее вот-вот оторвет от спасительного островка и выплюнет в Бездну. Все силы уходили на контроль. О какой-нибудь другой стороне магии не могло быть и речи. Тиф была способна создавать лишь самые легкие заклинания. Сейчас, без собственной оболочки, она не могла воспользоваться всей глубиной Дара.

Проклятая до сих пор не понимала, как это могло случиться. Мальчишка, ударивший ее через хилсс невероятнейшим плетением, едва не стал последним из того, что она видела в этой жизни. Сложнейшая тройная вязь ее щита выгорела до последней эфирной нити. За долю уны до того, как всесжигающий свет поглотил Тиф, та выбросила перед собой единственное, что пришло в голову, – Зеркало Тьмы. Заклятие спасло бы ее, пускай за это пришлось заплатить уродством. Со временем она сумела бы излечиться. Но лучник влез так не вовремя! В тот момент Тиа настолько ослепла от боли, что не только ее смогла убить светловолосого ублюдка, но даже стрел не остановила. Последние ее и добили. Тело больше не могло удерживать в себе душу, и Тиф умерла.

Все, произошедшее далее, оставалось для нее сплошной загадкой. Она увидела тьму и свет, дрожащие огоньки живых вокруг себя, ярко-оранжевое трепетание эфира в поднебесье. Попыталась зацепиться за погибшую оболочку, но у нее не было ни зубов, ни ногтей. Проклятую вот-вот должно было утянуть в Бездну, если бы яркий свет магии Целителя все еще не оставался в изнанке мира. Он подхватил серебристую нить души, обжег,

сдирая с нее врожденную силу, безжалостно замораживая способности и знания, убивая само естество Дара. Бросил влево, вправо, окунул в ледяной родник, подбросил под палящие лучи, сжал, растянул, скрутил, вывернул наизнанку и выплюнул прямо на один из окружающих огоньков жизни. Острые иглы магии Целителя пронзили Проклятую, связали с чужой душой, якорем заставили болтаться за спиной незнакомого человека.

Тогда она не мешкала ни уны. Понимая, что это ее единственный шанс, оттеснила душу крестьянина в сторону, решительно взяла тело под свой контроль. И содрогнулась.

В чужие глаза ударил свет, жизнь, мир. Кожа почувствовала тепло солнца, нежность ветра. В легкие вошел воздух, и Тиа, открыв чужой рот, закричала, словно новорожденный. Ее, лишившуюся плоти, терзала боль, и пришлось отпустить «узы», отдав человеку то, на что он имел несравненно большее право, чтобы не сойти с ума от незнакомых, невыносимых, чуждых чувств. Только потом, когда выжившая смогла нормально соображать и увидела саму себя, лежавшую на дороге – мертвую, окровавленную и сломанную, она завывала от тоски и жалости к себе, надеясь на то, что это всего лишь сон. Кошмар, поймавший ее в свою паутину. Но никто, кроме Порка, Проклятую не слышал.

Сейчас, по прошествии нескольких дней, она начала верить, что все это и вправду с ней произошло. Жестокая насмешка судьбы. Дух Тиа оказался прочно связан с чужой душой. И разорвать эту связь было нельзя – иначе исчезнет последнее звено между нею и этим миром. Еще горше было то, что она существовала, но не была видима никому, кроме Порка. Без тела, призрачным духом, ей предстояло вечно болтаться за спиной человека. Во всяком случае, до того момента, пока он не умрет. Что будет после, Проклятая старалась не думать. Ее дух освободится, но вряд ли надолго останется без внимания Бездны.

Пока выхода из ловушки не намечалось. Тупик.

– Иди, сядь на кровать, – «прошептала» Тиф на ухо Порку. Тот вздрогнул, но, не имея сил сопротивляться, послушался.

Она следила, чтобы босые ноги дурака не наступали на зеркальные осколки, однако по дороге пастух вновь «взбрыкнул», попытался «сбросить» ее власть. Проклятая, уже хорошо изучившая повадки своего подопечного, была готова к подобному. Натянула «узы», взяла под контроль, зашипела от неосязаемой боли, которую ей причиняли еще не остывшие нити Целителя, перевернула стул и раздраженно выругалась. Чужое тело все еще оставалось непривычным, массивным и гораздо менее поворотливым, чем то, к которому она привыкла за века. Тиа приходилось

прилагать массу усилий, чтобы совладать с непокорным человеком.

Ненавистная оболочка приводила ее в состояние бешенства – неудобна, неуклюжа, плохо управляема, от нее ужасно пахло. Из рта на грудь все время капала слюна. Но она уже начала «работать» над внешностью непокорной куклы. Постепенно, исподволь, меняла лицо, переплетала мышцы, наливая их силой. Ей нужна выносливая лошадка, и желательно, чтобы та не была глупым мерином. Еще недели две, три, и родная мама не узнает этого увальня. Тиф полностью перестроит его тело под себя. Так, как она считает нужным. Единственное, с чем пока не удастся справиться – белесый цвет глаз.

Магия Целителя сожгла многое из того, что у нее было. «Искра» не горела, а тлела, и весь потенциал приходилось тратить на присмотр за Порком. О любых других проявлениях Дара не могло идти речи. Сейчас Тиф была не способна зажечь даже свечу, не говоря уже о том, сровнять с землей деревню. В одно мгновение она лишилась не только облика, но и могучего Дара. То, что осталось, являлось жалкой песчинкой, толикой бывшего могущества.

Она стала слабой и беззащитной. Любой из братьев или сестер теперь справится с ней играючи. Даже Митифа, самая неумелая из Восьми.

– Что же делать?.. – «прошептала» она, и Порк, все это время неподвижно сидевший на кровати и тупо смотрящий в одну точку, испуганно вздрогнул, оглянулся через плечо.

Внезапно по позвоночнику пробежала теплая волна. Тиф нахмурилась, не решаясь ответить. Тальки. Только от нее из всех Восьми исходило тепло. Вызов Аленари можно было распознать по холодным мурашкам, Рована – по неприятному жжению, Лея – по требовательным уколам, Митифу – по робким, до невозможности неприятным касаниям. Гинора и Ретар мертвы столь давно, что она забыла, какие ощущения приносили они. Но тоже ничего приятного. Лишь призыв Тальки никогда не раздражал Проклятую. Тепло, исходящее от Целительницы, всегда было только приятным. Порой Тиа задумывалась: как другие Восемь воспринимают ее во время подобных разговоров? Но так ни разу и не решилась удовлетворить свое любопытство.

Тиф снова ощутила призыв и заколебалась. Можно ли довериться Тальки? Что она сделает, когда узнает о случившемся? Как поступит? Между Восьмью никогда не было лада. А уж когда двое погибли во время Темного мятежа, грызня за первенство лишь усилилась. Рован и Митифа с радостью уничтожат соперницу. Да и с Аленари она никогда не была дружна.

Порк тоже почувствовал тепло и затрепетал от восторга. Оно растеклось по спине, приятно обняло плечи, поползло к затылку, и тогда Проклятая решилась. Заставила пастуха вскочить с жалобно скрипнувшей кровати, броситься к столу и, схватив глиняный кувшин с водой, швырнуть в стену. Во все стороны брызнули черепки и капли. Вода и не думала падать на пол, растекалась по стене, приняла форму большого овала, засеребрилась, словно ртуть. Эта субстанция впитала в себя магию и через несколько ун томительного ожидания показала ту, кто послал зов.

Тальки, известная в Империи как Проказа, сидела в кресле-качалке. На ее укрытых шерстяным пледом коленях дремал пушистый белый кот. Полное добродушное лицо старухи было сосредоточенно, именно она удерживала плетение обоих Серебряных окон. Увидев незнакомца, Целительница нахмурилась, и ее выцветшие голубые глаза нехорошо прищурились.

– Это я, Тиа, – поспешно сказала Тиф. Она опасалась, что вызвавшая разорвет заклинание или, того хуже, атакует. У нее не было даже призрачного шанса противостоять сильнейшей из Шести.

Голос Порка прозвучал хрипло. Тальки какое-то мгновение пристально смотрела на него, потом добродушно улыбнулась:

– Я просто не верю своим глазам, милочка.

– Тебе придется поверить, сестра. Это действительно я.

Проказа ответила привычной улыбкой. Вот только глаза не улыбались.

– Как твое имя? – неожиданно спросила старуха.

– Тиа.

– Прости, но я имела в виду полное.

– Тиа ал'Ланкарра.

Собеседница продолжала улыбаться.

– Тиф. Убийца Сориты, – послушно повторял Порк то, что «шептали» ему на ухо.

Все та же ожидающая улыбка.

– Пламя Заката! Клинок Юга! Дочь Ночи! Скачущая На Урагане! Забери тебя Бездна! Какое из моих имен ты хочешь услышать?!

– Мне достаточно и тех, что ты назвала, деточка. Не в именах дело. Просто ты всегда была несдержанна и невежлива с пожилыми людьми. Да. Это ты. Хотя я пока не поняла, как такое возможно.

– Я тоже хотела бы это знать.

– Что произошло?

Тиф поделилась с Проказой своими воспоминаниями, решив, что хуже уже не будет. Ее выслушали молча.

– Интересно, – наконец задумчиво сказала Тальки и почесала кота за ухом. – Я бы сказала, что даже очень интересно, милочка. Столь... странное решение заклинания. Это любопытная загадка. Я попробую воспроизвести плетение этого мальчика. Такой неожиданный результат требует тщательного изучения. Что у твоего друга с рукой?

Тиа только сейчас вспомнила, что разбитые костяшки пальцев Порка все еще кровоточат.

– Ерунда. Он порезался.

– Не трать кровь понапрасну. У тебя всего лишь одно тело, девочка. Относись к нему бережно.

Тиа, внутренне негодуя, что старуха привязалась к такой малости, все же удовлетворила ее просьбу и разрешила пастуху перевязать царапины.

– Ты сможешь мне помочь? – затаив дыхание, спросила она.

– Не знаю. Не знаю, – морщинистая рука продолжала гладить кота. – Во всяком случае, не мгновенно. Нужно время.

– Как долго?

– Нар. День. Год. Век. Вечность. Время так относительно, милочка. Тебе придется только ждать.

– Ты же Целитель!

– Ну и что? О том, что с тобой приключилось, я слышала только один раз, когда еще была маленькой девочкой и только пришла в Радужную долину. Но сталкиваться с таким проявлением Дара Целителя мне не приходилось. Терпение, моя дорогая. Терпение. Возможно я смогу тебе помочь. Но не сразу. Придется хорошенько поработать.

– И что делать мне, пока ты «работаешь»? Ты же видишь, мои способности далеки от прежних.

– Мягко сказала, девочка. У тебя нет никаких способностей. То, с помощью чего ты держишь этого мальчика под контролем, не в счет. Ну-ну! Не хмурься и не обижайся на старуху. У меня что на уме, то и на языке. – Тальки хихикнула. – Плетение неизвестного Целителя многое забрало у тебя.

– Все!

– Ошибаешься. Иначе ты уже давно была бы мертва. Если человек, владеющий Даром, достаточно силен, он не умирает, даже когда его тело разрушено. Истинная суть способна существовать какое-то время.

– Я этого не знала.

– Не сомневаюсь. Никто из вас, кроме Митифы, я полагаю, об этом не подозревает. Вы игнорируете книги, мои хорошие. А в книгах порой можно найти много интересного. С тобой случилось именно то, о чем я только что

говорила. Истинная суть, твой дух, что сейчас висит передо мной, остался. Не будем предполагать, что бы с ним случилось без магии Целителя. Быть может, ты по наитию и смогла бы вселиться в какое-нибудь тело, а может, тебя бы уже и не существовало. Как говорят манускрипты времен Скульптора, без должного опыта подобное проделать сложно.

Тиф ни на мгновение не сомневалась, что, окажись на ее месте Тальки, она бы справилась.

– Но тебе повезло. Плетение нашего талантливого Мальчика сковало твой дух с душой человека, который так мило болтает со мной от твоего имени. Вы связаны одной цепью, ты можешь им управлять. Даже меняешь его, как я погляжу. Но это все, на что тебя хватает. Не так ли? Ты не можешь разжечь «искру».

– Это я знаю без тебя.

– Не груби. – Тальки холодно улыбнулась. – Если тебе не интересно, я не буду рассказывать.

– Прости.

– «Искра» не горит, потому что нет оболочки. Да, твой дух силен, но без надлежащего, скажем так, жара ты не можешь ни-че-го. Чтобы использовать свой реальный Дар хотя бы в четверть силы, тебе потребуется оболочка.

– Я не могу перейти в чужое тело. Не умею. К тому же ты сама только что говорила, что я скована с душой этого идиота.

– Говорила. И разбивать цепи я бы тебе не рекомендовала. Из Бездны возвратиться не так уж легко.

Улыбка Тальки Тиф не понравилась.

– Тогда я не понимаю...

– Мертвые тела.

– Что??

– Мертвые тела, девочка моя. Они не имеют души. Дом пуст, и новый жилец вполне может его занять. На какое-то время, разумеется. Цепь позволит проделать тебе такой фокус, если вот этот молодой человек будет находиться рядом с тобой.

– Я не полезу в тело мертвеца!

– Тогда забудь о возможности использовать Дар.

– Да я просто не смогу такое проделать!

– Это не так сложно. Запомни рисунок плетения. Он почти такой же, как и для контроля куков^[36]. А сил на это требуется с мышиный плевок.

Тальки прямо в воздухе пальцем начертила огненный узор.

– Запомнила? Отлично. А теперь еще два узорчика, милая моя. Первый

позволит тебе не шептать мальчику на ухо, что ему делать, а напрямую управлять им, словно собственным телом. А второй заставит нити Целителя не причинять боль твоему духу. Думаю, ты сможешь чувствовать себя гораздо свободнее, чем прежде. Запоминай.

В комнате появилось изображение еще двух плетений.

– Мне придется одновременно управлять мертвецом и этим...

– Нет. Тебе не надо будет управлять мертвецом. Ты станешь им. А сила, которая у тебя появится, позволит в какой-то мере удерживать еще и этого очаровательного мальчугана. Только не забывай, пожалуйста, что мертвые тела должны быть свежими. И находиться в их оболочке ты можешь не больше трех дней. Потом даже мощь твоей «искры» не сможет удержать тело от разрушения. Советую уйти из него до этого момента, иначе можешь остаться там навсегда. И не забывай контролировать подопечного. Он не должен отходить от тебя дальше двадцати ярдов. Ты же не хочешь, чтобы тебя выдергивали, словно собачонку из конуры?

– Думаю, я с этим справлюсь.

– Вот и хорошо. Займусь твоей историей сейчас же. Она, признаюсь, меня заинтересовала. Не каждый день такое случается. Хоть какое-то развлечение для старой больной женщины. И вот еще что, моя дорогая. Меня ужасно заинтересовали та талантливая девочка и мальчик Целитель.

– Я убью их! – задрожав от нахлынувшей на нее ненависти, прохрипела Тиа.

– Даже не думай совершить такую глупость! – резко отозвалась Тальки. Все добродушие разом с нее схлынуло. – Девчонка, легко управляющая хилссом и знающая плетения Смерти, на которые способны лишь Избранные Шестого круга, крайне важна! Мы должны знать, кто ее учил! Обязательно!

– Она мне не нужна!

– Она нужна мне! – отчеканила Проказа. – А ты не в том положении, чтобы совершать недальновидные поступки, милочка!

– А мальчишка?! Отдай его мне, Тальки.

– Это Целитель, моя дорогая. Ты понимаешь, сколь он ценен? Или жажда мести полностью затмила твой разум? Убить его было бы очень... несвоевременно. Такой Дар... – Она улыбнулась своим мыслям. – К тому же если ты хочешь полностью обрести себя, он может понадобиться. Возможно, что только с помощью его «искры» я смогу разорвать цепь и перенести твою душу обратно. Если паренек совершил это один раз, то сможет и во второй. Сей молодой человек – запасной вариант на тот случай, если твоя нить не подчинится моему Дару.

– Я не могу вернуться обратно. Мое тело мертво.

– Этого материала кругом предостаточно, – отмахнулась Целительница. – Конечно, лучше чтобы оболочка уже носила в себе чью-то «искру». Для этого нам пригодится наша талантливая девочка. Конечно же, после того, как ответит на все мои вопросы. Сейчас у тебя только одна задача – найти их обоих и привести ко мне. Живыми.

– Поняла. Не дура.

– Ты сможешь их найти?

– Думаю, да. Дорога здесь только одна. До Альсары. Постараюсь их нагнать.

– Вот и хорошо, милочка. Кстати, вот что я хотела тебе сказать. Нашла двух девочек с Даром. Обе Ходящие. Одна не против помочь нам. Другая – все еще грубит.

– Ты уверена в первой?

– О да. Очень целеустремленная малышка. Она напомнила мне Аленари в молодости, милочка.

Тиа скривилась.

– Что же, тебе следует торопиться, если хочешь нагнать наших друзей, – улыбнулась Тальки. – Помни, они нужны мне живыми.

В следующее мгновение Серебряное окно померкло, и освобожденная вода пролилась на пол. Тиф выругалась, и Порк, подчиняясь ее приказу, со всей силы пнул ни в чем не повинный опрокинутый стул.

Старая карга посмела ей указывать!

Проклятую бесило то, что ей придется подчиниться Проказе, иначе та и пальцем не шевельнет, чтобы помочь.

Парень и девка вряд ли могли уйти далеко. Если надо, она перевернет всю Империю, но найдет их и притащит к Тальки на веревке. Всех, кроме лучника. Уж его-то она никому не отдаст.

Глава 12

Вопреки опасениям, наши новые спутники не собирались устраивать неприятностей. Вели себя смирно, точно служители Мелота во время долгого поста. Правда, сын Ирбиса перенес расставание с любимым клинком достаточно болезненно. Беднягу аж перекосило от возмущения.

Ну и Бездна с ним.

Подпускать рыжего к мечу – форменное безумие. Мне приходилось видеть, как северный народ обращается с острыми предметами. Прежде чем успеешь слово сказать, попрощаешься с головой. Впрочем, даже без оружия рыжий оставался опасным противником. Я не забыл, как легко он избежал моей стрелы и как «ходил» по лесу.

Фигура и походка выдавали в нем опытного бойца. Если ему не понравятся наши порядки, то справиться с ним будет не легче, чем с озверевшим снежным ирбисом. Ума не приложу, что делать с рыжим, когда мы остановимся на ночевку. Хоть связывай или спать не ложись. Я ни на миг не забывал, что все северяне тихие и мирные лишь до поры до времени. Потом им шарахает в голову, и привет. Только арбалетом и остановишь. Да и то не сразу. А вот дружок Га-нора – человек совершенно иного склада. Ничего угрожающего. Поначалу он вел себя тихо, точно мышка, а как понял, что никто не собирается его убивать, тут же ожил, разговорился, да так, что следующие два нара болтал без умолку, благо нашел себе благодарного слушателя в лице Лаэн.

Мое солнце с интересом внимала истории о его скитаниях по лесам и о том, как пали Врата Шести Башен.

Узнав от него про Проклятую, я тоже наострил уши. Если парень и врал, то складно. Но, судя по описанию, Корь несколько не походила на девицу, прижученную нами в деревне. Лаэн поймала мой взгляд и одними губами прошептала:

– Тиф.

Значит, вот кто нам противостоял. Что же, Убийца Сориты^[37], если это была она, получила в расплату за все содеянное не самую приятную смерть.

Лук между тем продолжал разглагольствовать. Шен не обращал на его сказки никакого внимания. Шел последним, был угрюм и мрачен. Лекарю пришлось не по душе моя идея принять в отряд чужаков. Я, как всегда, наплевал на его мнение и недовольство.

Впереди между деревьями забрезжил просвет. Спустившись по заросшему ельником пологому пригорку, мы оказались у тракта.

– Выбрались! – ликующе воскликнул Лук. – Выбрались, лопни твоя жаба!

Эту «жабу» он вставлял и к месту и не к месту.

– Чему ты радуешься? Еще топать и топать! – Га-нор не разделял восторгов товарища.

– Так ведь по дороге, а не по лесу!

– Ага. И я о том же.

– Как ты не понимаешь?! Вдруг кто-нибудь проедет и нас подберет.

– Во-во, – Шен, воспользовавшись привалом, вытряхнул из сапога камешек, – набаторский патруль, к примеру. Вот уж они с радостью подвезут нас до первого кладбища.

– Не думаю, что следует опасаться Набатора, – не согласилась Лаэн. – Направление Альсары их пока не интересует.

– Кстати, интересно знать почему? – влез я. – Город гораздо ближе тех же Окни и Гаш-шаку.

– Вот уж не знаю. Но пока Альсару не трогают. Значит, дороги к ней свободны. Но не стоит ждать, что мы найдем лошадей. Во всяком случае, до Плеши.

– Как далеко идти? – Га-нор подошел слишком близко, но руки держал на виду, и я не стал понапрасну напрягаться. – Сколько дней?

– Как только, так сразу, – ответил я. – Чем раньше пойдем, тем быстрее придем. Так что давайте не будем зря задерживаться.

Дождь давно закончился, но дорога утопала в лужах и грязи, так что мы продвигались по обочине, где было чуть-чуть чище. По правую руку продолжал тянуться густой ельник, а вот слева от нас он вскоре пошел на убыль, сменившись унылым пейзажем болота. Мох и хлипкие деревца нисколько не радовали глаз. Я предпочитал пройти эту часть пути как можно быстрее. Нечего комарье кормить, к тому же кроме комаров из топей может выбраться кое-что пострашнее. Люди говорят об этих местах разное, и чаще плохое. Я не склонен верить в нелепицы, так как считаю, что блазги отнюдь не чудовища, но кроме этого, достаточно мирного народа здесь могли обитать и вправду опасные твари. Единственная радость от подобного соседства – летом на болотных озерах гнездится множество птиц, и я надеялся, что без ужина мы не останемся, поэтому натянул на лук свежую тетиву – вдруг кого удастся подстрелить? Га-нор за все время пути ни разу не оглянулся. Темп северянин задал такой, что впору было удивляться. Похоже, он вовсе не устал и готов прошагать через всю

Империю. Лук мурлыкал незнакомый мне мотивчик, спустя какое-то время Лаэн начала ему подпевать. Я фыркнул. Спелись на мою голову. Если еще и лекарь присоединится, так хоть труппу бродячих артистов создавай.

Пфух-х! Ш-ш-люп!

Идущий последним Шен сдавленно вскрикнул.

Я проворно скакнул вперед, одновременно разворачиваясь. Лекарь лежал на дороге, барахтаясь в серой жиже, которая лишь каким-то чудом не попала ему на лицо.

– Не дергайся, дурак! – крикнул я, но он меня словно и не услышал. Продолжал бороться и сыпать проклятиями. Дрянь, в которой он оказался, начала застывать.

– Что это?! – Лук разом забыл о песенках. Я, не медля ни уны, вернул ему топор, что окончательно утвердило его во мнении, что лекарь вляпался во что-то излишне серьезное.

– Лаэн, отдай северянину меч, – не спуская глаз с мрачной стены леса, сказал я. – Сейчас лучше вернуть им оружие. Очень скоро оно может понадобиться.

Облепившая Шена серая «грязь» окончательно застыла, полностью его обездвижив.

– Да что же это за напасть, лопни твоя жаба?! – В голосе Лука проскользнули панические нотки.

– Шпагук. – Га-нор вынул меч из ножен и сделал шаг в сторону.

– Самец, – уточнил я. – Значит, и самка может быть поблизости. Не стойте все вместе! Расходимся! Чтобы всех сразу не задело.

– Не задело что? – солдат теперь тоже смотрел на лес.

– Слюна.

– Что с ним делать? – Лаэн кивнула на Целителя.

– Пусть пока лежит. Не до него.

Пфух-х!

Сгусток вылетел из-за деревьев и угодил бы точнехонько в Лука, если бы тот остался на месте, а не отпрыгнул в сторону с изяществом ослепшего борова.

Ш-ш-люп!

Солдат поскользнулся и мордой ухнул в лужу. Правда тут же вскочил на ноги, отплеываясь и отчаянно ругаясь.

Пфух-х!

На этот раз пришлось пошевеливаться Лаэн, и шпагук вновь промазал.

Ш-ш-люп!

Я успел заметить, откуда плюются, и послал стрелу наугад. Конечно

же, не попал, но угроза заставила нашего противника перейти от обстрела к нападению. Он спрыгнул на дорогу с верхних ветвей ели и, приземлившись в опасной близости от Шена, оглушительно заквакал.

Невысокий, мне по пояс. Круглый, словно блюдце, из которого торчат восемь мохнатых ног, заканчивающихся зазубренными когтями. Густые зеленые волоски покрывали все тело создания, две пары маленьких черных глазок казались драгоценными камушками. Страшные жвалы щелкнули, и заканчивающийся ярдовым жалом гибкий хвост взметнулся вверх. Естественно, ничего хорошего от удара такой штукой человек ожидать не мог. Насколько я знал, от такого яда противоядия не существовало.

– Пристрели его! – взвизгнул Лук.

Первая и единственная из выпущенных мною стрел угодила шпагуку между жвал. Он взвился в воздух и в следующее мгновение, оказавшись рядом со мной, плюнул. Не оставалось ничего иного, как упасть и пропустить «сопли» над собой. Вскочить не успел, зверюга саданула жалом, но выскочивший вперед Га-нор мечом перерубил шпагуку хвост у самого основания. Тут же раздался щелчок арбалета – выстрелила Лаэн.

Тварь затрещала, забыв обо мне, развернулась к новому противнику. Я откатился, теряя по дороге стрелы. Лук решительно встал между мной и «лесной зверушкой». Та как раз была занята тем, что, подняв кверху передние лапы, собиралась атаковать северянина. Солдат с хаканьем опустил топор на плоскую спину шпагука, и во все стороны брызнула какая-то мерзость. Враг хрипло квакнул, на дрожащих лапах поковылял к деревьям, но не добрался и издох на самом краю дорога.

Лаэн, обнажив кинжал, бросилась освобождать Шена. Лук топтался на месте, во все глаза рассматривая животное.

– Помогите ей! – Я поспешно собирал стрелы. – Живее!

– Так ведь чудовище того. Померло. – Физиономия солдата была заляпана грязью и кровью шпагука. – Я его пристукнул. Он ведь ожить не собирается?

– Самец охотится. Самка ждет и жрет, – пояснил Га-нор, проходя мимо нас.

– И она может явиться, – добавил я.

Это заставило парня пошевеливаться. Втроем они с трудом взрезали прочный шелк затвердевшей ловушки и вызволили Шена из плена.

Как раз вовремя.

Не услышать, как кто-то ломится через подлесок, мог только глухой. Сороки с мерзкими воплями взлетели с закачавшихся деревьев, и ярдах в двадцати от нас на дорогу вывалилась новая напасть. Она оказалась не в

пример больше своего муженька. С доброго быка, темно-зеленая, на толстенных зазубренных ногах. У самок шпагуков хвоста нет, и плевать они не умеют, но при таких внушительных размерах им это и не надо.

Тварь увидела дохлого супруга и, угрожающе квакнув, направилась к нам.

– Свинка-свинка... – Стрела угодила ей в ногу.

– Где ты... – В глаз.

– ...бродишь. Свинка... – В голову.

– ...свинка, где... ты ходишь... Поскорей беги... к кормушке...

Отрубей там... до... макушки.

На одиннадцатой стреле, когда толстуха уже возвышалась надо мной, я ее все же достал. Прямым в распахнутую пасть. Шпагукиха забила в конвульсиях, шарахая лапами направо и налево, надеясь зацепить кого-нибудь из нас. Лишь через несколько минок она соизволила сдохнуть.

Лук за моей спиной прочистил горло:

– Очень... внушительно. Я уж думал, она тебя разорвет.

– Я тоже. Я тоже, – пробормотал я и покосился на колчан. В нем осталось всего лишь две стрелы.

– Что это ты напевал? – Шен глядел не на меня, а на лежащую на дороге зеленую тушу.

– Так... Детская считалочка.

– Ничего умнее я от тебя и не ожидал.

– Тогда мог бы мне помочь, а не прятаться за спиной! – разозлился я.

– Ну хватит! – прикрикнула на нас Лаэн. – На привале можете цапаться вволю, а пока нам лучше убраться отсюда. Иногда они живут стаями.

– В стаи шпагуки сбиваются к середине осени. – Га-нор вогнал меч в ножны. – Но лучше, и правда, уйти.

Стрелы вырезать я не стал. На это потребовалось бы много времени, к тому же почти все тварь поломала коротенькими лапками, росшими у рта. А вот у хвоста самца я остановился.

– Хочешь взять яд? – Га-нор подошел совершенно бесшумно.

– Думаю об этом.

– Хорошая мысль, – одобрил он. – Не стареет. Всегда действует.

– Знаю. – Я взрезал плоть вокруг жала. Отогнул острием кинжала пластинку, под которой обнаружился напоминающий рыбий пузырь, отливающий синевой мешочек.

– Этого хватит, чтобы отравить целую крепость. – Лук поглядывал поверх наших голов. – Было бы здорово бросить его в поваренный котел набаторского полка.

– Не подействует. Можешь выпить все, и ничего с тобой не случится. Он убивает только через кровь.

– А-а-а, – разочарованно протянул тот и отошел к нетерпеливо ожидающей нас Лаэн.

Я аккуратно проткнул стенку пузыря кинжалом и подставил флягу, из которой предварительно вылил воду. Несколько капель прозрачного яда попали мне на руки, но я не обратил на это внимания. Руки можно помыть и потом, когда бесценная отравка переключается из ненадежного содержимого в мой сосуд.

– Ты неплохо стреляешь, Серый. – Га-нор внимательно наблюдал за моими действиями. – Хорошая скорость.

– Не жалуюсь.

– Учил кто-то из южан?

– Не думал, что ты разбираешься в школах лучников, – усмехнулся я, не спеша с ответом.

– Есть немного, – не стал отрицать он. – У имперских совсем другая стойка. И тетиву они по-другому оттягивают. А если бы ты нахватался от кого-то из моего народа, то никогда бы не стал носить такой лук.

– Ты прав, – сдался я. – Меня учил южанин. Сдисец, если тебе так уж любопытно.

– Я так и понял, – нисколько не удивившись, кивнул Га-нор и внезапно спросил: – Тянул лямку в Сандоне?

– Так заметно?

– Просто помню, что там служил кое-кто из сдисских лучников-наемников. В «Стрелках Майбурга». Кто-то из них вполне мог преподать тебе несколько уроков.

– Дело прошлое, – усмехнулся я.

– Надеюсь, ты не ждешь, что я вновь отдам тебе меч? – Он резко поменял тему разговора, и я поднял на него глаза.

– А ты не отдашь?

– Нет.

– Ну и неси его сам, – пожал я плечами. – Лаэн будет только легче.

Он почему-то весело рассмеялся и наконец-то оставил меня в покое. Тут я его и окликнул:

– Эй, рыжий!

– Да?

– Спасибо за спасение моей шкуры. За мной должок.

Какой-то миг он смотрел на меня пристально и серьезно, затем улыбнулся, отчего его физиономия, и без того малопривлекательная, стала

совершенно разбойничьей.

– Сочтемся.

Миновав две деревушки, столь маленькие, что в них не было даже трактира, пройдя вдоль берега заросшей камышами неспешной реки и перебравшись на небольшом пароме на другую сторону, мы оказались на невысоком пригорке. Откуда был прекрасно виден городок с нелепым названием Даббская Плешь. Дорога шла вниз, в сторону большого кладбища, сразу за которым и начиналось поселение.

Оно выросло на пересечении четырех дорог. Одна шла с востока – по ней мы пришли; другая с запада – от Альсгары; третья с севера – от Окни, и четвертая с юга – от шахтерских деревень, находящихся в неделе езды отсюда, у Самшитовых гор. Именно из западной части этой горной гряды торговцы везли в южную часть Империи железную и серебряную руду. Ценный товар, минуя Плешь, отправлялся в дальнейший путь по стране. До тех пор пока серебряные шахты у Врат Шести Башен не иссякли, восточный тракт был не менее оживлен, чем Южный, но теперь он находился в запустении, торговцы, потеряв основной источник дохода, редко отправлялись в путешествие в Лесной край.

По моим прикидкам в Плеши должно быть многолюдно, даже несмотря на то, что праздник Имени давно кончился и главная летняя ярмарка завершена. Народ с трудом расползается по домам после недельного загула.

– Тихо, как на кладбище, – сказал Лук осматриваясь.

– Разуй глаза. Мы как раз через него и идем. Тут как понимаешь, шуметь никто не станет. – За прошедшие дни настроение Шена и не думало меняться к лучшему.

– Это ты заблуждаешься, – не согласился солдат. – Покойнички, дай им только волю, не только шуметь начнут, они еще и бегают быстро. Сам видал, лопни твоя жаба.

– Помолчи, – одернул его я. – Накликать хочешь?

Он заткнулся.

Мы проехали по кладбищенской дороге, миновали Лысый камень у перекрестка четырех дорог и подъехали к городу. Невысокая серая стена, две деревянные башни для лучников (сейчас пустые) и распахнутые створки ворот. Возле них – троица стражников в куртках, с кордами и арбалетами. До нас им не было никакого дела. Даже присутствие северянина их нисколько не заинтересовало. Ребята после возлияния реской^[38] были мертвецки пьяны.

– Защитнички, лопни твоя жаба. – Лук скорчил такую мину, словно у него разом заболели все зубы. – Они что, о войне не знают?

– Очень странно все это, – произнес Га-нор.

– Странно что? – поинтересовался Шен.

– Где армия? Почему здесь нет патрулей, а только три пьяных урода? До Песьей Травки не так уж и далеко. Врагу, чтобы напасть, много времени не надо. Несколько быстрых ударов, и дорога на Альсгару открыта. Я не вижу ни одного солдата. Даже занюханного разъезда на дороге не было.

– Армия сдерживает врага на севере. Согласись, Лестница Висельника сейчас гораздо важнее Альсгары. К тому же с чего ты решил, что кому-то есть дело до этого городка? Здесь армию не развернуть, зато на западе стоят наши укрепления.

– Знаю. Воронье гнездо держит восточную дорогу к Альсгаре.

– Вот-вот. Так что нет ничего удивительного, что Плешь оставили на произвол судьбы. Здесь не такое место, чтобы останавливать врага.

– Глупо, – не согласился северянин.

– Имперским военачальникам видней, что глупо, а что нет. Ты всего лишь солдат.

– А ты много разглагольствуешь. Каждый должен заниматься своим делом, Шен, – перебил я его.

– Это ты на что намекаешь?

– Нечего лекарю лезть в дела военных. Если хочешь воевать, запишись в армию.

– Быть может, я так и сделаю. В отличие от вас, я люблю свою страну.

– «От вас»? – нахмурился Лук. – Это кого ты имеешь в виду, парень, лопни твоя жаба?

– Нас с Лаэн. К вам это никакого отношения не имеет, можешь не дергаться. – Я нехорошо усмехнулся. – Вперед, Шен! Вперед! Ты же знаешь, если решишь уйти, никто по тебе плакать не станет.

– Ну уж нет. До Альсгары мы доберемся вместе.

– Как пожелаешь. Но если вдруг решишь податься в воители, только свистни. Я с радостью найду для тебя вербовщика.

– Ты очень добр.

– Знаю. – Я приблизился к нему и так, чтобы не слышали Лук с Га-нором, прошептал: – Но лучше бы тебе не испытывать мою доброту, парень. Мы поняли друг друга?

– Вполне. – Его глаза были злыми. – Я запомню твои слова.

– Очень на это надеюсь. Я тоже запомню, что ты запомнил.

Порой мы отлично понимаем друг друга.

– Шен, у тебя мечта есть? – влез в наш разговор Лук.
– А что? – насторожился тот.
– Да ничего. Просто разговор хотел поддержать, я вот, к примеру, мечтаю о настоящей кровати, жратве, чистой одежде, бочке шафа и горячей воде.
– Да ты, оказывается, чистюля! – рассмеялся лекарь. – Вот не думал!
– Полазил бы с мое по лесам и болотам, побегал бы от Проклятых, мертвяков и Сжегших душу, вот тогда бы я на тебя посмотрел.
– Распрыгался ты что-то, Лук. – Га-нор пнул валявшийся на дороге камушек. – А деньги откуда возьмешь?
– Ну, – смутился тот. – Есть у меня один сорен. Думаю, нам с тобой хватит.

Рыжий удивленно вскинул бровь, но промолчал. Явно не ожидал, что его приятель окажется при деньгах.

– Если не хватит, то мы с удовольствием вас угостим, – предложила Лаэн.

Теперь уже мои брови поползли вверх. Не ожидал от нее столь внезапной щедрости. Нет, денег у нас, конечно, много, можем целую роту северян кормить лет пять, но Лаэн редко предлагала помощь чужакам. Следует ли понимать, что она решила принять эту парочку в нашу команду?

Что же. Я не против. В отличие от Гнуса и Бамута, они не плохи. Подвоха от них я ждал куда меньше, чем от нашего Целителя.

Порк, закутавшись в теплое одеяло, тихонько дрожал. От костра не было никакого толку, и нависший над дорогой лес казался жутким. Пастух ожидал, что вот-вот из темноты на него выберется лесное чудище и сожрет. Две стоявшие у ручья лошади тихонько всхрапывали, и каждый раз крестьянин вздрагивал.

Деревенскому дурачку было ужасно страшно, очень хотелось заплакать, но он этого не сделал, опасаясь, что хозяйка проснется и вновь придется делать то, чего не хочется. А потом очнется еще в каком-нибудь кошмарном месте. На кладбище. Или в логове гова-людоеда.

Он не представлял, каким образом оказался так далеко от родной деревни. Просто в какой-то момент услышал приказ хозяйки лечь спать и не тревожить ее до самого утра. Но Порк не мог заснуть. Рядом с ним лежал живой мертвец, которого раньше звали Грай. Мертвый безжизненными глазами смотрел на несчастного пастуха. От этого становилось еще страшнее. Дурачок помнил, как госпожа заставила его

подойти к виселице, перерезать веревку, а затем исчезла из-за левого плеча, а покойник ожил и сел, напугав всех набаторцев. Порк хотел улизнуть, но хозяйка, сидевшая в теле повешенного, не дала ему далеко убежать. Рыдающий пастух и оживший мертвец ушли из деревни вместе.

В первую ночь, когда мертвый перестал шевелиться и вроде бы заснул, Порк попытался бежать. Ему это не удалось. Взбешенная госпожа внезапно оказалась у него за плечом, а потом последовало наказание. После безумной боли жалобно скулящий пастух на карачках приполз обратно к костру, а страшная женщина вновь ушла в тело мертвого, и до утра ее не было слышно. Но дурак больше и не думал о бегстве.

Вот и в этот раз он только сидел да расширенными от ужаса глазами вглядывался во мрак, со страхом ожидая утра.

Глава 13

В трактире «Верховная ведьма» мы с Лаэн останавливались несколько лет назад, и, хотя времени прошло достаточно, я без труда нашел это заведение. Крепкое двухэтажное здание с вывеской, на которой чьей-то, на мой взгляд, довольно опытной рукой была намалевана рыжеволосая девица ехидной наружности. Правда, на ведьму она походила, как йе-арре на бабочку. То есть – ничего общего. Ни метлы, ни бородавки, ни поганки на голове. Сплошной обман, в общем.

Народа в зале оказалось не так уж много. А вот через нар, как раз когда начнет темнеть, окрестные жители потянутся пропустить кружечку-другую шафа или рюмку рески. Вот тогда все друг у друга на головах будут сидеть.

Лук, как и грозился, немедленно потребовал жрать, пить и ванну. Мальчишка из прислуги был отправлен в ближайшую лавку за новой одеждой. Солдат, узнав, что мы готовы все ему оплатить, разошелся не на шутку. Впрочем, мне лишнего сорена было не жалко.

Нам с Лаэн досталась хорошая комната – светлая и чистая. По старой привычке, первым делом мы проверили дверь. Она оказалась внушительной, с хорошим засовом. Таковую выбить не так-то просто. Из окна открывался вид на внутренний двор, конюшни и сараи. Тоже отлично – всегда есть шанс уйти, не привлекая к себе особого внимания.

Я оставил жену отдыхать и приводить себя в порядок и направился в оружейную лавку, на другой конец городка. Там вызвал к себе недовольство угрюмого торговца, который, видно, не каждый день встречал столь привередливого покупателя. Успокоился я только тогда, когда выбрал из предложенных трех сотен стрел две дюжины более-менее приличных. В десятке из них я был полностью уверен, остальные четырнадцать ни то ни се, но на первое время вполне сгодятся.

Расплатившись, вернулся в трактир, где к этому времени настала горячая пора, посетителей набилась целая куча, и служанки с подносами носились, точно заговоренные. Гомон стоял еще тот. Приятно пахло от холодного мятного и ромашкового шафа, аромат жареного мяса щекотал ноздри.

Наш стол оказался ближайшим к лестнице, ведущей на второй этаж. Довольный и счастливый Лук налегал на снедь так, что за ушами трещало. Повеселевший Шен прихлебывал остывший напиток и играл ножом Гнуса. Не скажу, что он меня впечатлил, но кое-что паренек умел. Лаэн без

интереса смотрела на мелькающий между пальцев лекаря нож. Целитель, как я уже сказал, не мог произвести особо яркого впечатления на того, кто когда-то зарабатывал себе на хлеб рискованной работой. Северянин больше поглядывал по сторонам, чем ел, его интересовал соседний стол, за которым сидели обозники. Там обсуждали важные новости – разворачивающуюся на северо-востоке Империи войну.

У стойки молодой кряжистый трактирщик о чем-то спорил с недавно вошедшим человеком. Меня этот незнакомец привлек грязным плащом. Несмотря на старость ткани, герб, вышитый на ней, был прекрасно виден. Сапоги и облако – гильдия гонцов.

– Держите язык за зубами, – предупредил я товарищей и, не вдаваясь в дальнейшие подробности, направился к спорящим.

– Куда я тебя посажу?! Себе на плечи?! – басил трактирщик. – Видишь, сколько народу? Все столы заняты.

– Хорошо, не будем ругаться, – примирительно сказал гонец. – Отнеси еду мне в комнату.

– Комната будет нескоро. Сейчас ее убирают. Тебе придется ждать.

– Если желаете, можете сесть за наш стол, – сказал я, прерывая их разговор. – У нас есть свободное место.

– Почту за честь, – не скрывая радости, поклонился гонец.

– Пусть несут еду, – отдал я распоряжение трактирщику. Тот, увидев, что неприятная ситуация разрешилась, разом повеселел.

– Надеюсь, я вам не помешаю, – сказал приглашенный, когда мы подошли к столу. – Меня зовут Гис.

– Присаживайтесь. – Лаэн в отличие от других сразу поняла, что у нас появилась прекрасная возможность узнать последние новости. – Тяжелая дорога?

– Нелегкая. – Гис с интересом рассматривал нас. Немолодой, невысокий, худощавый. Узкое желтоватое лицо, большой мясистый нос, блестящие залысины, густые неопрятные усы. Глаза темные, острые, цепкие, внимательные. А вот руки странные – узкие ладони с длинными изящными пальцами и ухоженными ногтями больше подошли бы музыканту или фокуснику, но не человеку, всю жизнь проводящему в дороге. Эти руки меня достаточно сильно смутили, в другое время я придал бы им больше значения, но сегодня, после тягостного пути, мне было не до этого.

– Вы путешествуете? – спросил он, принимаясь за еду.

– Да, – односложно сказал Га-нор, пихая под столом открывшего рот Лука.

Пинок не укрылся от внимания Гиса, но тот это никаким образом не показал. Задумчиво разломил лепешку, обмакнул в соус и заявил:

– У вас пестрая компания.

– Когда вы присоединились к нам, она стала еще пестрее, – приятно улыбнулась Лаэн. – Трактирные столы собирают вместе еще не таких людей.

Гис улыбнулся в ответ:

– Вы правы, госпожа. Я во время странствий успел повидать многое. Однажды даже видел человека, блазга и йе-арре, мирно играющих в кости.

– Так уж и мирно? Летуны не могут ужиться друг с другом, чего уж говорить о других расах! – рассмеялся Лук.

Йе-арре многие не любили за их гордость, вспыльчивость и презрение к другим народам. Даже Высокородные из Сандона не вызывали столько раздражения, сколько Сыны Неба^[39]!

– Почему вы называете меня госпожой? – удивилась Лаэн.

Гис весело подмигнул:

– А вы не обратили внимания, как на вас смотрит весь зал? Знаете причину? Вы в брюках. Наш юг слишком окостенел. То, что обычно для севера, здесь считается открытым вызовом, если не вульгарностью. Даже шлюхи носят юбки, не говоря уже о более достойных... дамах. Штаны могут позволить себе очень немногие из женщин, либо жительницы северной части Империи, а вы на них не похожи, либо благородные, которым плевать на мнение окружающих. Я предпочел отнести вас ко второй категории. Неужели ошибся?

Шен беззвучно повторил слово «категория» и удивленно приподнял брови. Я тоже заметил, что наш гость оказался донельзя образованным парнем.

– Ошиблись, так как не учли еще один вариант – путешествовать в «штанах» гораздо удобнее, чем в юбке.

– Думаю, вот он, – Гис указал пальцем на безучастного Га-нора, – может с вами поспорить. Килт для детей Ирбиса не сравнится по удобствам ни с какой другой одеждой.

– Килт не юбка, – усмехнулся северянин. – Но в твоих словах есть снежинка истины.

– Благодарю.

– Ты хорошо знаешь клановые знаки моего народа, – сказал северянин.

– Я гонец. – Он пожал плечами. – Приходится многое знать и многое замечать. К тому же красно-зеленую клетку носят только Ирбисы. Это легко запомнить.

– Вы направляетесь в Альсгару?
– Да, госпожа. – Наш собеседник упорно продолжал считать Лаэн Высокородной.
– Из Шахтерских поселков?
– Гаш-шаку.
– Гаш-шаку?! – разинул рот Лук. – Но Плешь ведь не по пути! Зачем делать такую петлю?!

Гис помрачнел:

– Была бы моя воля, так я бы и не делал. Но степи объаты огнем. Тракт между Альсгарой и Гаш-шаку стал слишком опасным. Набаторские и сдисские солдаты. Ходят слухи о некромантах. Пришлось забирать на восток, к Окни. Бои туда еще не докатились. Наши сдерживают врага на Перешейках Лины, так что я смог проскочить. Правда, дорога удлинилась вдвое.

– Что с Гаш-шаку? – Шен подался вперед.
– Я выскочил из него за день до того, как город взяли в осаду.
– А армия?! Где наша армия?!
– Вторая южная полностью разбита. Шестая и Первая, как говорят, отступили к Катугским горам, для перегруппировки. Быть может, попытаются снять осаду. Третья – на Перешейках, от нее помощи ждать не приходится. О Четвертой ничего не слышал. Пятая держит Лестницу Висельника, и не думаю, чтобы они бросились спасать хоть кого-то. Не дать противнику прорваться на север важнее всего.

– Дела-а-а, – протянул ошеломленный Лук.

Он прав. Дела у наших, выходит, не очень. Второй по величине город Империи взят в осаду, бои гремят от лесов Сандона до Золотого моря. Враг, не обращая внимания на нетронутый юго-запад, стремится взять главное – Лестницу Висельника. Если это удастся, он отрежет подкрепления, идущие с севера, и не будет опасаться внезапного удара в спину.

– А все оттого, что кто-то прозевал Шесть Башен, – сказал гонец. – Никто до сих пор не знает, как такое могло случиться.

И вновь Га-нор пнул Луку, чтобы тот молчал.

– Так, выходит, мы проигрываем?

– Еще нет. Восточная часть страны у них в руках, но дальше Перешейка набаторцы не прошли, даже несмотря на помощь некромантов и тварей из Великой пустыни. Наши стоят крепко. Там отборные части, и подкрепление через Катугские горы подходит постоянно. Равнины Руде взяты, Гаш-шаку в кольце. Пока он не падет, вряд ли враг сунется к Лестнице. Слишком опасно. К тому же на западе мы их отбросили. Но

схватки идут нелегкие. Если бы не укрепленные крепости и форты, у которых постоянно застревают вражеские части, неизвестно, как все бы сложилось. Да и земля на нашей стороне. Препятствий для набаторцев хоть отбавляй. Может, и сдюжим.

– Даже не верится, что сейчас идет война. Здесь так тихо, – сказал Шен.

– Сто лиг на север заставят тебя поверить, парень. А хочешь, так направляйся через леса и болота к Шести Башням. Неделя, и увидишь все своими глазами.

– Не знаете, что с Альсгарой?

– Я только сейчас туда направляюсь. Но, судя по всему, многие в городе относятся к происшедшему, как к чему-то очень далекому. Думают, что их это не коснется. А есть дураки, которые и вовсе не верят слухам.

– И никакая армия ее не защищает...

– Альсгару оставили на растерзание гиенам. Точнее, это случится так, если наши силы будут разбиты. Правда, ходил слухок, что вроде как Наместник создавал что-то в противовес разгромленной Второй, вроде даже с таким же названием. Но в основном – это ополчение, отступившие отряды, наемники. Кого только нет! Если уж регуляры не смогли справиться, то куда этим...

– А что Ходящие?

– Воюют. Борются со сдисскими колдунами и их порождениями. Местами успешно. Но всю заразу им выжечь не удастся. Порой встречаешь зло там, где не ждешь. Четыре дня назад чуть голову не сложил.

– Набаторцы?

– Нет. Эти так близко к нам не подобрались. Хуже. Мертвецы повылезали из могил.

Лук вспомнил о «жабе»:

– Много?

– Целая деревня. И ни одного живого. Если бы не лошадь, я бы не вырвался.

– А под целой деревней вы скольких имели в виду, Мастер? Десять? Двадцать? – спросила Лаэн.

– Две сотни.

Мое солнце поджала губы, но ничего не сказала. Зато я не удержался:

– Странно, что некромантам есть какое-то дело до наших деревень, когда их силы нужны на севере.

– Согласен, – ничуть не смутился Гис. – Но я слышал еще как минимум о трех подобных случаях. Деревушки и поселки, где нет

выживших, но они полны голодных трупов. И это в самом сердце не завоеванных территорий.

– Сдисцы пытаются добавить нам неприятностей. – Шен опередил меня на мгновение.

– И посеять панику, – поддержал я его.

– Гонец, – подошел трактирщик. – Твоя комната готова.

– Уже? Ну, тогда, пожалуй, мне пора. Следует отдохнуть. Завтра с утра опять в дорогу. Спасибо, что пригласили, друзья.

– Спасибо, что рассказали последние новости.

– Не за что благодарить. – Он грустно улыбнулся. – Это не те новости, от которых можно испытать радость. Доброй ночи.

Гис поклонился и быстро поднялся по лестнице.

– Что будем делать? – прочистив для убедительности горло, спросил Лук.

– Ты вроде хотел в Альсгару. – Есть мне расхотелось.

– Ну да. А что потом?

– Потом наши дорожки разойдутся. У нас с Лаэн свои проблемы, у вас – свои.

Шен украдкой покосился на меня, но я предпочел этого не заметить. Рыжий согласно кивнул, не оспаривая нашего права заниматься собственными делами.

Я знал, как следует поступить, еще до разговора с гонцом. Гис лишь укрепил мою уверенность в правильности выбранного решения. Сейчас у нас одна жизненно важная цель – мы приедем в Альсгару и объясним Йоху, как нехорошо предлагать деньги за Серого и Ласку. Это избавит меня и Лаэн от неприятностей в дальнейшем. Когда никто не бежит за твоей головой, жизнь становится гораздо спокойнее. А потом остается только одна дорога – в Золотую Марку. Корабли должны находиться в порту, война пока еще далеко. Цену, конечно, запросят страшную, но, слава Мелоту, деньги у нас есть. Доберемся.

– Вы заметили, чего он не сказал? – поинтересовалась у нас Лаэн.

Все взоры обратились на нее.

– Ни слова о Проклятых. Ни единого. Самые мелкие слухи, догадки, теории, но о Шести – ни-че-го. Словно их и нет.

– Быть может, они не спешат показывать свою силу, – предположил Лук.

– Не ты ли мне рассказывал, что Корь разнесла Шесть Башен?! Да и в Песьей Травке ее подруга вела себя отнюдь не тихо. Думаю, Ходящие до поры до времени не хотят пугать простой народ. Пока все проявления

магии со стороны врага можно списывать на сдисских колдунов, так и продолжится. Пускай Белые страшны, но они ни в какое сравнение не идут с Шестью. Зачем сеять преждевременную панику не только среди населения, но и в войсках? Не думаю, что солдаты будут сражаться так, как прежде, если узнают, что старые легенды ожили.

– Очень даже может быть. Я так вообще считаю, нашим ребятам хватает того, что против них выступают двадцать тысяч мертвецов, – поддакнул Лук.

– Их не больше тысячи, – машинально поправила его она. – При самом хорошем раскладе.

– Это еще почему? – Солдат явно ей не поверил. – Если в той деревне, через которую скакал гонец, было не меньше двух сотен, то получается, в других местах покойников всего ничего. Что-то не верю я в такое.

– А я не верю гонцу. По-моему, он врет. Чтобы поднять одного кукса, требуется немалая сила. Не каждый из колдунов с таким делом справится. Перенести часть своей «искры» в мертвое тело, постоянно держать его под контролем, все время ожидать, что на тебя набросится собственное творение – это достаточно сложная работа. Не стоит затраченных сил. Есть куда более легкие и действенные способы навести страх или создать себе послушных слуг. Опытный некромант способен поднять не более десяти тел. Колдуны Восьмого круга при остром желании могут контролировать тридцать-сорок зомби. Но на это уходят все силы. Так что они редко занимаются подобной ерундой. Мертвыми руководят, когда под рукой нет ничего лучшего. Так что о тысячах и речи быть не может. А если послушать Гиса, то двести мертвых в одной жалкой деревушке... Для такого потребуется пятеро некромантов высшего круга! Если не шестеро. А их в мире не так уж и много. И делать им больше нечего, как собираться в совершенно бесполезном месте и пасти стада трупов, ожидая случайного путника.

– К тому же гонец говорил, что это не первый случай, – поддержал я Лаэн.

– Совершенно верно. Если посчитать, сколько потребуется колдунов, чтобы набить мертвыми три-четыре деревни... Не думаю, что Сдис способен отправить такое количество некромантов для столь незначительного дела.

Во время этой беседы Шен сидел, сжав кулаки и опустив взгляд.

– Постой, но тогда как объяснить существование тех мертвяков, что напали на меня у старой серебряной шахты? – не унимался Лук.

– Не знаю. Быть может, рядом был некромант, быть может, он просто

послал их по следу от Врат, а может, колдуна убили. Обычно заклинание Призыва не исчезает после смерти создателя. В куклах остается частичка «искры», и они живут, когда их хозяин уже давно мертв. Возможно, тебе посчастливилось наткнуться именно на таких тварей.

– Пойду прогуляюсь. – Га-нор встал из-за стола и, обходя многочисленных посетителей, направился к выходу из трактира.

– А я, пожалуй, отправлюсь спать, – протяжно зевнул Лук и, взяв с собой за компанию полную кружку шафа, довольный и сытый поднялся наверх.

Мы остались втроем. Шен сидел, барабанил пальцами по столешнице. В последнее время его поведение нравилось мне все меньше и меньше. Если раньше он вел себя, как зеленый юнец, бросающийся на любое оскорбительное высказывание, то теперь большую часть времени проводил в раздумьях. Мне все время казалось, что парень замышляет какую-то гадость.

– Что так мрачен? – обратился я к нему. Он оторвал взгляд от рук, усмехнулся:

– Смущают меня некоторые моменты.

– Какие, если не секрет?

Лекарь наклонился к нам, чтобы никто из сидевших за соседними столами не услышал, и тихо спросил:

– Сколько мертвецов может поднять Лаэн?

– К чему ты клонишь, Целитель? – холодно отозвалась она.

– Ты все поняла. Не всякий может слиться с хилссом, а ты с легкостью управляла Смертью. Почему бы тебе не обладать и другими умениями?

Лицо Лаэн ничего не выражало:

– Ты бредишь, малыш.

– Нет. Просто я умею делать правильные выводы, вот и все. Еще мне было бы интересно знать, кто тебя учил?

– О-о! – усмехнулся я, следя за разворачивающейся беседой. – Гляжу, ты вновь решил вернуться к старому разговору.

– Ведь кто-то же учил, а? – Шен не обратил на меня внимания. – Кто-то сказал тебе, как колдуны называют зомби. «Куксы» – редкое слово. А еще ты знаешь, как именуют некромантов в Сдисе. Ни одна Ходящая никогда не назвала бы их так, как назвала их ты. «Избранные».

– Но ты ведь тоже знаешь эти слова и, заметь, я не спрашиваю откуда. Отчего бы и мне их не знать? – Лаэн несколько не впечатлили обвинения лекаря.

– И я тоже не должен спрашивать?

– Буду тебе благодарна. Я, признаться честно, не помню, где их услышала. Сегодня они пришлись очень кстати. Только и всего.

– Поня-ятно, – протянул он. – Тогда позволь спросить то, с чего я начал, – скольких мертвецов ты сможешь поднять?

– Ни одного, – отчеканила она.

Какое-то время они смотрели друг другу в глаза. Наконец, Шен вздохнул и расслабился:

– Я считаю, что ты врешь, – бесцветным голосом произнес он. – А еще я думаю, что бы ты сделала с той женщиной в деревне, если бы она не поймала тебя врасплох.

– Ты можешь думать все что угодно. Что до Проклятой, то моих сил не хватило бы даже на то, чтобы причинить ей маломальский вред.

– Да, да. Нечто подобное ты мне уже говорила про некроманта, явившегося в ваш дом. Пойду-ка я спать. – И целитель ушел.

– Так скольких? – не утерпел я.

Она не ожидала от меня подобного вопроса и вздрогнула:

– Не начинай.

– Отчего же? Мне, и вправду, любопытно узнать, на что ты способна.

Теперь она избегала смотреть мне в глаза.

– Я же сказала Шену...

– Что ни одного. Ты даже не соврала. Пока «искра» вновь не разгорелась, ты не сможешь ничего. А сколько могла раньше?

Лаэн явно был неприятен этот разговор. Я уже собирался услышать, что это не мое дело. Тем удивительнее было то, что она все-таки ответила:

– Четырех.

Горло перехватило стальными пальцами, стало трудно дышать, по спине проползла змейка холодных мурашек. Совершенно детский страх, пробуждающийся перед человеком, управляющим мертвыми, всколыхнулся во мне. Но я справился.

Я ее люблю. И знаю, что она не такая, какой обычно рисуют ведьму-некроманта. Столько лет жизни бок о бок научили нас доверять друг другу. Ну... или почти научили. Лаэн смотрела на меня с испугом. Она уже пожалела о своей излишней откровенности и ждала, что же я скажу ей теперь.

– Четырех. – Я посмаковал это слово. – Совсем неплохо для самоучки. Получается, ты дашь фору некоторым Белым. Спасибо, что наконец-то решилась мне рассказать.

– Я давно хотела, но не знала, как ты это воспримешь, – последовал поспешный ответ.

– Вполне тебя понимаю. – У меня перед глазами все еще висело видение оживших покойников. Признаюсь честно, не очень приятное зрелище. – Есть еще что-то, что я должен знать, солнышко?

– Эти ушли? – Га-нор вернулся в совершенно неподходящий момент.

– Да. Спать отправились. – Лаэн была счастлива, что неприятный для нее разговор откладывается на неопределенный срок.

– Нам тоже пора. По шафу и на боковую, Серый?

– Пожалуй.

Северянин махнул рукой, и служанка сняла с подноса три кружки.

– Хотел спросить, чем ты занимаешься, да все никак не получалось. – Рыжий окунул усы в темный напиток.

– Не очень понимаю, о чем ты.

– Как зарабатываешь сорены? Ты стрелок^[40]?

– Нет. Я плотник.

Пожилой вояка ухмыльнулся:

– Наверное, ты лучший в мире плотник, раз носишь с собой столько денег.

– А у тебя острые глаза. – Моя улыбка вышла кривой.

– Нет. У меня чуткие уши. Слышал, как звякает в вещмешке Лаэн. Их очень много. Звук, который издают крупные сорены, я ни с чем не спутаю.

– Это ее наследство.

– Я так и подумал, – открыто улыбнулся он. – Конечно же, наследство. Плотник столько за всю жизнь не накопит.

Было видно, что он не верит нам, но ему совершенно все равно, кто мы такие. За что люблю северян, так это за то, что они никогда не лезут в чужие дела.

– Я рад, что мы смогли...

– Нэсс, – окликнула меня Лаэн.

– ...разъяснить тебе...

– Нэсс!

Я прервал незаконченную фразу и недовольно посмотрел на нее.

– Станный парень. – В ее голосе проскользнула тревожная нотка.

В незнакомце, на которого она указала, лично я ничего странного не заметил. Человек как человек. Правда, с ног до головы кутается в плащ, да озирается по сторонам. Явно нездешний. Он только что вошел в трактир и теперь стоял в центре зала, между столиками, соображая, что делать дальше. Я не смог рассмотреть лицо, скрытое капюшоном, но когда парень немного повернулся, плащ приоткрылся, и я увидел тускло блеснувшую кольчугу...

– «Рыба»! – Га-нор рывкнул так, что я едва не подскочил от неожиданности.

В следующее мгновение северянин точно пушинку опрокинул набок тяжеленный стол, и тарелки вместе с кружками с грохотом попадали на пол.

– Сюда!

Лицо у рыжего было такое, что я исполнил его приказ, не думая. Лаэн поступила точно так же. Перед моими глазами промелькнули донельзя удивленные лица обозников, я скрючился за дубовой столешницей, и в этот момент что-то оглушительно хлопнуло. По ушам ударило так, что я взвыл от боли. В глазах потемнело, из носа потекла кровь.

Когда я обрел способность соображать, то обнаружил себя лежащим на полу. Рядом со мной на карачках стоял Га-нор. Он тряс головой и отчего-то напомнил мне большого рыжего пса.

– Лаэн!

Я не услышал собственного голоса. Вопли и стоны раненых заглушали все остальные звуки.

– Лаэн!

Отбросив чью-то оторванную кисть в сторону, я пополз по окровавленному полу к расколотому надвое столу.

– Лаэн!

Сильные руки схватили меня за плечи, резким рывком поставили на ноги. Конечно же, это был северянин. Он куда быстрее, чем я, оправился от произошедшего.

– Вон она!

Лаэн встала без посторонней помощи. На нас она не обращала никакого внимания и, прижав руку ко рту, расширенными от ужаса глазами смотрела на зал, который стал местом грандиозной бойни. Покойников было так много, словно здесь произошло одно из легендарных сражений Войны Некромантов. Части некоторых тел висели даже на огромной колесовидной люстре с погасшими свечами. Это не говоря уже о крови, которая была не только на стенах, но и на потолке. А еще везде тускло блестели маленькие, не больше серебряной монетки, чешуйки того, что совсем недавно мне показалось кольчугой. Они засели во всех деревянных поверхностях и в тех несчастных, кому не повезло оказаться поблизости от незнакомца.

– Лаэн, цела?! – Я подскочил к ней.

– Давай уйдем отсюда. Пожалуйста, – прошептала она. Подхватив жену под локоть, я повел ее к лестнице.

– Га-нор, захвати мой лук и колчан.
– Уже, – ответил рыжий за моей спиной.
– Что случи... – Из коридора второго этажа прибежал взволнованный Лук. Да так и замер, потеряв дар речи.

– Не стой столбом! – рыкнул на него Га-нор. – Отведи женщину в комнату! Помоги ему, парень.

Последние слова предназначались Шену.

– Лук справится, – возразил лекарь. – Я должен помочь раненым.
– А что будем делать мы? – нахмурился я. Оставлять Лаэн не хотелось.
– Выйдем и проверим, откуда взялась Рыба. – Га-нор протянул мне лук. – Будь наготове.

– Я всегда наготове. Лаэн, я скоро вернусь. Пошли.

Переступая через тела и обходя раненых, возле которых уже суетились выжившие, мы вышли на улицу. Давно стемнело, но зажигать факелы и не думали. В маленьких городках всегда так – никто не желает тратиться на такую ерунду, как освещение. А в столь густой темноте может спрятаться вся шестерка Проклятых, и ты ровным счетом ничего не увидишь, пока не станет слишком поздно.

– Кто это был? – поинтересовался я у нюхавшего воздух Га-нора.

– «Рыба».

– Не заметил у него ни плавников, ни хвоста.

– Мы не знаем, как оно называется. Поэтому на границе таких тварей кличут «рыбами». Порождения сдисской магии. Мертвецы. Подходят к живым, а потом, бамс, и куча покойников.

– И они всегда так?..

– К сожалению. На них тысячи стальных чешуек. Каждая режет плоть и кости как масло. Когда такая тварь лопается, чешуя летит во все стороны. Лучше спрятаться заранее.

– Эй, паренек! – окликнул я стоящего у входа в трактир бледного пацана, с ужасом глазающего на кровь и трупы. – Видел того, что лопнул, раньше?

Он не сразу понял, чего от него хотят. Потом судорожно кивнул:

– Это Шкан. Местный пьяница. Он три дня назад умер. – Казалось, мальчишка сейчас заплачет. – Вчера похоронили.

Вот так-так! Лук все же накаркал, и с кладбища полезли покойники. Да какие!

– Дуй домой, – сказал я мальцу. – Нечего тебе здесь делать. Живо!

Малой побежал так, что пятки засверкали.

– Он мог быть не один. – Следопыт напряженно вглядывался во мрак.

– Искать не пойду, – отрезал я.

– Никто и не просит.

Внезапно в ночи раздались два приглушенных расстоянием хлопка.

– Мы уходим, – принял решение я. – Немедленно. Беру Лаэн и сваливаю. Здесь становится опасно.

На противоположном конце улицы вспыхнула пара зеленых огоньков. Потом еще одна. И еще. И еще. Раздался испуганный крик, впрочем, тут же оборвавшийся.

– В трактир! Живо! – Га-нор, в отличие от меня, знал, что это за напасть. – Мертвецы!

Я с похолодевшим сердцем бросился под ненадежное прикрытие стен. Вновь крики ужаса. Зазвучал набат.

– Закрывайте двери! – проревел рыжий.

– Что?! Сдурели?! – подскочил трактирщик. – Мы за лекарями послали! Отойдите прочь!

– Тупица! Там полно оживших покойников!

– Не мелите ерунды! Прочь я сказал! Иначе...

Договаривать ему не пришлось, так как за его спиной выросло с пяток широкоплечих угрюмых мужиков. Выжившие посетители горой встали за своего приятеля.

– Наверх! – бросил я. Спасать тех, кто не хочет быть спасенным, глупо. Сами утонут и тебя за собой потянут.

Больше не обращая внимания на местных упрямцев, мы бросились к лестнице. На ходу Га-нор сгреб Целителя, который в этот момент пытался остановить кровь у одного из раненых. Парень начал сопротивляться.

– Оставь его! Он уже не жилец! Свою бы шкуру спасти! – прорычал я.

Шен хотел возмутиться, но мое искаженное ужасом лицо заставило его перестать валять дурака. Больше не споря, лекарь поспешил за нами. Мы как раз подлетели к лестнице, когда первая из тварей, видно почуявшая густой запах крови, влетела в зал и, не мешкая, впилась в шею ближайшему человеку. Почти сразу же появились еще шесть мертвяков.

Люди вначале ничего не поняли, бросились на помощь к невезучему товарищу. Прежде чем они разглядели, что происходит, в зал вновь пришла смерть. Я впервые видел подобных созданий, и впечатление они производили ужасающее. Впрочем, засматриваться не стоило. С каждой уной прибывали новые «посетители», пока они были заняты теми, кем еще можно поживиться, но вскоре обратят внимание и на нас. Поэтому мы, прыгая через несколько ступеней, побежали вверх. У нас еще был шанс спастись. Рычание за спиной говорило, что те, кому не досталось еды

внизу, решили посетить верхний этаж.

Первой по коридору была комната Лука, Га-нора и Шена. Лекарь влетел туда, пришлось последовать за ним, я не был уверен, что успею добежать до своей берлоги. Мы захлопнули дверь. Почти сразу же с той стороны в нее ударило что-то тяжелое.

Как я и предполагал, ни Лука, ни Лаэн здесь не было.

Великолепно!

Запыхавшийся Целитель выругался.

Самое время.

– Упорная сволочь, – сказал я, слушая, как мертвяк остервенело пытается пробиться к нам в комнату. Это продолжалось уже третий нар, но тварь не успокаивалась ни на минку.

– Дверь выдержит? – в который раз спросил Шен.

– Очень надеюсь на это.

В комнате мы находились втроем. Ни Лука, ни Лаэн, неизвестность пугала. Я не знал, жива ли мое солнце, очень надеялся, что она заперлась в нашей комнате и с ней все в порядке. Если это так, то сейчас нас разделял целый коридор. Двадцать пять коротких и таких длинных шагов.

Га-нор, прислонив меч к стене, стоял у окна и смотрел на улицу. Я знал, что он там видит. Мельтешение теней и зеленые огоньки мертвых глаз. Покойников в Плешь набилось гораздо больше двух сотен. Судя по всему, они заполонили весь город. Интересно, остались живые кроме нас? Кто-то ведь должен был успеть захлопнуть дверь, спрятаться в подвале или на чердаке.

Набат давно смолк. Криков тоже слышно не было. Никто не спешил тушить возникший на противоположном конце улицы пожар. Горело несколько домов, и оставалось молиться, чтобы огонь не перекинулся дальше и не добрался до трактира.

– Мы не можем сидеть здесь вечно. Рано или поздно нас достанут.

– Ты же сам говорил, что дверь выдержит, – нахмурился Шен.

– Я сказал, что надеюсь на это. Даже если она устоит, мы умрем от голода. Не уверен, что к утру что-то изменится. Ведь их не пугает солнечный свет, так?

– Так. Но если убить некроманта...

– Какой, к Угу, некромант?! – Я воспользовался одним из немногочисленных ругательств Га-нора. – Слышал, что говорила Лаэн? Для того чтобы поднять две сотни, нужна пятерка самых лучших колдунов. А тут покойников далеко за пятьсот. Ведь не только с кладбища лежебоки

повыскакивали. Здесь теперь бегают еще и те, кто им на ужин достался. Посчитай, сколько нужно Белых, чтобы управлять такой оравой.

– Не буду я ничего считать. Скажу одно – бегать вместе с ними у меня нет никакого желания.

– Что ты предлагаешь? – негромко спросил северянин.

– Поначалу нам надо прорваться к моей комнате.

– Нашел дураков! – сплунул Шен. – Я ради твоей благоверной головой рисковать не собираюсь.

– У нас окно выходит во внутренний двор, – пропустив его слова мимо ушей, обратился я к Га-нору. – Если прорвемся к конюшням, у всех появится шанс дожить до старости.

– А если трактирщик оставил ворота распахнутыми? – Он потер лоб.

– Мы этого никогда не узнаем, если останемся сидеть в этой конуре.

Он ненадолго задумался, взвешивая варианты. Затем решительно кивнул:

– Твоя правда. Хорошо. Я с тобой.

– Идиоты! – Шену очень не хотелось выходить из кажущейся такой защищенной комнаты. – Вы уверены, что вам откроют? Возможности вернуться не будет.

– Можешь оставаться здесь. Тебя никто с собой не зовет.

Он заткнулся, встал с пола и взял ским.

– Ты сможешь нам помочь?

Целитель понял, что я спрашиваю о его Даре, и отрицательно покачал головой:

– Не уверен, что это пройдет.

Жаль. Я рассчитывал на его способности.

– Все помнят, что их надо бить в голову? – в который раз сказал нам северянин.

Мы кивнули.

– Тогда, да поможет нам Уг. Начали.

– Под стрелу не лезь, – предупредил я лекаря.

– Три. Два. Раз. Давай!

Целитель резко распахнул дверь, в комнату тут же ввалился смердящий мертвец. Он не удержал равновесие, упал, и Га-нор снес ему голову. В дверном проеме появился мертвяк, в котором я без труда узнал хозяина «Верховной ведьмы». Я влепил стрелу в зеленый глаз. Северянин перерубил твари ноги.

– Мертв? – на всякий случай спросил я.

– Он давно мертв, – сказал рыжий и, словно в омут, головой, нырнул в

коридор.

Все получилось куда лучше, чем мы ожидали. Покойников оказалось всего лишь двое, и они, не замечая нас, ломились в двери, находящиеся в противоположном конце коридора.

Пока Га-нор и Шен расправлялись с ними, я не спускал глаз с лестницы, оттуда в любой момент могли пожаловать новые гости. Тем временем у меня за спиной произошла короткая схватка. Ловкий северянин накромяс врагов с такой скоростью, что ему даже не потребовалась помощь лекаря.

– Сделано! – услышал я сына Ирбиса и начал отступать.

– Лаэн, открой это мы! – забарабанил в дверь Шен. – Лаэн! Открой!

Снизу раздались хрипение и топот. Первый покойник буквально взлетел на этаж. Стрела вошла ему точнехонько в глаз, заставив упасть назад и скатиться по лестнице.

Рядом оказался Га-нор, и под его защитой я почувствовал себя гораздо увереннее.

– Если нам не откроют дверь, мы пропали. – Говорил он спокойно, но голос меня не обманул. Положение, действительно, было дрянное. Девять мертвяков уже приближались к нам. За ними шло еще столько же. Даже если будем прорубаться обратно, целыми не дойдем.

– Лаэн! – что есть сил крикнул я, накладывая новую стрелу. – Открывай!

Засов тут же лязгнул. Умная девочка!

– О Мелот! Жив! – услышал я голос моего солнца. – Быстрее! Быстрее!

Еще один из охотников до живого мяса упал со стрелой в глазнице. Затем я развернулся, заскочил в комнату следом за Шеном, тут же отпрянул к стене, чтобы пропустить Га-нора. Лаэн захлопнула дверь, вернула засов на место.

– Получилось! – Целитель, кажется, не верил в свалившуюся на нас удачу и готов был начать танцевать. – Долго же ты возилась!

– Не вижу причин, по которым я должна была пускать тебя к себе, – холодно ответила она, а затем подошла ко мне и крепко обняла.

– Я уже начала бояться, что ты не спасся.

– Все хорошо, – прошептал я. – Мы вовремя успели.

– Ты бы оставила нас снаружи? – нахмурился Га-нор.

– Не говори глупости, приятель. – Несмотря на бледность, Лук не утратил былой разговорчивости. – Просто вначале мы своим ушам не поверили. Помоги мне. Надо подвинуть шкаф обратно к двери. На всякий

случай.

С той стороны слышались удары и хрипение. «Народу» по наши души пришло много. Я начал всерьез опасаться, что дверь не выдержит.

– Есть что-нибудь выпить? – После коротенькой заварушки в горле окончательно пересохло.

– Могу предложить только реску, но не думаю, что она пойдет нам на пользу.

Я только сейчас увидел Гиса.

Гонец сидел на полу, по-восточному поджав под себя ноги, и кутался в свой выдавший виды плащ. Рядом с ним лежал широкий тесак в потертых бордовых ножнах и серо-зеленая дорожная сумка.

– А ты как здесь оказался?

– Вышел в коридор. Затем мертвяки появились. Заскочил в ближайшую комнату и заперся. Оказалось, что тут были госпожа и Лук.

– Ага, ага, – пыхтя подтвердил солдат, тащивший вместе с Га-нором шкаф. – Если бы не гонец, мы бы так ничего и не узнали, лопни твоя жаба: дверка-то была распахнута.

– Интересно, что происходит? – тихо спросил я у Лаэн.

– Сама хотела бы знать. Чтобы поднять столько мертвых, требуется колоссальная сила.

– Такое уже случалось. – Гис, как оказалось, был не прочь побеседовать. – Только очень давно. Говорят, когда умирает очень сильная Ходящая, идут не менее сильные дожди. Так было во время смерти Сориты, например.

– Где же здесь связь? – не поняла Лаэн.

– Когда носитель очень сильного Дара умирает насильственной смертью, то после его ухода часть магии не исчезает, а растворяется в мире. Она и вызывает дождь.

– А мертвецы тут каким боком? – надулся Лук. – Они что, словно грибы, после дождика из земли полезли?

– Говорят, когда во время Войны Некромантов погибли Холера и Лихорадка, весь следующий месяц то тут, то там в землях Империи поднимались целые кладбища.

– Хочешь сказать, что, когда умирают Ходящие, идут дожди, а когда Проклятые – поднимаются мертвецы? – догадался Шен.

– Так говорят старые легенды, – пожал плечами Гис. – Правда, есть маленькое несоответствие – в последние пятьсот лет никого из Шести не убили.

А я тут же вспомнил женщину, с которой мы расправились в Песьей

Травке. Выходит, Гис прав.

– Откуда вы все это знаете?

– Старые сказки, госпожа. Когда всю жизнь путешествуешь, многое узнаешь. Иногда это бывает полезным.

– А в сказках не говорится, когда мертвецы отправятся по могилам? – с надеждой поинтересовался Лук.

– К сожалению, нет. Просто в какой-то момент это происходило в разных местах, а затем стихало. Ну и Ходящие, вестимо, помогали.

– Ну, нам на Ходящих надеяться не приходится, – отрезал я. – Будем справляться собственными силами. Вот что я хочу вам предложить...

– Аккуратнее. Не шуми, – прошипел Шен.

– Да уж стараюсь, лопни твоя жаба. – Лук спускался последним и с явным трудом.

Как я и надеялся, ворота, ведущие с улицы во внутренний двор, где находились подсобные помещения и конюшни, оказались закрыты. В них, конечно же, кто-то тарабанил, но не слишком активно и пока безуспешно.

Мы безо всякого труда выбрались через окно и слезли по трубе, было невысоко. Пока лекарь помогал спуститься солдату, все остальные делали то, о чем договорились заранее. Я прикрывал Га-нора, который в это время укреплял дверь, ведущую в трактир. Еще не хватало, чтобы в самый неожиданный момент кто-нибудь приперся по наши души. Лаэн и Гис отправились в конюшню. Я надеялся, что лошадей на всех хватит. Иначе возникнет очень неприятная ситуация. Всерьез не хотелось никого здесь оставлять. Даже Целителя.

– Сделано, – вернулся Га-нор. – Не уверен, что ее не снесут, если поднасядут.

– К этому моменту я постараюсь быть уже далеко. Лук, ты цел?

– Никогда не понимал людей, залезающих в чужие дома через окна, – стараясь восстановить дыхание, пропыхтел он. – Как и вылезавших из них, впрочем.

– Ты просто не вошел во вкус.

Вопреки моим ожиданиям он улыбнулся и подмигнул. К нам подбежал Гис:

– Нужна помощь, чтобы оседлать лошадей. Вдвоем мы провозимся слишком долго.

– Коней на всех хватает? – с замирающим сердцем спросил я.

– Да.

– Уже идем.

Животные чуяли мертвых, были в поту и мелко дрожали, но, хвала Мелоту, слушались. Мне досталось широкогрудое черное чудовище, которое я тут же обозвал Жеребцом. Зверюга вела себя спокойнее, чем все остальные, и это внушало надежду, что я смогу усидеть на ее спине.

– Что теперь? – Лаэн задала тревожащий меня вопрос.

– Надо открыть ворота.

– Блестяще, Лук! Ты в состоянии это сделать?

– Не уверен. – Он нервно облизал губы. – Ты поможешь нам, Лаэн?

– Я?!

– Ты же умеешь. – Солдат умоляюще посмотрел на нее. – Неужели Ходящая не разнесет их заклинанием?

Я увидел, как брови Гиса поползли вверх.

– Кто тебе сказал, что я Ходящая? – изумилась она.

– Ну, или Огонек. Мы с Га-нором видели, как в деревне ты наслала ураган на Сжегших душу.

Вот те на! Оказывается, наши друзья знают куда больше, чем мы думали.

– Ты ошибаешься, – неожиданно мягко сказала Лаэн. – К сожалению, я не Ходящая и даже не Огонек. И ничем не могу нам помочь. Думаешь, если бы я умела хоть что-то, то мы бы тут сидели?

– Я думаю... – начал было Шен, но я оборвал его. Заговорил со всей возможной уверенностью и спокойствием:

– Ворота надо открыть. Это сделаю я. Но если там будет слишком много мертвых, нас прижмут и сожрут прямо здесь. Вместе с лошадьми. Не дадут вырваться. Их внимание придется отвлечь. Думаю, следует разделить на два отряда и до городских ворот прорываться по отдельности и разными дорогами. Первая группа отвлечет на себя тех, кто рвется сюда. Надеюсь, твари побегут за ними. Они не слишком умны.

– Тот, кто поскачет первым, очень рискует. – Гис задумчиво поглаживал морду своей кобылы. – Но придется это сделать. Я с тобой, парень, благо хорошо знаю городишко. Смогу вывести.

– Я тоже с вами, – вызвалась Лаэн.

– Нет.

– Но...

– Нет! – отрезал я. – Ты будешь с Га-нором, Шеном и Луком. Это не обсуждается.

Мое солнце зло сверкнула глазами и с яростью стиснула зубы.

– Я поеду с тобой и Гисом, – неожиданно сказал лекарь. – Вам потребуется помощь.

Ого! Не ожидал, что он решится.

– Хорошо. Так и сделаем. Давайте не будем больше тянуть.

– Нэсс. Надо поговорить, – окликнула меня Лаэн. Мы дождались, пока остальные покинули конюшню.

– Что ты делаешь? – В синих глазах плескалось целое озеро обиды.

– Пытаюсь спасти тебе жизнь. Не перебивай! Слушай! Со мной ты будешь в большей опасности, чем с ними. Га-нор сейчас более надежен, чем я. Он опытный рубака, с ним не пропадешь. Да и Лук, несмотря на легкомысленность, парень не промах. Один я тебя не защищу. Ни Гис, ни Шен не помощники, а только обуза. С солдатами у тебя есть шанс вырваться.

– А у тебя? – Она, опустив уголки губ, смотрела в пол. – У тебя есть этот шанс?

– Есть. Но тебя не должно быть рядом, – озвучил я жестокую правду. – Один я полечу быстрее ветра и буду защищать только себя, больше ни на кого не отвлекаясь. Если ты поедешь со мной и что-то случится, я не смогу бросить тебя. В итоге мы останемся в этом проклятом городишке навсегда.

Она знала, что это так, и понимала, что я предлагаю разумный вариант, чтобы мы оба смогли выжить.

– Ты прав, хоть мне это и неприятно слышать. – Она дернулась, скрывая слезы. – Только очень прошу, не останавливайся, если гонцу или лекарю понадобится помощь. Помни правило гийянов.

– И не подумаю. – Я обнял ее. – Каждый сам за себя, все будет хорошо. Держись поближе к рыжему. Он не даст тебя в обиду. А я прорвусь. Должен прорваться.

– Эй, вы уснули там? – появился взволнованный Лук. – Пора. Скоро рассвет.

– Идем, – сказал я, поцеловал жену и разорвал объятия. – Будь осторожна.

– И ты. Постарайся выжить.

– Приложу для этого все усилия, – усмехнулся я. – Эй! Не грусти. Все будет хорошо. Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя надолго? Если все получится, то мы встретимся за городскими воротами.

– А если нет? Если с тобой что-то случится?!

Я вздохнул:

– Мы с тобой и не из таких ям вылезали.

– Тогда у меня был Дар. Теперь же я беспомощнее младенца.

– Поэтому я и хочу, чтобы ты держалась поближе к северянину. Ты же знаешь это племя... А если не удастся выбраться, не жди меня и не ищи.

Направляйся сразу в Альсгару. Встретимся у Ворчуни и Пиявки. Если не появлюсь через неделю после твоего приезда, бери деньги и плыви в Золотую Марку. В Харог. Не тяни ни в коем случае.

– Ты найдешь меня?

– Конечно. Где бы ты ни была.

– Береги себя, Серый.

– Береги себя, Ласка. Все будет хорошо.

Мы бок о бок вышли из конюшни, ведя за собой лошадей. Га-нор и Лук уже были в седлах. Лаэн, напоследок коснувшись моей щеки губами, отправилась к ним. Я подошел к Гису и Шену, уже стоящим у ворот. Передал Жеребца на их попечение:

– Я быстро.

– У нас нет времени!

– Ждите! Побери вас Бездна!

И они не стали спорить. У меня было еще одно незаконченное дело. Следовало кое-что сказать северянину. Он, увидев, что я иду к нему, спрыгнул с лошади. Высокий, жилистый, угрюмый. Надежный, как стена.

– Как только мы выскочим, действуйте, и что бы ни случилось, не обращайтесь на нас внимания. Будем справляться собственными силами.

Он кивнул:

– Удачи.

– И вам. Позаботься о моей женщине.

– Не волнуйся. В отличие от гийянов, у моего народа другие правила.

Мы своих не бросаем.

– Все же у тебя очень хороший слух, – хмыкнул я. На время я решил «забыть» о том, что еще он мог слышать.

– Не жалею. – Он был серьезен.

– Если с ней что-нибудь случится, тебе тоже лучше умереть. Иначе я достану тебя даже из Бездны. Мы поняли друг друга?

Он долго-долго смотрел мне в глаза, а затем едва заметно наклонил голову:

– Я выведу ее.

Не сказав больше ни слова, рыжий вернулся в седло. Удивительный все же народ – северяне. Знают, что некоторые люди большие сволочи, но если считают их своими, помогают даже во вред себе. Остается лишь благодарить судьбу, что послала нам с Лаэн такого человека.

Я подбежал к сотрясающимся от ударов воротам. Засов был тяжелым, но мне удалось снять его одним движением. Ударив ногой по створкам, я опрометью бросился назад и влетел в седло.

Створки разошлись, и во двор начали вваливаться первые покойники. Я гаркнул и вбил каблуки в лошадиные бока.

Длина двора позволила животным взять более-менее приличный разбег. Жеребец первым врезался в толпу, раскидал широкой грудью замешкавшихся, еще нескольких подмял под себя. В нос ударил запах свежей крови и одуряющего зловония. Промелькнули и сгнули оскаленные морды, светящиеся глаза.

Мы вырвались и поскакали по темной улице. За нами с хрипами и рычаниями бросились несолоно хлебавши охотники до свежей человечины. Надеюсь, что Га-нор, Лаэн и Лук уйдут без проблем. Я прижался к шее коня и даже не подгонял его. Животное само хотело оказаться как можно дальше от покойников.

Кобыла Гиса оказалась проворной лошадкой, и теперь гонец скакал впереди, показывая нам дорогу. Я мало что запомнил из этой бешеной скачки. Непроглядная тьма, мельтешение теней, темные силуэты с зелеными глазами, зарево неизвестно откуда возникших пожаров. Трижды нам заступали дорогу, и трижды мы прорывались. В последний раз мертвецу удалось вцепиться в стремя гонца, но тот рубанул мертвяка тесаком.

Когда Гис внезапно осадил лошадь, я увидел, что улица впереди перекрыта. Целая толпа мертвецов ломилась в какой-то дом. Видимо, там еще был кто-то живой. Один из покойников увидел нас и бросился вперед, позабыв о прячущейся за стенами добыче. За ним двинулись еще трое, а потом вся толпа заколыхалась и пришла в движение.

– За мной! – Гис направил лошадь в переулок.

Я боялся, что Жеребец споткнется, и тут-то мне и придет конец, но Мелот миловал. Впереди появились распахнутые настежь городские ворота и небольшая освещенная факелами площадь. С соседней улицы, преследуемые несколькими десятками мертвецов, на взмыленных лошадях вылетели трое всадников. Они не смотрели по сторонам и поэтому не видели нас, скачущих к воротам с противоположной стороны. За какие-то уны люди пробились через площадь и вырвались из города. На душе сразу же стало необычайно легко. Лаэн выбралась из смертельной ловушки. Толпа покойников даже не подумала продолжать погоню. Твари бросились к нам.

– Проклятье! – Гис натянул поводья, заставив легконогую лошадку встать на дыбы. – Не проскочим!

Он был прав. Мертвецы полностью перекрыли выход. Думаю, даже на полном скаку у нас не было никаких возможностей прорваться через

ворота. В такой толпе лошади так или иначе потеряют ход, а это сейчас смерти подобно. Против стольких противников мы не выстоим.

– Есть другой выход?! – Шен дышал так же тяжело, как и его конь.

– Да. За мной!

И опять пришлось петлять по улицам и удирать от тварей, которых язык не повернется назвать людьми. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что перестал их бояться. Так всегда бывает, когда страшного слишком много. Страх сам себя сжигает. Происходит пресыщение. Ты уже не чувствуешь ничего, кроме тупой усталости. Слишком привык, хотя, понимаю, как могут звучать мои слова со стороны. Но привыкнуть можно ко всему. Даже к толпам мертвых.

Кажется, мы проехали Плешь насквозь. Вылетели на темную улочку, никого не встретив, доскакали до ее конца и оказались на большой площади, служившей местным рынком.

Гонец придержал животину, начал осматриваться.

– Куда теперь? – спросил я.

– Помолчи. Дай подумать.

Небо уже порядком посветлело. Между пустых деревянных рядов рыночных прилавков серебрились тонкие нити тумана. Лошади фыркали и переступали с ноги на ногу.

– Река близко, – прошептал Шен.

– И кладбище, – сплюнул Гис. – Мы выехали не там, где я рассчитывал.

– Не стоит волноваться. Все кладбищенские обитатели сейчас в городе. А уйти по реке это реальный шанс выбраться из котла.

– Постараемся обойтись без купания, здесь недалеко дорога в поля. – Гонец развернул лошадь: – За мной!

Я бы мог возразить и рискнуть, отправившись дальше в одиночку, но не стал. Гис явно знает, что делает. К тому же, пока мы вместе, выжить проще.

Вновь улица, вновь неупокоенные. Мы неслись, ни на что не обращая внимания, я следовал сразу за гонцом, Шен за мной. Иногда приходилось прорываться. Здесь очень помогала мощь коня и прихваченный из комнаты Шена ским. Судьба меня берегла, я не упал, никто меня не стянул с коня и даже не цапнул. Не знаю, кому раньше принадлежал Жеребец, но он оказался хорош. Если выживу, куплю ему целый мешок овса. Не жалко.

Мы петляли, виляли, путали следы, пытались стряхнуть «с хвоста» то и дело наседавших на нас покойников. В какой-то момент я понял, что так смущало меня в последние минки. Больше не было слышно стука копыт за

спиной. Холодея, обернулся и не увидел ничего, кроме тройки порядком отставших от нас покойников.

Шен пропал. То ли замешкался и пролетел поворот, когда мы свернули, то ли что-то случилось с его лошадей, то ли выбили из седла. В любом случае, его с нами больше не было.

– Гис! – крикнул я. – Шен отстал!

Гонец кивнул, показывая, что услышал, но не остановился. Понимал, что искать парня на темных, кишащих мертвыми улицах бесполезно. И его не найдем, и сами пропадем. Выберется своими силами или умрет, теперь мы не властны над его судьбой. Мой попутчик знал это точно так же, как и я, так что даже не оглянулся.

Сожалел ли я, что щенок пропал? Да. Пожалуй. Несмотря на всю дерзость и гадкий характер, он был не так уж и плох. Во всяком случае, нас с Лаэн лекарь дважды спас, так что буду надеяться, что ему повезет пережить эту ночь.

Спустя короткое время мы вырвались из города и, нахлестывая лошадей, бросились прочь по запыленной дороге, ведущей в холмистые поля. Что же, я не ошибся в Гисе. Он смог вывести меня живым и невредимым. Проскакав еще немного, мы натянули поводья и, привстав на стременах, посмотрели на кутавшуюся в утреннюю дымку Плешь. Если бы не пожары, то ничто не говорило бы о трагедии, свалившейся на городок.

– Не будем задерживаться, парень. – Лицо Гиса блестело от пота.

– Сможем обогнуть город и выйти на Альсгарский тракт?

– Не думаю, что это разумная идея, – покачал головой мой собеседник. – Твои друзья уже далеко. Их надо нагонять, а наши лошади порядком устали. И я не рискну приближаться к Плеши. Пройдем полями. Я хорошо знаю путь. Через пять дней будешь в Альсгаре. Там и встретитесь.

– Как думаешь, парню удалось уйти?

– Я очень надеюсь на это.

По его глазам я видел, что он просто не хочет меня огорчать. Бросив последний взгляд на Даббскую Плешь, я кивнул гонцу, показывая, что можно отправляться в путь.

Глава 14

Тальки не соврала. Плетение и впрямь оказалось несложным. Проклятой хватило сил, чтобы с первого раза «перелить» себя в повешенного ею же капитана гвардейцев. Как только это случилось, ее спящая «искра», почувствовав «опору», вспыхнула, засияла, и Тиа задохнулась от восторга. Она завопила так, что позеленевший от страха капитан Най отшатнулся от ожившего трупа, споткнулся о лежащее на земле свиное корыто и грохнулся в навоз.

Впрочем, радость Тиф оказалась преждевременной. После пары проб Проклятая обнаружила, что возможности, дарованные временным телом, оказались не чета прежним. Со смертью истинной оболочки она слишком многое утратила. Ощущение легкости исчезло. Пропал восторг от прыжка в ревущий, непокорный водопад всесокрушающей мощи. В один миг Тиа стала самой слабой из Шести. Даже презируемая ею Митифа без всякого труда взяла бы над ней верх.

Обидно до зубовного скрежета!

Не успокаивало даже осознание того, что любая из Ходящих в лепешку бы разбилась, чтобы обладать нынешними возможностями Проклятой. Для выскочек из Радужной долины подобная мощь – дар богов. Но Тиф чувствовала себя обделенной. Ей оставалось только надеяться, что со временем все вернется.

Первостепенная задача – поймать щенка Целителя. Тиа несколько не сомневалась, что нагонит беглецов. Лучник, убив ее тело, сам того не ведая, поставил на себя «метку». Сейчас она указывала на запад и с каждым днем пути «горела» все ярче.

После того как Тиф ужесточила контроль, проблем с Порком стало меньше. Она никогда не причиняла другим боль для собственного удовольствия. Мучить любил Рован, и за это Проклятая его ненавидела. Но в сложившейся ситуации убийца Сориты посчитала, что данное средство не будет лишним, поскольку, как только ее дух «перетек» в мертвое тело Грая, полоумный обрел волю. Пришлось прибегнуть к воспитанию болью.

В этот же день она взяла лошадей и вместе с дурачком бросилась в погоню. Конечно, можно было прихватить с собой парочку олухов, чтобы впоследствии воспользоваться их телами, когда нынешнее придет в негодность, но Проклятая предпочла бы женский облик. От мужчин ее уже начинало мутить.

Как Тиф и предполагала, тупоголовый сидел в седле хуже соломенного пугала. Одной из Шести все время приходилось следить за подопечным. Несмотря на то, что теперь она не имела своей оболочки, ей требовались отдых и сон. В первую же ночь, как только Тиф заснула и ослабила «хватку», пастух решил сбежать. В тот момент, когда он отбежал на двадцать ярдов, Тиа в полной мере ощутила смысл слов Тальки о «собачке, выдернутой из конуры». Впрочем, с таким же успехом Проказа могла сравнить это с ощущениями лосося, которого подсекли и выхватили из воды. Узы, связавшие ее с дурачком, натянулись, и Тиф, точно пробка из бутылки шипучего морасского вина, вылетела из тела Грая.

Это было не самое приятное из ее пробуждений. Она так разозлилась, что едва не покалечила глупца. Больше Порк бежать не пытался. Дух дурачка бросил попытки бороться за тело, перестал выскакивать, точно морт из темного проема, сидел тихо, и на одну головную боль стало меньше.

По прошествии трех дней тело Грая пришло в негодность, и Тиа вновь пришлось «болтаться» за плечом тупой орясины. Это ее порядком раздражало. Подавив его волю, она взялась за управление чужим телом.

Чувствуя, что вот-вот настигнет людей, причинивших ей такое количество неприятностей, она гнала обеих лошадей, практически не спала и останавливалась лишь для того, чтобы дать животным отдых и накормить пастуха. Ей вовсе не было нужно, чтобы этот дурень умер.

На четвертый день Тиа вырвалась из Лесного края.

И хмуро подумала, что в обжитых местах у нее появился шанс найти новое тело и вновь прикоснуться к Дару. Должны же быть в этом захолустье покойники!

Покойников в округе оказалось куда больше, чем она ожидала. Местность ими просто кишела. Когда на дорогу выскочила четверка оживших трупов, Тиа, несмотря на удивление, действовала не раздумывая. Из-за Порка она не могла управлять куксами, а тем паче держать их под контролем. Поэтому ей понадобилась пара мгновений, чтобы создать плетение и оказаться в оболочке женщины с разорванным горлом. Проклятая коснулась Дара и, резко хлопнув в ладоши, разорвала узы Призыва, заставившие мертвецов «жить». Глаза у подбиравшейся к впадшим в столбняк лошадям троицы погасли, и твари бревнами попадали на землю.

– Хсссттхавай. – Из-за разодранной гортани это тело с трудом выдавало нужные звуки и хрипело точно умирающая от паралича змея.

Порк со страху упал с седла и теперь ползал по песку, умоляюще

заламывая руки и рыдая. Вид полуобъеденных живых мертвяков напугал его до умопомрачения. Даже штаны намокли. Тиф передернуло от отвращения. Неужели эта пытка никогда не закончится? Находиться рядом с таким ничтожеством противно до одури.

– Госпожа, – лепетал он, размазывая сопли. – Госпожа, они... они...

– Хсссттхавай похха я не хххасссехххдилась.

Это подействовало.

– Сссследи за лоххххадьми и будь ххххядом.

Он послушался. Тиф наконец-то могла заняться насущными проблемами. Ей было интересно, откуда здесь взялись куксы? Насколько она знала, никто из Избранных не должен находиться в этих местах. Бои идут на севере, и колдунам строго-настрого запретили приближаться к Альсгаре, пока Тальки не отдаст соответствующее распоряжение. Кто-то ослушался запрета? Или же?..

Она выругала себя за глупость и быстро проверила количество силы, витавшей над городком.

– Забехххи меня Бездна! – резко и ошеломленно выдохнула она.

Силы вокруг нее оказалось столько, что впору орать от восторга. В ней можно было купаться, черпать горстями, тратить без зазрения совести. Не жалея. Самое удивительное, что никаких сомнений, чей это «выплеск», у нее не было. Собственную «искру» мог опознать даже неумеха Первого круга. Все, что витало вокруг, когда-то принадлежало ей.

Больше всего это напоминало рассыпанный из огромного ведра бисер. И теперь Тиа, точно голодная рыба «заглатывала» силу, «вдыхала» ее, с каждой уной становясь все сильнее и сильнее.

Она готова была ликовать и петь.

Вот почему даже в теле мертвых она ощущала себя такой никчемной. Как же можно было забыть об этом?! Ведь в древних книгах упоминалось подобное явление! Да и после гибели Гиноры и Ретара случилось именно это – огромный выброс неконтролируемой мощи в мир и бесконтрольные куксы, сотнями поднявшиеся из могил.

Только сейчас Тиф поняла, почему Тальки тогда отправлялась в подобные места. Хитрая тварь говорила им, что едет принять под их власть куксов, а на самом деле старая змея забирала чужую силу! Вот где разгадка роста ее мощи! Она питалась тем, что осталось от ушедших в Бездну Двух.

Хитрая, опасная ведьма! Она всех провела! Всех! Захапала такую власть, а они, идиоты, только радовались, что грязную работу по усмирению куксов взяла на себя Проказа.

Старая карга!

Ну ничего! Тальки здесь нет, и дух Тиа вполне может впитать в себя хотя бы часть того, что потерял со смертью тела. Это по праву принадлежит ей и заставит «искру» гореть ярче.

Проклятая ликовала.

Она бродила по безлюдным, освещенным ярким солнечным светом городским улицам, собирая разбросанные тут и там крупницы Дара. Те витали не только в воздухе, но и обнаруживались в многочисленных зомби. С выявлением последних не было никаких проблем. Куксы чувствовали Порка и лошадей, бежали к ним, стремясь насытиться, но, повинаясь приказу Тиа, умирали во второй раз, выплескивая из себя бесценную силу.

Мертвых оказалось куда больше, чем она рассчитывала увидеть. Восставшее местное кладбище забрало в себя тех, кто еще прошлым вечером был жив. Лишь поздно ночью переполненная, точно бурдюк, Тиф остановилась и перевела дух.

Она сделала это. Собрала богатую жатву. Разожгла «искру» почти до прежнего состояния и избавила несчастный городишко от оживших покойников. Впрочем, последнее не входило в ее планы. Просто так получилось, и она отнюдь не считала это добрым делом. Как Проклятая и предполагала – в Плеши не осталось живых. Так что никто ей спасибо не скажет. Хотя в этом «спасибо» она нуждалась не больше, чем Порк в новых штанах.

Тиф раздраженно фыркнула, и стоявший перед ней пастух испуганно сжался, опасаясь гнева хозяйки.

Вот ведь нашла сравнение! Новые штаны для дурака были бы очень кстати. От этих уже порядком несло.

– За мной, – прохрипела она, и пастух все еще дрожа от пережитого за день ужаса, поплелся следом.

Во время блужданий по городу Тиа видела лавку, торговавшую готовой одеждой, и у нее созрела мысль переодеть блаженного в чистые тряпки. Дверь оказалась заперта изнутри. Женщина не стала стучать, а тем более пытаться открыть. Бесполезное занятие. Да и времени мало. Она выбила преграду вместе с косяком, потратив на это минимум силы.

– Хххозьми ведххххо. Хххазденьсся. Хххымойсса. Хххххххелись!

На лице Порка отразилась целая гамма чувств. Он не желал заниматься столь неприятным для себя делом, но под грозным взглядом мертвых глаз втянул голову в плечи, послушался и, подхватив ведро, поплелся к колодцу.

Проклятая вошла в лавку. Огляделась. Ей не понадобилось много времени, чтобы найти подходящую для Порка одежду. Чистое белье, новые

штаны, рубаха, а также хорошая куртка преобразили дурака. Тиф изучила его критическим взглядом и, оставшись довольна результатом, взяла тело под контроль, одновременно покинув труп женщины с разорванным горлом. Теперь было не так противно стоять за левым плечом слуги.

Как она и ожидала, «искра» после перехода потускнела, но собранная мощь осталась. Тиф потеряла целый день, но Дар куда важнее врагов. С ним у нее есть шанс вновь обрести бывшее могущество. А ничтожества не уйдут. Тиф чувствует их даже сейчас и обязательно нагонит, несмотря на то, что они решили запутать следы и предпочли хорошему тракту бегство через поля.

Тиа-Порк вскочила в седло и продолжила погоню.

– Через нар выберемся.

Я кивнул и застегнул куртку. Раннее утро было пасмурным, воздух холодным, еще не прогретым едва-едва проснувшимся солнцем, а земля теплой. На заросших невысокой травой полях лежал туман. Он уже до краев заполнил овраги и балки и теперь растекался вокруг, грозя вот-вот подняться с земли в полный рост и погрузить мир в молочную пелену.

Лошади шли еле-еле. Я оглядывался, вставал в стремянах, но разглядеть хоть что-то дальше десятка ярдов не представлялось возможным. Через двадцать минок я едва различал, что скрывалось в пяти шагах от нас. Мы ехали в густом, вязком и холодном молоке.

– Тут не нар, тут все три добираться будем. – Мой голос казался неприятно глухим.

– Не страшно. – Гонец разгладил усы. – Торопиться некуда.

Я насупился, но промолчал. Быть может, он никуда не торопится, а кое-кто спешит в Альсару. За четыре дня путешествия я весь извелся. Попытки «позвать» Лаэн окончились ничем. Она так и не восстановила силы после схватки в Песьей Травке. Я не знал, где мое солнце, что с ней, добралась ли она до Альсары? Не случилось ли чего в дороге? Неизвестность выводила из себя. Если бы я только мог, то гнал бы день и ночь, но далеко без смены лошадей не уедешь, так что приходилось беречь силы Жеребца. Без него я отсюда еще долго не выберусь. По моим подсчетам, до города еще три, быть может, четыре дня скачки. Надо только выбраться из проклятых полей на нормальную дорогу. Дальше будет легче.

Единственное, что грело мне сердце, так это мысль, что Лаэн сумела вырваться из Плеши.

– Думаешь о своей женщине?

Я хмуро посмотрел на Гиса.

– Не злись, – обезоруживающе улыбнулся он, словно и не заметив моего недовольного взгляда. – Я бы тоже о такой думал. Тебе повезло, парень.

– Знаю.

– Все будет в порядке.

– Остается надеяться, что ты прав.

– А я вот так и не решился связать себя узами с какой-нибудь женщиной, – неожиданно выдал он.

– Почему?

Гис задумался, затем пожал плечами:

– Наверное, просто не успел. Жизнь гонца, если ты понимаешь, о чем я говорю. Один день здесь, другой день там. Какая согласится на такое?

– Ты плохо искал. Поверь, есть и такие... Нам надо остановиться и подождать, – не выдержал я. – Ничего не видно.

– Глупости, – возразил гонец. – Заплутать не заплутаем, это я тебе точно говорю. Слушай, я давно хотел спросить о том, что сказал Лук про Лаэн...

– Нет. Она не Ходящая и не Огонек, – ровным голосом ответил я.

– Почему тогда он ее так называл?

– Не знаю. У него спроси.

Какое-то время мы ехали молча, пытаюсь рассмотреть в тумане хотя бы намеки на дорогу. Без толку.

– Слышишь?.. – внезапно спросил Гис. – Вот! Опять! Похоже на колокольный звон. Слышишь?!

Издали, приглушенное расстоянием, долетело едва слышное «ом-м-м».

– Ты прав. Деревня близко?

– Не знаю, не знаю. – Он выглядел обеспокоенным. – Выходит, мы забрали гораздо западнее, чем требовалось... Если только Псарьки... Слишком рано, не находишь?

– Рано для чего?

– Для службы во имя Мелота. Почему звонит колокол?

«Ом-м-м», – донеслось в ответ.

– Или по кому, – усмехнулся я. – У меня не так много стрел.

Гис покосился на мой полный колчан:

– Считаешь, это опять мертвые?

– А ты нет? Если они были в Плеши, то почему бы им не появиться и здесь? Не слишком умно туда соваться.

– У нас мало еды. И я гонец. Должен проверить, чтобы рассказать, что

там произошло.

– Должен кому?

Он остался невозмутим:

– В первую очередь самому себе.

– Как знаешь. У тебя своя голова на плечах. Если не терпится, можешь сунуть нос, не возражаю. Но я не собираюсь. Да еще в таком тумане. Велика радость, когда откуда ни возьмись выскочит десяток покойников. Зачем понапрасну рисковать собственной шеей?

– Неужели тебя так напугал колокольный звон? – изумился он.

– Представь себе. Я с детства трусоват, – холодно отозвался я.

– Не говори ерунды. Я видел, как ты вел себя в городе. Не все храбрецы смогут такое выдержать. Не понимаю твоих опасений. Мало ли почему они решили бить в набат...

– А я не понимаю твоего непонимания. Сказал же, что там может быть опасно. Мне это не надо. К тому же странный набат, не находишь? Иногда между ударами больше минки проходит. А порой так один за одним идут, отзвучать не успевает.

– Напились небось.

Отдаленное «ом-м-м» было ему ответом.

– Ты точно решил? – спросил гонец.

– Точнее некуда. Я не поеду туда за все сорены Империи. И тебе не советую.

– Значит, наши дороги расходятся.

Мой спутник сказал это без злобы, приняв отказ, как нечто само собой разумеющееся:

– Держись к западу. Через четверть лиги повернешь на север и выберешься за деревушкой на дорогу. Нара через три окажешься на Альсгарском тракте. Желаю тебе найти Лаэн, парень.

– Удачи. Если передумаешь, нагоняй. Поеду медленно.

Гонец махнул рукой, мол, езжай, как хочешь, и спустя несколько ун туман поглотил и его и лошадь. Я прислушался к разносящимся по округе редким ударам колокола, затем скомандовал Жеребцу:

– Вперед.

Конь одобрительно фыркнул и, осторожно переставляя копыта, побрел на запад. Во всяком случае, я надеялся, что запад был в той стороне, куда мы направились. Без солнца понять это весьма сложно.

Отчего-то именно сейчас я вспомнил о Шене. Интересно, выжил ли он? Почему отстал? Удалось ли ему выбраться из Плеши? Дерзкий щенок, но я не хотел бы, чтобы он умер.

«Ом-м-м!»

Даже если с деревней все в порядке, и они там упились по случаю чьей-нибудь свадьбы или похорон, а затем от нечего делать решили погудеть, я не видел причин задерживаться. Гис полный дурак. И что на него нашло?

Голос колокола и туман сплелись в кошмарный призрак, и я порадовался, что не имею богатого воображения. А то было бы совсем плохо. И так каждую уну ждешь, что на тебя кто-нибудь выскочит.

Я ехал уже достаточно долго, но знал, что продвинулся совсем немного. То и дело встречались широкие канавы и оросительные каналы, а затем потянулись крестьянские поля. Пришлось кружить, забирать правее, дважды возвращаться, чтобы объехать неглубокий, но длинный овраг. Пока я вилял и петлял, с юга подул легкий ветерок, и туман начал редеть. Больше он не висел плотной пеленой, в нем начали встречаться прорехи, и видимость улучшилась. Теперь я мог спокойно рассмотреть то, что находится в пятнадцати ярдах от меня.

«Бом-м-м-м!»

Звон прозвучал столь отчетливо, что я вздрогнул. Посмотрел направо. Темное пятно проступало сквозь белоснежную дымку. Сам того не ведая, подобрался к деревне куда ближе, чем хотел. Вон, видны дома на окраине.

«Бом-м-м-м!»

Проклятый звонарь! И чего его свои с колокольни не стянут? Неужели нравится? Ругаясь сквозь зубы, я направил Жеребца обратно в поля, подальше от деревни. То и дело оглядывался через плечо, затем не выдержал, слез с лошади и натянул на лук тетиву. Так спокойнее. Правда, для стрельбы с седла мое оружие несколько великовато и неудобно, но я справлюсь.

Через несколько минок Жеребец резко остановился и недовольно всхрапнул. Дорогу преграждал высокий плетень. Сразу за ним виднелись какие-то постройки.

«Бом-м-м-м!»

Вот незадача! Я все же умудрился заплутать и вновь выехал к деревне. Все говы мира! Выходит, ездил кругами.

«Бом-м-м-м!»

Кажется, мне не удастся избежать Псарьков.

– Проедем через деревню, дружище? – поинтересовался я у Жеребца.

Тот не возражал и миролюбиво дернул ухом.

– Ну, раз решили, – пробормотал я и легонько сжал колени (руки были заняты луком, и я не мог отвлекаться на уздечку), заставляя животину

двинуться вдоль плетня.

Справа и слева появлялись из тумана аккуратные невысокие крестьянские домики. Двери заперты, окна целы, никаких следов разгрома. Даже грядки не потоптаны. Улочка пуста. Ни детей, ни кур, ни кошек, ни собак. Будто разом все исчезли. Пыльная дорога, брошенная у богатого дома неразгруженная телега. Дрова как лежали, так и лежат. Над трубами не видно даже малейшего намека на дым.

Калитка, ведущая к одному из домов, распахнута настежь. Я бросил мимолетный взгляд на покосившуюся хибару, старую и неопрятную, казавшуюся совершенно неуместной на зажиточной улице. Дверь, оказалась сорвана с петель. Темный провал проема зиял, точно распахнутая пасть демона. Я поскорее поехал прочь. Мало ли что.

Туман редел, видимость улучшилась, и я различил деревянный храм Мелота и колокольню, верхушка которой терялась в белом мареве.

«Бом-м-м-м!»

Среди оглушающей тишины звон колокола был неожиданно резким. Неправильным. Кощунственным. Это все равно что орать разгульные кабацкие песни на кладбище. Я огляделся и не заметил ничего подозрительного. Подвел Жеребца к ограде, привязал. Надо проверить, кто там такой прыткий. Ужасно чесались руки сбросить глупого звонаря с самой верхотуры вниз. Чтоб он мордой об землю шмякнулся.

Дверь колокольни распахнута.

«Бом-м-м-м!»

– Ну, держись, гнида, – процедил я, взял лук в левую руку, все равно в узком помещении от него нет толка, вытащил из-за пояса топорик и начал подниматься по узкой, спиральной лестнице. Доски под ногами предательски скрипели, я морщился, досадуя на старую постройку. Тот, кто находился на звонарской площадке, мог меня услышать.

Оставалось пройти один лестничный пролет. Я преодолел его в три прыжка, вылетел наверх и едва не врезался в звонаря. Точнее в его ноги.

Какой-то остроумный шутник повесил несчастного на веревке, привязанной к языку малого колокола. Слабый ветерок едва-едва раскачивал тело. Вот откуда колокольный звон!

Все оказалось гораздо хуже, чем я думал. Если звонарей вешают в храмах, то это уж очень лихие и бесстрашные люди. Такие прибьют и имени не спросят. Что же они со всеми остальными сделали?

Пришлось повозиться, прежде чем удалось перерезать веревку на тощей шее. Труп ухнул на доски, и колокол наконец смолк.

Я стоял на открытой всем ветрам площадке. К сожалению, ниже перил

начиналась плотная завеса тумана, и осмотреться не получилось. Придется и дальше ехать «на ощупь», и отправляться в путь надлежит как можно быстрее. Сюда в любой момент могут заявиться те, кто так жаждал слышать колокольный звон. Проверить, почему он стих. Мне следует вернуться обратно в поля, ибо с теми, кто подвесил беднягу, встречаться не стоит. Я начал спускаться вниз, думая о том, что шутки незнакомцев плохо пахнут, и надеясь, что Гис все еще цел и невредим. Пока я торчал наверху, на деревенской улице ничего не изменилось. Жеребец ждал меня там, где я его оставил. Конь шел легко, туман глушил звуки копыт, так что можно было не опасаться, что меня кто-нибудь услышит.

Оседланная лошадь выскочила из-за высокого плетня внезапно и едва не пролетела мимо, я лишь в последний момент успел схватить ее за узду. Эта животина по кличке Муха принадлежала Гису. Мелот! Что приключилось с гонцом? Конечно, мой бывший спутник вполне мог взять и упасть. Муха могла сбежать, если была плохо привязана. Ну и, конечно, худший вариант – Гиса могли убить. Весь вопрос в том, кто или что это сделало? Гонцу явно не повезло, но пусть винит в этом только себя. Я не буду искать его и проверять, что случилось. У него свои интересы, у меня – свои. Еще не хватало сложить из-за чужой глупости голову.

Я уже почти выехал из деревушки, когда разглядел кое-что неприятное. Резко осадил Жеребца, соскользнул с седла. Заметили или нет?!

Взяв под уздцы, повел животных назад, молясь Мелоту, чтобы те ненароком не заржали. Теперь звук копыт уже не казался мне таким тихим, как прежде. Оставив лошадей на попечение ближайшего забора, я вооружился луком и, не спуская глаз с туманной пелены, пошел вперед.

Их было шестеро. Смуглые, черноусые, бритоголовые, в шафрановых халатах и тюрбанах. Дорогие широкие пояса, кривые сабли, короткие составные луки. Не ожидал, что встречу сдисских воинов в таком глубоком тылу Империи. Не было времени думать, как они здесь оказались и что им надо. Среди шестерки солдат я увидел Гиса. Он лежал на земле, связанный по рукам и ногам, а лысые стояли над ним и, похоже, оживленно обсуждали на гортанном певучем наречии, как лучше его прикончить. Ребята были так заняты разговором, что не обратили на меня ровным счетом никакого внимания. Грех не воспользоваться таким случаем.

Прежде чем они опомнились и поняли, откуда летят стрелы, я убил одного и тяжело ранил другого. Двое бросились к лошадям, третий потянулся к луку, четвертый выхватил саблю теперь уже с явным намерением прикончить Гиса. Пришлось поторапливаться.

Щека на мгновение ощутила касание оперения, и облаченный в шафрановые цвета воин упал рядом с гонцом. Одним меньше.

Лучника я опередил на уну. Он как раз собрался посостязаться со мной в точности стрельбы, но схлопотал стрелу в грудь, и ему стало не до меня. Короткий, не чета моему, лук дрогнул в ослабевших руках.

Между тем двое всадников уже летели на меня, подвывая и размахивая саблями. Бежать бесполезно, стрелять поздно. В последний момент, едва не оказавшись раздавленным несущейся лошадью, мне удалось отскочить в сторону. Я пригнулся, избегая клинка. Оба противника пролетели мимо и скрылись в тумане, прежде чем я успел прицелиться.

Они, конечно же, вернулись.

Как только в белой пелене появилось темное пятно, я выстрелил, и один сдисец упал с лошади. Последний из этой чудной компании оказался хитрым парнем. Он не стал переть напролом, спешился и едва не поймал меня, выскочив с той стороны, откуда я его совсем не ждал. Лишь окрик Гиса предупредил меня об опасности. Луком я воспользоваться не успел. Пришлось самым банальнейшим образом драпать от сабли смуглокожего уродца. Он с залихватскими воплями бросился следом за мной, но надо сказать, что этот кривоногий увалень бежал не так быстро, как бы ему хотелось. Так что как только между нами появилось худо-бедное расстояние, я без труда подстрелил этого парня.

– Не ожидал тебя встретить, – вместо приветствия сказал гонец.

Я молча перерезал веревку у него на руках. Затем на ногах.

– Ловко ты их перещелкал, – кивнул он в сторону мертвецов. – Привычное дело?

– Как ты попался? – Я проигнорировал вопрос.

– Э-э-э... – Мой спутник перестал растирать запястья. – Тупой стрелой, словно глупую утку, подстрелили. С лошади грохнулся, они меня и спеленали. Твоя помощь оказалась очень кстати. Спасибо.

– Не за что, – сухо сказал я. – Я не собирался тебя искать.

– Понимаю, – усмехнулся он. – Остается только благодарить Мелота, что ты заглянул на огонек.

– Вставай. Надо уходить.

– Рад бы, да голова все еще гудит, – прокряхтел он, доставая фляжку с реской. – Крепко я об землю-то. Дай мне несколько минок, чтобы прийти в себя.

– Ты знаешь, что здесь случилось? Куда все делись?

– Нет. Может, сбежали, может, их угнали, убили, съели, превратили в бабочек, в конце концов, – хмуро отозвался Гис. – Никого, кроме сдисцев,

здесь не было. Ни тел, ни следов.

– Ну, насчет покойников – ты зря. Один из них звонил в колокол.

Я быстро рассказал ему о повешенном.

– Эта шутка в духе наших общих знакомых. – Гонец выразительно посмотрел на убитого лучника. – Как говорят, они мастера устраивать такие вещи.

– Ерунда. Высокородные из Сандона заткнут их за пояс. Да и наши ребята из приграничных гарнизонов с ублюдками из Дома Бабочки^[41] подобные фокусы проделывали чуть ли не ежедневно.

– Ты участвовал в той войне? – живо заинтересовался он.

– Приходилось, – неохотно ответил я, ожидая шквала вопросов. Но он лишь кивнул:

– Сейчас бои идут на севере и востоке, и я никак не ожидал увидеть сдисский разъезд так далеко на западе Империи. Как они вообще умудрились столь глубоко забраться и миновать все патрули и заставы?

– Вестимо, как. Полями да лесами. Другое дело – что им здесь понадобилось? Какой Бездны они поперлись так далеко, да еще и вшестером.

– Это мог быть разведывательный отряд передовых сил. Крутятся недалеко от Вороньего Гнезда. Альсгару до сих пор не трогали, быть может, пришло ее время. Сколько их – мы не знаем...

– И не собираемся проверять. – Я встал на ноги. – Пойду приведу Жеребца.

– Боюсь, я не уеду отсюда, пока не найду Муху. Она дала деру.

– Тебе повезло. Далеко твоя кляча не убежала. Скоро вернусь.

Оставив Гиса, я пошел за лошадьми и остановился как вкопанный, когда увидел, что рядом с Жеребцом и Мухой появилось еще две животные.

Прежде чем я успел сообразить, откуда взялось такое чудо, что-то подсекло мои ноги, и я со всей дури рухнул на спину, да так, что клацнули зубы. Не обращая внимания на боль, откатился в сторону, начал вставать и тут же вновь получил от невидимки удар по ногам. Снова упал, вновь попытался вскочить, одновременно вертя головой в надежде рассмотреть неведомого врага.

На этот раз мне повезло, и я увидел выбежавшего из тумана человека. Вскинул лук и почти сразу же с воплем отбросил его в сторону. Оружие вспыхнуло ярким пламенем, и я только чудом не обжег ладони. Между тем незнакомец оказался рядом, вновь сбил меня с ног и, всей тяжестью придавив к земле, вцепился руками мне в шею.

– Попался! – взвыл он замогильным голосом.

Я попытался сопротивляться, но неизвестная сила не давала даже пошевелиться. Стальные пальцы безжалостно сдавили горло.

– Где они?! Где мальчишка и девка?! Говори! – вопил ненормальный. До него явно не доходило, что еще немного, и я вообще уже ничего никогда никому не скажу.

Ни разу в жизни не попадал в такие переплеты. Даже когда на виселицу вели, было проще. Легкие горели, я пытался втянуть в себя хоть каплю воздуха. В ушах шумело. Именно в этот момент я узнал своего врага – это был не кто иной, как дурачок Порк из Песей Травки. Он очень изменился, и глаза у него горели белым огнем. Подоспевший Гис ударил идиота ногой в лицо, и это заставило того отпустить мою шею. Я тут же обрел возможность сопротивляться, сбросил противника с себя. Он зарычал, прыгнул, и тут произошло невиданное. Гонец выхватил из сумки короткий витой, украшенный красными камнями жезл, сердито направил его на нападавшего. Порк дернулся, замер. Лицо его исказилось, и в следующую уну он ничком повалился на землю, забившись в конвульсиях.

– Живой? – как ни в чем не бывало, спросил меня Гис.

Я отчаянно кашлял и растирал несчастную шею. Дурак оказался удивительно силен. Можно считать чудом, что он не сломал мне позвонки.

– Эй! Ты живой?! – не унимался Гис.

– Твоими стараниями, заклинатель, – просипел я. – Твоими стараниями.

– Ну что же... – помолчав, сказал он. – Я рад, что тебе не надо ничего объяснять.

– Только дурак... не поймет, что за люди... носят витые жезлы с рубинами.

Гис усмехнулся и неожиданно спросил:

– Ты знаешь его?

– Да. Порк. Из той деревни, где я жил последние годы. Ума не приложу, как он здесь оказался.

В этот самый момент дурак застонал, сел, потряс головой и уставился на нас. Его глаза больше не были белыми, а вновь стали голубыми.

– Ну, теперь-то мы поговорим. – Я с решительным видом направился к нему.

Пастух, поняв, что его будут бить, тоненько взвизгнул и закрылся руками.

– Нет! Не надо! Это не я! – заныл он. – Пожалуйста! Я хороший!

– Нэсс! – негромко окликнул меня Гис.

– Что? – Я остановился на полпути и раздраженно посмотрел на него.

– Оставь его. Он не виноват.

– Не виноват! – подхватил Порк и почему-то опасливо оглянулся. – Это все хозяйка. Она заставила. Да!

– Ты-то откуда знаешь? – не обращая внимания на слова дурака, спросил я у Гиса.

– Это очевидно. У твоего знакомого все признаки одержимости. И очень странной.

– Ты хочешь сказать, что в нем засел кто-то из твоих «друзей»? – недоверчиво поинтересовался я у него.

– Ну, во-первых, демоны не мои друзья. Уж ты-то не уподобляйся серой массе. А во-вторых, то, что связало его, не демон. С подобным я никогда не сталкивался.

– Но сейчас он выглядит... – я хотел сказать «нормальным», но вовремя сообразил, что подобное слово к деревенскому дурачку совершенно не подходит.

– Не одержимым? – подхватил Гис. – Ничего удивительного. Мне на время удалось избавить молодого человека от его спутника... эй! Эй! Стой!

Я обернулся и увидел, что Порк улепetyвает от нас так, что пятки сверкают. Ну, правильно, не будет же он ждать, когда мы наговоримся и устроим ему головомойку. Я вслед за Гисом бросился вдогонку.

Ухлестал пастух быстро. Скрылся в проклятом тумане, и какое-то время мы бежали наугад, надеясь его догнать.

– Бесполезно! – наконец сдался я. – Должно быть, он свернул в сторону, и мы пробежали мимо. Дерьмо! Теперь, ищи ветра в поле!

Я начал жалеть, что не всадил в спину дурака топорик. Хотел взять живым, и вот результат. Ушел, как вода в песок. Теперь не дотянешься.

– Не хочу тебя расстраивать, но надо убираться как можно скорее. – Гис не расставался с жезлом.

– С чего такая прыть? – раздраженно спросил я, злясь на него и на себя за то, что упустил Порка. – Нар назад тебя было не уговорить проехать мимо.

– Понимаешь, в чем дело, парень, – растягивая слова, сказал он, пристально вглядываясь в туман. – Я, конечно, не прочь здесь задержаться, но наш общий друг, а точнее то, что им управляет, обладает пускай слабой, но вполне реальной магией. И я, при всем своим немалом опыте, не хотел бы столкнуться с ним в тот момент, когда он вновь возьмет власть над тем беднягой. Так что очень тебя прошу, перестань скалить зубы, и едем.

Вид у него был очень встревоженный, и я решил не спорить.

Меньше чем через нар мы оказались на тракте, а уже к вечеру сидели в хорошем придорожном трактире, и все, что случилось утром, могло бы показаться сном, если бы не одно «но» – следы от пальцев неудачливого душителя на моей шее.

История с Порком выходила очень и очень странной. Мне не давал покоя вопрос, как он нашел меня и что ему было нужно? Почему напал? О ком спрашивал? При чем тут я? В первую минку я вообще его не узнал. Одет куда приличнее, чем всегда, да и внешность изменилась. Казалось, что кто-то вылепил ему новое лицо. Между Порком прежним и Порком настоящим была вполне заметная разница. Он мало походил на того идиота, которого я видел едва ли не каждый день, пока жил в Песей Травке. Вполне обычный парень, лишь немного странноватый. Ну и глаза невозможного белого цвета.

Что? Что, побери меня Бездна, происходит? И почему Гис говорит, что придурок одержим и обладает магией? Вечное посмешище всей деревни – маг?!! Не смешите! Впрочем, заклинателю, наверное, виднее.

Вот, кстати, еще одна неожиданность сегодняшнего дня – серая пропыленная мышка оказалась львом.

Я отставил так и нетронутую кружку с шафом в сторону и мрачно уставился на того, кого уже привык называть гонцом. Он поймал мой взгляд, ухмыльнулся в усы.

– В чем дело? – недовольно спросил я.

– Ты о-очень терпеливый человек. Весь день молчишь, как упрямый йе-арре или гордый Высокородный. Хотя по глазам вижу, что вопросов у тебя больше, чем зубов у нирит. Спрашивай.

– Кто ты такой?

– Хм. А ты не ходишь вокруг, да около.

– Представь себе, не обучен. Я даже имени твоего не знаю.

– Можешь называть меня Гис. Это настоящее имя.

– И ты...

– Только говори тише, – быстро бросил он. – Зачем тревожить добрых людей?

Тут он прав. В трактире полно посетителей, и если эти земледельцы, торговцы, путешественники, а также вояки из ближайшего гарнизона узнают, что рядом с ними сидит кое-кто из Алого Ордена, начнется такое! Думаю, сильнее они переполошились бы только при встрече с некромантом. Ходящие, Наместники и сам Император признавали существование заклинателей вынужденной необходимостью, обычные люди таких, как Гис, боялись.

Говорили, что Алые обладают своей, очень странной магией, которая не действует на обычных людей, но прекрасно управляет разномастными демонами и духами. А как несложно было догадаться, того, кто может повелевать столь свирепыми и страшными созданиями, опасались пуще Проклятых. Проклятые далеко. За Самшитовыми горами, Набатором и Великой пустыней. А Алые – вот они. Рядышком. И тьма знает, чего учудят. Но точно – ничего хорошего.

Я так не считал. Ни разу не видел, чтобы заклинатели совершили что-нибудь плохое. Даже если бы они хотели это сделать, Ходящие живо нашли бы на них управу, так как любой, даже самый сильный усмиритель демонов без своих штучек, жезлов и книг Призыва не опаснее обычного человека. Что до магии – заклинателя без труда может скрутить даже самый слабый из Огоньков. Но алые одежды не обладали «искрой». Все их возможности основывались на долгой учебе, хорошей памяти, ну и массе артефактов. Как шутили некоторые умники – при должном старании можно и мартышку выучить на повелителя демонов.

– Ты не очень похож на заклинателя, – сказал я, понизив голос. – Скорее на...

– Гонца? – Его узкое лицо выглядело донельзя довольным.

– Есть немного. К чему маскарад?

– Пробовал когда-нибудь путешествовать в алой одежде?

– Нет.

– И не советую.

Как я уже говорил, тех, кто якшается с демонами, мало кто любил. Дороги длинные, и на них может произойти любая неприятность. Включая и арбалетный болт из кустов. А от него не спасут и все демоны Бездны. Так что здесь Гис прав – для длительных прогулок лучше иметь в запасе что-то поскромнее красного шелка и бархата. Например, одежду гонца.

– Что заставило Магистра отправиться в путешествие?

Он так изумился, что не удержался и дернул себя за моржовый ус:

– Ты не перестаешь меня удивлять, парень.

– Полно. Жезл с камушками такого размера простым аколитам не полагается.

– Позволь мне умолчать о своих делах.

– Но все то, что ты нам рассказал о Гаш-шаку, правда?

– Да. Город в осаде. Я едва успел его покинуть. И все остальное тоже правда.

Я хмуро кивнул.

– Рад, что, в отличие от многих, ты не шарахаешься от меня, –

неожиданно выдал он.

– А должен?

– Многие именно так и поступают.

– На самом деле, мне все равно, кто ты такой, а уж до причин твоего путешествия и вовсе нет никакого дела.

– Тем лучше для нас обоих. Скажи, тот человек, что так самозабвенно стискивал твое горло... Он всегда так поступает со знакомыми?

– Уже не знаю. Раньше подобного за ним не замечал. Если честно, вообще не понимаю, что происходит. Ты говорил, что это связано с демонами.

– Разве? Что-то не припомню такого.

– Про одержимость мне показалось?

– Одержимость вызывается не существами из Бездны, а духами.

– Да какая мне разница! Ты хоть как-то можешь объяснить то, что с ним случилось?

Гис нахмурился, сцепил пальцы в замок, хрустнул суставами:

– Парень одержим, об этом я уже говорил. Но как-то странно. Я, – он специально выделил это слово, – с подобным никогда не сталкивался. Да и в книге Призыва о таком случае ни разу не упоминалось.

– Весь вопрос, где наш деревенский дурачок умудрился откопать столь паскудную дрянь?

– Не знаю, не знаю. Он мог найти ее где угодно. Или она его, благо сознание умалишенных всегда открыто для подобных существ. Поблизости от вашей деревни не было никаких древних могильников, заброшенных поселков или еще чего-нибудь такого?

– Нет. Но думаю, свинья всегда найдет, где испачкаться.

Он задумчиво кивнул, затем вспомнил о тарелке и с огорчением посмотрел на остывшую еду.

– Поначалу увидев паренька, я решил, что это разбойник. Потом что-то дернуло меня посмотреть на него по-иному. Скажу тебе, увиденное меня поразило. Как будто некто стоял за его спиной и дергал за ниточки. И у этого некто ни много ни мало – был Дар. Его вполне хватало на то, чтобы навсегда обездвигить тебя. Так что я не стал мешкать...

– ...достал жезл и прикончил тварь, – закончил я за него.

– Боюсь, что нет, – помрачнел он. – Убить или хотя бы изгнать мне не удалось. – Было очевидно, что Гис уязвлен до глубины души. – Оно оказалось столь далеко от всего, с чем я сталкивался ранее, что ни одна из известных мне формул изгнания не действовала. Ты понимаешь, о чем я говорю, или надо проще?

– Понимаю. Продолжай.
– Ну, в общем, мне удалось на краткое время «перерезать» ниточки и дать парню свободу. Ты же видел, что он пришел в себя.
– А куда делся дух?
– Затаился до поры до времени, я полагаю.
– И его нельзя победить?
– Победить можно все. Весь вопрос – как? Полагаю, если уничтожить физическую оболочку, за которую держится дух, появилась бы некая вероятность от него избавиться.

Я лишь скрипнул зубами. Уже во второй раз жалею, что не отправил пастуха в Счастливые сады. Это следовало сделать еще в тот момент, когда Гнус выволок его из кустов на ту злополучную поляну.

– На самом деле нам повезло. Если бы я не застал Духа врасплох, все могло закончиться плачевно. Я вот о чем подумал. А не было ли в вашей деревне Ходящей или Огонька?

– Что они у нас забыли? – удивился я.

– Хм... Ну, может, проездом... Просто пытаюсь понять, откуда взялась столь странная сущность. Спорю на собственный жезл, что при жизни это был маг.

– Все может быть.

– Значит, не видел никого похожего? Странно... – Он нахмурил кустистые брови.

– Что же тут странного?

– Да есть у меня теория... предположение, – тут же поправился он, думая, что я не знаю значения первого слова. – Если бы рядом с твоим Порком умер маг, то его дух вполне мог воспользоваться оказией и...

Он не закончил и, огорченно вздохнув, занялся едой. А я сидел ни жив ни мертв. Так как, в отличие от Гиса, знал, какой маг умер в Песей Травке.

Проклятая!

Убийца Сориты!

Тиф!

И Порк, насколько я помню, находился недалеко от нее.

Неужели я прав? Неужели гадине удалось невозможное, и она выжила, после удара Целителя и моих стрел?! Молва всегда утверждала, что Проклятые живучи, но ведь не настолько же! И все-таки если она уцелела и перевоплотилась в Порка, то тогда понятно, кого искал «пастух». Шена и Лаэн!

– Эй! Дружище. С тобой все в порядке? – участливо осведомился Гис, поливая соусом мясо.

– Да, – сказал я и через силу улыбнулся.

Через день после того как страшная хозяйка, так долго обижавшая и пугавшая Порка исчезла, пастух перестал каждую уну оглядываться через плечо. После встречи с плотником Парсом, который едва не побил его, госпожа больше не появлялась. Поначалу Порк не верил в свалившееся на него счастье и ожидал, что страшная женщина в любой момент вернется. Поэтому дрожал как осиновый лист на сильном осеннем ветру. Он был испуган, голоден, все тело болело, хотелось домой.

Какое-то время дурачок еще прятался в деревне, опасаясь встретить погнавшего за ним рассвирепевшего плотника, а когда опасность миновала, даже осмелился залезть в один из пустых домов и украсть несколько луковиц. Это хоть как-то утолило голод, и Порк вознамерился возвращаться домой. Там хоть и приходилось терпеть побои отца и насмешки окружающих, зато всегда кормили и не пугали страшными живыми покойниками.

Приняв решение, он вышел из деревни, но направился в совершенно противоположном направлении, чем то, которое должно было привести его в Песью Травку. Не зная об этом, дурачок уверенно шел по бескрайним полям. По дороге он не встретил ни одной живой души, не считая многочисленных в этих местах сусликов. Порк так проголодался, что предпринял попытку поймать хотя бы одного из них. Несмотря на то, что зверьки казались толстыми и неповоротливыми, бегали они быстро и чуть что прятались в норках. Порк сунул руку в ближайшую нору и тут же был безжалостно укушен за палец. Именно в этот момент его угораздило оглянуться и увидеть искаженное яростью «лицо» хозяйки.

Сразу после этого пришла боль.

Глава 15

Последний раз я лицезрел легендарные стены семь лет назад, после того как мы с Лаэн прикончили Ходящую и спешно свалили из южной столицы. В лучах восходящего солнца мощные укрепления, башни и шпили храмов Альсгары казались выточенными из розового мрамора. Завораживающее зрелище, если быть честным. Особенно для тех, кто видит великий тысячелетний город впервые.

Сам Скульптор когда-то приложил руку к постройке оборонительных стен и башен, вложив в древние камни столько магии, что никто за всю историю Империи не смог взять город штурмом или разрушить созданное великим магом. Альсгара пережила и набаторцев, и флот Золотой Марки, и мятежных Наместников, и Темный Мятеж, и Войну Некромантов.

Огромный город окружали шесть крепостных колец. Три крайних жители выстроили через несколько столетий после смерти Скульптора: богатая Альсгара разрасталась с каждым годом, и дома давно вышли за пределы первых трех рядов. Рост продолжался и сейчас, вот только нынешний Наместник не очень-то спешил опустошать казну для того, чтобы прикрыть мягкое подбрюшье того, что местные называли Голубиным городом, а приезжие Пригородом. Впрочем, до последнего года в обороне этой части Альсгары не было нужды – Империя уже давно ни с кем не воевала. Теперь же строить укрепления – слишком поздно. Не успеют.

Жемчужина юга располагалась в широкой зеленой долине реки Орсы, берущей свое начало в Самшитовых горах. Узкая и быстрая возле пиков, здесь она разливалась на четверть лиги и перед впадением в море становилась неспешной, сонной. Город как раз находился между морем и Орсой. Западная его часть выходила на Лунный залив (там же был порт), южная – на реку.

Я ехал вдоль речного берега, то и дело поглядывая на находящуюся на той стороне Альсгару. Несмотря на ранищу, перед паромом скопилось достаточное количество народа. Пестрая толпа обсуждала самую главную тему – войну. Говорили о вновь собранной Второй армии, стоявшей в одном переходе от города, и о том, доберутся ли сюда набаторцы и страшные некроманты или их сумеют остановить у Гаш-шаку, Перешейков Лины и Лестницы Висельника. Судя по разговорам, ничего с того момента, как мы встретили Гиса, не изменилось. Он рассказывал нам о том же, а это

могло означать только одно – наши еще держатся и не собираются отступать.

Как я и ожидал, о Проклятых не было сказано ни слова. То ли Шестеро не спешили себя проявить, то ли Ходящие не торопились объявлять простым людям, с кем им пришлось столкнуться. На мой взгляд, последнее – очень разумно. Страх побеждает армии ничуть не хуже мечей и магии.

Переправиться удалось быстро – три сола стражнику у парома позволили мне избежать очереди.

– С юга? – спросил он, пробуя одну из монет на зуб.

– Точно.

– И как?

– Тихо как в болоте. А здесь?

– Тоже. Давай проезжай. Нет у меня времени языком чесать.

Я ввел упирающегося Жеребца на сходни. На пароме пахло сырыми досками, смазкой для цепей, потом, лошадьми и рыбой. Моим соседом оказался тощий парень с бородавкой на носу – мелкий торговец сукном. За время неспешного плавания я успел хорошо его порасспросить и послушаться о том, что происходит в городе. Ситуация была не сахар. Впрочем, мне на это плевать. Главное, сделать дело, смыться, а потом пусть все горит синим пламенем.

– Цены взлетели в три раза против тех, что были в начале весны. Наместник налогов добавил. Стража лютует, – продолжал жалобы торговец.

– А что порт? Закрыт? – с замиранием сердца поинтересовался я.

– Порт? Нет, корабли ходят. Но не часто. Чужестранцы сейчас редкие гости, мало кто хочет сюда лезть. Только те, кто слишком жаден. Зарабатывают на товарах. В основном моряки из Сина и контрабандисты. Горло Золотой Марки перекрыто набаторским флотом. Говорят, что пока пропускают все корабли, кроме наших.

Все, что меня волновало, я узнал, и дальнейшие жалобы безымянного торговца слушал вполуха. Можно перевести дух и немного расслабиться. Самую капельку. Порт открыт, морские пути, по большей части, не опасны. Есть куда плыть и кроме Золотой Марки. Что самое главное – корабли ходят. А значит, всегда можно договориться с каким-нибудь капитаном, чтобы он взял нас на борт и увез куда подальше. Перед отплытием остается малость – найти Ласку, встретиться с Йохом и передать все наше с Лаэн неудовольствие его «нехорошим» поведением.

Барабан парома с гулким стуком выбирал из темной воды толстенную цепь, и берег с каждой минкой был все ближе и ближе. Я уже различал

лица стоящих на пристани.

Встречающих оказалось довольно много. Среди них те, кому требовалось перебраться на противоположную сторону, в основном перевозящие товар купцы. Также здесь были грузчики, зазывалы в городские таверны, ну и, конечно, стража. Десяток ребят в красно-белых мундирах не заметил бы только слепой. У четверых были арбалеты, у остальных – грозные глефы. Солнце светило нам в спину, а им соответственно в лицо, так что рассмотреть прибывающих страже удалось только тогда, когда крепкие парни на пароме перестали крутить ворот, заставлявший барабан собирать цепь.

– Приехали, дядечки! – залихватски гаркнул пожилой паромщик. – Прошу вываливать на берег, Куха, смени команду! Мои устали!

Я дождался, пока паром покинут пешие, и когда открыли загон с лошадьми, взял под уздцы Жеребца. Тот, явно недовольный, что я заставил его кататься на столь, по его мнению, ненадежном средстве, едва меня не цапнул. Пришлось смотреть в оба.

Я удостоился цепкого взгляда одного из стражников, который, впрочем, не заметив ничего подозрительного, потерял ко мне всякий интерес. Уверен, что Наместник насажал этих ребят перед всеми воротами в город, на тот случай, если в Альсгару решит пробраться лазутчик врага. А то и некромант. И тот и другой могут наворотить больших бед. А уж если начнется осада, то вообще пиши пропало.

Хм... Хотя я не уверен, что стража способна обнаружить мало-мальски приличного лазутчика, не говоря уже о носящих белую мантию. А если сюда пожалует кто-нибудь из Проклятых...

От последней мысли я содрогнулся. Перед глазами возникло изуродованное магией Шена лицо красавицы и тут же... дурачка Порка. Попади он (или она) в город, и я даже боюсь представить, что может случиться мной, с Лаэн. Чует моя душа, мы интересуем ее гораздо больше, чем падение всех городов Империи. И чтобы избежать столь неприятной встречи, следует пошевеливаться.

Йох, Йох, Йох – сейчас ты для нас самая большая кость в горле. Тебе не придет на ум оставить нас в покое, а значит, головы Серого и Ласки никогда не будут в безопасности. Всегда найдется жадный малый, способный за десять штук соренов прирезать не то что двоих, а целую тысячу. И нам каждую минку придется быть настороже, оглядываться через плечо, просыпаться ночами и ждать, ждать, ждать, когда же появится тот счастливчик, что подловит тебя и заберет заслуженный куш. Лично я хочу дожить до глубокой старости, а всякие трехпалые кретины на пути к

хорошей жизни – большая помеха.

Не считая главной дороги, ведущей к Салатным воротам Альсгары, Голубиный город – это безумное переплетение проулков, переулков, тупичков и улиц. Если ты не местный – заблудиться не составляет труда. В большинстве своем в этой части Пригорода (самой дрянной, кстати говоря, из всего, что разрослось под Внешней стеной) одноэтажные постройки ставились как попало, безо всякого ума. Так что ни о каком разумном поиске пути не могло быть и речи. Жилые дома, лавки, мастерские, конюшни, скотные дворы и Бездна знает что еще. Наместник и впрямь дурак, если тянет с вопросом защиты Голубиногорода столь долго. Ведь только наивный может надеяться, что Набатор и Сдис обойдут Альсгару обороной.

Долго разъезжать по району я не собирался. Делать здесь совершенно нечего, моя цель – за Стеной. Поэтому с главной дороги я никуда не сворачивал, лишь поглядывал по сторонам. За прошедшие семь лет эта часть Пригорода разрослась вширь, заняла весь правый берег Орсы, стала еще грязнее, хаотичнее и неприятнее. Я этот райончик не любил, хотя пару раз приходилось работать в нем на гильдию. Здесь поселялись те, кому не хватило денег, опыта, удачи и везения для того, чтобы перебраться жить за Стену, как это здесь называется. На самом деле не все так уж и плохо, в Голубином городе имелись и более приличные места, но в любом случае – не на мой вкус. Так что я придерживался центральной улицы, чтобы как можно быстрее добраться до Салатных ворот.

Идущего за мной человека я заметил случайно.

У старой лавки, торгующей всяким хламом, мне пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой жестяную вывеску. Это получилось с блеском, но лавочник облил меня бранью. Я обернулся, сказал ответную гадость и краем глаза увидел пристроившуюся мне в хвост гниду. Этого невысокого парня я имел честь лицезреть, когда сходил с парома. Он сидел, привалившись к колесу врытой в землю телеги, и щурился от бьющего в лицо утреннего солнца. Человек как человек. Ничего необычного я не заметил и не обратил на него внимания. А зря...

Я не показал, что заметил слежку, и свернул на соседнюю кривую улочку. Потянулся до хруста в спине, «ненароком» обернулся – следопыт исчез. Неужели вправду показалось, и он просто шел той же дорогой, что и я? Странно. Давно меня чутье не подводило.

Следующие несколько минок ехал по улочке, пока та не вильнула перед очередным деревянным домиком направо и не вывела меня обратно на главную дорогу. Мой незнакомый приятель уже был здесь и терся у

лавки, торгующей колбасами.

Оп-па!

Свиделись. Как только я проехал несколько десятков ярдов, парень вновь поплелся за мной.

Вот прилип!

Начав насвистывать одну разгульную песенку, я пытался сообразить, кто же сидит у меня на хвосте? Почему он за мной идет и что ему нужно? Понравился Жеребец, и дурачок решил избавить приезжего от лишней живности? Или что-то еще? Я видел его впервые в жизни – это точно. К кому он побежит после того, как узнает, где я остановился? К Йоху? Молсу? Охотникам за наградой? Ходящим? Или же предпочтет сделать все самостоятельно, не привлекая других жадных ртов? Я бы именно так и поступил. Но то я. А это – он. Понаблюдав, как молокосос «ведет» меня, можно было заключить, что это – птица не слишком высокого полета. Во всяком случае, в слежке талантом не блещет. Впрочем, и умом тоже – если ему пришла в голову мысль взять меня в одиночку. Даже старина Гнус не был способен на столь идиотские поступки.

Придется задать этому субчику несколько вопросов. Отпускать его просто так – чревато крупными неприятностями в будущем, если дурачок все же наберется ума и решит кому-нибудь рассказать о прибытии в город некоего человека.

До ворот оставалось меньше двух кварталов, и я решил не медлить. Направил Жеребца к первой же мало-мальски приличной таверне. Владелец заведения мне понравился – вроде не такой уж и большой жулик. Лошадь на колбасу не пустит. Так что недолго думая я снял комнату и место в конюшне, заплатив за месяц вперед. Попросил позаботиться о коне, выдать ему обещанный мной мешок овса, и сказав, что вернусь нескоро, хромя вышел на улицу.

«Хвост» ждал меня. Пришлось пойти в обратном от нужного мне направлении. У Стены мало шансов набрести на пустую подворотню, где никто бы не помешал нашей беседе, а вот ближе к реке подобное место обязательно найдется. Там я и задам интересующие вопросы.

У Кнари, по прозвищу Хомяк, была хорошая память на лица. Так что он едва не подскочил, когда увидел, как светловолосый мужчина, приплывший на пароме, выводит из загона черного коня. Парень с трудом заставив себя сидеть на месте и постарался не смотреть в сторону приезжего. Несмотря на то, что прошло почти десять лет с тех пор, как он, еще будучи очень молодым, мельком видел этого человека в обществе Пня,

никаких сомнений не было – это Серый.

Кнари слышал, что за голову гийяна дают целый мешок денег, но до сегодняшнего дня не верил, что тот жив. Прошло семь лет с тех пор, как нашли обгоревшие тела Серого и его подружки, и до последнего месяца ни у кого не было сомнений, что заказавший убийство Ходящей избавился от исполнителей. Теперь же, при виде убийцы, Кнари разом поверил не только в то, что тот жив, но и в свою счастливую звезду.

Выждав, пока всадник немного отъедет от реки, он поспешил за ним, поначалу опасаясь, что гийян его заметит. Но проходила минка за минкой, а всадник и не подозревал о «хвосте». Кнари презрительно усмехнулся – этот Серый оказался не таким уж и опасным парнем. Как всегда, слухи раздуты куда сильнее, чем следует. Светловолосый – совершеннейший простофиля – открыв рот, глазел по сторонам. Да и оружия у него, похоже, не было. Ни лука, ни меча. Правда, под тонкой курткой из ткани грязно-зеленого цвета мог скрываться нож, но Хомяк это не слишком смущало. Он не раз и не два слышал, что гийян отличный стрелок, но никто никогда даже намеком не дал понять, что тот может «работать» еще чем-то. К тому же у Кнари при себе имелось целых два ножа – метательный в рукаве и прямой набаторский под рубашкой. Последний он довольно часто пускал в дело и по праву считал себя непревзойденным мастером ножевого боя.

В какой-то момент Серый свернул с главной улицы, и Хомяк не стал его провожать. Знал, что по тем переулкам гийян все равно выедет на основную дорогу и лучше подождать там, чем рисковать. Он поспешил вперед, остановился у колбасной лавки, за восемь медяков купил себе кровяную колбаску и с аппетитом перекусил. Ждать пришлось недолго. Из боковой улицы появился всадник, удивленно посмотрел по сторонам, явно не понимая, как здесь оказался, и после недолгого раздумья направил коня в сторону Салатных ворот.

Именно в этот момент Хомяк принял решение. Он никому не расскажет о том, что встретил светловолосого. Ни Молсу, ни Йоху. Те крохи, что они заплатят за новости, не идут ни в какое сравнение с пятью тысячами соренов за убийство этого олуха. В том, что Серый – олух, сомнений не возникало. Кнари не понимал, откуда вообще взялись слухи о его опасности. Судя по всему, справиться с ним будет легко. А после можно смело нести голову к Йоху в обмен на награду. Для безбедной жизни требуется самая малость – дожждаться удобного момента и прирезать светловолосого.

Тот, кстати говоря, вел себя как форменная деревенщина. Без усталости глазел по сторонам, словно ни разу в городе не был. А потом и вовсе

совершил глупость, решив остановиться не в самой приличной таверне, словно не мог перебраться за Стену и найти нормальное жилье хотя бы во Внешнем городе. Видать, у него совсем плохо с деньгами.

Когда Серый спрыгнул с коня, Кнари с радостным удивлением увидел то, чего не разглядел у парома, – человек довольно сильно прихрамывал на левую ногу. Значит, двигаться быстро он не сможет – это на руку. Выходит, справиться с ним будет куда проще, чем предполагал Хомяк.

Он приготовился к долгому ожиданию, но не тут-то было. Светловолосый достаточно быстро вышел из таверны и, все так же хромая, направился к реке. Через какое-то время свернул с главной улицы, и здесь Кнари пришлось попотеть, чтобы не потерять жертву из виду и не попасться ей на глаза.

Серый довольно долго безо всякой цели бродил по узким улицам, забираясь все глубже и глубже в Голубиный город. Людей вокруг становилось меньше, запах нечистот и выброшенного на улицу мусора – сильнее. Затем Хомяк услышал вопли чаек и понял, что они забрели в рыбацкие кварталы, недалеко от того места, где Орса впадает в море.

Внезапно убийца остановился (Кнари пришлось прижаться к стене), а затем свернул в тесный проулок между двумя домами. Пришлось выждать какое-то время, чтобы не столкнуться с Серым нос к носу, если тому захочется вернуться.

Не захотелось.

Поэтому Кнари, не теряя времени, направился следом, проскочил проулок и, пройдя вперед несколько шагов, с удивлением остановился. Он находился на небольшом пяточке, который был сжат с двух сторон глухими стенами каменных домов. В пятнадцати шагах впереди от того места, где сейчас стоял Хомяк, начиналась река. Серого не было.

Кажется, светловолосый все же умудрился его надуть. Прыгнул в реку, больше ему деваться было некуда. Бездна! Ушел. Теперь ищи ветра в поле. Кнари выругался.

– Эй, – раздался негромкий голос за его спиной. – Не меня ищешь?

Хомяк не растерялся, как только метательный нож скользнул из его рукава в ладонь, он стремительно развернулся и, не поднимая руки, метнул оружие запястьем. Гийян оказался гораздо опытнее, чем считал горепреследователь. Его уже не было на прежнем месте, и бросок пропал зря.

Кнари повторно выругался и выхватил нож.

– Глупо, – сказал Серый.

В его руках появился небольшой топорик, и все дальнейшее произошло слишком быстро. Светловолосый больше не хромял и двигался

столь проворно, что Хомяк пропустил тот момент, когда враг оказался рядом с ним. Неудачливый убийца ударил Серого ножом в живот, но тот уже каким-то чудом оказался сбоку, и в то же мгновение Кнари почувствовал сильный удар по правому запястью. Набаторский нож упал в грязь. Парень тупо посмотрел на бесполезное оружие, затем перевел взгляд на руку. Запястье было изуродовано. Мизинец и безымянный палец отсутствовали.

Только теперь пришла боль.

Он застонал, но даже сейчас не потерял выдержки, потянулся за лежащим ножом левой рукой и тут же ощутил страшную боль в правом колене. В глазах потемнело, он взвыл и, сам не понимая как, очутился на земле.

– Ты из гильдии? – Светловолосый не повышал голоса.

Хомяку хватило упрямства, чтобы послать его далеко и надолго. Руку пронзила очередная волна боли.

– Похоже, твое предназначение – совершать глупые поступки. Скажи мне, кто тебя послал, и мы разойдемся по-хорошему.

Кнари хватал ртом воздух, по его щекам градом катились слезы. Он еще никогда не испытывал такого. Наконец, сквозь кашель и слезы ему удалось выговорить:

– Мои друзья вот-вот будут здесь, и тогда тебе не поздоровится.

Он приподнялся на локтях, и ему на нос обрушился сокрушительный удар. Что-то противно хрустнуло. Лицо тут же стало мокрым и горячим. По губам и подбородку потекла кровь. У Кнари не было сил кричать, поэтому он тихонько скулил.

– Ты зря упрямисься, парень. – Кажется, гийян стоял прямо над ним. – Я все равно узнаю, что ты за зверь и где твоя кормушка.

Снова боль в покалеченной руке.

– Мне неприятно это делать, но ты не оставляешь выбора. У тебя еще есть один палец на правой руке и пять на левой. Мне приходилось оттачивать свое умение в Сандоне. Поверь, Высокородные орали еще сильнее, чем ты. Обещаю – приятного будет мало. И не ври, что тебе помогут, – я видел, что ты работал один. Нам никто не помешает. Рано или поздно ты мне все расскажешь.

Я завершил разговор с этой скотиной в тот момент, когда кто-то сознательный вызвал патруль стражи. Пришлось быстро заканчивать с незадачливым убийцей и уходить. Я разминутся с блюстителями порядка буквально на минку. Заслышав топот, нырнул в спасительную подворотню, и пятерка стражников пробежала мимо. Я выждал какое-то время, а затем

пошел прочь. Следовало поскорее покинуть рыбацкие кварталы.

Достаточно быстро и не привлекая к себе внимания, выбрался на главную дорогу и неспешным шагом направился к Стене. Отсюда до Салатных ворот – рукой подать.

Итак, можно сказать, что мне повезло. Парень работал без поддержки и оказался слишком глуп и жаден, чтобы бежать за помощью. Решил все сделать в одиночку. К тому же опыта в стычках ему явно не доставало. Мелкая сошка из прихлебателей Молса. Надеюсь, глава гильдии будет не очень расстроен тем, что я пришиб одного из его работников. Впрочем, старина Молс не слишком тепло относится к тем, кто пытается обстригать делишки за его спиной.

Из разговора с тупым упрямым я узнал самое главное – то, что я на него наварлся – не более чем случайность. В Альсгаре меня никто не ждет. А о Лаэн он вообще ничего не слышал.

Салатные ворота были самыми крайними в южной Стене и ближайшими к морю и реке. В отличие от других пяти ведущих в город ворот, возле этих редко бывала давка, да и пропускали на порядок быстрее. Стражники не отличались ни бдительностью, ни рвением.

Солнце стояло высоко, и внешняя Стена перестала быть розовой, а приобрела привычный желто-серый цвет. Хоть к ней и не прикладывал руку Скульптор, выглядела она достаточно внушительно и надежно. Высоченная, сложенная из массивных каменных блоков. Такую штурмом взять непросто, а если и возьмешь – за ней еще пять колец крепостных стен, три из которых построил один из самых сильных магов в истории Империи. Врагу будет очень непросто войти в Альсгару. Конечно, при условии, что его не захотят впустить. Как известно, чаще всего города и замки падают не от штурма, а от голода, болезней... и глупцов, спешащих распахнуть ворота и сдаться на милость победителя. Столицу юга может спасти то, что, даже если первые стены падут или предатели впустят врагов во Внешний город, жителям всегда можно укрыться за следующим этапом обороны. А уж Высокий и Второй города, в которых находятся основные продуктовые склады, дворец Наместника, Башня Ходящих и казармы гвардии, взять штурмом практически невозможно. Похоже, единственное, что может заставить Альсгару пасть, – это голод. Именно поэтому в ворота, к которым я как раз подошел, втекал непрерывный поток бесчисленных телег с провиантом. Судя по всему, отцы города скупали всю еду в провинции.

За то время, что меня здесь не было, произошли кое-какие изменения. Стражи прибавилось раз в шесть. Кроме того, у ворот стояло несколько

мечников в латах, еще дальше, прямо на земле, расположился десяток арбалетчиков. Эти ни на кого внимания не обращали и резались в кости на бочонке из-под рески. Если такое количество охраны только на входе в ворота, то готов спорить на правую руку, что с той стороны Стены их столько же. Если не больше.

Злая от жары стража придиричиво осматривала каждую подъезжающую повозку. На мой взгляд, разумная предосторожность. Бездна знает, что Белые могут провезти в город. Мертвяка или ту же «рыбу». Лопнет такое где-нибудь в Высоком городе – хлопот не оберешься.

Я встал в едва плетущуюся очередь. Меня, конечно, это не слишком радовало, но в данном случае я предпочел никуда не торопиться. Незачем привлекать к себе внимание.

Сегодня, похоже, все говорили только о войне. Слухи были один нелепее другого. Мимоходом высказывались предположения, почему Альсгару до сих пор не тронули, сможет ли армия и Ходящие отстоять город, и прорвется ли враг через Лестницу Висельника в центральные провинции Империи и к столице? Пока подошла моя очередь, я успел порядком устать от подобных разговоров.

В тот момент, когда передо мной оставалось с пяток человек, я увидел то, что должен был заметить с самого начала. За игравшими в кости арбалетчиками, скрываясь в густой тени, у одной из двух массивных створок, стояла пожилая женщина в синей накидке с красным кругом на груди. Она о чем-то непринужденно разговаривала с капитаном стражи и нет-нет, да и бросала внимательный взгляд на проходящих мимо нее людей.

Ходящая!

Дело принимало дурной оборот. От носителей «искры» следовало держаться как можно дальше, несмотря на то, что прошло семь лет. У некоторых людей длинная память. В этом я смог убедиться еще утром, когда тот гаденыш сел мне на «хвост». Он видел меня всего лишь раз и узнал, даже несмотря на то, что за время путешествия из Песьей Травки я успел обзавестись бородой.

Выход из очереди был бы слишком подозрительным, тогда на меня точно обратят внимание.

– Кто? Откуда? Куда? – спросил меня уставший стражник.

Поздно бежать.

– Мастер – плотник Парс. Из Оглада. По приглашению.

Я назвал имя не слишком важного вельможи из городского совета. Как и предполагалось, проверять меня не стали.

– Дорогу знаешь?

– Не первый раз здесь.

– Тогда не задерживай. – Солдат потерял ко мне всякий интерес.

Я поблагодарил, вошел в прохладу арки ворот. Ходящая скользнула по мне взглядом и продолжила разговор с капитаном. Я облегченно перевел дух. В первую очередь она ищет Дар, а потом уже приглядывается к лицам. Повезло.

Огромный коридор внутри стены. Под потолком висели мостики, на которых, если враг снесет преграду, могут разместиться стрелки. Бойницы в стенах, две поднятые стальные решетки. Через пятьдесят шагов я преодолел коридор, миновал внутренние створки ворот, по толщине ничем не уступающие внешним, и оказался во Внешнем городе. Как и предполагал, стражи у выхода из Салатных ворот оказалось ничуть не меньше, чем у входа. Если возле того места, где стоит Ходящая, внезапно начнется заварушка, ребята успеют прийти на помощь или опустить решетки.

Любимый город может спать спокойно. Во всяком случае, какое-то время.

Моя цель находилась за второй стеной, между Гаванью и Птичьим городом. «Птичьей» эту часть Альсгары прозвали потому, что здесь издавна жила община йе-арре. Район их обиталища начинался на вершине гигантского холма и плавно спускался к морю.

У летунов была непреходящая страсть к строительству. Поэтому они возвели видимо-невидимо разномастных башен. Толстых, тонких, высоких, низких, со шпилем, без шпиля, каменных, деревянных, достроенных и только строящихся. Они встречались едва ли не через каждые тридцать ярдов. Как говорят злопыхатели, по количеству башен Птичий город уже давно переплюнул Высокий.

Пожалуй, это правда. Йе-арре любят взлетать с высоких «насестов», тут уж ничего не поделаешь.

Кварталы оказались на удивление пусты. Отчего-то склочные крылатые ребята сегодня не слишком спешили на улицу. Я не увидел ни одного представителя этого племени. Лишь немногочисленных жителей других частей города и, конечно же, хмурых стражников. Последних оказалось, напротив, поразительно много. Интересно, что произошло, если сюда согнали столько блюстителей порядка? На моей памяти не было такого, чтобы йе-арре сидели по домам и небо над Альсгарой пустовало.

По легендам летуны пришли в земли Империи откуда-то из-за Великой пустыни много веков назад. Вот уж не знаю, что заставило этот народ спорхнуть с насиженного насеста и прискакать к нам в гости, но их

приняли, пускай и без большого восторга. Тогдашнему правителю показалось хорошей идеей использовать крылатых людей в качестве гонцов и летающих стрелков. Худо-бедно Сыны Неба с этим справлялись (но чаще враждовали друг против друга и устраивали мелкие пакости другим народам Империи). В итоге из Альсары, Гаш-шаку и Окни их вежливо попросили и выделили достаточно большой кусок необжитой земли между Сандоном и Улороном. Люди в насмешку обозвали место, куда отправили жить йе-арре, Обетованным краем. Все прекрасно понимали, что «птички» попали между молотом Улорона и наковальней Сандона. Высокородные вне всякого сомнения должны были прожевать ненадежных союзников Империи и выплюнуть только их перья.

К всеобщему удивлению, Сыны Неба выстояли против остроухих. И мало того – в конечном счете помогли нашей армии вышибить тех из Страны Дубов^[42] в Сандон. А уж когда Император двенадцать лет назад все же заключил с дельбе^[43] лесного народа вечный мир, жизнь в Обетованном крае и вовсе началась спокойная и вольготная. Некоторые умники из людей даже хотели забрать плодородную территорию обратно, но йе-арре показали зубы, и их оставили в покое.

Однако не все Сыны Неба отправились жить на восток страны. Большая община осталась в Альсаре. Городской совет согласился терпеть их, так как четверть доходов в казну города поступала от тканей, которые создавали летуны. Столь же прекрасные, как восточные шелка, они стоили умопомрачительных денег, и ради них в порт приплывали корабли со всего света. Часть выручки, конечно же, отправлялась в лапы городскому совету и Наместнику. Так что влиятельным умникам было бы глупо отказываться от такой замечательной золотой кормушки.

Птичий город закончился. Я остановился, посмотрел на бегущую по склону мостовую, на чистые белые домики Гавани, далекий порт и синюю дымку моря. Справа от меня, вклинившись между высокой башней с тремя шпилями и вшивеньким трактиром, стояло двухэтажное здание. На первом этаже находилась лавка, торгующая йе-аррским шелком, три из четырех окон которой были закрыты ставнями.

Странно.

Я прошел до конца улицы. Остановился. Подождал немного, проверяя, не идет ли кто за мной. Спустил пять минок, убедившись, что все чисто, вернулся и толкнул тяжелую дверь.

Медный колокольчик над головой противно тренькнул, и я очутился в полутемном помещении. Света с улицы явно не хватало, а хозяева не

спешили зажигать все имеющиеся у них фонари. Горело лишь два – тот, что сейчас висел справа от меня, и тот, что находился в дальнем конце лавки, у лестницы, ведущей на второй этаж. Я не мог не оценить красоту и изящество подобного решения. С одной стороны, любой вошедший с улицы попадает в круг света и виден, как на ладони, с другой – дальний фонарь бьет гостю в глаза, и пока привыкнешь, пройдет не одна уна. Этого времени вполне достаточно для находящихся в полумраке хозяев, чтобы решить: опасен пришелец или нет. И совершить соответствующие действия.

Я быстро отшагнул влево, выходя из освещенного круга, несколько раз моргнул, как меня учили, прогоняя разноцветные пятна перед глазами.

Из полумрака раздался тихий смех:

– С годами не теряешь навыков, Серый?

– Для меня это непозволительная роскошь, Йуола.

Вновь смешок:

– Будь добр, опусти засов. Я не желаю, чтобы нам помешали случайные покупатели.

– Чушь, – сухо кашлянули справа. – После того квак твои родичи устроили таквакую мерзость, к нам никакго всем золотом Империи не заманишь.

– Клянусь ветром! – Голос Йуолы подскочил до визга. – Будет меня учить какая-то бескрылая пиявка!

– Между прочим, я твой партнер, цыпа. – Тот, кто так разозлил йе-арре, плохо выговаривал слова. Человеческий язык был для него слишком труден. – Говорю тебе еще раз. При человеке. Все, квакто живет в Обетованном кварая, потеряли разум.

– Я уже не раз успела пожалеть, что мы партнеры. – Она быстро успокоилась. – Что до кланов – их дело. Я не собираюсь расплачиваться за чужие поступки.

– А придется, сестренка. Люди слишком злы на тех, у кого есть кварылья.

– Вспомни хотя бы день, чтобы они не плевались в сторону Сынов Неба? Это не первый и не последний раз, клянусь ветром.

– Сейчас все серьезнее.

Прислушиваясь к перепалке старых партнеров, я опустил засов и, пройдя мимо тюков алой и серебряной ткани, каждый из которых стоил как минимум восемьдесят, если не сто, соренов, оказался возле массивного стола. Один из стульев был свободен, другой занят.

На нем восседала невысокая женщина. Ее рост я знал прекрасно –

если встанет, то едва достанет мне макушкой до середины груди. Йуола из народа йе-арре, как и все представители ее расы, была хрупкой, тонкокостной, почти воздушной. Узкое, сужающееся к подбородку некрасивое личико, резко очерченные скулы, орлиный нос и черные глаза. Бритая голова с нанесенной на нее сложной и малопонятной для меня татуировкой, говорящей о принадлежности Йуолы к Огненному клану летунов, в тусклом свете казалась несуразно большой для таких узких плеч. Пальцы на тонких руках были длинными и заканчивались лиловыми ногтями. Или когтями. Это уж кто как назовет.

Ну и, конечно же, у нее имелись крылья – огромные, покрытые рыжими перьями. Сейчас они были сложены за спиной, но я вполне представлял, как йе-арре, опираясь на них, парит в поднебесье.

Йуола, прищурившись так, что в уголках глаз появились морщинки, наблюдала за мной.

– Подойди. Клянусь ветром, я не верю своим старым глазам. Неужели ты пришел из Бездны, чтобы вновь досаждать мне? Ктатак, ты видишь, кто явился в наш скромный дом?

– Вижу. – Вновь голос из полумрака. – Выходит, слухи не врут.

– Выходит. Серый обвел всех вокруг пальца и пропал на многие годы. Даже лучших друзей не предупредил. Ай-яй-яй. Как неприятно, не находишь?

– Очень.

Я молчал, позволяя им немного позабавиться за мой счет.

– И вот после того как я выплакала все заготовленные на долгую жизнь слезы, ты появляешься, как морт из Песка, и нагло лыбишься! Вот она, благодарность!

– Да, – поддакнул Ктатак.

– Уверен, что ты даже обрадовалась моей смерти, старая ворона.

Она возмущенно закудаhtала, пошевелила крыльями и, собрав карты со стола, начала быстро их тасовать. Я тем временем присел, увидел кувшин с вином, не спрашивая разрешения, налил себе в пустую кружку. Йуола недовольно дернула бровями, но, небывалый случай, промолчала. Протянула мне колоду. Я, следуя привычному ритуалу, снял верхнюю. Посмотрел. «Ключ». Показал ей. Она кивнула, забрала.

– Прошрое? Будущее?

– Будущее.

– Близкое? Далекое?

– Близкое.

– Выбери колоду.

Я выбрал из десяти лежащих на столе четвертую справа. Все остальные отправились вон. Начался расклад.

– Очень самонадеянно возвращаться туда, где тебя считают мертвым, – произнесла йе-арре.

– И глупо! – Ктатак тоже не собирался молчать.

– Тебя ищут, Серый. И не для того, чтобы вернуть деньги. Молс, Йох и ведьмы из Высокого города. Не говоря уже о множестве тех, кто хочет просто заработать за твой счет.

– Бо-ольшие деньги, – сказал ее партнер.

– Столь большие, что у меня возникает соблазн слетать кой к кому и напеть кое-что на ушко.

– Напеть?! – В темном углу началась возня, затем раздался дребезжащий смех. – Не льсти себе, партнер. Ты можешь только кварковать.

– Чтоб ты ослеп на оба глаза, пиявка несчастная! – зло буркнула она, зыркнув в сторону Ктатака. – Расклад не слишком хороший, Серый.

Я посмотрел на стол. «Ключ» стремился к «Ножу», но его перекрывала «Крепость», и над ними возвышалась «Башня».

– Есть над чем подумать, а? – пробормотала Йуола.

– Я в этом ничего не понимаю. – Мне оставалось только пожать плечами.

– Ну и дурак! Мог бы уже давно научиться. Кое-что, – она постучала лиловым когтем по «Крепости», – мешает осуществить твою задумку. И над всем этим стоит «Башня». У-у-у, – разочарованно протянула она, поняв, что я не спешу ахать. – Мой дорогой, я начинаю удивляться, как ты умудрился выжить после той заварухи, что устроил в этом несчастном городе. Даже тупица Ктатак знает, что означает «Башня». Что означает «Башня», Ктатак?

– Ходящих, о мудрая! – Партнер йе-арре говорил с явной издевкой, но она предпочла этого не заметить.

– О! – глубокомысленно ответил я.

Она раздраженно зашипела, посчитав, что я недостаточно уважительно отношусь к магическим картам. Я, и вправду, не верил в ерунду с разноцветными кусочками плотной бумаги. Это не магия, а шарлатанство. Впрочем, среди Сынов Неба подобное искусство гадания высоко ценилось, а мне было несложно немного позабавить старую крылатую ведьму.

– Все даже еще намного хуже. – Йуола огорченно цокнула языком. – У меня в жизни такого плохого расклада не было. Одна карта накладывается на другую и связывается третьей. Ты, вне всякого сомнения, «Ключ».

– Польщен, – процедил я.

– А вот пять новых гостей. – Она перевернула три карты, лежащие рубашками вверх. – «Безумец» и еще четыре «Ножа». Все очень близко от тебя.

– Буду осторожен.

– И еще одна «Башня»! Белая!

– Не слишком ли много Ходящих? – нахмурился я.

– Ты что-то напутала в своей забаве, цыпа, – произнес Ктатак. – Сама же постоянно твердишь, что «Башня» за партию может быть толькwa одна.

– Ничего не путаю. В такой комбинации это возможно.

– Глупые вороны, – не удержался он.

– Молчал бы, пиявка!

– Что насчет этой кварквты?

– Белая «Башня» может и не означать Ходящих. В такой позиции ее можно толковать как жизнь, добродетель, здоровье, или же жрец, лекарь, дева...

– И еще тысяча разных тра-ква-тово-квак, – не удержался Ктатак.

Йуола с презрением фыркнула, ее пальцы замелькали с невообразимой скоростью. Несколько минок летунья кидала карты, пока на столе не получился причудливый расклад. Она переворачивала картинки, клала их одну на другую, передвигала, складывала и перекладывала до тех пор, пока не получился окончательный вариант.

– Интересно, не находишь? – Она бросила на меня быстрый взгляд.

Да, действительно. Произошли некоторые изменения.

Дорогу «Ключу» к «Ножу», как и прежде, перекрывала «Крепость». Над всем этим витала «Башня». Рядом с «Ключом», почти впритирку к нему, лежали четыре «Ножа», «Безумец», «Башня», названная йе-арре «белой». Также возле них появились два «Меча», два «Демона» и семь карт, перевернутые рубашками вниз. Одна из них находилась рядом с «Ключом» (насколько я помнил, по правилам она должна его накрыть), пятеро окружали центральную часть получившегося расклада и последняя, одинокая, находилась на самом краю стола.

– Ну, давай посмотрим, что покажет нам узор.

Краем глаза я увидел шевеление в полумраке. Ктатаку тоже было любопытно.

Лиловый ноготь подцепил лежащую рядом с «Ключом» карту. Перевернул.

– «Дева», – глухо рассмеялся Ктатак. – Я в этом нискваолькwa не сомневался, партнер.

Йуола понимающе усмехнулась, положила новую карту поверх

«Ключа».

– «Дева» изгоняет «Безумца». Он слишком слаб, чтобы ей противостоять. Хотя и дамочка теперь зависит от «Башни», – сказала она и передвинула «Безумца» в круг, где уже лежали пять карт рубашками вверх. Теперь их было шесть.

– Ну что? Открываем?

– Не томи, – проворчали из полумрака.

Первая из пяти перевернутых оказалась «Смертью». Вторая, к моему несказанному удивлению, – тоже. Ктатак тихо кашлянул. Йуола задумчиво покачала головой. Третья карта – «Смерть». Четвертая – «Смерть». Насчет пятой я уже не сомневался. Знал, какой она будет.

«Смерть».

Теперь «узел» творимого йе-арре расклада окружали пять «Смертей» и один «Безумец».

– Клянусь ветром! Невозможно! Не-воз-мож-но, – прошептала крылатая.

– И это говоришь ты? – возмутился ее партнер.

– Да! Я! Глупая ты пиявка! В Великих картах десять колод. В каждой по сотне карт. В раскладе участвуют не больше сорока. «Смерть» – высшая карта. Она, как и «Башня», редко выпадает. Очень редко. А чтобы в один раз две «Башни» и пять «Смертей», да еще и в компании «Безумца»! Рядом с ними он становится очень сильным. Странно.

– Выходит, ты ошиблась, – «утешил» я ее.

– Я никогда в этом не ошибаюсь, Серый! – рявкнула она, затем перевела взгляд на получившийся узор. Йе-арре протянула тонкую руку и, затаив дыхание, перевернула последнюю, лежавшую за раскладом, одинокую карту.

– «Вор»! – хмыкнул Ктатак. Остается удивляться его глазастости.

– Танцующий! – охнула она.

– Прости? – попросил я разъяснений.

Все остальное не произвело на нее такого впечатления, как эта картинка. Йуола была слишком ошеломлена увиденным, так что Ктатаку пришлось вмешаться:

– Это непростая кварквта, друг мой. Она одна в целой Тысяче. И если попадает в расквад, в большинстве своем не действует. Точнее, никогда не действует. Все прошлые разы мой партнер всегда отбрасывала ее в сторону. Но судя по всему, сегодня «Вор» в раскваде.

– На этот раз ты прав, пиявка. «Смерти», «Крепость» четыре «Ножа» и «Башни» с «Ключом» в такой позиции дают жизнь «Вору».

– А при чем здесь какой-то Танцующий? – нахмурился я.

И вновь объяснял Ктатак:

– Это божоквак всех птах. Сыны Неба считают, что именно он создал этот мир. «Вор» в квалоде символизирует ихнего бога.

– Смотрю, ты стал большим знатоком Великих карт, – улыбнулся я.

– Поживешь боква о боквак с ней стольква, сквольква я, таквак еще не таквакого наберешься.

Мы оба сочли эту шутку достаточно смешной, чтобы рассмеяться. Йуоле было не до нас. Она бормотала под нос, проверяя положение карт, пытаясь найти закравшуюся в них ошибку.

– Ну и чего мне ждать в ближайшее время?

Йе-арре раздраженно посмотрела на меня и неохотно ответила:

– Не знаю.

– Ай! Ай! – Ктатак просто кипел от радости. – Неужели Квагун снизошел до моих молитв и подарил мне на старости лет таквакое счастье?! Что сдохло, если ты решилась признаться в своей не-состо-ятель-нос-ти?

Она в раздражении дернула крыльями, покосилась на меня и – небывалый случай – ничего не сказала в ответ.

– Я ошиблась. Расклад не может быть верным. – Йе-арре сгребла со стола карты, одним движением разрушив сложный и с такой любовью выложенный узор. – Сегодня не лучший день для того, чтобы узнавать судьбу. Приходи в другой раз.

– Ты же знаешь, что я пришел не за этим.

Она кисло улыбнулась:

– Для человека ты ужасно терпелив. Я все думала, когда же ты согласишься про свою «Деву»?

– Она здесь?

С замиранием сердца я ждал ответа.

– Иди по лестнице. Вторая дверь направо.

Я встал, и Йуола встрепенулась:

– Кстати говоря! Ты мне должен сто пятьдесят соренов. Раз любите с Лаской сжигать чужие дома и оставлять в них обгоревшие трупы, то извольте платить.

– Уверен, что как только Лаэн появилась в дверях, ты сразу же содрала с нее все тебе причитающееся.

Ктатак оглушительно расхохотался:

– Кванусь глазами Квагуна! Сегодня явно не твой день, партнер!

– Хватит ржать! Лучше проводи и проследи, чтобы он чего-нибудь не спер по дороге.

– Ладно, ладно, не злись, птаха. Все сделаю, – все еще смеясь, ответил он и наконец-то соизволил выбраться на освещенное место.

Ктатак был блазгом. Пепельная пупырчатая кожа, нереально длинные мускулистые руки, сутулая осанка. На крупной, массивной голове в первую очередь привлекали к себе внимание огромные ореховые глаза и широкий лягушачий рот. Блазги – не самое приятное зрелище. Особенно для тех, кто видит их впервые. Обитатели расположенных на юге Империи болот всегда жили изолированно, в маленьких плавучих деревнях, и лишь единицы из них выбирались в большой мир.

Блазгов достаточно часто считают странными и глупыми. В основном потому, что человеческая речь для них очень сложна. Ну и по некоторым поступкам, которые обычному человеку могут показаться безумными. Впрочем, редко кто пытался сказать болотному жителю в лицо, что он – тупица. Учитывая силу и проворство блазгов, при всей их внешней нелепости, подобная неосторожность чревата достаточно неприятными последствиями. Лично я бы с Ктатаком не связывался. В особенности, когда в его лапах два топора или сабли. Как-то я видел партнера Йуолы в работе. Он накрошил трех опытных грабителей, жадных до бесплатного шелка, в мелкую капусту прежде, чем они успели оказать мало-мальски приличное сопротивление. С тех пор воры обходили эту лавку за три квартала.

– Рад тебя видеть живым, Серый. Скважу по секрету, мы немного расстроились, квагда наша хибара в Гавани превратилась в уголья. Вы с Лаской, кванечно, рыбы дети, но не таквак плохи, квак думаете. Даже старушка Йуола погоревала, квагда нашли ваши останки.

– Не говори чепухи, – пробурчала йе-арре. – Я горевала по хорошему дому, который мы по глупости уступили этой парочке.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – поспешил уверить я. – Со времени нашей последней встречи ты нисколько не изменился, Ктатак.

– Страшный и ужасный? – хохотнул блазг. Сколько я его помнил, он всегда был большим весельчаком. – Рано мне стареть. Всего лишь седьмой десятоквак пошел.

– Вот, вот. А все еще силен. До сих пор забавляешься на боях?

– Изредка, – скромно ответил он, и ореховые глаза на миг закрыли прозрачные веки. – Теперь это дело в рукава Йоха. А я с ним не слишком дружен.

– Как он, жив-здоров?

– Квак вашему несчастью и жив и здоров. Ну, хватит стоять. Идем. Провожу.

Он направился вперед нарочито медлительной и косолапой походкой. Ступеньки под ним жалобно скрипели. Для блазга Ктатак был очень здоров. В плечах шире меня, а уж в весе я ему проигрывал вчистую.

– Йуола сегодня не в духе, – сказал я, когда мы оказались наверху.

Он хмыкнул, распахнул дверь, пригласил войти.

– Она всегда не в духе. Будто ты ее не знаешь.

– Как идут дела?

– Хреново. Особенно в последние два дня.

– Случилось что-то, о чем я должен знать? – Я оглядел комнату.

Большую, уютную, с дорогой мебелью, широкой кроватью и занавешенными полосками плотной ткани окнами. Ктатак не скрывал усмешки, когда я подошел к окну и оглядел внутренний двор. Что поделать. Старая привычка. Слишком часто приходится уходить, не прощаясь.

– Возможно. Заметил, что творится в Птичьем городе?

– Летуны не стремятся дышать свежим воздухом.

– Во-во. – Он протяжно зевнул, распахнув огромную пасть с редкими желтыми зубами. – Вчера до Альсары дошквла новость, что йе-арре в Обетованном кваре пе-ре-мет-ну-лись на сторону Набатора и Сдиса.

Я присвистнул.

– Им, видишь ли, надоело, что Империя хочет забрать у них земли и отправить на север, поближе квак северянам. Родичи Йуолы посчитали перспе-ква-тиву морозить задницу очень незаманчивой и... впрочем, чего от них ждать? Это племя переменчиво, квак ветер, кваторый их носит.

– Лучше бы он их уронил. Удивлен, что тем, кто живет в городе, не оторвали крылья.

– Уже. Вчера вечеркваком мстители поймали двоих Сынов Неба и отрезали им головы. Могли бы и больше гадостей совершить, но жаждущую квакрови толпу разогнали гвардейцы Наместниква. Поква все споквойно.

– Ненадолго.

– Знаю, – поморщился Ктатак, и вся его морда покрылась смешными складками. – Не пройдет и недели, как Наместниквак попросит всех йе-арре покинуть город. Это в лучшем случае. В худшем отправит на плаху. Квак квак предателей.

– Его не остановит даже то, что благодаря таким как Йуола городская казна жиреет год от года?

– Квагда речь идет о том, что во время осады квакая-нибудь птаха может распахнуть ворота, о деньгах забывают.

– Ой ли? Чтобы Высокий город забыл о соренах?

– Ну, скажем, таквак. Они могут согвагласиться на меньшее зло. Если город падет, потеряют все деньги. А таквак только часть.

– Достаточно разумный подход, как мне кажется. Что Йуола?

– Многие ее родичи уже поквакинули Альсгару. Остаются или самые упрямые, или самые глупые. Вот уж не знаю, квак кваким из них отнести нашу старушку. Не хочет поквакидать лавкваку, дождется, пока ей ощиплют перья.

– Уверен, что ты о ней позаботишься.

Ктатак ухмыльнулся:

– Уже. Товар сегодня уходит в Золотую Маркваку. Денежкваки припрятаны. Меня здесь ничего не держит. Если запахнет жареным, схвачу глупую квакурицу в охапкваку и уплывем в далеквакие дали, даже если она будет со-про-тив-ля-ться и квакудахтать.

– Корабль найти можно? – тут же ухватился я. Он вновь сморщился:

– Поква да. Но цены взлетели о-очень высоко. Собираетесь сделать ноги?

– После беседы с Йохом.

Блазг хихикнул:

– Ты с ним никакгда не ладил.

– Да. Он помеха.

– А Молс?

– Молс меня никогда не трогал.

– Он в отличие от Йоха слишквам осторожен и не очень жаден. Но советую поспешить. Дней через семь-восемь здесь будет не слишком вольготно.

– С чего такая уверенность?

– Во-первых, половина города спит и видит, как бы поквавйтаться с йе-арре. Поква их сдерживают гвардия и стража, но рано или поздно они наберутся наглости и учинят погром. Не знаю, слышал ты или нет, но Набатор ведет переговоры с Золотой Маркой, чтобы те открыли им проход через Горло. Если квапцы уступят, город осадят с моря, и уже никаккуда из Империи не денешься. На юге Самшитовые горы, на севере Кватугскакие. Альскагару рано или поздно возьмут в квальцо.

– Наши вроде держатся.

– Старые новости, – отмахнулся он. – Вот тебе свежачоква. Йе-арре ударили в спину нашей Третьей армии. А в лоб долбанули отборные набаторскакие части, неквароманты да сдисквакие солдаты. Ну и Высоквакородные.

– Высокородные?! – вскричал я.

– Таква точно. Остроухие тоже решили воспользоваться случаем и поквакитаться за все обиды. Перешейкваки Лины взяты. Остаткваки наших отошли к Лестнице Висельниква или идут на запад, к Альсгаре. А за ними по пятам...

Он не закончил. В этом не было никакой нужды. И так все понятно. Скоро здесь будет очень жарко.

– Надо было триста лет воевать с Высокородными и в итоге заключать этот проклятый мирный договор! Следовало добить сразу после Гемской дуги, а вместо этого подарили им целое десятилетие на передышку. Ненавижу это племя!

Он понимающе кивнул. Знал, что я оттрубил под Сандоном какое-то количество лет.

– Я удивлен, что ты без лука.

– Он испортился, – ответил я и вспомнил Порка, благодаря которому мое оружие сгорело.

– Квакупи новый. Ладно, пойду вниз, а то ненароковаком заглянет квак нам квакой-нибудь мститель и нарвется на злую Йуолу. И вот еще что. – Он остановился в дверях и больше уже не улыбался: – Ты, кванечно, наш друг и за нами должоква, но лучше бы вам здесь не задерживаться долго. Сам понимаешь...

– Понимаю, – серьезно кивнул я. – Можете не волноваться. Мы не будем подставлять вас и уберемся сегодня же.

– Есть где остановиться?

– Найдем, – уклонился я от прямого ответа.

– Прости, что таквак получается...

– Брось. Я не собираюсь приплетать тебе Йоха. Мы уйдем. Никаких обид.

– Вот и славно, гийян. – Он явно расслабился. – Отдыхай.

– Исполнишь одну просьбу?

– Все, что смогу.

– Мне нужен лук. Сам понимаешь, мне по оружейным лавкам ходить не слишком разумно.

Оружие сдисского лучника, убитого мной в Псарьках, я взять не решился. Оно могло привлечь внимание знающих людей. Слишком заметный лук.

Ктатак кивнул, улыбнулся:

– Это не сложно. Твою рукаву я знаю. Мерки тоже. У меня есть на примете один мастер. Квакие-нибудь пожелания будут?

– Нет. В этом деле я тебе полностью доверяю.

Блазг в последний раз ослабился и плотно притворил за собой дверь. Я услышал удаляющиеся шаги.

У кровати стоял стул, на который я положил метательный топорик. Кинжал отправился под подушку. У нас есть время до вечера. Потом следует уйти. Ктатак и Йуола – старые друзья, однажды мы с Лаэн вытащили их из очень щекотливой ситуации, но не стоит злоупотреблять гостеприимством.

Дверь тихонько скрипнула, и я тут же вскочил, спрятав извлеченный из-под подушки кинжал себе за спину. У вошедшей в комнату женщины были короткие светлые волосы и цветастая юбка. Меня это столь ошеломило, что я только через долгую уну узнал Лаэн.

Глава 16

От нее едва ощутимо пахло жасмином. Я потянулся вперед, обнял. Она, тихонько урча, укусила меня за мочку уха. Кошка. Теплая кошка. И хищная. Порой даже очень. Царапины на спине все еще сладко ныли.

– Не могу к тебе привыкнуть.

– Вот как? – Острые зубки вцепились мне в загривок. Раздалось рычание. – Тогда, думаю, мне придется сделать так, чтобы ты вновь ко мне привык.

Много позже, когда мы лежали в постели после нашего на нас очередного приступа безумия, я все же счел нужным пояснить:

– Твои волосы стали намного короче. Сперва я тебя вообще не узнал.

– Не нравится? – улыбнулась мое солнце.

– Отчего же? Просто такой я тебя не видел.

– Пришлось идти на жертвы. Нас ищут, и любая примета им на руку. Боялась, что в воротах меня могут узнать.

Какое-то время мы лежали молча, каждый думал о своем.

– В один из дней я решила, что больше тебя не увижу, – неожиданно сказала Лаэн. – Ты слишком задержался.

– Прости.

Что еще я мог ей сказать?

– Мы сами тогда чудом выскочили.

– Знаю. Видел. Вы опередили нас на несколько ун и смогли вырваться. Нам пришлось искать другой путь и пробираться полями. Остальная дорога прошла без приключений?

– Да. У ворот я сказала Га-нору и Луку «прощайте» и приехала сюда. Не представляешь, каково это – быть запертой в четырех стенах и каждую уну думать о том, выжил ты или нет.

– Представляю, солнышко. Очень даже представляю. Я думал то же самое про тебя. Хорошо, что на нашем пути попался рыжий. Он сумел вывести тебя из этой заварухи. Наши друзья не возражали, что ты их покидаешь?

– Следопыт – нет. Понимал, что я на уговоры не поддамся, и сразу же отпустил меня на все четыре стороны. А Лук искренне огорчился и все убеждал остаться. Но я смылась. У них здесь свои дела, у нас – свои. Не стоило их приплетать. К тому же наши воины собрались на прием к Ходящим.

– Зачем? – насторожился я.

– Как я поняла из разговоров, Лук – единственный, кто выжил во время штурма Врат Шести Башен. И он видел Корь. Это может быть интересно для Ходящих.

– Еще он видел Тиф.

– Она мертва.

– Не уверен. Кажется, наша общая знакомая оказалась живучей тварью и умудрилась вернуться из Бездны.

Я рассказал о встрече с тем, кто раньше был Порком. С каждой уной ее лицо становилось все мрачнее. Повисло напряженное молчание. Лаэн, прикрыв глаза, лежала без движения.

– Такое возможно? – наконец не выдержал я.

– Ты хочешь услышать правду? Я не знаю. С Проклятыми все возможно. Они сильны, как никто другой в нашем мире. Их оболочку разрушить очень непросто, не говоря уже о духе. Вполне возможно, чтобы уничтожить последний, требуется нечто большее, чем обычная сталь. Нужно разорвать саму суть, основу, сжечь «искру». Помнишь ту стрелу?

Я вяло кивнул, понимая, о чем она говорит. Прекрасно помню. Странный костяной наконечник, теплое древко и лиловое сияние перед выстрелом в Ходящую.

– Если Тиф жива, у нас неприятности.

– Тонко подмечено, – усмехнулась она и начала одеваться. – Я бы сказала, что у нас большие неприятности. Если тебе она хочет всего лишь свернуть шею, то со мной и Целителем разговор будет иным. Возможно, это всего лишь желание отомстить. Возможно. Но я не исключаю, что мы нужны ей для чего-то другого.

– Например?

– Например, обрести более подходящее тело, чем то, что у нее есть сейчас. Или же вернуть Дар. Гис точно говорил, что она была очень слаба?

– Да. Во всяком случае, ему так показалось. Кто знает, что на уме у заклинателя?

– Значит, наш общий друг-гонец – Алый? Хм... – Она приподняла подол цветастой, купленной совсем недавно юбки и прикрепила к правой голени ножны с длинным узким кинжалом. – Тебе повезло, что он оказался рядом.

– А ему повезло, что рядом был я.

Неожиданно она рассмеялась:

– Много бы я дала, чтобы посмотреть на лицо Проклятой, когда она поняла, с кем столкнулась! Вряд ли Тиф брала в расчет, что на нее выйдет

заклинатель демонов! Против него она особенно уязвима. Представь себе, я начинаю жалеть, что Гис не с нами. Где ты его оставил?

– В одном придорожном заведении. В двух днях пути от Альсары. Смылся в середине ночи, пока он спал. Мне не нравятся такие попутчики. При всем моем спокойном отношении к демонологам, по возможности предпочитаю держаться от них как можно дальше. На душе спокойнее.

– Мальчишка остался с ним? – Она спрятала в левом рукаве еще один кинжал.

– Парень потерялся в Плеши. Мы ушли без него. Выжил он или нет – я не знаю.

Услышав эту новость, она огорчилась:

– Жаль, если Целитель погиб, у него были неплохие задатки.

– В особенности наглость и упрямство.

– Не без этого, – согласилась мое солнце. Она полностью оделась. – Но, возможно, мир потерял нового Скульптора.

– Ты далеко собралась? Может, подождем, пока стемнеет? С утра пришлось утихомиривать одного охотника за наградой.

Я рассказал ей о том, что произошло в Голубином городе.

– Так быстро? – удивилась она. – Порой я начинаю удивляться твоему умению влипать в неприятности. Не прошло и дня, а тебя уже опознали. На кого он работал?

– На себя. У Молса он подкармливался от случая к случаю. Так куда ты собралась, и не лучше ли нам дожждаться темноты? – вновь спросил я.

– Еще не знаешь, что с наступлением темноты в Альсгаре объявлен комендантский нар? На улицу выходить не рекомендуется. Военные патрули, стража и гвардейцы Наместника вместе с Ходящими и Огоньками. Последним лучше не попадаться. Так что я предпочитаю рисковать днем, а ночью сидеть дома. Следует навестить Молса. Не кажется ли тебе, что пора проведать старого друга, который был столь любезен, что прислал Кнута с товарищами, чтобы предупредить нас о нехорошем поступке Йоха?

Я ухмыльнулся:

– Пожалуй, ты права. Нас будут рады видеть.

Мы рассмеялись, и я начал одеваться.

– Что-нибудь о Йохе узнала? – спросил я мимоходом.

– Сама я на улицу носу не казала. Так что моими ушами и глазами были Ктатак и Йуола. Судя по тому, что удалось узнать – задача будет трудной. Йох ждет нас во всеоружии.

Я пожал плечами:

– Рано или поздно все отправляются в Бездну. К сожалению, времени у

нас не так много. К концу недели следует сесть на корабль. А может, и раньше.

– Знаю. Слышала, что Перешейки Лины взяты. Скоро запахнет жареным.

Я кивнул, взял со стула топорик:

– Как насчет твоего Дара?

Лаэн разом помрачнела:

– Не так хорошо, как я надеялась.

– И все-таки? – продолжал настаивать я. – Могу я рассчитывать на твою помощь?

– В таком смысле – нет. Во всяком случае, сейчас. «Искра» разгорается, но очень медленно. Пока я мало что могу. Давай подождем несколько дней, ладно?

Я кивнул, стараясь не показывать своего разочарования. Проклятая! Это она во всем виновата! Не встретить мы ее на своем пути, и охота на Йоха получилась бы в несколько раз проще.

– Ладно, не переживай, солнце. Справимся своими силами. Нам ведь не впервой, правда?

Лаэн благодарно улыбнулась:

– Пойдем. По дороге расскажу о нашей цели.

– Постой. А что с деньгами? – Я не увидел у нее мешка.

– Оставила на хранение Йуоле.

– Вот теперь я и в самом деле заволновался, – кисло пошутил я. – Как бы старушка не улетела вместе с нашими соренами.

– Она, конечно, своего не упустит, но в этом вопросе я ей доверяю.

– Как и в гадании, – еще мрачнее сказал я.

– Как и в гадании, – подхватила Лаэн. – Кстати, что сказали тебе карты?

– Ничего. Наша прорицательница осталась в недоумении. Сказала, что ошиблась. Расклад неправильный.

– «Ошиблась»? «Неправильный расклад»? – эхом повторила мое солнце. – Мы говорим об одной и той же Йуоле?

– А теперь представь, как удивился Ктатак. Я думал, он заквакает от счастья.

Она звонко рассмеялась:

– Было бы интересно глянуть.

– Я бы тоже не упустил возможности увидеть это повторно. Крылатая с досады чуть себе все перья из крыльев не выщипала. Пойдем. Надо с ними попрощаться. Надеюсь, в городе еще не запретили ходить с оружием?

– Нет. С этим, слава Мелоту, пока все в порядке.

Мы спустились вниз. В зале лавки все так же горели два фонаря. Йуола, не обращая на нас внимания и бормоча под нос ругательства, в сотый раз за день раскладывала на столе гадальные карты. А вот блазг был занят делом – вытаскивал здоровеннейший тесак из спины какого-то покойника. Еще один мертвец лежал под столом йе-арре. Насколько я мог разглядеть в полумраке – он был разрублен одним мощным ударом от ключицы до середины грудной клетки. Крови натекло целое озеро.

– Гости? – вежливо поинтересовался я.

Йуола разразилась визгливыми воплями, делая основной упор на матерей, родивших ублюдков, посмеявшихся напасть на ее лавку.

– Эти были по ваши души или по наши? – Лаэн посмотрела, как блазг вытирает тесак об одежду лежащего у двери покойника.

– Не волнуйся, Ласква. Вы здесь совершенно ни при чем, – рассмеялся Ктатак. – Пара детей рыб решила пощеквакотать перышквали моего партнера. Ну, заодно и барахлишкваком поживиться.

– Проклятые сволочи! – подтвердила йе-арре, не отрывая взгляда от карт. – Чтобы небеса обрушились на их тухлые семьи! Чтобы глаза высохли у их детей! Чтобы черви живьем ели их презренные потроха!

– Очень правильный подход, – не скрывая иронии, поддакнул житель болот. – Квак ты не догадалась высквазать это им в лицо, поква они были живы?

– За тобой угонишься, пиявка! – раздраженно фыркнула Йуола и, наконец, отложила карты в сторону. – Я и рта раскрыть не успела, как ты прихлопнул их, точно комаров с болота!

Ктатак утробно захохотал.

– Тихо сработал, – негромко произнес я. – Хватка, как я погляжу, у тебя все та же, старый пень.

– Горжусь похвалой мастера. – Он растянул губы в улыбке.

Я в принципе представлял, что здесь произошло. Двое субчиков были явно не из ближайших районов и точно не принадлежали к людям преследуемых законом ремесел, иначе бы нашли себе другие, более дружелюбные жертвы. Парни жаждали поквитаться с кем-нибудь из народа йе-арре. Если они не ослепли от висящего у лестницы фонаря и увидели крылатую, то прятавшегося в полумраке Ктатака заметить вряд ли успели. Вот и навалились. Интересно, они хотя бы поняли, что на них выпрыгнуло?

Лаэн, стараясь не наступать на растекшуюся по полу кровь, прошла к двери и опустила засов.

– Правильно, девочка, – одобрила Йуола. – А то припрется еще с

десяток, и я пол в жизни не отмою.

– Квагда это ты мыла полы, птаха?! Это всегда делаю я, – возмутился Ктатак.

– Отстань, пиявка, – поморщилась та.

– Что будете делать с телами? – поинтересовалась Лаэн.

– Наша забота. Не забивай себе голову. Вы уходите?

– Хотелось бы.

– Тогда проваливайте через черный ход. – Летунья вновь уткнулась носом в карты. – Ктатак, проводи их. Потом покойниками займешься. Никуда не денутся.

Лаэн чмокнула йе-арре в щеку:

– Спасибо тебе за все.

– Не за что, Ласка. Не за что. Была рада помочь. – С начала нашего разговора Йуола впервые улыбнулась. – Берегите себя. И удачи.

Блазг вынес из темноты колчан, полный стрел, и лук – точную копию того, что был у меня прежде. Четыре изгиба, композитный, черный. Хорошее оружие.

– Как раз по руке. То, что надо, – одобрил я его выбор, внимательно изучив покупку.

Ктатак довольно крикнул, затем поспешно произнес:

– Тольква со стрелами извиняй. Не умею выбирать правильные.

– Ничего, – утешил я его. – Справлюсь.

– Забирайте ваши сорены. – Он протянул мешок Лаэн. – Мы не можем отвечать за их сохранность. Свалим в любую минку.

– Прощай, Йуола.

– До встречи, Серый, до встречи. – Она даже не подняла головы от карт.

Мы пошли за блазгом. Черета полутемных комнат, заваленных какими-то тюками и ящиками. Сложно поверить, что ребята вывезли весь товар. По мне, так здесь еще есть чем поживиться. Кругом царил беспорядок, и никто не спешил с ним бороться. В одном месте на полу были разбросаны катушки с дорогими сдисскими разноцветными нитями. Пыль в комнате сияла в лучах вечернего солнца, заглядывающего в одно из окон.

Наконец Ктатак остановился у двери, снял засов, вставил в замочную скважину красивый ключ, отпер замок и выглянул наружу.

– Чисто. Пойдете через задний двор, направо от свинарника. Там квалитквал. Квалюч под плитквкой, на кваторой лягух нарисован. Не забудьте положить на место. Потом по переулкваку попадете прямо в

Гавань. Надеюсь, судьба еще сведет нас вместе. Да поможет вам Квагун.

– Бог блазгов вряд ли обратит внимание на людей.

Житель болот улыбнулся:

– Если бог йе-арре выпадает тебе в гадальных квартах, то отчего бог блазгов не может присмотреть за моим другом?

– Кстати! Окажи услугу!

Я рассказал ему о Жеребце. Мне конь сейчас был без надобности, а оставлять его трактирщику не хотелось.

– Хорошо. Пристрою твою кванягу в хорошие руки. Прощайте.

Мы вышли на улицу, и дверь за нами захлопнулась.

– Тебе выпал «Вор»? – с интересом спросила Лаэн.

– Да, – ответил я, изучая задний двор. – Это важно?

– Нет. Просто любопытно. Насколько я помню рассказы Йуолы, эта карта очень редка, и даже если попадается, то не действует в раскладе.

– В том, что сегодня разложила йе-арре – она действовала.

– Вот потому и любопытно. Жаль, что я не поговорила с ней на этот счет.

– Смысл? – пожал я плечами. – Летунья сказала, что расклад неправильный. Ты же знаешь. Она ошиблась.

На самом деле я так не думал. Меня очень настораживал «Безумец» и пять «Смертей», сложившихся в круг. Не надо быть большим умником, чтобы увидеть шестерку Проклятых, одна из которых каким-то чудом выжила и захватила тело деревенского дурака.

Западный район города, расположившийся сразу за поселениями йе-арре и примыкающий к морю, назывался Гаванью. Он растянулся вдоль берега огромной бухты, разросся в ширину и подмял под себя более мелкие кварталы Белоручек и город Скопцов. Сейчас своими размерами Гавань могла поспорить с другим самым большим районом города – Средним. Мы находились севернее порта, в кварталах вполне зажиточных ремесленников. Улицы здесь были достаточно широки и чисты, чтобы не морщиться каждую минку и не ждать, что сверху окатят помоями. Опрятные невысокие домики с белеными стенами навевали тоску. Они были столь однообразны, что в самую пору вешаться. Ни за что бы не захотел жить в подобном месте. Мне куда больше по душе разудалые переулки города Скопцов, веселый кавардак Портовой сторонки или тихое спокойствие Садов.

По сравнению с Птичьим городом, в Гавани бурлила жизнь. Ни один из служителей закона не обратил внимания на мой новый лук. В вольной

Альсгаре в отличие от столицы Империи – Корунна – не существовало запрета на оружие. Во всяком случае, в Гавани. Так что у многих мужчин на поясах были кинжалы.

– Надо бы в порт заглянуть, – протянул я, бросив взгляд в сторону ведущей к Портовой сторонке улицы.

– Не успеем, – покачала головой Лаэн. – Скоро стемнеет.

– Твоя правда. Тогда на сегодня у нас Молс. Всем остальным займемся завтра.

Мое солнце улыбнулась и взяла меня под руку:

– Как насчет сдобной булки?

Я улыбнулся ей в ответ:

– Не откажусь.

Запах хлеба мы ощутили задолго до того, как увидели лавку пекаря. Умопомрачительный аромат свежей сдобы разносился по всему Старомонетному переулку. Думаю, даже вывеска в виде кренделя здесь была лишней. И слепой поймет, где торгуют хлебом. Лотки были полны товара, но посетителей мало – время позднее, все, кто хотел, уже сделали покупки. Дураки. Я бы на их месте запасался сухарями. Когда начнется осада, цены улетят высоко вверх, а товар исчезнет в считанные дни. Вот тогда кто-то очень пожалеет, что не увеличил запасы продовольствия, когда была такая возможность.

Торговлю вели двое. Вид у них был лихой, таких только на пиратский корабль бери, а не за прилавок ставь. Их я не знал.

– Чего изволите?

– Бублик и рогалик с корицей.

Я расплатился мелкой монетой, передал бублик Лаэн, которая тут же вонзила в него зубы.

– Еще чего-нибудь?

– Позовите Молса.

Они тут же насторожились:

– Не знаем таких.

– Напрягите память. – Мои грубые слова никак не вязались с вежливой улыбкой.

Лаэн была занята бубликом и, казалось, вообще не следила за разговором.

– Ты ошибся, – глухо произнес один из пекарей. – Здесь нет никаких Молсов.

– Конечно, – я не собирался спорить. – Его настоящее имя звучит совсем по-иному.

– Лучше бы вам уйти. – Теперь взгляд у ближайшего к нам громилылучился «добротой».

Его товарищ достал из-под прилавка корд:

– Проваливайте. У нас работы по горло.

Я огорченно вздохнул, вытащил у-так, увидел, что эти дурни уже готовы кинуться на нас, и с обезоруживающей улыбкой бросил топорик им на прилавок.

– И что это должно означать? – нахмурился тот, что кордом. – Ты решил сдаться?

– Нет, он всего лишь не хочет проламывать ваши пустые черепушки, – ответила за меня Лаэн, наконец-то покончив с бубликом. Уже без всякого спроса она взяла с ближайшего лотка рогалик. – Кто из вас тут самый умный? Возьмите то, что вам дали, и сходите, поищите Молса. Как найдете, покажите ему оружие. Мы подождем.

– Нет здесь никакого Молса! Пошли вон, иначе стражу позовем! – не сдавался булочник с клинком.

– Тебя как зовут? – мягко поинтересовался я, не спеша уходить.

– Это еще зачем?! – рявкнул он.

– Ну, если меня потом Молс спросит, почему я не пришел на встречу, должен же я ему что-то сказать.

Это заставило их призадуматься. Если я говорю правду, их за такое по головке не погладят.

– Хорошо, – наконец решился здоровяк и взял у-так. – Ждите. Если соврали, я вас в бараний рог согну.

– Не ершишь раньше времени, малыш, – улыбнулась Лаэн. – Просто сделай то, для чего тебя здесь поставили.

Он бросил на нее злой, многообещающий взгляд и, буркнув товарищу, чтобы тот не спускал с нас глаз, скрылся в глубине лавки. У меня появилась свободная минка, и я стрескал купленную выпечку. Лаэн меня в этом опередила и сцапала с лотка очередную плюшку. Как я понял, чтобы просто позлить парня.

– Кто платить будет?! – не выдержал тот.

– Не думаю, что старина Молс пожалеет крошек. Его лучшие друзья не умирают с голоду, – ухмыльнулась она.

– Прямо так и лучшие? – пробормотал громила, но больше о плате не заикался, разумно решив, что следует дождаться товарища, который прояснит обстановку.

Вошел покупатель, и парень поспешно спрятал оружие под прилавок. Он заметно нервничал, пока обслуживал клиента, хотя мы и вели себя

смирно. В этот момент пришел второй продавец. Без у-така, но зато с кислой мордой. Поймал вопросительный взгляд напарника, едва заметно покачал головой.

– Идемте за мной. Вас ждут, – неохотно сказал он нам.

Мы последовали за ним и оказались в длинном коридоре.

– Вот видишь, малыш, все разрешилось наилучшим образом, – поддела его Лаэн.

Тот дернулся, зашипел:

– Не знаю, кто ты такая, но не стоит меня злить.

– Учту, малыш. Учту. – Лаэн обернулась ко мне и весело подмигнула. Я сделал страшное лицо, чтобы она перестала дразнить дурака. Что за детская забава? Она в ответ показала мне язык.

Мы вышли во внутренний двор, который нисколько не изменился за прошедшие годы. Разве что деревья стали куда выше, чем прежде. Пекарня осталась слева, мы протопали по аккуратно подметенной дорожке через небольшой сад и оказались у хорошего трехэтажного дома.

С улицы его видно не было, так что многие жители этой части Альсгары очень бы удивились, если бы знали, как живут некоторые булочники.

У входа, возле которого уже зажгли факелы, торчали четверо. Их я тоже видел впервые. Кажется, за последние семь лет здесь произошли некоторые перестановки. Новые люди сплошь и рядом. Один из них, высокий и плечистый, встал с травы, подошел к нам:

– Эти, что ль? – спросил он.

– Угу.

– Ну что? – улыбнулся плечистый. – Лук сымай. Мне с друзьями придется вас обыскать. Чтобы между нами было полное взаимопонимание и никаких недоразумений.

Оставшаяся на траве троица как по команде очутилась на ногах.

– Я проверю бабу, – поспешно сказал приведший нас малыш.

– И она тут же оторвет тебе руки, Луга, – раздался насмешливый голос.

У двери стоял красномордый, кряжистый мужик. У него были огромные лохматые баки, переходящие в неопрятную, изрядно поседевшую бороду. На голый и, несмотря на преклонный возраст, мускулистый торс был наброшен кожаный жилет. Короткие штаны до колен, широкий пояс с серебряной бляшкой в виде оскаленной волчьей морды, кривой сдисский кинжал в дорогих ножнах. В левой руке он небрежно держал мой топорик. Толстые губы улыбались, а вот карие глаза

насторожены. Он в любой момент ожидал от нас подвоха. Причем основное внимание уделял Лаэн.

– Привет, Пень. – Мое солнце поздоровалась первой.

– Привет, привет. Как добрались?

– Удачно.

– Не вижу ваших провожатых. Где их потеряли?

– Им не повезло, – ответил я. Больше наш собеседник не улыбался.

– Пень, – влез в разговор плечистый. – Нам их обыскивать?

– Заткнись, – бросил красномордый, и этот приказ подействовал на людей Молса как удар хлыста. – Не повезло, – словно смакуя эти слова, произнес Пень. – Всем и сразу?

– Да.

– Неужели Кнут зарвался? – В его голосе проскользнули нехорошие нотки. Пень был дружен с моим старым знакомцем. Проще говоря, они были как братья.

– Нет. Ему и вправду не повезло. Нарвался на ловкого набаторца.

– Жаль. – Было непонятно, поверил он мне или нет. – Гнус и Бамут тоже?

– Не совсем. – Лаэн посмотрела ему в глаза. – Они зарвались.

– О, – протянул тот. – Обидно. Хорошие были люди.

– Вне всякого сомнения. – Я был необычайно серьезен.

– Забери меня Бездна! – внезапно воскликнул тот, кого называли Лугой. – Серый!

Эта новость произвела на окружавших нас громил очень большое впечатление. До них наконец-то дошла связь между загадочной поездкой Кнута, Гнуса и Бамута, у-таким в руках Пня и приездом мужчины и женщины.

Теперь на нас смотрели во все глаза, а Луга отошел от Лаэн как можно дальше. Было заметно, что он воспринимает слова Пня про отрывание конечностей в самом буквальном смысле. У Ласки за время ее работы в Альсгаре сложилась не самая лучшая репутация.

– Ты слишком догадлив, – обманчиво тихо сказал Пень. – До добра это не доведет, понимаешь меня?

«Малыш» поблелел пуще прежнего:

– Да.

– Знаю, что соблазн растрепать об этом на каждом углу будет очень велик, как и желание заработать немного соренов, но, прежде чем ты раскроешь рот, подумай вот о чем. Деньги еще надо получить, Йох далеко, а я рядом. И твоя семья тоже. Ты ведь умный малый, не так ли? –

вкрадчиво поинтересовался краснолицый гийян.

– Я не собираюсь болтать.

– Вот и славно. Ступай. Занимайся делом. Вас мое предупреждение тоже касается. Надеюсь, никто здесь не думает, что десять тысяч соренов гораздо лучше, чем мое недовольство и... семейные неприятности? Вот и чудесно. Гелл, ты за своих ребят отвечаешь головой.

– Мы не будем трепаться. Знаешь же, – обиженно сказал плечистый.

– Знаю. Серый, Ласка, прошу в дом.

– Круто ты с ними, – сказал я, когда мы оказались внутри.

– Иначе нельзя.

– Не думаешь, что подобное обращение не пойдет на пользу?

– Глупости! – фыркнул Пень. – Они знают, что я часто лаю, но кусаю только по делу.

– Ты не кусаешь. Ты рвешь.

Он негромко хохотнул, вернул мне у-так, предупредив на всякий случай:

– Не балуй.

На улице уже порядком стемнело, и в доме зажгли свечи. Лежащий на полу дорогой бордовый ковер глушил ваши шаги. Пень остановился у двустворчатых дверей, толкнул их:

– Вваливайтесь.

Комната оказалась велика, ярко освещена свечами, стоящими на большом, накрытом белой скатертью столе. Раздалось три негромких хлопка в ладоши. Аплодировала высокая пожилая женщина. У нее было приятное лицо, большой рот, волевой подбородок. Поседевшие волосы убраны под белый накрахмаленный чепчик. Одежда простая, если не сказать скромная. Глядя на нее, милую и добрую хозяйку пекарни, никогда не скажешь, что перед тобой глава гильдии гийянов юга и один из самых влиятельных людей в преступном мире Альсары. Та, что взяла себе имя Молс. Ее видели лишь избранные, которых можно пересчитать по пальцам на обеих руках. Она всегда предпочитала оставаться в тени, общаясь со всеми, кто на нее работает, через Пня. А тот уж постарался, чтобы все считали, что Молс мужчина. Даже знающие люди во время разговоров друг с другом предпочитали о Молсе говорить «он». Так привычней и... безопасней.

– Браво, мои хорошие. Браво. – Она встала из-за стола. – Вам почти удалось всех надуть.

– «Почти» не считается, Молс, – сказал я.

Она была спокойна, улыбочива и всем видом показывала, как рада нас

видеть. Добрая тетушка, встретившая племянников после долгой разлуки.

– Как сказать. Тем пожаром вам на время удалось обмануть даже меня.

– Но не Ходящих.

– О да. Они были подозрительны, но годика через два успокоились. Во всяком случае, мне так стало казаться. Присаживайтесь, не стойте, словно чужие. Сейчас будем ужинать. Пень, распорядись. Рада, что вы все еще вместе. Я всегда говорила, что Серый и Ласка красивая пара. И работу выполняете – загляденье! Помните те времена? Не времена, а золото!

Мы умели понимать намеки. Лаэн достала из заплечного мешка заранее приготовленный кошелек и положила его на стол. Пятнадцать монет по сто соренов каждая – доля Молса за наше последнее дело. Пускай мы и действовали не через гильдию и в принципе могли не платить десятую часть гонорара, но жадничать не стоило. Проще выдать причитающееся и сохранить хорошие отношения. Полторы тысячи соренов – некоторые не смогли бы заработать подобной суммы даже за пять жизней. И, что самое смешное, – мне было их не жаль.

Молс взяла кошелек, ослабила завязки, заглянула внутрь:

– Так вот сколько стоила жизнь той Ходящей. Когда я узнала о случившемся, посчитала вас глупыми. Но, как вижу, это стоило того. Кстати говоря, хорошо сработал. И ушел красиво. Огоньки разнесли соседние дома, но через четыре дня нашли лук, и оказалось, что ты стрелял не из самой удобной позиции. Кое-кто ради интереса пытался повторить твой трюк, но у него ничего не вышло.

Она положила деньги на край стола и, казалось, забыла о них, увлеченная разговором. Пока накрывали на стол и шел ужин, Молс болтала без умолку на разнообразные темы, начиная от погоды и заканчивая ценами на муку. Порой нам удавалось вставить какую-нибудь реплику. Пень часто хмурился и больше пил, чем ел. И только после того как со стола убрали приборы, мы перешли к делу.

– Вы надолго в городе? – спросила Молс.

– Как получится, – уклончиво ответил я. – А ты не собираешься уходить?

– Куда же я пойду? Вся жизнь прошла в Альсгаре, теперь уже поздно сниматься с насиженных мест. Слишком старая.

– Осада тебя не волнует?

– Ты о голоде? У меня хватит запасов, чтобы прокормить и себя и мальчиков. К тому же до осады далеко. Набатору придется пройти через нашу армию.

– Отчего-то я не сомневаюсь, что пройдут. Если начнется голод, то

пекарню первым делом почистят.

– Пусть только попробуют, – прорычал Пень, вливая себе в глотку очередной бокал вина. Он, как всегда, не пьянел.

– Нисколько не сомневаюсь, что ты передушишь всех мародеров, – промурлыкала Лаэн. – Но как быть, если придут солдаты? Гвардейцы? Против них, при всем моем уважении к твоим ребятам, вы долго не продержитесь.

– Если придут по приказу Наместника и городского совета, то я открою погреба, – спокойно заявила Молс. – Для родного города мне ничего не жалко.

– Особенно когда имеется тайный склад, который в два раза больше всем известного, – усмехнулся Пень. – Я за свой живот спокоен.

Глава гильдии бросила на помощника недовольный взгляд. Узнаю ее предприимчивость. Как говорили недоброжелатели, ныне покойные, если у нормальных людей в доме один тайный ход, то у проклятого Молса все десять.

– Не ожидала, что вы вернетесь.

– Ты же сама послала за нами.

– И все равно, учитывая обстоятельства – не ожидала. Рада, что мое предупреждение дошло до вас. Я искренне беспокоилась.

Я скорчил физиономию, показывая, как отношусь к ее словам:

– Давай будем честными друг с другом. Ты все это затеяла не для того, чтобы помочь нам. Тебе просто порядком надоел Йох, а мы – из тех немногих, кто взялся бы за это дело. У нас просто нет иного выбора.

– За те годы, что я тебя не видела, ты превратился в страшного циника, мой мальчик. – Она нисколько не смутилась, услышав мои слова. – Неужели ты хочешь мне сказать, что не благодарен за своевременные новости?

– Благодарен.

– Тогда я не вижу причин для твоего неудовольствия.

– Как ты вообще узнала, что мы живы, и нашла нас? – поинтересовалась Лаэн.

– Ну, то, что вы живы, я предполагала. Вы все же не такие дураки, чтобы прикончить Ходящую и не подготовить нормального отступления. Бери булочку, угощайся.

– Спасибо, но я сегодня их достаточно много съела. Растолстею еще.

– Глупости. У тебя отличная фигура. Так вот, – вернулась она к теме. – Я подозревала это, но искать вас, как Ходящие... слишком долго и тяжело. Если уж у них не получилось, то куда лезть обычной хозяйке пекарни?

Империя большая, а вы явно законопатились в какую-нибудь дыру, так что и при свете дня не отыщешь. А то и вовсе свалили в Золотую Марку, Урс, Гроган, Син или еще куда. Мир Хары велик. Вы, конечно, должны были мне деньги за последнее дело, но я предпочитала подождать. Серый всегда был честен в подобных делах. Как видишь, ожидание, пусть и долгое, себя оправдало, – она покосилась на лежащий на столе кошелек. – А когда Йох ни с того ни с сего объявил награду за ваши головы, то я уже не сомневалась. Трехпалый не такой дурак, чтобы выбрасывать деньги на ветер. Пришлось подсуетиться, чтобы сцапать племянника нашего общего знакомого. Пень был столь добр, что поговорил с молодым человеком и через несколько дней сумел вытащить кое-что. Прежде чем умереть, паренек назвал нам деревню. Некую Песью Травку.

– Он не сказал, откуда Йох узнал о ней?

– Он не знал, кто сказал Йоху. Ты перебежал ему дорожку и лишил пары пальчиков, и в его обычаях мстить даже спустя столь долгий срок. Если он пошел на такое, значит, это было для него выгодно. Или же у него не было выбора.

– Кто мог заставить Трехпалого танцевать под свою дудку? – нахмурилась Лаэн и бросила быстрый взгляд в мою сторону.

Я знал, о ком она думает. О Ходящих.

– Если подумать, то многие, Ласка. Йох важен и значителен, но есть и те, кто гораздо важнее него. Они вполне могли надавить. – Молс не заметила нашего переглядывания. – В любом случае он это уже сделал. Ваши головы на весах против десяти тысяч соренов.

– Хорошие деньги. – Пень убрал со стола опустевшую бутылку вина и взялся за новую. – Многие будут рады их заработать.

– Но не мы. – Молс выделила последнее слово. – Сумма значительная, но я не буду играть с вами грязно.

– Тебе гораздо выгоднее избавиться от Йоха, чем еще немного пополнить свою сокровищницу, – осклабился я.

– Ты, как всегда, прав. – Она не отвела взгляда. – Йох всегда был костью в моем горле, а в последнее время он взлетел очень высоко. Лучший друг Наместника, устраивает для него и благородных шикарные представления. Видел бы ты, какого мастера фейерверков он выписал из Грогана! Вся Альсгара месяц только об этом и талдычила. Новые друзья, новые возможности, новая власть и влияние. Он подмял под себя большую часть города, нельзя чихнуть без его разрешения. Йох пытался лезть в дела гильдии и моих людей. Произошло несколько стычек, но большой войны, слава Мелоту, не случилось. Хотя я не уверена, что если ему втемяшится в

голову подмять нас под себя, мы выстоим. Трехпалый теперь сможет натравить на нас гвардейцев, а то и помощью Башни заручиться. Пока он осторожничают, но сколько это будет продолжаться? И я не могу до него добраться, старый жук слишком бережно относится к своему здоровью. В последние годы до него не дотянешься.

– Неужели нельзя дать хорошую цену? Тысяча соренов и пара отчаянных ребят вполне могут справиться с таким делом. – Лаэн жестом попросила Пня налить ей вина.

– У меня нет лишней тысячи, Ласка. – Было непонятно, шутит Молс или говорит серьезно. – А отчаянные ребята давно перевелись. Никто не будет рисковать шеей в столь безнадежном деле. Я не шутила, когда говорила, что до Йоха так просто не добраться. Он сидит в доме, больше похожем на крепость, а если и отправляется в путешествие по городу, то с такой охраной, что без маленькой армии к нему не пробиться. Сожрут.

– Не верю.

– Поверишь, когда сама увидишь. Завтра четвертый день недели. Йох имеет обыкновение ездить на бои, что теперь проходят в квартале Огурцов. Если любопытно, можете взглянуть. Чему ты ухмыляешься, Серый? – Она подняла тонкие брови.

– Ты сказала, что у тебя нет денег и отчаянных ребят. Именно поэтому к нам приехал Кнут с товарищами? Мы сделаем все бесплатно? Решила воспользоваться нашими руками?

– Конечно, – с достоинством сказала она. – Это в ваших интересах, раз уж за головы дают хорошую цену. Заодно и мне поможете. Я вас поддержу всем, чем смогу, но выбить из Трехпалого душу – не моя забота.

Я кивнул:

– Достаточно честный ответ.

– Мои люди и вправду оказались нечисты на руку? – неожиданно поинтересовалась она.

– Только Гнус и Бамут. Деньги вскружили им головы.

– Бамут дурак. Не сомневаюсь, что он пошел на поводу недомерка. Ладно, туда и дорога. А Кнута жаль. Он был со мной с самого начала. Надеюсь, его душа в Счастливых садах. А что с мальчиком?

– Этот же вопрос я хотел задать тебе.

– Ты о чем?

– О Шене, которого ты приставила к своей троице. Кто он такой, и откуда ты его выкопала?

– Я посчитала, что пареньку придется по душе прогулка. Пусть набирается опыта. – Она не дрогнула под моим взглядом. Хладнокровности

Молса можно только позавидовать.

– Опыта в чем? В убийствах или в лекарском деле? Ты же знаешь, что он не принадлежит к гильдии и не является свободным охотником. Парень лекарь, пускай и умеющий убивать. Зачем он поехал с Кнутом?

Я не стал говорить, что у Шена Дар и он Целитель. Вряд ли Молс об этом знает, и пусть это пока останется в тайне.

– Меня попросили. – Она снова не отвела взгляда.

– Кто, если не секрет?

– Секрет.

– Позволь настоять.

– Не позволю. – Теперь, в ее голосе звякнула сталь. – С вами это не связано никоим образом. У меня был выбор, с кем поставить лекаря, и я выбрала Кнута. В этом предприятии от Шена мог быть толк. Где он теперь?

– Не знаем.

– Мертв?

– Говорю же – не знаем. Он отстал по дороге.

Молс – умница. Ловко перешла из защиты в нападение. Начала задавать вопросы, и мне пришлось отвечать, отстав от нее. Она явно не собирается рассказывать мне, где ее дорожка пересеклась с лекарем.

– Когда вы намерены приступить?

– Как только осмотримся.

– Только не тяните. Вас могут узнать. Если что-то потребуется – Пень в вашем распоряжении. В любое удобное время.

– Учтем. Спасибо за ужин. – Я встал из-за стола, кивнул на прощание мрачному Пню. – Поговорим, когда я прощупаю обстановку.

– У вас есть где переночевать?

– Да.

Мы не собирались рассказывать о своей берлоге.

– Пень, проводи гостей. – Молс явно осталась довольна беседой. – Я помолюсь за вашу удачу.

И вновь я не понял, издевается она или нет.

Вино в фужере было цвета голубиной крови. Молс взяла бокал в руку, пригубила. Ощутила терпкий и в то же время резкий аромат спелого винограда. Она не любила этот напиток, но сегодня захотелось чего-нибудь крепкого. Женщина даже не стала разбавлять вино водой, по языку растекся ни с чем не сравнимый вкус спелых ягод, но Молс сморщилась, словно только что выпила уксуса.

Сухое. Она терпеть не могла сухое. Да к тому же еще и красное. Как

Пень может пить такое дерьмо, пускай оно и стоит пять соренов за одну бутылку? Все еще морщась, глава гильдии гийянов поставила бокал обратно на стол, затем подумала и залпом осушила его. Теперь уже не морщась. Как она и предполагала – лучше не стало. Где-то в глубине души поселился огонек тревоги.

Дверь открылась, и в зал тихо вошел Пень. Он был хмур и взволнован. Сел напротив, взял с блюда немного говяжьего языка, щедро посолил, запихнул в рот, начал мрачно жевать. Молс молчала, не обращая никакого внимания на помощника и человека, с которым прожила целых двадцать лет.

– Небывалый случай, – нарушил молчание Пень. – Ты решила изменить себе и выпить вина?

– Сейчас не время для поддевок, Олна.

– А, по-моему, самое время. Скоро нам будет не до этого. Они ушли, если тебе интересно.

– Не интересно.

– Ты ведь ожидала совсем другого?

Молс с раздражением посмотрела на мужчину, затем вздохнула:

– Да. Они могли быть не столь милы и обходительны.

– У Серого не было повода. К тому же я бы не позволил...

– И Ласке тоже? – перебила она его. – Как бы ты остановил ее, если бы она решила вскипятить твои мозги?

– Но она этого не сделала.

– Просто не захотела. Они, как все умные люди, предпочитают ссориться лишь в безнадежных случаях. Я не перебегала им дорогу и не загоняла в угол. У нее не было причин.

– И все же ты взволнована.

– Они знают о мальчишке.

– О, – многозначительно произнес Пень и протянул руку к бутылке.

– Помня упрямство Серого, я удивлена, что он не стал настаивать на прямом ответе.

– С годами Нэсс мог поумнеть. Или для него это не так уж и важно, Катрин.

– При его подозрительности и осторожности? – фыркнула та, которую называли Молсом. – Не говори ерунды. Для него это очень важно. Он хочет понять, почему Шен отправился с Кнудом. Зачем понадобился человек не из гильдии.

– Я считал, ты подготовила достойный ответ.

– Все допускают ошибки. – Она вздохнула и встала из-за стола. – Я не

рассчитывала, что станет известно о том, что парень не причастен к гильдии.

– Думаешь, поступила ли ты правильно, поддавшись той просьбе?

– Я не дура так рисковать. Мне прямо дали понять, что упрямство в данном вопросе будет фатально для меня. И для тебя, кстати говоря, тоже. Следовало согласиться.

– Зачем им понадобилось посылать мальчишку, к тому же ничего не умеющего? Не доверяли нам?

– Пойди и спроси у них.

– Нет, спасибо, Катрин. Я как-нибудь проживу и без этого ответа. Меня беспокоит, что будет, если Серый придет и спросит еще раз. Теперь уже настойчиво. Ты скажешь ему правду?

– Правда бывает опасной. В данном случае для нас. Нам хорошо заплатили и оставили гильдию в покое. Я ничего не скажу.

– И все-таки? Если Нэсс не успокоится.

Молс холодно взглянула на любовника:

– Пока все идет как надо. Но если Серый начнет брыкаться, я сама пойду к Йоху с его головой и заберу десять тысяч. Поверь, это будет гораздо безопаснее, чем переходить дорогу этим людям.

– Можем соблюсти договор уже сейчас. Когда Серый и Ласка вновь придут, мы будем готовы.

– Нет. Я не спешу заканчивать то, что было начато так давно. Йох нам мешает, и Нэсс с Лаэн помогут от него избавиться. А потом можно подумать и о договоре.

Какое-то время он молчал, затем едва слышно произнес:

– Значит, так тому и быть.

Глава 17

Было темно, но я не спешил зажечь лежавшую в мешке Лаэн свечу. Огонь переполошит спящих на стропилах голубей, и тогда здесь начнется форменное сумасшествие. Переполох среди птиц в такой поздний нар может привлечь ненужное внимание. Нам это ни к чему.

Здесь крепко воняло птичьим пометом, где-то над головой шебуршали и недовольно пыхтели разбуженные нашими осторожными шагами птицы. По счастью, тупые создания не поняли, что на их чердаке объявились непрошенные гости. Я держал Лаэн за руку и медленно продвигался в сторону распахнутого чердачного окошка, через которое прекрасно видна половинка луны.

Что-то с противным смачным звуком упало на мое правое плечо, и Лаэн, не удержавшись, тихонько хихикнула. Я выругался сквозь зубы, посылая проклятия на задницу той птицы, которая столь ловко умудрилась нагадить мне на куртку.

– Прости, – прошептала мое солнце. – Но тебе не кажется, что однажды уже такое случилось? В тот день, когда мы с тобой познакомились?

Я добродушно фыркнул и едва не споткнулся о лежащий у самого окна деревянный круг Мелота. Выругался повторно, выглянул наружу, убедился, что все спокойно, и прыгнул на крышу. Черепица под ногами держалась крепко, так что я не опасался упасть. Впрочем, и смотреть вниз тоже не спешил. Высота совсем немаленькая. Как-никак второй по величине в городе храм Мелота, да еще и отстроенный самим Скульптором.

Я протянул Лаэн руку, помогая выбраться на крышу. Дующий со стороны моря легкий ветерок пах солью и йодом. Половинка луны сонной рыбой плыла по небу. То прячась в низких облаках, то вновь появляясь, она обливала бледным серебристым светом плоскую крышу храма, его купола и семь шпилей. Нам требовался третий от центрального купола шпиль.

– Хорошо, что жрецы редко выбираютя наверх. Нас бы сочли святотатцами. – В ночи блеснула ее улыбка.

– Они слишком жирны и ленивы для такого, – нравоучительно сказал я. – Да и что им здесь делать? Колокола в другом месте. Дай Мелот, сюда два раза в год выбираютя рабочие, проверить, не протекает ли крыша.

– Ты заметил, что Молс был не расположен обсуждать историю Шена?

– Не дурак. Видел. Меня это беспокоит.

– Но ты не стал настаивать? Хотя мог.

– Да. Не стал. Он, конечно, опасается тебя и твоего Дара. Но без настоящей силы брать его на испуг неразумно. Все могло кончиться ничем. Я еще узнаю о том, как к нему попал Целитель.

Мы остановились у шпиля. Он имел огромное четырехугольное основание, которое в тридцати ярдах над нашими головами превращалось в острый конус.

– Нам нужна восточная часть. – Я пытался сориентироваться.

– Тогда она противоположная, – не раздумывая, сказала Лаэн. – Идем.

Каждая из сторон шпиля – в длину ровно десять ярдов. Нам пришлось пройти западную и северную, прежде чем мы оказались у того места, которое было нужно.

– Это не центральный храм. Здесь может ничего и не быть.

– Они созданы в одно и то же время, одним и тем же человеком, дорогой. Просто центральный находится в Высоком городе, а этот – в Гавани. Убежище должно быть и тут. Я уверена. Ищи.

Справа от того места, где основание огромной, созданной Скульптором конструкции переходило в крышу, я начал искать. Это оказалось не столь просто. Наконец, у стены, над шестой от края черепицы, я обнаружил едва видимый рисунок, изображавший арку.

– Справишься? – поинтересовался я у Лаэн. Она нервно облизала губы:

– Попытаюсь. Надеюсь, моей оставшейся «искры» хватит.

– Не волнуйся. Если не получится, подыщем другое место для убежища.

– Я не собираюсь сдаваться так просто, – улыбнулась она. – Пробраться мимо жрецов не так легко.

Я ободряюще подмигнул ей в ответ. Мое солнце протянула ладонь, накрыла полустершийся символ, который тысячу лет назад оставил сам Скульптор. Спустя несколько ун арка засияла рубиновым, и часть стены у восточной стороны шпиля отошла в сторону, открывая темный узкий проход. Протиснуться в него можно было только боком.

– Молодец, – похвалил я ее. – Как вижу, ты уже кое-что можешь.

– «Д... ща... тся с ка... дым... ем», – неожиданно раздалось у меня в голове.

– Прости? Не понял. – Я улыбался как идиот. После стольких дней я вновь «услышал» ее.

– Дар возвращается с каждым днем. Все быстрее и быстрее. Только сил пока не хватает, – виновато закончила она.

– То, что ты можешь на данный момент, – уже хорошо.

Мы пробрались в проем. Темно, хоть глаз выколи.

– Свет, – тихо попросила Лаэн.

Я зажмурился от хлынувшего со всех сторон яркого света, который излучали белые шары.

– Это место не такое, как то, – пробормотал я. Лаэн, тоже порядком смущенная, приложила руку к начертанной на стене арке, являющейся точной копией той, что я нашел на крыше, и потайная дверь встала на место.

– Тебе не кажется, что изнутри оно гораздо больше, чем снаружи? – не успокаивался я.

– Это одна из шуток Скульптора. Я слышала о таком.

Девять лет назад Лаэн показала мне тайное убежище, созданное Скульптором в третьем шпиле центрального храма Мелота. Откуда она знала о том укромном уголке, и почему про него не слышал никто из Ходящих и Огоньков, я так и не спросил. Как и не спрашивал, кто учил ее Дару, и откуда она родом. В нашей жизни были темы, которых мы старались не касаться.

В те времена мы использовали указанное моим солнцем убежище для наших нужд. Оно было небольшое, но достаточно удобное и уютное. И, самое главное, никто о нем не знал, и попасть в него, не имея Дара, было невозможно. Безопасней только под подолом юбки Матери Ходящих, да простят меня за такое кощунство.

Это же помещение казалось огромным. Шесть ярдов от входа, десять ступенек вниз и еще по крайней мере сто ярдов просторного зала с высоким куполообразным потолком, мощными контрфорсами и рядами массивных шестиугольных колонн вдоль стен. Сплошь мрачный серый камень. Никакого намека на красоту.

– Не могу понять! – наконец не выдержал я. – Как снаружи может быть мало, а внутри так много?! Как этот зал влез в шпиль?!

Лаэн отвлеклась от созерцания помещения. Было видно, что она потрясена не меньше меня:

– Это игра с пространством... миром. Что-то может казаться меньше, чем оно есть на самом деле. Маги прошлого умели такое делать.

– А Ходящие?

– Нынешние – нет.

– А Проклятые?

– И их сил и знаний на такое не хватает. Подобное совершали лишь те, кто жил в одно время со Скульптором. Потом случился Великий упадок. А

Война Некромантов добила то, что еще не успели забыть.

– То есть...

– Знаешь, почему Ходящие, живущие в наши дни, так боятся Проклятых? – неожиданно спросила она. – Потому что те родились пять сотен лет назад и владеют такими знаниями, какими никогда не сможет обладать никто из ныне живущих носителей «искры». Знание – а не сила, вот главное оружие Шести.

– Ты хочешь сказать, что Проклятые не так уж и могучи?

– Не хочу. Они достаточно сильны, чтобы стереть большинство владеющих Даром в порошок. Но есть почти равные им по мощи. Та же Мать, думаю, вполне могла бы справиться с Корью – она считается самой слабой из тех, кто затеял Темный мятеж. Но знаний у нее гораздо меньше, чем у Митифы.

– Митифа это имя Кори?

– Да.

– Я не знал.

– Башня предпочитает об этом не распространяться. Но любой носитель Дара знает настоящие имена Проклятых. В Радужной долине не считают нужным скрывать историю. Во всяком случае, ту, которая им выгодна.

Я с трудом удержался, чтобы не спросить, была ли Лаэн в знаменитой школе Империи, где учат обладающих «искрой».

– Боюсь, мы так никогда и не узнаем, для каких целей Скульптор создал это помещение. – Она, кажется, не заметила моих колебаний. – Идем. Надо осмотреться.

– Здесь можно разместить прорву людей, – сказал я, касаясь рукой одной из колонн.

– На самом деле я до последнего момента не была уверена, что мы найдем здесь тайник, – неожиданно призналась она.

– То есть раньше ты о нем не знала?

– Нет, конечно. Но идти ночью в Высокий город не имело никакого смысла. Сам знаешь, что в такое время нас туда никто не пустит. Вот тогда я и подумала о храме в Гавани. Его строил Скульптор, и тогда это строение находилось вне городской черты. Так почему было не попробовать?

– А если бы ты ошиблась?

– Могли переночевать на чердаке трапезной. Вместе с голубями, – хихикнула она.

Я поднял очи горе. Вот бы это было удовольствие!

– Эй! Смотри! Здесь люк в полу! – неожиданно воскликнула Лаэн. Она

упала на колени и попыталась пальцами поддеть тяжелую крышку.

– Значит, это место еще больше, чем я предполагал. – Я покачал головой.

– Вместо того чтобы стоять с умным видом, лучше бы помог слабой женщине!

– Я предпочитаю держаться подальше. Не зря ведь это место спрятали. Не ровен нар, вылезет какое-нибудь очень голодное чудовище.

– Ты то же самое говорил, когда в первый раз я открыла тебе проход в центральном храме. Тогда ничего не выскочило. – Она начинала сердиться.

– Если ты будешь лезть в разные подозрительные места, то, помани мое слово, рано или поздно это произойдет. Ай! Не щиплись! Шучу! Шучу.

– Так-то лучше, – проворчала она. – Не понимаю, чего ты упрямисься.

– А я не понимаю, чего ты туда лезешь, – не остался я в долгу. – Нам вполне хватит зала.

– Мне не дает покоя любопытство.

– Любопытство сгубило кошку, – не удержался я и тут же заработал болезненный тычок локтем в бок.

– У-у-у! – вот и все, что я сказал, а затем принялся за работу.

Крышка поддавалась как миленкая, я только и успел подставить руки в образовавшийся зазор.

– Береги пальцы! – предупредила Лаэн.

Я напряг мышцы и отбросил тяжеленную стальную крышку в сторону. Она с грохотом упала на плиты, и теперь в полу зиял темный провал. Видны были лишь первые пять уходящих во тьму ступенек.

– Полезем? – поинтересовался я, уже зная ответ.

– Спрашиваешь! Свет!

Внизу зажглись магические фонари, но сияли они не столь ярко, как в зале, где мы сейчас находились.

– погоди. – Я схватил уже собиравшуюся спускаться Лаэн за руку и на ее недоумевающий взгляд пояснил: – Первым пойду я.

– Клянусь Даром! – пискнула мое солнце, когда мы очутились внизу. – Клянусь Даром! Это же... это...

Она не закончила и, пораженная, остановилась у лестницы. Было отчего замереть.

Мы находились в небольшом семиугольном зале с розоватыми стенами и полом точно такого же цвета. На полу был выписан широкий круг, в котором с помощью красной мозаики чьи-то умелые руки выложили семь очень похожих на большие лепестки фигур. Все семь «лепестков» цветка выходили за пределы круга, и на том месте, где они заканчивались,

из пола вырастали семь каменных клыков. В половину человеческого роста, сильно загнутые, остриями направленные в круг.

Раньше я ничего подобного не встречал.

– Лепестки Пути! – К Лаэн наконец-то вернулся дар речи. – Нэсс! Это же Лепестки Пути!

– О! – глубокомысленно произнес я.

Легендарное творение, когда-то созданное самим Скульптором. Судя по тем сказкам и мифам, которые мне не раз приходилось слышать, – с помощью заложенной в Лепестки Пути магии можно было практически мгновенно перенестись на немыслимые расстояния.

– Он был великим человеком. И магом. – Она провела рукой по ближайшему клыку.

Я не стал спрашивать, кто такой этот «он». И дураку понятно.

– Столь великим, что унес тайну их создания в могилу. Насколько я помню, ни одна Ходящая с момента смерти Скульптора не смогла даже приблизиться к созданию такого чуда. У них вообще ничего не вышло.

– Ты прав, дорогой. Но его величия это не затмевает.

– Не знаю. – Я с опаской наблюдал за тем, как Лаэн вошла в круг. – Считаю меня жадным, но не понимаю, почему он не поделился этим знанием с потомками.

– Быть может, не нашел достойного. А может, просто не успел. Кто знает? Прошло уже столько сотен лет. Все забылось.

– Эй, – не выдержал я. – Может, ты отойдешь от них? Не уверен, что это безопасно.

– Не говори ерунды, – отмахнулась она. – Ни один из Лепестков не работает вот уже почти пять сотен лет.

– Я – знаю, – обиженно пробурчал я.

– Тогда не понимаю твоих опасений. Когда Проклятые вышли из Совета и устроили бунт, Сорита перед смертью успела закрыть творения Скульптора, и с тех пор они мертвы.

– Мертвы ли? – Я подошел к ближайшему ко мне «клыку» и прикоснулся к нему. Камень оказался неожиданно теплым и гладким. – Я в этом не уверен.

– Ну, спят. Разница невелика! – Порой ее беспечность меня поражала. – Все Ходящие мира, включая Проклятых, не смогли их разбудить. А у нас и подавно не получится. Поверь мне, Сорита постаралась сделать так, что Лепестки оказались потеряны навсегда. Ни одна Ходящая еще долго не пройдет по ним. Если, конечно, не найдется умник, который сможет оживить эти камни.

– Ты знаешь, как они действуют? – Мне было любопытно услышать это от нее, потому как в разговорах «всезнаек» я слышал разные предположения о том, как работали Лепестки. От самых простых – вроде произнесения слова, до самых нелепых – помета летучих мышей и ослиной мочи.

– Читала в книгах. – Она закончила осмотр и оказалась рядом со мной. – Люди встают в круг, Ходящая представляет место, куда их нужно переправить, с помощью Дара заставляет Лепестки ожить, и ты уже в другом месте.

– Э-э-э... – протянул я. – А без Ходящих никак нельзя было обойтись? Они – обязательное условие?

Лаэн как-то странно на меня посмотрела, а затем осторожно поинтересовалась:

– Нэсс, а ты вообще понимаешь, почему Ходящих называли «Ходящими»?

На самом деле я до сего дня об этом не задумывался, но сообразил, куда она гнет, очень быстро.

– О! – выдал я свою «коронную фразу». – Их так называли, потому что они управляли Лепестками.

– Умница. – Она чмокнула меня в щеку. – Ты совершенно прав.

– Постой, постой! А Огоньки тогда что делают?..

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответила она.

– Не знаю, – честно признался я. – Всегда считал, что они слабее Ходящих. Что-то вроде учениц и учеников.

– Совсем нет. Понимаешь... – Она задумалась, затем улыбнулась, поймала мой удивленный взгляд и поспешно пояснила: – Прости. Просто... странно объяснять тебе прописные истины.

– Прописные? – возмутился я. – Выйди на улицу и спроси у сотни прохожих, в чем отличие одних магов от других и почему их так называли, и посмотрим, что тебе скажут.

– Ты прав. Конечно, прав, – кивнула она. – Никто не задумывается, почему их так зовут. Это складывалось веками, стало привычным. А то, что Ходящие главнее и входят в Совет, сразу же ставит Огоньков на ступеньку ниже. По силе конечно же.

– А это не так? – Странно было узнавать что-то новое о том, что казалось тебе известным с самого детства.

– Помнишь, я рассказывала тебе о Целителях? Про то, что, в отличие от выходцев из Радужной долины, у них другой Дар. Так и у Ходящих с Огоньками есть... некоторые отличия. Первые умеют путешествовать с

помощью Лепестков Пути, могут заставить их повиноваться себе, могут столь ярко представить нужное место, что оно станет почти реальным. К тому же они более искусны в плетении магии. Именно искусны, а не сильны. Это как вязание. Если у них получаются сложные узоры, то Огоньки способны создавать не столь серьезные заклинания, пускай и мощные. Но зато Огоньки обладают другой возможностью – они могут делиться своей «искрой». Теплом. Передавать часть силы Ходящим, на время увеличивая их Дар. Это очень важно, особенно в бою.

– Как запасной колчан со стрелами? – хмыкнул я.

– Вот-вот. Если мы возьмем двух Ходящих одинаковой силы, которые вдруг ни с того ни с сего решат сражаться друг с другом, победит та, рядом с которой будет более сильный Огонек. Или несколько Огоньков. Они на порядок ее усилят.

– Кажется, понял, – задумчиво сказал я. Смешно! Прожил целую жизнь, а тут такое откровение! – А Огоньки могут быть сильнее Ходящих?

– По силе – да. Но не по умениям. К тому же все Ходящие – обязательно женщины (Огоньки могут быть мужчинами). Исключая Целителей. Мужчины с этим Даром могут приказывать Лепесткам. Скульптор был Ходящим.

– Это я уже понял, но остальным мужикам не даются разговоры с камнями?

– Видимо, нет. – Лаэн весело улыбнулась. – Но не думаю, что Чуму, Лихорадку и Чахотку это очень сильно расстраивало. Особенно после того, как Сорита усыпила Лепестки.

Я помнил, что трое из восьми Проклятых – мужчины, и двое до сих пор живы. Но мне не давал покоя один вопрос.

– А как же теперь, когда Лепестки перестали работать, определяют, кто Ходящая, а кто Огонек?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Ни разу не видела. Но могу предположить, что для этого всего лишь надо проверить, сколь сложные заклинания может плести претендент и умеет ли он отдавать частичку «искры» другому носителю Дара. Меня вот интересует, почему Лепестки оказались в столь странном месте? Согласись, неожиданная находка. Думаю, кроме создателя, никто о них не знал. У Скульптора была причина спрятать один из Лепестков в этом месте? Но почему?

– Боюсь, теперь мы никогда не узнаем правды. Пойдем отсюда. Спать осталось несколько наров. Сегодня будет тяжелый день.

Она неохотно кивнула и уже стала подниматься по лестнице, но тут я увидел кое-что любопытное на одной из стен.

– Лаэн, здесь опять этот рисунок!

Мы подошли.

– Арка – знак Скульптора. Выходит, мы нашли не все, что он здесь спрятал. Замок точно такой же, как у входа на крыше храма.

– Не возьмешься?

– Нет, – решительно ответила она. – Иначе мы останемся здесь надолго. Пока я не настолько сильна, чтобы разбрасываться «искрой». В следующий раз.

– Мы обязательно сюда вернемся.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Улыбка у нее была усталой.

– Свет, – тихо прошептала мое солнце, когда мы расположились на походных одеялах, и висящие на стенах шары погрузили помещение в темноту.

Га-нор проснулся от того, что скрипнула дверь. Он вскинулся, схватил лежащий рядом с подушкой кинжал.

– Спокойно, приятель. Это всего лишь я, – поспешно сказал Лук и на всякий случай развел руки, показывая, что он безоружен. Мало ли что померещится сыну Ирбиса со сна?

– Вижу, что ты, – проворчал следопыт и, убрав оружие, рухнул обратно. – Не стой на пороге, проходи. И запири за собой дверь. Где тебя носит половину ночи?

– Ба! Что я слышу! Неужели ты обо мне беспокоился?

Га-нор пронзил товарища злым взглядом, но тот этого не заметил.

– Почему Уг послал мне такое наказание? – неожиданно простонал северянин. – За какие грехи?

– Ты о чем? – Севший на соседнюю кровать Лук даже сапог перестал с ноги стаскивать.

– О тебе. Свалился на мою голову, теперь нянчись с тобой.

– Извини! – обиженно заявил солдат. – Я нянчиться тебя не просил. Это твоё желание. Прошел бы мимо, я бы и слова не сказал.

– Это сейчас ты хорохоришься, а тогда едва от покойников отбивался. Не помоги я тебе, был бы среди них.

– Ничего подобного. Я и сам мог с ними справиться.

– Клянусь Угом! – Га-нор от возмущения даже сел. – Ты самая неблагодарная свинья на свете, Лук! Мало того, что я спас твою шкуру и мы вместе протопали через половину юга, так ты еще в Альсгару меня

привел. Чего я здесь забыл?! Война идет на востоке и севере, а я прохлаждаюсь и вот уже неделю без толку обиваю пороги Башни.

– Знаешь, отчего ты такой злой? – Лук рухнул на кровать, и та протяжно скрипнула под его весом. – Потому что привык у себя на севере по лесам да снежным тундрам разгуливать и город тебя пугает.

– Умник. Что бы я без тебя делал... – вздохнул Га-нор.

– Вполне возможно, что твоей рыжей башкой набаторцы уже давно бы играли в мяч. Слышал же, что происходит, лопни твоя жаба! Перешейки Лины взяты. Гаш-шаку в осаде, Окни взят и предан огню и мечу. Не пройдет и двух недель, как бои начнутся у Лестницы Висельника. С нее открывается прямая дорожка в центр Империи и к столице. Не подумай, что я трус, но уж лучше здесь, чем в том пекле, да еще и по соседству с некромантами.

– Я никогда не считал тебя трусом, – сказал следопыт и тут же добавил ложку дегтя. – Только дураком, а это разные вещи. Я воин. Мое дело воевать, а не шастать на поклон к Ходящим, ожидая, когда глупые перепелки изволят нас выслушать. Сколько мы будем просить этой... твоей... аудиенции?! Неужели не понимаешь, что никто нас и видеть не хочет?!

– Если тебе так не терпится сражаться, то помяни мое слово, скоро война до нас докатится. Тогда и будешь махать мечом, пока не лопнешь, приятель.

«Или пока тебя не зарубит более ловкий, чем ты, набаторец», – закончил про себя Лук.

– Давай поступим так, – сказал Га-нор, глядя в потолок. – Если через пять дней все будет на том же месте, что и последнюю неделю, и нам каждый раз будут указывать на дверь – я уйду.

– Куда, позволь спросить?

– Туда, где воюют наши. А если не получится, то – домой. Я клялся клану, пусть теперь старейшины решают, как мне служить.

– Не говори ерунды, рыжий. Твой север слишком далеко отсюда, а у Лестницы Висельника – набаторцы. Не прорвешься.

– Есть еще море.

– Думаю, там положение не лучше. Клык Грома на западном перевале от Лоска вполне могли обложить. В Центральную Империю ведут две хорошие дороги, и обе они могут быть перекрыты. Ты никуда не денешься с юга. Во всяком случае, сейчас.

– Я попытаюсь, парень. Ведь знаешь, что у меня может получиться.

– Может, – неохотно согласился Лук. – Дети Ирбиса народ упорный.

Поступай как знаешь. Но я сделаю то, зачем сюда пришел. Я должен рассказать Ходящим о Кори.

– Думаешь, они еще не узнали?

– Какая мне разница? Я должен.

– Клянусь Угом! Ты настоящий солдат, – с издевкой произнес Га-нор. – Тупой и упрямый.

– Уж это точно. – Лука нисколько не злило, когда северянин начинал его донимать, хотя он и сам не знал почему. – Ладно, я спать хочу.

– Ты так и не сказал, где гулял.

– В кости играл, – неохотно ответил солдат.

– Конечно же, на те деньги, что нам оставила Лаэн?

– Да.

– А жить мы на что будем, когда ты все спустишь?

– Я выиграл, лопни твоя жаба!

– Неужели? – Га-нор удивился. – Не верю. Ты обычно проигрываешь.

– Не всегда.

– Небось мухлевал.

– Немного, – не стал отрицать Лук.

– Завтра отдашь все деньги мне.

– Почему?! – Солдат подскочил как ошпаренный.

– Потому что ты в любой момент можешь сесть играть с тем, кто жульничает лучше тебя. А я не хочу остаться в Альсгаре с пустым карманом, – непреклонно заявил северянин. – К тому же ты до сих пор не отдал мне долг.

Упоминание о долге заставило Лука промолчать. Он обиженно сопел, возился на кровати, потом устроился и затих. Га-нор мысленно поблагодарил Уга за то, что говорливый товарищ наконец-то заснул. Северянин полежал еще какое-то время, думая о том, что с утра надо отправиться в Высокий город пораньше, и если секретарь в Башне вновь начнет водить их за нос, взять его за горло и сжимать руки до тех пор, пока Лука не допустят к кому-нибудь из Совета.

Впрочем, тишина длилась недолго.

– Га-нор, ты спишь?

– Пы-та-юсь, – процедил северянин, не открывая глаз. Мысленно он посылал на голову Лука все проклятия и ледяной топор Уга в придачу.

– Я о Лаэн подумал. Жалею, что мы еепустили. Как она теперь тут одна?

– Думаю, что прекрасно. Гораздо лучше, чем мы. Спи.

– Интересно, встретила она с Нэссом? Вообще, смогли ли они тогда

вырваться из Плеши? Мы ведь о них ничего не знаем. Ни о Нэссе, ни о Гисе, ни о Шене. Как думаешь, им повезло так же, как и нам?

– Я ничего не думаю, Лук. Я хочу спать. Что до них – на все воля Уга. Хороших воинов он обычно бережет.

– Можешь смеяться, но я успел привыкнуть к их компании. Думаю, вместе нам было бы проще.

– Не было бы никаких «вместе», – резко оборвал рассуждения приятеля Га-нор. – Вряд ли убийцы стали бы с нами долго возиться. Как я понял, у них в городе свои дела. А у тебя – свои.

– Ты кого убийцами-то назвал? – оторопело спросил Лук.

– Нэсса и Лаэн.

– С чего бы?

– Он гийяны.

– Кто?!

– Мастера. Убивают за деньги.

– Я знаю, кто такие гийяны. Просто мне показалось, то ты так назвал...

– наших общих знакомых, – перебил его сын Ирбиса.

Повисло недолгое молчание. Лук переваривал новости.

– Ты уверен?

– Да.

– Но...

– Клянусь Угом, я сказал правду. Теперь мы можем спать?

– Да. Слушай. А Шен, он тоже?

– Не знаю.

Спустя минутку Га-нор уже спал, а Лук глядел в потолок, все еще не веря словам товарища.

Глава 18

Тиа вышла к Орсе, когда стемнело. Она остановилась в роще прибрежных ив, не дойдя до воды нескольких ярдов, и, не спуская глаз с противоположного берега, села. Могучая река не спеша текла к морю и горела отраженными в воде ночными огнями Альсары. Сейчас южная столица больше всего напоминала столицу Сдиса – Сахаль-Нефул, когда к нему приближаешься после заката со стороны Великой пустыни.

Тиф смотрела глазами Порка и не могла поверить в увиденное, хотя и предполагала нечто подобное. В последний раз она лицезрела эти стены и башни пятьсот лет назад, в тот день, когда часть Совета взбунтовалась и решила уничтожить остальных. Двадцать из них выступили против Матери и ее сторонников, и лишь восьми, тем, которых много позже называли Проклятыми, удалось ночью покинуть город, спасаясь после неудачного мятежа. Да, они уничтожили многих, включая саму Мать, но растратили слишком много сил, чтобы сражаться с теми, кто пришел на помощь Сорите из Радужной долины.

Порк скрипнул зубами и сжал кулаки, «вспоминая» вместе с хозяйкой то время. С тех пор никто из Шести так и не видел великий город. Разразившаяся Война Некромантов в течение пятнадцати лет опустошала Империю, а потом пришлось уйти за Самшитовые горы и Набатор. В Сдис. И еще дальше – в Великую пустыню. И вот теперь, после стольких лет, она оказалась на берегу реки и вновь смотрела на город, в котором когда-то прожила часть своей прошлой жизни. Альсара была той и... совсем другой. Чужой. Да, даже с этого берега можно рассмотреть стены, башни и шпили Высокого Города. Они остались прежними, как и стены Скульптора, храмы Мелота, но появилось и много нового. Город поднялся. Он растянулся вдоль берега, оброс другими стенами, взвалил на себя новые кварталы, постройки, дома, жителей и стал гораздо непригляднее, опаснее, страшнее. Тиф ощущала, что это огромное существо дышит, испражняется, кипит тысячами душ и живет магией уходящих. Будь Ретар жив, он бы сказал иначе. Но его давно уже нет, хотя она прекрасно помнит его лицо и его улыбку. Она любила его больше жизни, она пошла за ним в Бездну и осталась одна. В ней всколыхнулась застарелая ненависть к сидящим в Башне тупицам, и Порк, испуганно вздрогнув, заскулил. Тиф подавила его волю. Тут же вновь подумала о Ходящих, хмуро посмотрела на город. Она была уверена, что лучник, который столь неудачно для нее сбежал, за

возвышающимися на той стороне реки стенами. И, скорее всего, девка с «искрой» и мальчишка Целитель вместе с ним. А значит, следует попасть в Альсгару.

Но это не так просто. Тиа была уверена, что ворота находятся под присмотром Башни и через них не пройти, Ходящие могут почувствовать ее Дар, пускай «искра» в теле Порка едва тлеет и чаще всего пробуждается вместе с собранной в Плеши силой, да еще и в мертвой оболочке. Некоторым опытным ведьмам хватит и маленького намека на «искорку». И тогда...

Тиф знала, что не сможет справиться со всеми Ходящими и Огоньками Альсгары, когда те слетятся на нее, как осы на патоку. А они слетятся, стоит лишь «задеть» ворота. Значит, сейчас есть только один путь – по воде. Вряд ли вход в Гавань охраняют столь же тщательно, как и стены. Возможностей проникнуть незамеченной чуть больше. Но даже если это удастся, все равно придется быть настороже и не попадаться на глаза носителям Дара. А также Алым. Если с первыми Проклятая еще могла худо-бедно бороться, то против заклинателей совершенно бессильна. Любой носящий алую мантию свяжет ее по рукам и ногам щелчком пальцев. Это уже случилось в той туманной деревушке, и, если говорить честно, она до сих пор была поражена, насколько легко старик справился с ней.

Тиа в тот момент слишком обезумела от того, что поймала лучника, убившего ее тело, и потому увидела витой, покрытый рубинами жезл слишком поздно. Проклятой показалось, будто ее хорошенько приложили по голове чем-то тяжелым. В глазах потемнело, и очнувшись она только спустя сутки, когда дурак слишком далеко забрел в поля. Тиф настолько разозлилась, что выместила свое зло на Порке.

Пришлось пешком плестись обратно, в пустую деревню, и там узнать, что лошади пропали. Наверное, лучник и заклинатель взяли их себе. Находясь в самом дурном настроении, понимая, что с каждой минкой она теряет возможность нагнать людей, Проклятая пошла по следу и в следующей же деревне украла коня.

Внезапно позвоночник Порка пронзило неприятное жжение, и Тиа сморщилась, как от зубной боли.

Призыв!

Побери ее, Бездна, призыв! Кто-то из Шести хочет связаться с нею. Жжение усилилось, перекинулось со спины на плечи, затем на шею, начало подбираться к затылку.

Тиф, конечно, знала, кто этот «кто-то».

Рован.

Только его призыв жжет, словно яд красного скорпиона или сильный ожог. Трижды проклятье! Что потребовалось этому могильному червяку?! Они не часто разговаривали и старались быть друг от друга как можно дальше. Чахотка – опасный противник. Особенно сейчас, когда Проклятая лишилась большей части своих возможностей. Рован с радостью воспользуется случаем, чтобы уничтожить ее. Жжение усилилось.

Рован не собирался сдаваться. Он требовал разговора, и с каждой уной сопротивляться ему было все сложнее. Раньше Тиф могла просто отмахнуться от его назойливости, разорвав плетение, но не теперь. Силы на это не хватало, а проклятый могильный червяк не унимался. Теперь жжение перешло в боль. Рован то усиливал, то внезапно ослаблял натиск, и в тот момент, когда тело расслаблялось, происходил очередной болезненный «укол». Так «дергает» края плохо заживающей раны. Только в десять, в сто раз больнее. Из глаз Порка катились слезы, и Тиа в какой-то момент поняла, что эта жалкая оболочка просто не выдержит такого издеательства.

Она заставила дурачка встать и на дрожащих ногах поспешила к реке. Упав на колени у самой воды, огляделась. Никого. Что есть сил ударила кулаком по водной глади. Взметнувшиеся в воздух брызги повисли в воздухе, замерцали серебром в неровном свете половинки луны, затем слились друг с другом, и перед Проклятой появилось широкое плоское зеркало. Оно было полупрозрачным, но, повинаясь приказу, засияло тусклым светом, и Тиф увидела своего собеседника.

Рован полулежал на мягких атласных подушках, в беспорядке разбросанных по дороговому сдисскому ковру. Рядом валялись начищенная до блеска кираса и меч с дорогой рукоятью, чуть дальше – заваленный бумагами стол. Горело достаточно свечей, чтобы Тиф могла разглядеть: один из Шести находится в шатре.

Рован Ней – Владыка Смерча, Сын Вечера, Топор Запада – по прозвищу Чахотка, казался старше Тиа на пять лет. У него было породистое, немного бледное лицо, большие карие глаза, надменные тонкие губы и идеально прямой нос. Очень светлые волосы и брови, аккуратно подстриженные борода и усы. Пушистые длинные ресницы, которым позавидовала бы любая женщина, и ослепительная улыбка. Выше среднего роста, достаточно широкоплечий и мускулистый, чтобы казаться внушительным. Узкие изящные ладони, длинные пальцы, редко встречающиеся у хороших воинов. А между тем в мастерстве обращения с оружием Рован мог заткнуть за пояс любого из смертных. Раньше с ним

мог поспорить только Ретар.

Сейчас Чахотка был одет в распахнутую на широкой груди шелковую рубаху черного цвета и точно такие же свободные штаны. Никаких украшений, никакого оружия, никакой обуви. В его ногах примостилась невысокая и еще совсем молоденькая женщина из народа йе-арре. Ее можно было бы назвать красивой, даже если учитывать бритую голову, но одно из белоснежных крыльев было сломано и, судя по всему, – недавно. Летунья не сводила обожающих глаз со своего повелителя. В отличие от Проклятого, у нее на поясе висел небольшой нож, но она не собиралась им воспользоваться. Обычное явление. Рован наслаждался чужой болью. Возводил ее в разряд преклонения, удовольствия и ежедневной необходимости. Любил мучить, ощущая страх жертв. Любил слушать, как его молят о пощаде, захлебываются слезами, ползают в ногах. Но больше всего Чахотка любил подчинять. Превращать боль в слепую любовь, обожание, рабство. Он магией и болью ломал чужую волю и перековывал ее на свой лад. Превращать гордецов в льстецов и ничтожеств, врагов – в слуг и мертвецов. О! Никто на свете, как Рован, не умел окружать себя мертвыми телами и испытывать от этого настоящее наслаждение!

– Ты не спешила отвечать, – сказал он вместо приветствия. – Не слишком вежливо по отношению к друзьям. Не находишь?

– Как вижу, ты не удивлен, увидев меня в таком виде. – Она проигнорировала вопрос и заставила Порка растянуть губы в улыбке.

– Представь себе. – Рован едва шевельнул пальцем, а йе-арре уже протягивала ему кубок с вином. Вышколенная девочка. – Хотя позволь сказать тебе – раньше ты выглядела значительно лучше.

На это Тиф могла лишь мило улыбнуться. Или хотя бы попытаться. Сейчас она была занята куда более важным делом – лихорадочно соображала, почему могильный червяк столь спокоен, насмешлив и даже бровью не дернул, увидев вместо привычного лица Тиа тупую рожу деревенского пастуха. Ответ мог быть только один – Рован знал о том, кого увидит, еще до вызова.

Проклятая Тальки!

– Чего тебе надо? – хмуро спросила она.

– Что за тон? Не рада меня видеть?

– Хватит! – вспылила она. – Говори, что нужно, или убирайся!

– Я смотрю, в нашем мире кое-что не меняется. Ты все так же невежлива, Тиф. Даже в этом теле. А я всего лишь хотел сообщить, что скоро прибуду.

– Куда, если не секрет?

– В Альсгару. Спешу, что есть сил.
– Насколько я помню, ты увяз на востоке.
– У тебя устаревшие сведения. Мне и Лею удалось преодолеть Перешейки Лины. Он отправился к Окни, затем встретится с Аленари и пойдет к Лестнице, а я с частью армии собираюсь взломать сладкий орешек.

Рован ослепительно улыбнулся и провел рукой по щеке йе-арре. Та затрепетала от восторга.

– Я не узнаю тебя, Сын Вечера. Ты никогда не был столь неоправданно легкомыслен. Орешек сладок, но тверд. Или ты считаешь, что восхищенные твоей красотой стены упадут, а ворота распахнутся? Тебя будет встречать армия имперцев. К тому же носителей Дара здесь несколько не меньше, чем в столице.

– Мои полки опрокинут армию в море. – Рован беспечно пожал плечами. – Не смотри на меня так, Скачущая на урагане. Я знаю, что они хорошие воины, но бои не пошли им на пользу. И их гораздо меньше. Разведчики-сдисцы отлично поработали. Скоро я сокрушу Воронье Гнездо, и откроется прямая дорога на Альсгару. Как тебе моя подружка? – неожиданно спросил он.

– Ты же предпочитаешь мальчиков.
– Клевета. – Его глаза смеялись. – Во всяком случае, не чаще, чем женщин. Так как?
– Мила, – сухо ответила она. – Ты хорошо ее воспитал.
– Воспитание – это то, чего тебе никогда не доставало. Она пойдет на все, чтобы доставить мне удовольствие. Хочешь, она умрет?
– Мне все равно.
– Да, пожалуй, ты права. Я еще не наигрался. Желаю, чтобы ты порезала себе лицо, – резко бросил он рабе.

Та с готовностью обнажила нож и, не колеблясь ни уны, провела им от виска, к углу глаза, затем через щеку, задев губу, к подбородку. Потекла кровь. Много крови. Йе-арре, не замечая ее и не чувствуя боли, улыбалась. Она была счастлива, что угодила господину.

Тот не обратил на крылатую ровным счетом никакого внимания. Все это время он пристально наблюдал за Тиа. Та оправдала его надежды, и Порк скорчил презрительную физиономию:

– Я всегда удивлялась, как у такого мерзкого могильного червяка, как ты, был такой замечательный брат, – с горечью произнесла она.

Красивые черты Рована мгновенно исказились, в карих глазах полыхнуло бешенство:

– Ты! Мразь! Не смей трогать моего брата! – взревел он, вскочив на ноги, и схватился за меч. – Ретар был лучшим, и он умер из-за тебя! Тупой! Недалекой! Смазливой! Девки!

Его бледное лицо покраснело, и он выместил ярость на йе-арре. Голова несчастной закатилась под стол, тело рухнуло на пол, забило крыльями, заливая кровью атласные подушки и дорогой ковер. Рован стоял над ней, тяжело дыша, и пытался справиться с собой. Это ему удалось. Он провел рукой по лицу, швырнул окровавленный меч в самый дальний угол и ногой отпихнул от себя мертвую. Сел и сказал, цедя слова:

– Вернемся к нашему разговору.

– Ты больной извращенец, Рован, – покачала головой Тиа. – Но мне жаль, что твоя игрушка испортилась.

Он через силу улыбнулся:

– Пустяк. Добуду себе еще одну.

– Можно подумать, что йе-арре у тебя целый полк. – Она намеренно уводила разговор в сторону.

– Ну... до какого-то времени это было именно так.

– Как это понимать?

– Летающие перешли на нашу сторону. Их старейшины продали свой народ с потрохами.

– Это новость.

– Да. Они оказали нам небольшую помощь на Перешейках, когда ударили имперцам в спину. Но несколько дней назад случилась маленькая неприятность – птички крепко повздорили с шей-за'нами. У них свои игры. Сжегшие просили крови. Я посчитал, что шей-за'ны важнее пернатых. Так что сейчас численность йе-арре несколько... скажем так, подсократилась. Но я что-нибудь себе найду.

Тиф скрипнула зубами. Какой же идиот! Он дуреет от запаха крови и мертвечины! Как Лей мог доверить ему руководство целой армией? Нельзя было стравливать два некогда единых народа и лишать себя новых союзников! Теперь следующие, помня о том, какая участь постигла йе-арре, десять раз подумают, прежде чем перейти на сторону повелителей.

– Я хочу, чтобы ты помогла мне с Альсгарой, – внезапно изрек Рован.

– Мне показалось, или ты действительно это сказал? – Тиф не знала, что и думать.

– Не заставляй меня просить дважды. – Светлые брови сошлись.

«Это было бы неплохо», – про себя подумала Тиа, но лишь сказала:

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты пробралась в Альсгару до того, как до них долетит слухок,

что я иду в гости. Откроешь мне ворота.

– Одни упавшие ворота ничего не дадут. Стен в городе много.

– Я что-нибудь придумаю. Просто сделай.

– Чего ты хочешь? – повторила Проклятая.

Он какое-то время сверлил ее взглядом, затем сказал:

– Книга.

– Не поняла. – Слышать такое от Рована было в новинку.

– Не корчи из себя дуру. Мне нужно то же, что и Тальки, иначе Проказа не послала бы тебя сюда, да еще в таком виде. Мне нужна книга. Книга. Ты усвоила, или мне следует повторить еще раз? Книга! Я хочу знать, где она лежит, до того момента, как начну штурмовать город. Будет очень обидно, если мы по незнанию спалим библиотеку. Ты согласна?

– Какой мне резон тебе помогать?

– Ты помогаешь не мне, а себе. Если библиотека сгорит, каждый из повелителей потеряет слишком много. К тому же я готов поделиться этим с тобой, если доберусь раньше, чем Тальки. Мы можем помочь друг другу.

– Я тебя просто не узнаю.

– Не думай, что я забыл. – Он многообещающе улыбнулся. – Не забыл и не простил. Ты ненавидишь меня, и я плачу тебе той же монетой. Но сейчас мы можем действовать сообща. Даю тебе слово, что все поделим поровну, и я не буду бить тебя в спину.

– Очень благородно с твоей стороны.

– Я когда-нибудь нарушал слово? – Он нахмурился.

– Нет, – сказала она и закончила про себя: «В этом вы с братом всегда были похожи».

– Тогда я хочу услышать твой ответ.

– Если получится, – осторожно ответила она.

– Мне этого вполне достаточно. Надеюсь, ты не будешь терять времени. Когда прибуду, свяжусь с тобой.

Зеркало померкло, и вода вернулась обратно в реку.

Тиф сжала зубы. Забери ее Бездна, но что здесь происходит?! Какая, к Мелоту, книга, какая библиотека?! О чем говорил этот могильный червь? Что наплела ему Тальки?! Видно, нечто важное, если Рован, считающий Тиа виновной, пусть и косвенно, в гибели Ретара, впервые за эти века решил заручиться ее поддержкой. Она должна была знать. И немедленно.

На создание Серебряного окна у нее ушло много сил. Проказа ответила почти сразу. Тиф увидела ее сидящей на кровати в ночной рубашке и чепце. Но, несмотря на то, что ее разбудили, на лице Тальки не было никакого недовольства столь поздним вызовом. Выцветшие голубые

глазки цепко изучали Порка.

– Гляжу, милочка, ты с ним справилась. И даже несколько подстроила под себя. Он уже не столь неуклюж, как раньше. Делаешь успехи. Что. Я. Вижу. – Она прищурилась и пухлой рукой подвинула спящего в ее ногах кота в сторону. – Смотрю, какая-то часть сил к тебе вернулась. Но... ты можешь ею пользоваться, только будучи в мертвых телах, не так ли? Как тебе удалось?

– Точно так же, как и тебе. – Тиф была зла. – Когда умерли Гинора и Ретар, ты вдоволь напилась их силы. Я взяла свою.

– Очень хорошо. – Тальки не собиралась ничего отрицать. – Очень хорошо, милочка. Я рада за тебя.

– Ты даже не сказала нам, Тальки!

– С чего бы я должна была это сделать?! – искренне Изумилась Целительница. – У всех свои маленькие секреты. Ты ради этого меня разбудила?

– Нет! Я только что разговаривала с Рованом! Ты сказала ему обо мне!

Та и бровью не повела:

– Ничего лишнего. Он узнал, что ты возле Альсары и сменила тело. О том, что ты слаба, как котенок, никто кроме меня, даже не подозревает.

– Зачем вообще потребовалось вмешивать его в наши дела?! Ты же знаешь, что он меня ненавидит!

– Ну, он ненавидит тебя пять веков, так что ты слишком поздно опомнилась. Он до сих пор не может тебе простить своего брата. Мальчик всегда считал, что любит его гораздо больше, чем ты. Не вижу, почему должна что-то тебе объяснять. Считай, что я проболталась нечаянно. Что взять с глупой болтливой старухи?

Тиф задохнулась от возмущения, но Тальки пресекла ее гневную тираду вопросом:

– Позволь полюбопытствовать, что ему от тебя понадобилось?

– Он предлагал сделку. Ему нужна книга.

– Нехороший мальчик, – огорченно пожевала губами Тальки. – И что взамен?

– Он готов поделиться.

– Ну... уже неплохо. Ты, надеюсь, согласилась?

– Да.

– Мудрый поступок.

– Быть может, ты мне объяснишь, о чем речь?!

– Митифа до сих пор торчит в библиотеке Ходящих у Шести Башен. Она умная девочка. Нашла много интересного. В том числе то, что вполне

может быть записками Скульптора.

– Как это Ходящие их пропустили?

– Ты нисколько не удивилась бы этому, если бы увидела, в каком состоянии они хранили книги. Пергамент было практически невозможно держать в руках. Он рассыпался. Но Митифа прочитала какую-то часть.

– Дрожу от нетерпения услышать, о чем там шла речь.

– Кажется, в Альсгаре Скульптор спрятал свой старый Дневник. В нем рассказывается, как создавать Лепестки Пути.

Это многое объясняло. В том числе и то, что Рован решил пойти на сделку. Подобное знание – это огромная власть. Стать выше других повелителей. Создать новые Пути, взамен уничтоженных Соритой. Править целым миром. Если это правда, за книгой развернется самая настоящая охота.

– Ушам своим не верю!

– Я тоже сначала не поверила, милочка. А потом подумала – почему бы и нет? Вполне возможно.

– И где находится дневник?

Только грустно улыбнулась:

– Как ты думаешь, если бы я знала, то сказала бы тебе? Книга где-то в Альсгаре. В старых постройках, возможно, в Высоком городе. Чему ты улыбаешься, позволь узнать?

– Глупости Митифы.

– Что поделать, в подобных вопросах она ужасно наивна.

Тупая дура! Если бы Тиф нашла подобный пергамент, она бы молчала. Никому ни словечка. А эта? Сразу же разнесла новость по всему свету!

– Кому она проболталась?

– Только мне. Я всегда о ней заботилась, так что она мне немного доверяет.

– Тогда как об этом узнал Рован?

– Я упомянула вскользь, но он сообразительный мальчик. Понял. – Только довольно улыбнулась, а вот Тиа уже не поспевала за ходом мысли безумной карги. – Ну и еще я сказала, что ты поехала в Альсгару. Конечно, я не могла быть точно уверена, что ты направляешься туда, но сказанного не веротишь. Ты же понимаешь.

Старая ведьма! Конечно же, стоило упомянуть при Чахотке о книге, да еще и сказать ему о том, что Тиа уже отправилась ее искать, как тот тут же направился к городу, не желая отдавать ценный приз в руки Тиф и Проказы. Последняя ничего не теряла. Город велик, и тайник Скульптора не нашли за тысячу лет (впрочем, никто до сегодняшнего дня не знал о его

существовании), так что Рован сразу ничего не найдет. Здесь надо хорошенько подумать и посчитать, а Чахотка на такое не способен. Он воин, а не мыслитель. Ретар, да. Ретар смог бы. Но не его братец. Так что бояться за сохранность книги, в которой говорится о создании Лепестков Пути, не стоило. Тальки поступила умно. С помощью ложного слуха заставила Рована решиться на то, что так долго откладывали, – штурм Альсгары. Никто не хотел приступать к этому, боясь обломать о великие стены зубы, и город до сих пор не трогали, оставляли на потом. Теперь же Чахотка устроит круговерть, и, быть может, ему повезет. В любом случае он при деле и не станет мешать Лею и Аленари пробиваться к Лестнице Висельника.

– Очень... неглупо, – одобрила Тиа.

– Спасибо, милочка. Я знала, что ты это оценишь.

– А что Митифа?

– Она в Башнях. Заканчивает свои дела.

Бездна! Корь и вправду полная тупица, раз после того, как узнала тайну, все еще глотает книжную пыль. Тиф на ее месте мчалась бы к Альсгаре, как ненормальная.

– Сын Вечера уверен, что ты знаешь, где Скульптор спрятал книгу, и сказал об этом. Он предложил мне половину. Что предложишь ты?

Тальки закашляла сухим смехом:

– Думаю, то же, что и он, – ничего.

– Не слишком щедро с твоей стороны.

– Зато честно. Рован не знает, где книга. Ты не знаешь, где книга. Я не знаю, где книга. Прежде чем мы найдем ее, могут пройти века. Так что все его обещания – пустота. Сейчас тебя мало должны интересовать тайны Скульптора. Ты явно забыла о том, что не в том положении, чтобы гоняться за призраками. Судя по тому, что ты уже у великого города, ни Целителя, ни той талантливой девочки тебе поймать не удалось. А между тем они – твой единственный шанс вернуть себе и силу, и приемлемое тело, если, конечно, это тебе не стало нравиться больше. Вижу, что нет. Тогда удвой усилия. Они, а не книга – главная цель. Ты пять веков обходилась без Лепестков, проживешь еще столько же, а вот без силы и тела – тебя раздавит даже Митифа. Согласись, обидный конец столь долгой жизни. Целитель. Целитель, милочка моя. Даже о девчонке забудь, она постольку поскольку, но мальчика доставь мне целым и невредимым. Он – твоя единственная надежда. Они в городе?

– Не знаю. Возможно.

– Так узнай! Не тяни время! Когда подойдет армия – начнется безумие.

Вырваться будет очень сложно.

– До «вырваться» еще далеко. Попасть туда почти невозможно.

– Догадываюсь. Но Гавань всегда охранялась хуже. Стоит попробовать лодку, милочка.

– Я тоже об этом подумала. Именно так и поступлю.

– Чудесно. Уже все готово. Приведи Целителя, и я постараюсь вернуть утраченное. Я нашла одно интересное плетение в старых книгах. Оно поможет сделать так, чтобы у твоего подопечного глаза были нормального цвета. Согласись, белесые буркала привлекают к себе слишком много внимания. Смотри.

Она начертила в воздухе несколько тонких линий.

– Спасибо. Это поможет.

– Не сомневаюсь. Удачи, милочка.

Не дожидаясь ответа, она «погасила» зеркало. Тиа пробормотала проклятие, заставила Порка встать на ноги и пошла искать лодку.

Глава 19

– Подайте бедному калеке. Па-ада-а-айте бедному калеке.

За утро я тянул одну и ту же фразу, наверное, в тысячный раз. Назвать меня калекой, конечно, было тяжело, но фунт грязи, драная и изрядно провонявшая одежда, капюшон, надвинутый на глаза, и глиняная миска с отбитым краем не вызывали сомнений, что я нуждаюсь в деньгах. Или ленюсь работать, тут уж как посмотреть. В любом случае никто из горожан не спешил раскрывать мой обман. Для большей их части я был пустым местом, и на меня не обращали внимания. Хотя нет-нет, да и какая-нибудь сердобольная душа бросала в чашку меда.

Через три нара сидения на мостовой я честным попрошайничеством заработал ровно двенадцать медяков. В роли нищего были свои положительные стороны. Впрочем, как и отрицательные. Вначале мной заинтересовался патруль стражников, охраняющих квартал Огурцов. Ребята предложили мне два варианта на выбор – либо получить древком копьа по ребрам и отправиться в тюрьму, либо поделиться заработанным. Я, недолго думая, сунул им в лапу два сола, и от меня на какое-то время отстали. Затем приперся местный нищий, громила, каких я еще не видывал, и, конечно же, «форменный калека». На таком можно было вспахать половину Империи. Парень очень обиделся, что я занял его законное место, схватил меня за грудки и пообещал выбить душу. Пришлось стать злым и приставить кинжал к его мужскому достоинству. Он сообразил, что шутки кончились, заткнулся, разжал лапы и сгинул, что меня вполне устраивало.

Небо было хмурое, порой накрапывал мелкий дождик, вот-вот грозящий перейти в нечто большее, так что капюшон на моей башке ни у кого не вызывал подозрений. Йох вот-вот должен был проехать мимо, направляясь на арену, где вечером пройдут очередные бои. Мне, естественно, не хотелось, чтобы он меня узнал. Именно по этой причине пришлось прибегнуть к наряду нищего. Пока я кланчил монеты у славных жителей Альсгары, Лаэн отправилась во Второй город, для того чтобы проверить как охраняют берлогу Йоха.

Я не видел желтую морду Трехпалого с тех самых пор, как лишил его двух пальцев на правой руке. С того памятного дня этот субчик еще сильнее невзлюбил меня и несколько раз пытался теми или иными способами дотянуться до моей головы. Впрочем, неудачно. В то время Йох был еще не в тех силах, чтобы противостоять гильдии, и в какой-то момент

он от меня отстал. Но ничего не забыл. Сейчас он уверен в своей безопасности и решил попытать счастья. Очень своевременно, особенно когда у тебя в друзьях Наместник, которому ты хорошо платишь. Трехпалый – «серый советник» Наместника, организатор представлений и балов для высшей знати, устроитель празднеств и торжеств. Ну и еще он подмывал под себя игры, бои, шлюх, мелкое ворье... Начинал с малого, закончил большим. «Лучший друг Наместника» – это самая замечательная бирка. С такой никто не тронет. Разве что гильдия отважится, да и то вряд ли. В гильдии тоже люди, и им не хочется иметь больших неприятностей с властями, а тем паче – с Ходящими. Пока Молс тихонько проворачивает свои делишки и устраняет неугодных совету людей – на ряд убийств смотрят сквозь пальцы, благо большинство заказов поступает от держателей мира сего. К тому же часть веселых соренов после контрактов исправно переключивается в карманы городского совета, начальников стражи и прочих чиновников. И те до поры до времени ничего не знают, но стоит Молсу перейти определенную черту, и его очень быстро возьмут за горло. Поэтому моей дорогой булочнице сейчас позарез надо избавиться от Йоха, который жаждет подмять под себя гильдию и стричь денежки сам. Но если она это сделает своими руками – ее ждет масса неприятностей, включая недовольство Наместника. Этот тоже все знает, но постоянно «забывает» отдать нужные распоряжения подчиненным.

А тут Молсу подворачиваемся мы с Лаэн. Если дело выгорит, то догадайтесь, кого назначат козлами отпущения? Правильно. Нас. Катрин именно на это и рассчитывает. Йох отправится кормить червей, а гильдия будет с чистыми ручками. У нас же нет выбора – Трехпалого следует отправить в землю, иначе, как я уже не раз говорил, покоя нам не будет до конца жизни. В былые годы за десять тысяч соренов я сам убил бы себя. Что уж говорить о других?..

Показалась процессия. Я натянул капюшон на самые глаза и забился в угол. Его величество Йох пожаловал осмотреть свои владения и лично все приготовить к вечерним Боям.

Первыми проскакала четверка всадников с легкими арбалетами у стремян. Что характерно, оружие они держали под рукой. А потом я с неприятным удивлением увидел, что телохранители Трехпалого – родственнички Га-нора. Суровые рыжие ребята с мрачными усатыми рожами и повадками опытных хищников. Десяток Детей Ирбиса окружали карету плотным кольцом, еще трое замыкали шествие. У них я заметил короткие луки.

О карете следовало сказать особо. Окна у нее отсутствовали, так что

нечего было и мечтать пустить шальную стрелу сквозь занавеску. К тому же уверен – дверцы заперты изнутри, и пока доберешься до улитки, тебя десять раз прищелкнут. Рядом с кучером сидел еще один арбалетчик.

Карета миновала меня и скрылась в переплетении улочек квартала Огурцов. Я посидел еще какое-то время, а затем встал, собрал мелочь и направился прочь. Все, что нужно, я уже узнал.

В тот момент, когда в одном из безлюдных тупичков я переоделся в более приличную одежду, начался сильный дождь.

Лаэн ждала меня в самом сердце Гавани, под навесом, где разливали холодный шаф. Крыша над головой оказалась к месту – капли долбили по мостовой как бешеные. Посетителей почти не было. Никто не хотел сидеть в луже. Потоки воды текли прямо под столами с табуретами, и желающих намочить ноги можно было пересчитать по пальцам.

Мое солнце мрачно потягивала из дубовой кружки холодный напиток за одним из самых сухих столов. Заметив меня, облегченно улыбнулась.

Служанка принесла еще один шаф и горячую свиную колбасу. Я ел молча, Лаэн глазела по сторонам, не торопясь начинать разговор. Ее губы были крепко сжаты, а короткие светлые волосы мокры и липли ко лбу. Наконец я закончил с едой, вытер руки и, взявшись за порядком опустевшую кружку, рассказал, что удалось увидеть.

– Он осторожничает. Так просто не возьмешь, – шепотом сказала она.

– Нахрапом не выйдет. До кареты мы не доберемся – изрубят на куски. Можно прикончить стрелой, но даже при условии, что я не промажу, остаются северяне. Они несколько отличаются от обычных людей. Сядут на хвост – не оторвешься. Очень рискованный вариант.

– Значит, придется все сделать, когда Трехпалый сидит дома, – заключила Лаэн.

– Это возможно?

Она задумалась:

– Пожалуй. Но с массой оговорок.

– Каких?

– Наш друг за семь лет успел сменить берлогу. Он купил особняк перед стеной Высокого города. На холмах, в той части, где сплошные сады. Пробраться туда будет очень непросто. Настоящая крепость, да еще и под самым боком казарм гвардии. Главные ворота и калитки для слуг охраняются. Стена тоже под наблюдением. Его люди и еще северяне. Даже не буду думать, сколько их внутри.

– Мы не знаем расписание патрулей. Мы не знаем, сколько у него человек. Мы не знаем, где он спит, где ест и где проводит основное время.

У нас нет планов здания. Лезть к нему в дом – почти самоубийство. Мы обязательно на кого-нибудь нарвемся.

– У нас нет выбора. Будь у меня яркая «искра», все бы вышло. С каждым днем она разгорается, но у нас нет этих дней. Или делаем или отказываемся.

– Я не для этого перся в Альсгару, солнышко. Что-нибудь устроим.

– Или Молс. Он вполне может что-то знать. За столько лет, думаю, они с Пнем много раз просчитывали, как достать Трехпалого. Давай навестим их еще раз.

Молс – не самая плохая идея. Он и вправду в состоянии нам помочь, благо это в его интересах.

– Давай, но только после прогулки в порт.

Центральная улица Гавани упиралась в портовые доки и пирсы. Несмотря на плохую погоду, здесь кипела работа. Не скажу, что кораблей на причале оказалось много, но почти со всех сгружали продовольствие. Наместник запасался едой на случай долгой осады.

Толкаться возле пирсов бесполезно и муторно. Поэтому мы пошли в портовый кабак и, бросив трактирщику четверть сорена, задали несколько вопросов. Тот живо сгреб монету, кивнул на столик, где сидели двое мужиков с загорелыми, продубленными всеми морскими ветрами мордами. Судя по черным волосам, высоким скулам и бородам без усов – жители Золотой Марки. Явно контрабандисты или те, кто греет руки на приближающейся войне. Сейчас за продажу продуктов и лекарств можно получить хорошие деньги.

Мы сели за их стол без приглашения. Тот, что постарше, хмыкнул и многозначительно посмотрел на дно опустевшей кружки. Я намек понял и заказал шафа на всех. Когда служанка принесла пенящийся напиток, моряки подняли кружки, и старший сказал, обращаясь к Лаэн:

– За твою улыбку, красавица! Клянусь великим спрутом, она чудесна!

Они выпили. Мы последовали их примеру.

– Я – капитан Даж. Это, – он указал на товарища, – мой первый помощник. Как понимаю, вас направила вон та продажная рожа у стойки? И даже знаю зачем. Вы не первые, кого он к нам посылает.

– Думаю, именно поэтому вы платите ему деньги, – не удержался я.

Даж оскалился, что я решил расценить как улыбку.

– Сообразительный малый, а, Рюк? Люблю таких. Так вот. В последние дни от желающих прокатиться на «Огнерожденном» нет отбоя. Многим захотелось покинуть этот замечательный город.

– Мы именно из таких, – уверил я его.

– Так я и понял. – На тыльной стороне левой ладони капитана были наколоты якорь и спрут. – Беда в том, что, когда люди узнают о цене, они тут же сваливают искать другое корыто. Условимся так. Я называю сумму, вы соглашаетесь или нет. Никакого торга, никаких уговоров, никакого «мы подумаем». Двадцать процентов оплаты вперед.

– Сколько?

Он усмехнулся:

– По сотне соренов с души.

– Высоко в наши суровые времена взлетели цены за морские перевозки. – Я вернул ему усмешку.

– Война благотворно сказывается на наших кошельках, – пожал плечами Даж. Он не собирался оправдываться. – Каков ваш ответ?

Мы с Лаэн переглянулись. Двести соренов – очень приличная сумма. Можно, конечно, поискать и других перевозчиков, но не уверен, что цены там будут ниже.

– Мы согласны.

– Чудесно. – Даж говорил сухо и по-деловому.

– Где гарантия, что, отдав вам сорок соренов, мы не останемся на берегу?

– У меня репутация, и, поверь, она стоит гораздо больше сорока монет. Клянусь великим спрутом, я не обманываю клиентов. Как говорится, слухи по морю летят быстрее, чем шхуны.

– Когда вы уплываете? – поинтересовалась Лаэн.

– Уходим, красавица. Это называется «уходить». Едва покончим с делами. Через пять дней, если считать и этот. Уйдем утром, как только ветер станет подходящим. Так что прошу не задерживать нас и прийти вовремя. Ждать не буду, о чем честно предупреждаю.

– Нам это подходит. – Лаэн протянула кулачок, в котором были зажаты деньги.

Даж подставил мозолистую ладонь, и, прежде чем окружающие успели заметить блеск четырех золотых монет, по десять соренов каждая, деньги перекочевали к новому владельцу.

– Замечательно. Когда Альсгару прижмут, вы будете далеко, клянусь в этом великим спрутом! «Огнерожденный» стоит на тридцать шестом пирсе. Возле новых складов и рыбного рынка. Лучше всего добираться до него с улицы Пеньковых вен. Узнаете сразу – у меня двухмачтовая шхуна. Самая быстрая в Харе. И еще раз напоминаю, не стоит вам опаздывать. Никого ждать не будем. Это, надеюсь, понятно?

– Вполне. – Я был не против подобных условий. – Могу

поинтересоваться, что сейчас творится на море?

– Волны и ветер, – хмуро сказал Рюк.

Даж хохотнул:

– Не обращайтесь внимания на моего помощника. У него беда с чувством юмора. Море пока спокойно. Но все носятся при полных парусах. Так и шмыгают. Пока пути свободны и даже спокойней стало, пираты шалют куда меньше, чем раньше. Набаторский флот торчит у Горла. Содружество купцов^[44] пока торгуется, но это вопрос времени, денег и силы. Рано или поздно они уступят. Имперцы расположились у Белого мыса. Ждут гостей.

– Проскочим?

– Можете не сомневаться.

Мы попрощались с моряками и вышли из кабака. Вновь начался дождь. Стало пасмурно, словно уже наступил вечер. Впрочем, до него не так далеко. Мы шли по грязи, которой в порту оказалось гораздо больше, чем в Голубином городе. Кругом лужи с плавающим мусором, потоки воды с холмов текли прямо в море, норовя унести вместе с собой зазевавшегося прохожего или хотя бы его обувь. Запахи сырой земли, размокшей соломы, конского навоза, моря, дождя, смолы, рыбы, прокисшего шафа и Бездна знает чего еще оказались столь отвратительными, что перехватывало дыхание. Порт – не самое чистое место в городе. Мы постарались уйти отсюда как можно скорее, но сапоги и плащи оказались безнадежно выпачканы в грязи.

– У нас пять дней, – буркнула Лаэн из-под капюшона. Она крепко держала меня под руку, то и дело оскальзываясь на мокрой земле.

– Четыре. – Я старался сохранить равновесие. – Про сегодня можешь забыть. Если мы не успеем управиться, Даж и его невежливый приятель помашут нам ручками от Белого мыса.

– Спешка может повредить предприятию, дорогой.

– А промедление столкнет нас с набаторцами, сдисцами и Белыми. И не забывай о Проклятой. Она так просто не отстанет.

– Если это Тиф.

– Не думаю, что Порк сдурел настолько, чтобы разыскивать тебя и Шена.

– Шен, быть может, давно мертв.

– Он скользкий парень. Я предполагаю, что лекарь еще не в Счастливых садах.

Она едва не упала, перешагивая через очередную лужу. Тихо выругалась, шмыгнула носом.

– Мы между двух огней, да?
– Не волнуйся, солнце. Не в такие переделки попадали, – утешил я ее. – Прорвемся. Йох не вечен. Мы его достанем.
– Да. Но очень тебя прошу, без спешки. Следует все хорошо обдумать.
– Дабы что-то обдумать, надо иметь хотя бы приблизительный план. А для этого нам нужны маломальские знания.
– Идем к Молсу?
– Умница, – улыбнулся я и поцеловал ее.

– Допрыгались, лопни твоя жаба, – вздохнул Лук и, не обращая внимания на дождь, сел на мокрую скамью недалеко от башни Ходящих.

Здесь не было никого, кроме них. Га-нор – мрачный и злой – стоял рядом и с ненавистью смотрел на величественное здание.

– Вставай. Тебе следует выпить горячего шафа, приятель. Простудишься, – наконец сказал следопыт.

– Какая забота! А раньше ты обо мне подумать не мог? – ядовито процедил Лук, и дождевая капля стекла с его курносого носа. – Все из-за тебя!

Га-нор промолчал, хотя ему было что ответить.

– Нет, ну что на тебя нашло? – не унимался солдат. – Я же почти уломал этого хмыря! Он уже сдался! А тут ты влез. Говорил же, стой тихонько, я все улажу.

– Ты «улаживал» целую неделю без всякого результата, – не выдержал северянин. – Мне до смерти надоел этот проклятый город и его тупые жители. Они смотрят на меня, как будто я какой-то дикий зверь!

– Да ты и есть дикий зверь, лопни твоя жаба! Ну скажи, ну объясни мне, с чего ты схватил секретаря за горло?! Думаешь, после этого он пустил бы нас к Ходящим?

– Не думаю. Но у него была такая спесивая рожа! Не смог удержаться.

– Я бы сам с радостью дал ему в рыло, если бы не... – проворчал Лук и тут же вновь накинута на товарища:

– И к чему привело твое желание, а? Нас вытолкали взащей. Спасибо Мелоту, что не изжарили на месте. И теперь вход в Башню для меня закрыт на веки вечные.

Га-нор молча отжал пропитавшиеся водой усы. Говорить о Ходящих ему совершенно не хотелось. Лук продолжал бубнить и жаловаться до той поры, пока северянин не заметил едущего по дорожке всадника. Следопыт ткнул друга в плечо:

– Смотри.

Лук удивленно вытаращился:

– Клянусь Бездной! Это же Гис!

Гонец натянул поводья и улыбнулся двоим приятелям, как старым знакомым. В какой-то момент у Лука создалось впечатление, что он бросил кости, и выпали «Печати Бездны»^[45]. Причем десять раз подряд. Встреча с Гисом, который, к удивлению, оказался совсем не тем, кем его считали, многое изменила.

Приятели никак не ожидали, что человек, вместе с которым они хлебнули лиха в Плеши, окажется Магистром Ордена Алых. Поначалу Лук несколько опасался старого знакомого, но за время обеда пообвык и уже через десять минок молот языком, как в прежние времена. Не остановить.

Обедали у Гиса.

Конечно же, сначала они расспросили о Шене и Нэссе. О первом заклинателе не было известно ничего – парень отстал во время бегства от оживших покойников. А второй сбежал за несколько дней до приезда Гиса в Альсгару.

– Решил, что с заклинателем ему не по пути, – улыбнулся в усы «гонец».

После того как с новостями и едой было покончено, Гис расспросил друзей о том, что они делают в Высоком городе. Лук разом опечалился, посетовав, что должен поговорить с Ходящими, но его никто не желает слушать. Нахмурившийся Га-нор глухо сказал, где бы он хотел видеть того проклятого Угом секретаря, что сидит в приемной Башни.

– Думаю, я смогу помочь вашему горю и устроить разговор с кем-нибудь из Ходящих. Но не сразу. Понадобится день, быть может, два. А пока живите у меня, если, конечно, у вас нет предрассудков насчет тех, кто общается с демонами, – сказал Гис.

– Мой народ уважает людей, носящих алое, – нахмурился Га-нор.

– Лопни твоя жаба! – воскликнул расхрабренный и обрадованный возможной встречей с Ходящими Лук. – А мне и подавно не страшно.

– Ну и отлично, – рассмеялся заклинатель. – Сейчас у меня есть дела, и я исчезну на несколько наров. Мой ученик позаботится о вас. Чувствуйте себя как дома.

– Кое-что изменилось, не правда ли?

– Ты права, – сказал я, оценив обстановку. – Хлеба мало.

Молс уменьшил продажу выпечки. Это могло означать только одно – он бережет зерно и муку. Судя по ценам на булки – совсем скоро настанут не самые радужные времена. Парочка уже знакомых нам «булочников»

стояла у лотков. Луга, увидев меня и Лаэн, едва не умер от разрыва сердца. Весь позеленел и ошалело заозирался. Его товарищ, явно так и не узнавший наших имен, смотрел враждебно.

– Мы в гости, – поприветствовал я их. – Назначено.

На этот раз Луга даже не подумал показывать зубы и живо проводил к Пню. Тот встретил нас в обеденном зале, предложил откусать.

– Молса сейчас нет, – сказал он, приглашая к столу. – Дела.

Мы понимающе покивали, хотя и подумали, что глава Гильдии избегает нас, чтобы не повторился разговор о Шене. Каюсь, но я не удержался бы от этой темы. А булочнице, судя по всему, есть что скрывать.

За едой мы поговорили о том, о сем. Пень жаловался на боли в костях из-за плохой погоды. Лаэн ему посочувствовала, порекомендовала несколько отваров. Эта ничего не значащая болтовня продолжалось довольно долго, помощник Молса не спешил спрашивать, что нас привело в гости. На этот раз он был вежлив и любезен. Но пил дорогое вино с такой же скоростью, что и раньше. Как всегда, не пьянея.

– Серый сегодня прогулялся по кварталу Огурцов, – наконец не выдержала Лаэн.

– Прогулка вышла поучительной? – Он опрокинул в глотку бокал.

– Совершенно верно.

Гийян понимающе ухмыльнулся:

– С рыжими Йох чувствует себя как у Мелота за пазухой. Достать его, когда он высовывает нос из берлоги, сложно.

– Но можно, – вставил я.

– Можно, – не стал отрицать он. – Но после этого я не дам за твою шкуру и медной монеты. Кое-кто уже пытался. Северяне разорвали выскочек на кусочки. Не думаю, что вам следует так рисковать.

– Именно поэтому мы сегодня здесь. Уверен, что вы с Молсом не раз думали, как достать Трехпалого. Так что я и Лаэн будем ужасно благодарны, если ты соизволишь поделиться своими соображениями на этот счет.

Пень оживился, и на его красной морде расцвела счастливая улыбка:

– О да! Можете мне поверить, нам пришлось поломать над этим голову. И потратить кучу соренов, чтобы узнать, что к чему.

– Смею надеяться, с нас деньги брать ты не будешь.

Он не обратил на издевку внимания.

– Сейчас единственный шанс достать эту гниду – его дом. Да, он выглядит как крепость, но, пожалуй, это гораздо менее рискованно, чем кончать Йоха на людях. Тут, если повезет, все можно сделать тихо и столь

же тихо уйти.

– Тогда отчего он еще жив? – ехидно осведомилась Лаэн.

– Потому что, кроме вас, связываться с Трехпалым никто не хочет. За ним стоят слишком влиятельные шишки, чтобы так подставлять свою шею.

– Ты не прав. Просто за его голову надо положить нормальные деньги. Охотники всегда найдутся.

– Мы слишком жадны, чтобы пойти на такое. – Он скупой улыбнулся. – Хотя причина, конечно же, другая – до той поры, пока гильдию не загонят в угол, Молс не будет связываться с сильными мира сего. В общем, шлепнуть настырную желтую муху можно только в ее гнезде.

– Для этого нужно знать, как это гнездо устроено. Ты знаешь? – Лаэн смотрела выжидающе.

– Представь себе, да. Мы смогли купить у одного человечка приблизительный план дома. Я по дружбе могу его вам одолжить.

– Мы несказанно счастливы.

– Не сомневаюсь, – хохотнул Пень и почесал живот.

– Осталось малое. Как туда пробраться?

– Можно нагло – постучаться в ворота, а затем отправлять в Бездну всех, вставших на пути, пока тебя не подстрелят. А можно умно. Вам какой вариант больше подходит?

– Второй. – Лаэн взяла со стола кисть бордового винограда.

– Так я и думал. Позвольте вас удивить. Многие знают, что Высокий и Второй город большей частью строил Скульптор. А то, что он не только стены, башни и храмы возводил, но и под землей кое-чего копал, знаете?

– Ну, знаем, – протянул я, не испытывая особого восторга от услышанного. – Я бывал в этих ходах. Они под площадью Воли, сразу у старого фонтана. Два никуда не ведущих коридора с крысами и низкими потолками, через пятьдесят ярдов – завалы. Дальше не пройдешь.

– Помню, помню, – закивал Пень, довольно улыбаясь. – Я там еще мальчишкой лазил. Сокровища искал. Да многие были и искали, что тут говорить! Но дело такое – Скульптор строил под городом отводящие каналы из Высокого города. На скале, где стоит эта часть города, раньше бил сильный источник. Рядом с ним как раз потом соорудили Башню и дворец Наместника. Как говорят, в то время наверху было целое озеро, и вода, выливаясь из него, водопадом падала прямо с обрыва, что на Западной сторонке, во Второй город. А потом все это превращалось в небольшую речку и устремлялось к морю. Вот при Скульпторе и решили, что Альсгаре и одной Орсы хватит – вторая река ни к чему. Скульптор предложил спрятать ее под землю.

– Ты нам сказки тут будешь рассказывать? – возмутился я. – Переходи к делу.

– Да! Буду! – рыкнул он. – А ты заткнись и слушай!

Я не стал упрямиться, махнув рукой: мол, валяй дальше, и плеснул себе вина.

– Скульптор прорубил в скале, на которой стоял Высокий город, канал, по которому и провел воду. На этом он не остановился и во Втором устроил целое кротовье королевство. А возле Птичьего вода выводилась наружу. Трубный квартал, смекаешь?

– Не припомню там ни реки, ни трубы, – буркнул я.

– Еще бы ты вспомнил! – фыркнул Пень. – Их давно уже нет. Лет за шестьдесят до Войны Некромантов источник взял и пересох. Озеро, конечно, до сегодняшнего дня в саду Башни сохранилось, но как Ходящие его наполняют – ума не приложу. Видать, ведрами воду из Орсы таскают. – Он рассмеялся кривой шутке, а затем продолжил: – Какое-то время пустые каналы стояли сами по себе. Там даже некоторые умники склады устраивали, вместо погребов, и нищие жили. Но после того как Проклятые пришепнули Сориту и началась война, в Башне посчитали, что по созданному Скульптором пути очень удобно пройти под стеной Высокого города. Враг, если только он возьмет Альсгару и доберется до Второго города, получает неплохой и уже готовый подземный ход. Так что, недолго думая, его завалили. Только сделали работу слишком небрежно. Своды обвалили, да не все. Их в первую очередь заботил проход в Высокий город, все остальное ломали спустя рукава. И коридор под площадью Воли – тому подтверждение.

– Ну давай. Расскажи, что остался еще один ход, прямо в берлогу Йоха.

– Может, их осталось и больше. Кто знает? Но мыслишь ты правильно. До берлоги Йоха вполне можно добраться под землей.

– Ты, должно быть, издеваешься! – воскликнул я.

– Я похож на шутника? – мрачно спросил он. – Ход есть. Просто мало кто о нем знает. Мы-то сами нашли его случайно и не думали, что он когда-нибудь пригодится. Просто так совпало. Ход начинается из винного погребка в Свином пяточке. Потом идет под улицей, через двести ярдов поворачивает на юг, под казармами гвардии, и – прямо под домик Трехпалого. Есть несколько ответвлений, но они заканчиваются тупиками. Там достаточно просторно и по большей части сухо и чисто. Так что никаких особых неудобств не будет.

– А Йох о крысином лазе знает? – Лаэн задала очень своевременный

вопрос.

– Знает, – спокойно ответил ей помощник Молса. – Но вряд ли ожидает неприятностей с этой стороны.

– Ты так думаешь или знаешь?

– Я надеюсь. Он обнаружил, что эта штука находится под одним из его амбаров, но позаботился о том, чтобы крысы не лезли. Заложил проход камнем.

– Предусмотрительная скотина. – Мое солнце доела виноград и взяла новую кисть.

– Не слишком предусмотрительная. Не знаю, он ли, или кто из его людей оставили каменщика в живых. А тот, когда появился подходящий момент, продал нам эту историю и показал лаз.

– Чудесно. Осталось только научиться проходить сквозь стены.

– Это ни к чему. Молс еще тогда позаботилась о том, чтобы дорога была свободна. – Пень, в отличие от нас, не гнушался в частных разговорах упоминать, что его начальник – женщина. – Тот же каменщик сделал так, что пять нижних блоков свободно вынимаются. Человек вполне пролезет.

– Парень еще жив? – любопытствовал я.

– Увы, – печально вздохнул Пень. – Он умер по совершенно нелепой случайности.

Так я и думал. Молс, в отличие от Йоха, редко допускает ошибки.

– Значит, дорога открыта?

– Не совсем. Трехпалый не стал надеяться только на камень. Там решетка. Хорошая и крепкая. На собственную безопасность наш лучший друг никогда не скупится. И замок там... скажем так – трудный. Намек понимаешь?

– Понимаю. Без хорошего взломщика не обойтись.

– Во-во. Лазн, ты ведь умеешь работать с замками.

Понятно о каком «умении» говорит Пень. Он считает, что с помощью «искры» мое солнце сможет выламывать двери.

– Нет.

– Тогда вам нужен опытный человек.

– У тебя кто-то есть на примете?

– Хм... – Пень задумался. – На самом деле я надеялся на Ласку. А тут видишь как... Опытных ребят не так уж и много. Даже в Альсгаре. Работенка-то не из легких, сам понимаешь. Я знаю четверых, уверен в двух, да и то с оговорками. Но ни один не рискнет связываться с Йохом. Трехпалый очень больно кусается, а это никому не надо. Никто не

согласился даже за очень хорошие деньги.

– Какие тогда предложения?

Пень пожевал толстыми губами, неохотно вздохнул:

– Есть на примете один человечек... Странный он тип. В городе недавно, но, по слухам, провернул пару делишек. Хорошо так провернул. Качественно... Изящно, я бы даже сказал. Не самые простые работы, но глава городского совета лишился любимой и нежно лелеемой безделушки, а жена капитана гвардии недосчиталась надежно охраняемого кольца.

– На кого он работает?

– Не знаю. Вероятно, на себя. Говорю же, он странный. Кое-кто из чистильщиков хотел его прижать, но ничего не вышло. Их нашли на какой-то свалке... Парень умеет за себя постоять, и от него отстали. Молс пыталась навести мосты, но тоже как-то... скажем так, ее вежливо послали.

– И он стерпел?

– Говорю же – вежливо. К тому же этот вор мог нам пригодиться. Как видишь, она оказалась права.

– Пока он нам не пригодился. Этот человек вообще может не согласиться.

– Может. Но я что-нибудь придумаю и поговорю с вами. Где пересечемся?

Я немного подумал и назначил время и место.

– Не затягивай, – сказала Лаэн, когда мы уже собирались уходить. – Мы не хотим сидеть в Альсгаре вечно.

Он понимающе кивнул, махнул нам рукой: мол, проваливайтесь. Мы с радостью последовали этому совету.

Глава 20

Ночь выдалась теплой и звездной. Луна прибавила в размерах и стала гораздо ярче, чем несколько дней назад. Еще одно напоминание о том, что время не стоит на месте и нам следует пошевеливаться. Оставалось не так много дней (точнее – один и две ночи), чтобы завершить дела.

Со стороны моря дул свежий ветер, и волны с тихим плеском ударялись о пирс. Кроме этого звука да едва слышного скрипа оснастки пузатой торговой посуды, стоящей на якоре, в пятидесяти ярдах от берега, царила полная тишина. В Портовой сторонке, где нынче находились пустые склады и рыбацкие лодочки, никого, кроме меня, не было. За тот нар, что я провел во мраке между амбаром с провалившейся крышей и опрокинутой набок телегой без левого заднего колеса, здесь не прошел ни один человек. Даже стража не почтила своим бдительным присутствием это место. Впрочем, кого ей здесь ловить? По ночам сюда редко заходят люди, хотя бы потому, что та грязь и вонь, которые властвуют в старой части пирсов, отпугивают даже тех, кто привык к ним с самого рождения. Крыс и то не было слышно. Да и что делать в таком месте приличным крысам? Жрать старые просоленные рыбацкие сети? Все склады еще лет десять назад перевели в другую часть порта, так что здесь редко есть чем поживиться.

Мы встретились с Пнем ранним утром в маленькой, пропахшей копченостями лавке, расположенной на самом краю Второго города. Гийян пришел, одетый как зажиточный ремесленник, веселый и краснолицый. Он смог договориться о встрече с тем парнем, что был нужен нам для удачного похода к Йоху. Вор не сказал ни да, ни нет, но согласился выслушать и назначил встречу в старой части порта. Ночью. К тому же велел прийти мне одному и, хотя Лаэн была этим очень недовольна, я принял его условия.

Пришел на нар раньше, чем было договорено, и обошел окрестности на тот случай, если Молс или этот незнакомый умелец вздумали играть нечестно. А затем, спрятавшись в укромном месте, стал наблюдать за пирсом.

Мягкий перезвон прокатился по спящему городу колокола храмов Мелота. Три нара ночи.

Я едва не пропустил его появление. Человек показался со стороны квартала Крабов, прошел ярдах в тридцати от меня, взошел на пирс и

остановился у самой воды. Незнакомец стоял с наброшенным на голову капюшоном, повернувшись к берегу спиной, и смотрел на море.

Парень оказался моего роста, но чуть уже в плечах. Одет в короткую удобную куртку, плотные штаны и мягкие сапоги. Все серо-черных тонов. На его правом бедре висел нож внушительного размера, через плечо была перекинута холщовая сумка. Он даже не соизволил обернуться, когда я подошел. Так и стоял, уставившись куда-то за горизонт, словно там были спрятаны все сокровища мира.

Я кашлянул, привлекая к себе его драгоценное внимание.

– Опаздываешь. – Голос у парня оказался неприятно сухим.

– Тебя это смущает?

Легкое пожатие плеч:

– Нет, пожалуй. Люди, опаздывающие по уважительной причине, не заслуживают особого порицания. Думаю, тебе следовало убедиться, что все в порядке.

Он так и не обернулся.

– Ты глазастый малый.

– А ты осторожный и терпеливый. Не каждый сможет битый нар торчать в таком свинарнике.

Мне показалось, он улыбается.

– Ну, мы друг друга стоим, так как, судя по всему, не один я провел это время в таком месте.

– Ты за словом в карман не полезешь, Нэсс.

– Не думал, что Пень назвал мое имя.

– Пень? А... Тот красномордый убийца. Нет. Он не говорил, кто хочет меня видеть.

– Тогда позволь спросить, откуда ты знаешь, как меня зовут.

– У меня свои способы узнавать интересующее меня, Серый.

Я выхватил топорик, да так и застыл, не решаясь поднять руку для броска.

Мой собеседник проделал все очень быстро. Не успел я и глазом моргнуть, как он уже наставил на меня миниатюрный арбалет. Судя по всему, эта штука заряжалась сразу двумя болтами.

– Убери. – Его голос оставался все так же сух, а тон все так же доброжелателен. – Ты ведь не за этим сюда пришел, правда?

Я медленно, не спуская глаз с арбалета, убрал у-так обратно за пояс.

– Не нервничай. Мне плевать, кто тебя ищет и сколько денег положили за твою голову, – сказал он, опустив арбалет, и вновь повернулся ко мне спиной.

– Ты столь богат? – Я так и не успел рассмотреть его лицо – оно оставалось скрыто в тени капюшона.

Он рассмеялся:

– Я не столь жаден, как ты можешь подумать.

– Но невежлив. В отличие от тебя, я так и не знаю твоего имени.

Пауза.

– Называй меня Гаррет.

– Странное имя. Никогда такого не слышал.

– Уж какое есть.

– Ты знаешь, зачем мне нужна твоя помощь?

– Да. Пень обмолвился.

– Что думаешь?

– Оно выйдет слишком мокрым, гийян.

– Это вместо «нет», вор? – раздраженно фыркнул я, подозревая, что зря потерял время, придя сюда.

– Отнюдь. – Он повернулся, сбросил капюшон. И я наконец-то смог нормально рассмотреть собеседника.

Быть может, лет на пять старше меня. Худое загорелое лицо с очень резкими скулами. Высокий лоб. Прямой и немного костлявый нос, густые брови, заросший двухдневной щетиной подбородок. Короткие черные волосы и неожиданная седина на висках. Парень явно потерт жизнью. Я сказал бы, что передо мной мрачный и опасный тип, если б не его глаза. Совершенно неуместные на таком лице – живые и насмешливые. Казалось, что сейчас вор веселится от души, хотя я и не видел повода для веселья.

– Отнюдь, – повторил он. – Это будет интересно.

– Боюсь, что в первую очередь это будет опасно, – холодно произнес я.

– Порой опасность и интерес ходят рядом. Когда ты собираешься отправить Йоха во Тьму?

– Следующей ночью.

Он кивнул:

– Что же. Мне это подходит.

– Надеюсь, ты сможешь помочь.

– В вопросе замков можешь на меня положиться.

– Сколько? – Я как можно быстрее хотел покончить с делами.

Он на миг задумался, затем ухмыльнулся, и его глаза озорно блеснули:

– Как уже говорилось выше, я не жаден. Пять соренов будет в самый раз.

Я потерял дар речи. Кажется, судьба свела меня с ненормальным. Мы с Лаэн ожидали, что торг начнется как минимум с трех сотен, и были готовы

заплатить эти деньги за его услуги. А тут пять жалких монет!

– В чем подвох? – не выдержал я.

Гаррет поднял бровь:

– На мой взгляд, ты должен прыгать от счастья, что я не содрал с тебя пять сотен.

– Пять?!

– Я очень высоко ценю свое умение, – весело сказал он. – Но считай, что сегодня тебе повезло. Я решил поиграть в благотворительность.

Последнее слово я понял не очень хорошо, но сказал:

– И все-таки хотелось бы знать, с чего ты столь добр.

Он хмыкнул и направился по пирсу обратно к берегу. Пришлось пойти рядом.

– Меня заинтересовало это дело, – осторожно произнес вор. – Вот и все. Это вызов моим способностям, и повод потряхнуть стариной. Ты не представляешь, парень, как порой скучно жить. – Он помолчал и внезапно добавил: – Особенно если живешь очень долго.

По мне, если человеку не нужны деньги и наскучило жить едва за тридцать – это не мои проблемы. Не буду же я настаивать, чтобы он поднял цену.

– Твое право. Я ничего не имею против. Особенно если это тебя развлечет.

– Развлечет? – Вор искренне расхохотался. – Да. Пожалуй, ты подобрал соответствующее слово.

Он втянул носом воздух и заметил невпопад:

– Я прямо чую, что грядущая Игра будет донельзя интересной.

– Когда предпочитаешь получить задаток?

– Завтра. Перед работой. И не задаток, а всю сумму.

– Идет.

– Есть условия. Первое. Я работаю с замками и никого не трогаю. С людьми Йоха разбирайтесь сами. Когда занимаюсь делом, главный – я. Ты не мешаешь. Я вас впускаю туда, но в дом не иду. Мне это не интересно. Второе. Я кое-что слышал о твоей женщине. Будь добр, держи ее на коротком поводке. Мы выполняем договоренности и разбегаемся. Все остальное меня не интересует. Третье. Если станет слишком горячо – каждый сам за себя.

– Заметано.

– Буду ждать вас завтра. В это же время. У входа в подвал.

Я кивнул и, не прощаясь, поспешил прочь.

В Гавань Тиа пробралась, наняв лодочника. Тот храпел прямо в своем корыте, и когда Проклятая его разбудила, окатил Порка отборной бранью. Тиф не обратила на это ровным счетом никакого внимания и попросила доставить ее в порт Альсары. Пьяница рассмеялся ей в лицо и обозвал сумасшедшим, но Тиф сунула ему под нос золотой. Это его разом протрезвило, и он живо сел на весла.

Все опасения оказались напрасными. Никто их не остановил и даже не окликнул. Как и предполагала Проказа, за этим входом в город следили не слишком бдительно. Во всяком случае, пока. Так что меньше чем через нар показались тусклые огни Портовой сторонки. Когда лодка ткнулась бортом в деревянный пирс, Тиа ударила человека припасенным кинжалом и ушла прочь, оставив тело в лодке.

Сейчас следовало отыскать светловолосого лучника, который мог привести ее к Целителю. Так что с утра она отправилась в город. Тиф шла наугад, надеясь, что удача и «искра» выведут ее на стрелка. Во Второй и Высокий город она не рискнула заходить – там шанс встретиться с кем-то из Ходящих, Огоньков или Алых слишком велик. Да и в других районах не стоило забывать об осторожности. Вторая встреча с заклинателем может закончиться не столь удачно, как первая.

Тиа начала с самых нижних, находящихся у моря кварталов. Естественно, не прошло и нара, как она заблудилась – Альсгара была совсем иной, чем пятьсот лет назад. Многих улиц и переулков в ее времена не существовало. В итоге Проклятая не приблизилась к цели ни на дюйм и, злая на себя и Порка, вернулась в Портовую сторонку, решив поискать ночлега в старых бараках.

Следующий день также прошел зря. Все, что Тиа знала – светловолосый где-то в городе. Альсгара оказалась слишком большой, а невозможность в открытую использовать Дар – угнетала. Без способностей она не могла ничего. Каждую минку ее подмывало воззвать к силе. И раз за разом она сдерживалась, шепча, что еще не время. Что у нее еще есть в запасе несколько суток, и пока надо просто искать и не отчаиваться.

Ей должно было повезти. Тиф всю жизнь прошла рука об руку с удачей. Вспомнить хотя бы тот день когда, спасая ее от шакалов Сориты, погиб Ретар, а она лишь чудом уцелела. Она покинула Гинору за день до того, как ту загнали в болота Эрлики. Или... Вспоминать о том, как она выжила, но потеряла тело, не хотелось.

Несмотря на уговоры самой себя, Проклятая с каждым нарм все сильнее и сильнее впадала в отчаяние. Она боялась, что не успеет справиться до того момента, как появится Рован.

Но ей опять повезло. И как всегда тогда, когда она меньше всего на это рассчитывала. В ту ночь что-то заставило ее проснуться и выползти из амбара к морю. Порк тоненько попискивал где-то на краю сознания, умоляя, чтобы его оставили в покое и отпустили домой. Она приказала ему заткнуться и именно в этот момент увидела двух людей, стоящих на пирсе. Тиа даже не понадобился свет, чтобы узнать светловолосого лучника, которого она безуспешно искала последние дни. Висящее над его головой плетение-метка говорило само за себя.

Первое желание – схватить мерзавца и встряхнуть из него нужные сведения. Но Тиф никогда не совершала одной и той же ошибки дважды. Она помнила, что случилось в прошлый раз, когда позволила гневу взять верх над разумом. Спешить некуда. Теперь он не уйдет от возмездия. Нужно всего лишь не торопиться.

Проклятая начала внимательно изучать собеседника лучника. Тот стоял спиной, но, судя по всему, не был тем заклинателем, что так ловко ее скрутил. На всякий случай она «посмотрела» на него, прибегнув к маленькой толике Дара.

И у нее перехватило дыхание.

Перед глазами плясали разноцветные пятна. Виски заломило от тупой боли. Незнакомец обладал Даром! Да таким, что впору законопатиться в какую-нибудь щель и молиться богам, в которых она не верила. Внутри человека klokотала сила, какой раньше Тиф никогда не встречала. Не светлая и не темная. Изначальная, непостижимая и столь могучая, что перед возможностями незнакомца потенциал Проклятых был все равно что дождевая капля против океана. Он мог раздавить их всех одним пальцем, походя и нисколько не утруждая себя. То, что маги этого мира испокон веков называли «искрой», горячей и яркой, у него вполне можно было наречь «клубком» – постоянно меняющим форму, пульсирующим, точно живой. Он казался сотканным из множества танцующих теней. Тиф «смотрела» на завораживающий танец, и ей становилось все хуже. Но она не могла отвести глаз от «взгляда», которым на нее смотрела сама Бездна.

Тиа замутило. Хотелось взвыть и бежать прочь, лишь бы только не видеть, не ощущать этой невозможной, могучей, древней, изначальной силы. Но она не могла заставить себя пошевелиться. Оказалась заморожена мощью теней, словно очарованный открытым пламенем мотылек.

А затем все кончилось, словно кто-то задул пламя. Боль исчезла. Одна из Шести перестала видеть «клубок», прекратила ощущать старый, как мир, Дар, словно некто взял и закрыл перед ней дверь, ведущую в Бездну. А еще через уну светловолосый пошел прочь, в противоположную сторону от

того места, где пряталась Проклятая. Она с отчаянием смотрела в спину уходящего, но осталась на месте. Между ней и лучником стоял неизвестный. Он закрывал Тиф дорогу, и та не решилась пройти мимо.

Несколько мгновений, и человек, которого она так упорно преследовала и так долго искала, растворился в ночи. На нее нахлынула волна безысходного отчаяния. А потом страшный мужчина с клубком теней в груди повернул голову в ее сторону.

Она не видела скрытого капюшоном лица, но чувствовала взгляд. Жгущий, причиняющий боль. И... насмешливый?! Незнакомец смотрел, и Тиа от ужаса, что сейчас произойдет непоправимое, забыла дышать. Он сделал шаг ее сторону, и Тиф, не выдержав, бросилась прочь.

Глава 21

В последние сутки нахождения в Альсгаре мы сменили берлогу. Лаэн копила силу на дело, а каждое открытие тайной двери в логово Скульптора сжирало ее скудные запасы. Это было неразумно. Так что, несмотря на немалый риск, мы переехали в трактир. Он находился недалеко от Второго города – на тихой и не слишком людной улице Каштановых цветов. Нам досталась прекрасная, чистая, уютная комнатуха на третьем этаже. Из окна открывался чудесный вид на холм, который опоясывала стена Второго. Постояльцев практически не было – люди предпочитали более дешевые заведения, расположенные у Внешней стены и моря. Но хорошая еда, нормальный сон и надежная дверь – это то, что было нам нужно, так что цена нас не смутила.

Мое солнце занялась планами дома Йоха. Пень был столь любезен, что все же поделился ими. Вот уж не знаю, как Молсу удалось добыть такую ценность (не иначе, как кого-то прирезать), но для нас бумаги оказались очень даже кстати. Ранним вечером пришлось оставить Лаэн заниматься делом, а самому отправиться на последнюю перед делом встречу с Пнем. Следовало обговорить кое-какие детали.

Я выбрал обходную дорогу. Пришлось сделать большой круг и потерять некоторое количество времени, но я знал, что делаю. Уж лучше недосчитаться нара, чем накликать неприятности себе на задницу. Несколько раз я проверял, нет ли за мной слежки, но все было чисто. Они подошли в тот момент, когда я проходил через овощной рынок. Высокий седой мужчина, потеряв интерес к лотку с огурцами и репой, оказался рядом со мной. У него было доброе лицо, густые пушистые усы, и кустистые брови, которые делали его еще добродушнее. Смешливые голубые глаза и очень уверенная рука с коротким гроданским ножом, который этот хмырь приставил к моей печени.

– Привет, – улыбнулся Седой.

Судя по всему, ничего хорошего ждать не приходилось. Его нисколько не смущала толпа. Он прекрасно держал нож. Со стороны создавалось впечатление, что встретились два закадычных друга. И в то же время этот «друг» в любую уну мог вогнать мне в печень несколько дюймов отличной стали. Мужика я видел впервые. Судя по выговору, он был с севера, скорее всего из столицы, а значит, птичка залетная и Молсу не подчиняющаяся.

Из пестрой толпы появился светловолосый коротышка со множеством

веснушек на хитрой роже. Я заметил, что его левое запястье сжато, рукав свободной рубахи чуть оттопыривается. Скорее всего метательный нож или еще какая дрянь. Он подошел ко мне вплотную, приобнял за плечи:

– У тебя есть шанс прожить еще какое-то время. Где твоя женщина?

– Какой мне резон отвечать? – Я смотрел в толпу, стараясь понять, работают они в паре или есть еще кто-то.

– Выбор у тебя небогат. Не согласишься нам помочь – будешь долго корчиться. Поверь, мой друг об этом позаботится. А потом мы сами найдем твою бабу и придумаем, как с ней поступить. Или же, если будешь покладист, – умрешь вместе с ней. Но быстро и без боли. Даю тебе слово, что вы оба отправитесь в Счастливые сады, ничего не почувствовав.

Видно, что-то проявилось на моем лице, так что Седой пояснил:

– Мы стараемся делать работу чисто и не затягивать с этим. Поверь, нам не приносит удовольствия доставлять боль клиентам. Мы профессионалы.

Он не врал. Это действительно было так. Они вели себя очень спокойно, не дергались, не нервничали и совершенно меня не опасались. Действовали умело, слаженно. Эта парочка – гийяны. Мастера. Гораздо лучше. Гораздо лучше многих, кто когда-либо работал на Молса.

У меня не было выбора. Отказаться сейчас – значит умереть сразу. Если они умудрились выловить меня, значит, рано или поздно найдут и Лаэн. Уж лучше я рискну, быть может, мне повезет. Альсгара большая, всякое может случиться по дороге.

– Хорошо. Я вам помогу.

– Правильный выбор, – одобрил Седой. – Молодец, парень.

Говорил он тихо и дружелюбно, но клинка не убирал. Я ощущал, как из неглубокой ранки под рубахой сочится кровь.

– Где она?

Я заколебался.

– Не трясись и расслабься. У нас репутация, – сказал Конопатый.

Плевал я на твою репутацию!

– Рядом со Вторым городом.

– Прогуляемся. Нам рассказать тебе, что будет, если ты вздумаешь совершать глупости?

– Не стоит.

– Мне все больше и больше нравится этот парень, – широко улыбнулся Седой. – Хорошо. Идешь рядом. Не торопиться. Если дергаешься, гавкаешь или выбрасываешь еще какой фортель, я тебя кончаю. Если ты намерен все же рискнуть и побегать – мой друг отлично бросает ножи.

Понятно разъясняю?

– Да.

Думаю, по дороге я все же рискну. Их двое, я один.

Они лучше. Но у меня нет выбора.

– Ты хромаешь. Сильно. Пожалуйста, не забывай об этом. – Конопатый зашел мне за спину. – Двинулись.

Я старательно хромал на левую ногу, словно только что ее подвернул, Седой по-дружески поддерживал меня под руку стальной хваткой и ни на уну не ослаблял давления ножа. Парни настолько доверяли своему умению, что даже не сочли нужным избавлять меня от у-така и лука. Впрочем последний не представлял для них никакой угрозы. Мне не успеть натянуть тетиву. Но то, что не тронули блазгский метательный топорик, – радовало.

Впрочем, радость оказалась преждевременной. Чьи-то ловкие руки забрались под куртку, и спустя уну я остался без оружия.

– Это Марна, – любезно объяснил мне Седой.

Как выглядит Марна, я не знал, она была где-то за спиной, вместе с Конопатым. Одно ясно – их уже трое.

Мы выбрались с рынка и оказались на улице Торных ослов. Краем глаза я заметил где-то наверху справа движение. Поднял голову и успел увидеть кое-что интересное.

– Йакан. – Мой спутник улыбнулся. – Я слышал, ты хороший стрелок, но, думаю, и мой друг не подведет. Он на тот случай, если мы оплошаем.

Итак, в команде появился четвертый. Йе-арре. Лучник. Это уже совсем плохо. Крылатый перелетал с крыши на крышу и в любой момент был готов меня подстрелить.

– Признаюсь честно, Йакан очень хочет испробовать тебя в качестве мишени, – доверительно сказал Седой. – Дружеский совет – не дай ему повода.

– С чего такая нелюбовь? – Я скучающим взглядом проводил отряд городской стражи. Те, как и следовало ожидать, не обратили на нас никакого внимания. И слава Мелоту, что так, иначе я бы уже одной ногой находился в Счастливых садах.

– Ты шлепнул его дружка в том лесу. Так что Йакан не слишком тебя жалуется.

Мне потребовалось несколько ун, чтобы сообразить, о чем говорит гийян.

Лесная поляна недалеко от Песьей Травки и нападение на Лаэн, когда она пошла забирать наши деньги. Кроме тех уродов, что остались гнить под открытым небом, был еще и летун, который оглушил мое солнце. Он

единственный, кто смог улизнуть.

– В тот раз его компания не отличалась должным количеством опыта.

– Не сомневаюсь, раз ты еще жив. – Он подмигнул. – Дилетанты. Что с них возьмешь.

– Зачем тогда с ним работать?

Седой огорченно вздохнул:

– Приходится идти на жертвы, приятель. Йакан знал тебя в лицо. Он нам очень помог.

– Как вы меня нашли?

– Не бери в голову. Ты все делал правильно, друг. Обычное невезение, только и всего, – «утешил» он меня. – Против тебя лично ни я, ни мои партнеры ничего не имеем. Это просто работа, за которую платят приличные деньги. Ну, ты же понимаешь.

Я понимал. Но отчего-то не спешил биться в экстазе оттого, что Йох отвалит им десять тысяч за наши души. Я чувствовал, как внимательный взгляд Конопатого жжет спину. Невидимая Марна шелестела юбкой. Откуда-то сверху за мной следил крылатый выродок. Нож четвертого, того и гляди, проделает во мне хорошую дырку и пощекочет печень. Можно сказать, что одним ухом я уже слышал, как слуги Мелота поют мне песню у ворот, ведущих в Счастливые сады.

– Что будешь делать с такими деньгами? – поинтересовался я.

– Куплю домик у озера. Буду удить рыбку и перетащу внуков. Я их очень люблю.

Седой болтал без умолку. Пока мы шли, я успел выслушать его мнение о погоде, войне, играх на деньги и ловле рыбы. Последней теме он уделил особое внимание. Дяденька оказался заядлым рыбаком. Так что в какой-то момент мне ужасно захотелось насадить его вместо наживки на огромный крючок и забросить подальше в море, авось сожрет какое-нибудь чудовище.

– Долго идем, – сказал Конопатый.

Седой улыбнулся в усы и надавил на нож чуть сильнее, чем прежде. Я стиснул зубы, чтобы не застонать.

– Мой друг считает, что ты хочешь нас надуть.

– Это не так.

– И все же мы идем слишком долго. Если через десять минок не будем на месте, мне придется расстаться с тобой, даже несмотря на то, что ты замечательный собеседник. Я этого очень не хочу. – Он огорченно цокнул языком. – А ты?

– Я тоже.

– Не подведи меня, парень. Куда?

– Налево, – не моргнув глазом, ответил я.

Когда я уходил, Лаэн сидела за столом, стоящим возле самого окна. Оставалось надеяться, что она все еще занята делом и случайно посмотрит на улицу. Конечно, дурацкая надежда, но я вцепился в нее всеми зубами. Все равно больше ничего не было. Я даже стал идти чуть медленнее, чтобы как можно дольше находиться на виду, но Седой это заметил и без долгих размышлений легонько ткнул ножом в бок:

– Задумался?

– Ага. О последнем желании.

– Прости, не исполняем, – с сочувствием сказал он. – Прибавь прыти.

И тут меня осенило!

Тупой осел! Мог бы и раньше догадаться! Я ведь мог говорить с Лаэн! Мог, но за последний месяц успел привыкнуть к тому, что она «молчит». А ведь всего лишь несколько дней назад, в тайном убежище Скульптора, она попыталась «сказать» несколько слов, и у нее это почти получилось. Я помню, она говорила о том, что Дар возвращается к ней с каждым днем. Очень даже может быть, что теперь у моего солнца достаточно сил, чтобы меня «услышать».

«Лаэн! – позвал я. – Лаэн!»

Целую бесконечно долгую уну ничего не происходило, затем по позвоночнику пробежала теплая волна: «Нэсс?»

Я, боясь, что ее возможности иссякнут в любую уну, затараторил:

«Выгляни в окно! Осторожно!»

На третьем этаже едва заметно шевельнулась занавеска.

«Поняла», – донеслось до меня, и она «ушла». Я ощутил огромное облегчение. Теперь Лаэн предупреждена, и, что бы со мной ни случилось, ее будет не так просто взять.

– Это здесь? – Седой бросил быстрый взгляд на трактир.

– Да, – кивнул я.

– Охрана?

– Не заметил.

Было не ясно, поверил он мне или нет.

– Постояльцы?

– Есть.

– Но не думаю, что слишком много, – хмыкнул он. – Вы выбрали слишком дорогое гнездышко. Нам везет. Смени меня.

Конопатый приставил ко мне железку, давая напарнику возможность отойти. Прodelали они это очень ловко. Явно отработывали не один раз.

– Я проверю, – сказал Седой. – Марна, останься.

Он вошел в трактир. Йе-арре сидел на крыше соседнего здания. Заметив, что я на него смотрю, зло оскалился. Я перевел взгляд на бабу, стоящую рядом с гийяном. Они явно были родственниками – такая же невысокая, светловолосая и конопатая. На ее плече висела большая сумка.

– Что смотришь? – мрачно спросила она.

– Что у тебя там? – Я кивнул на сумку.

– Скоро узнаешь, – пообещала женщина.

Вернулся Седой.

– Чисто. Слушай меня, парень. Ты все делаешь правильно. Наше соглашение в силе. Если сдержишь слово, мы сдержим свое. Куда идти?

– Третий этаж.

– Вперед, друг. – К словам Конопатый добавил тычок ножом.

Они считают, что ведут меня на заклятие. Что же. Буду надеяться, Лаэн что-нибудь придумала. И в ту же уну она дала о себе знать:

«Я готова. Наш этаж. На восьмом шаге от лестницы. Дверь слева от тебя».

«Понял». – Я уже входил в трактир.

Зал был пуст. Ни души. Хозяин тоже отсутствовал. Седой заметил мой взгляд в сторону стойки и обезоруживающе развел руками:

– Он мог запомнить наши лица. Издержки работы.

– Вы собираетесь выпускать дух из всех, кого мы встретим по дороге?

– Не одобряешь? – Он встал ко мне за спину, пропустив вперед бабу.

– Грязно работаете, – попенял я им.

– Тебя не спросили, – сказал Конопатый.

Марна вытащила из большой сумки арбалет. Конечно же, он проигрывал в размерах тому, что я видел у Гаррета, но тоже был очень невелик. Явно работа мастеров Морассии. В этой стране создавали много хорошего оружия.

– Мы поднимаемся медленно. Подходим к двери, ты стучишь. Говоришь, что пришел. Вместе с моим другом отходишь в сторону. Любой неосторожный жест или слово – будешь долго подыхать. Твоя женщина тоже. Это понятно?

– Да.

– Марна, ты должна ее хлопнуть с первого выстрела.

– Я помню, что у нее Дар.

– Идем, приятель.

Впереди выступала Марна с арбалетом, за ней я и Конопатый. Замыкал шествие Седой. На втором этаже мы столкнулись со слугой, несущим поднос с пустой посудой. Прежде чем человек успел понять, что

происходит, девица всадила в него болт, а подскочивший Седой, двигавшийся очень ловко для своего возраста, подхватил поднос из ослабевших рук и осторожно поставил его на пол. Затем добил раненого, свернув ему шею.

– Поспешаем, ребятушки. Поспешаем.

И вновь лестница.

– А ты не так страшен, как о тебе говорили, Серый, – внезапно сказал Конопатый. – Я слышал, ты хорошо всаживаешь стрелы, но в ближнем оказался слабаком. Я ожидал большего.

– Все мы мастера в чем-то одном, – произнес Седой. – И к тому же зря ты жалуешься. Думаешь, было бы лучше, если бы он бодался?

Третий этаж. Марна уже успела перезарядить опасную игрушку и, крадучись, вошла в коридор.

– Какая дверь? – тихо спросил меня Конопатый. Он был напряжен, крепко держал меня под локоть, его нож вот-вот грозил выпустить из меня душу.

– Последняя, – прошипел я, стараясь не обращать внимания на боль в боку. – Справа по коридору.

– Без глупостей.

Я пошел вперед, считая шаги. Еще на лестнице сместил центр тяжести немного влево и чуть-чуть (так, чтобы ни в коем случае не заметил мой сопровождающий) стал поддавливать локтем на руку, держащую нож.

Шесть.

Семь.

Восемь.

Пора!

Думм! – щелкнуло за спиной.

Я бросил вес на левую ногу, одновременно вдавливая локоть в руку гийяна. В ту же уну прилетевший откуда-то сзади короткий болт ударил Конопатого под основание черепа. Нож, который должен был пробить мою печень, лишь скользнул по боку, распарывая рубаху и кожу. Я, не обращая внимания на боль, прыгнул влево и всем весом навалился на дверь. В этот самый момент Марна повернулась на шум и выстрелила.

Комната оказалась не заперта, так что я ввалился внутрь (едва-едва разминувшись с болтом), не удержал равновесие, упал на пол и перекатился, чуть не врезавшись в стол. Вскочил, развернулся к выходу как раз в тот момент, когда ко мне заскочил Седой с ножом.

За его спиной с ревом пролетело нечто напоминающее серое облако мух. Мне, если честно, было не до этого. Седой, не отвлекаясь на странный

шум, пошел на меня мягко и быстро. Нож в его больших лапах так и мелькал. Отчего-то он посчитал, что я вооружен. Отчего-то он решил, что я буду обороняться, но никак не нападать. Отчего-то он подумал, что я собираюсь ему проиграть.

Для того чтобы сыграть с ним на равных, мне пришлось попотеть. Я чуть из шкуры не выпрыгнул, чтобы увернуться от клинка. Седой явно не рассчитывал от меня такой прыти и опоздал на какое-то мгновение. Выдернутая из колчана стрела ничуть не хуже кинжала. Я оказался рядом, ударил под ключицу, поближе к правому плечу, и он сразу же разжал пальцы. Нож упал на пол, но я на этом не успокоился. Пнул в голень, затем открытой ладонью ударил под подбородок, и он с грохотом рухнул на пол.

В этот момент в комнату влетела взъерошенная и злая, как сто тысяч озверевших кошек, Лаэн. В ее руках был разряженный арбалет.

– Все в порядке?

– Да, – сказал я, поднимая с пола нож, а другой рукой прижимая кровоточащую рану в боку. – Кажется. Держи этого. Сейчас вернусь.

У меня было еще одно незаконченное дело. Я пробежал мимо тела Марны (точнее мимо того, что от него осталось), оказался у ведущей на чердак лестницы. Поспешно забрался, натянул на рога лука тетиву и осторожно выбрался на крышу. От дома, стоящего на противоположной стороне улицы, меня скрывала печная труба.

Вечернее солнце светило в спину, и милый парень Йакан так ничего и не увидел. Признаюсь честно – мне доставило особое удовольствие пристрелить крылатую гниду.

На обратной дороге я подхватил с пола арбалет Марны, благо ей он уже никогда не понадобится. Девочка лишилась головы и верхней половины туловища, так что сейчас ей не до личных вещей. А нам подобная штука вполне сгодится. Во всяком случае, для Лаэн она в самый раз. Немного подумав, я забрал и болты. Зарядил оружие – это оказалось достаточно легко – и вернул себе у-так.

Когда я вернулся, Седой уже очнулся и успел сломать древко стрелы, торчащей из плеча. Он о чем-то спрашивал Лаэн. Та держала его на прицеле и любезно отвечала. Гийян заметил меня, улыбнулся, вот только в его глазах больше не было никакой радости. Они стали напряженными и настороженными. В их глубине плескался страх.

– А ты, оказывается, парень не промах.

– Рад, что ты оценил мои таланты, – сухо сказал я. – Вставай.

Он с кряхтеньем поднялся.

– Старость не радость. – Улыбка у него вышла кривой.

– У тебя сегодня не очень удачный день, да, друг?

Он сглотнул, затем кивнул:

– Бывали дни и получше.

– Сочувствую.

– Это всего лишь работа, парень, – неожиданно сказал Седой. – Ничего личного.

– Понимаю. Опять же, забота о внуках...

– Их у меня двое. – Он умоляюще смотрел на Лаэн. Понял, что я сегодня отнюдь не добр.

– Проваливай, – сказал я, ткнув арбалетом в сторону двери.

– Что? – Седой явно не поверил своим ушам.

– Проваливай, – повторил я.

Он не стал больше медлить и раздумывать о моей неземной доброте:

– Было приятно познакомиться, Серый.

Гийян направился к двери, и, прежде чем перешагнул порог, я вбил ему болт туда же, куда совсем недавно его словил Конопатый. Убийца, не издав ни одного звука, упал.

– Это всего лишь работа. Ничего личного, – повторил я его слова, думая о том, что дома у озер достаются не так просто, как кажется.

Глава 22

– Вот так-то лучше, – тихо сказала Лаэн, закончив перевязывать глубокую царапину на моем боку.

– Спасибо.

Мы уже больше нара торчали на старом маленьком погосте, что находился недалеко от Свиного пятачка. Был поздний вечер, почти стемнело, и нас никто не беспокоил. Мы скрылись от чужих глаз среди заросших плющом могил.

– В какой-то момент я испугалась за тебя.

– Я тоже едва не потерял надежду, солнце. Ловкие ребята.

Я улыбнулся, но она оставалась серьезной.

– Представь себе, я заметила. – Лаэн обняла меня за плечи. – Где они тебя подловили?

– На овощном рынке. Судя по всему, прибыли по наши души прямо из Корунна. Пень будет недоволен, что я не пришел.

– Интересно, кто нас сдал?

Я хмыкнул. Чмокнул ее в щеку:

– Спроси чего полегче. Кто угодно. Например, какая-нибудь мелочь из окружения Молса. Слушай, расскажи, как ты оказалась позади нас? Я прекрасно помню, что лестница была пуста.

– Никто из вас не догадался посмотреть наверх. – Ее глаза торжествующе сверкнули. – Трактирщик устроил там нечто вроде кладовой. Я смогла спрятаться и подстрелить парня, который тебя держал.

– На твоём счету не только Конопатый, но и баба. Ловко ты ее. Не ожидал, – оценил я ее работу.

– Слишком перепугалась за тебя, вот и долбанула по ней первым попавшимся под руку, – виновато сказала она. – Правда, теперь я совершенно «пуста». Удар забрал все, что я накопила за эти дни. Придется восстанавливаться заново.

– Ничего страшного, – утешил я ее. – Главное, что «искра» разгорается. А с Йохом мы справимся сталью.

– Он знает о том, что мы в городе. Я уверена.

– Считаешь, нам не стоит рисковать?

Она задумалась, затем неохотно покачала головой:

– Нет. Его надо убрать, иначе жизнь превратится в Бездну. Думаешь, кроме сегодняшней троицы больше не найдется желающих сграбастать

деньги?

– Их было четверо.

Я рассказ ей о йе-арре.

– Ну, туда ему и дорога, – заключила она. – Уже стемнело. Через сколько пойдём?

– Ещё нара два, – неуверенно сказал я, а затем внес предложение:

– Надо выбраться в город и поесть.

На Свином пяточке мы были как раз к удару колоколов, извещающих о третьем наре ночи. Винный погребок находился в полуподвальном помещении старого дома.

Как только мы подошли к двери, из-за угла вышел человек.

– Это вор, – негромко сказал я моему солнцу.

– А это гийяны, – сказал Гаррет вместо приветствия. – Хочу сказать, что вы времени зря не теряли.

– Ты о чем? – хмуро спросил я, в общем-то, уже зная ответ.

Он криво усмехнулся:

– О четырех мертвецах, найденных в пяти кварталах отсюда. Все дно бурлит. Кто-то шутя завалил троих мастеров и одну мелкую крылатую сошку.

– При чем тут мы?

Вор пожал плечами:

– Я не дурак. И Молс тоже. Предполагаю, что дамочка сейчас рвет и мечет. Столичные хмыри забрались в ее вотчину и чуть было не открыли вам головы.

– Будем трепать языком или займемся делом? – Лаэн начинала сердиться.

Он беззлобно рассмеялся:

– Займемся, как только получу деньги.

Я отсчитал пять соренов и бросил ему на ладонь. Он вновь озарил меня усмешкой, спрятал монеты.

– Чудесно. Я в вашем полном распоряжении.

Лаэн коротко постучала в дверь. Довольно долго ничего не происходило, затем лязгнул засов, коротко скрипнули петли, и нам в лицо ударил свет фонаря.

– Заходите, – сказал Пень, отходя в сторону. – Когда ты не пришел на встречу, я начал волноваться.

Он не сказал ни слова о Седом и его друзьях. Тем лучше.

– Все готово? – Я огляделся по сторонам.

Грубая кладка на стенах, маленькие окошки под самым потолком и

огромные винные бочки вдоль стен. Небольшой стол в углу, шкаф с покосившимися дверьми и рассохшийся табурет. Кроме Пня в помещении находилось двое мужчин из числа головорезов Молса.

– Хозяина мы вежливо попросили оставить дверь открытой. Он знает Молса, так что не возражал. Идемте.

Он поманил нас за собой. Как оказалось, между двумя бочками был узкий проход. Пень едва протиснулся в него, мы последовали за ним и оказались в узкой каморке.

В полу – люк, вниз вела на удивление крепкая деревянная лестница.

– Чего стоите, открыв рты? – проворчал Пень. – Вам туда.

Подвал забили стойками с винными бутылками и точно такими же, как наверху, бочками. Гаррет прошелся вдоль внушительного ряда бутылок, выбрал одну, придирчиво изучил печать на пробке:

– Вполне неплохие запасы. Стоит запомнить это место.

– Для того чтобы купить или обчистить? – хмыкнула Лаэн.

– Это уж как получится, – нисколько не обидевшись, отозвался он.

– По тебе не скажешь, что ты любитель вина.

– Скорее, ценитель. И только хорошего вина. Оно – то небольшое, что еще способно доставлять мне радость.

– Может, хватит пустой болтовни? – не выдержал Пень. – Когда вернешься, можешь утащить столько бутылок, сколько твоя душа пожелает.

– Я запомню твои слова, – сказал вор. – Где крысиный лаз?

– В углу.

Дальний фонарь стоял возле проломанной в полу дыры. Раньше она была закрыта деревянной крышкой, сейчас сдвинутой в сторону.

– Хозяин лавки наткнулся на него случайно. Хотел вырыть еще один подвал под холодные сорта вин и провалился. Наследие Скульптора.

– Не вижу причин, почему он не использовал его для своих нужд. – Я заглянул в дыру.

Темно, как в Бездне. Интересно, далеко ли дно? Судя по толщине «пола» – строили основательно. А если уж еще приложить к этому делу магию и немного мозгов... Неудивительно, что за тысячу лет такие своды не обвалились.

– Тут не высоко. – Пень словно прочел мои мысли. – Чуть больше трех ярдов. Я с ребятами спущу вас на веревке.

– А кто нас поднимет? – с подозрением поинтересовалась Лаэн.

Вот-вот. Что помешает ему опустить крышку и забыть о нас на веки вечные?

– Мы будем ждать до утра. Потом не обессудьте.

– Наивность – великая добродетель, гийян, – рассмеялся вор.
– Ты хочешь сказать, что не доверяешь моему слову? – насупился Пень.

– Я себе-то не всегда доверяю, чего уж тогда говорить о других? Что думаешь, Серый?

– Думаю, Пень не будет делать глупости, – медленно сказал я, смотря в глаза помощнику Молса. – Это... некрасиво. Правда, Лаэн?

– О да! Так с друзьями не поступают, – сказала она. – Но если вы все же решите уйти, то мне придется разнести потолок.

Блеф чистой воды. Она сейчас даже мышь не прибьет, куда уж говорить о том, чтобы разбить толстый слой камня?

– Тоже вариант, – поддержал я ее и обратился к нахмурившемуся Пню: – Поверь, она на такое способна. Особенно когда зла.

– Не надо меня пугать, – поморщился красномордый убийца, хотя его глаза говорили о том, что чувствует он себя достаточно неуютно. – Мы будем ждать, сколько сможем.

Гаррет находил ситуацию забавной и ухмылялся. У меня создалось впечатление, что парень, действительно, согласился участвовать в этом предприятии только ради развлечения.

Вначале на веревке спустили меня с фонарем, затем Лаэн, потом вора. Напоследок в дыре показалась косматая голова Пня:

– Идите все время прямо. Никуда не сворачивайте. Это главный коридор, он приведет вас к логову Йоха. Передайте от меня привет Трехпалому.

– А где, по-твоему, «прямо»? – с иронией спросил Гаррет. – Там? – Он ткнул в одном направлении, затем развернулся и ткнул в другом. – Или там?

– Туда. – Пень указал налево. – Не ошибетесь. Давайте проваливайте, а то у меня башка уже болеть начинает оттого, что я на вас смотрю.

Впереди, с фонарем, пошел я. За мной, не расставаясь с арбалетом, Лаэн. Вор замыкал шествие, насвистывая под нос незнакомую песенку. Его поведение порядком раздражало, но я стоически терпел.

Надеюсь, мы не зря взяли его с собой.

Когда свет фонаря угас в отдалении, Пень встал с колен, отряхнул штаны, вздохнул и пошел к выходу. На половине дороги к лестнице он остановился, бросил взгляд на стойки, где покоились запыленные бутылки. Подошел, вытянул одну наугад, взглянул на пробку. Вино было не таким, чтобы с ним церемониться, поэтому Олна вытащил из ножен любимый

кинжал и одним ударом отбил верхнюю часть горлышка. Быстрее и проще, чем пытаться вытащить крепкую пробку без штопора. Отхлебнув, он поднялся по лестнице вверх, вышел из каморки и кивнул одному из подчиненных. Тот, словно только этого и ждал, – тут же сорвался с места и выскочил на улицу.

Пень присел на жалобно скрипнувший табурет и занялся вином, с каждой минкой все больше мрачней. Олне не нравилось, что затеяла Катрин, но он понимал, что та права. Если они не сделают то, что им сказали, быть беде. Их просто раздавят.

Распахнулась дверь, и в винную лавку вошла Молс с шестью подручными. Вопросительно посмотрела на Пня.

– Ушли, – коротко сказал он.

– Будем ждать, – сказала Молс.

– Ты думаешь, они справятся?

– Йох не переживет эту ночь.

Пень мрачно кивнул и вновь приложился к бутылке. Следовало хоть как-то скоротать время.

Коридор оказался сухим. Воду в последний раз здесь видели многие столетия назад – на гладких, словно отполированных стенах были следы, оставленные рекой прошлого. Судя по всему, ее уровень никогда не добирался до потолка. Пахло холодным камнем и вековой пылью. Ни крыс, ни еще какой-нибудь мелкой живности я не заметил. Эха тоже не было.

Рана в боку, оставленная Конопатым, противно ныла, но я постарался хотя бы на время выбросить ее из головы.

– Сейчас мы где-то возле казарм, – произнесла Лаэн, когда мы прошли двести ярдов. – Если верить Пню, скоро поворот.

Действительно, коридор резко поворачивал и начинал идти в горку, поднимаясь на холм, почти под скалу, на которой стоял Высокий город. Мы прошли мимо четырех ответвлений. Вор не удержался, сунул голову в один из туннелей, но, как и следовало ожидать, ничего интересного не увидел.

– Подумать только! Раньше с помощью магии могли творить вот такое, – сказала Лаэн, нагнав меня. Ее лицо в свете фонаря было задумчиво и очень красиво.

– Какое? – мягко поинтересовался я. Она вздохнула:

– Ни одна из живущих сейчас Ходящих не способна вырыть под городом подземную дорогу для реки, довести ее до моря, а по пути еще и в дома воду провести. В Высоком и Втором городе она просто была из-под земли.

– Сказки... – Я не очень-то верил в подобные истории.

– Судя по тому, что я слышала, – нет.

– Она права, – подал голос вор. – В одном из богатеньких домов, совсем недалеко отсюда, я видел ванну. Старую. Она как раз из таких, что наполнялась водой подземной реки. Хотя могу сказать, я этим подземельем не впечатлен.

– Можно подумать, что ты успел побывать во многих и видел куда лучше, – пробормотала Лаэн.

Гаррет ухмыльнулся и ничего не ответил.

– Представляю все разочарование богатеев, когда источник пересох, – хмыкнул я и поднял фонарь повыше.

– Река стала мешать, и ее убрали, а потом обрушили часть сводов.

– Ломать – не строить, – философски заключил Гаррет.

– Ну не скажи, – не согласился я. – Тут к делу подошли с душой. Иначе часть домов провалилась бы под землю.

– Мне кажется, или потолок понижается? – задумчиво произнес вор.

Действительно, чем дальше мы шли, тем ниже становился потолок. Спустя какое-то время я вполне мог дотронуться до него, если бы только пожелал. Наконец, кирпичная стена преградила нам дорогу.

– Добрались, – сказал я и поставил фонарь на пол.

– Кладке лет шесть, не больше, – оценил Гаррет. – По сравнению со всем этим, – он обвел рукой коридор, – совсем свежая.

– Старина Йох позаботился о том, чтобы к нему в гости не пробрались крысы, – хмыкнул я и, орудуя кинжалом, поддел один из нижних кирпичей.

Предавший Трехпалого каменщик постарался на славу. Без раствора, скреплявшего кирпичи, вынимать их было легко, но незнающему человеку со стороны могло показаться, что перед ним – сплошной монолит. Кирпичи оказались тяжелыми, и помощь Гаррета пришлась очень кстати. Наконец, мы освободили проход – в лаз стало можно протиснуться, если лечь на спину.

– Притуши фитилек. Лишний свет пока не нужен, – сказал вор и полез первым. Через несколько ун он объявил:

– Чисто.

Мы последовали за ним и вновь оказались в коридоре. Потолок здесь был еще ниже, стоять удавалось только пригнувшись.

– Садитесь, – пригласил вор. – Это займет какое-то время.

Прямо над нами находилась закрытая решеткой дыра.

Вход в логово Йоха.

За толстыми прутьями царила тьма-тьмущая. Помещение, в которое

мы должны были войти, судя по словам Пня, какой-то амбар. Я надеялся, что слуги не имеют обыкновения здесь спать – Йох вряд ли допустит, чтобы все знали о решетке, закрывающей вход под землю.

– А вот теперь хорошо бы посветить, – попросил меня Гаррет.

Я поднял фонарь и тихонько присвистнул. Замок – небольшой, черный, сделанный в виде оскаленной собачьей пасти, в глотке которой находилась замочная скважина. Работа морасских мастеров. Любому знающему человеку подобная игрушка говорила: «Пшел прочь! Укушу!»

И ведь кусала! Всех, кто не мог с нею справиться. Хитрые морассцы запихали в эту штуку такое количество секретов и ловушек, что совладать с нею мог только настоящий мастер. Да и то не всегда.

Пень даже словом не обмолвился, что нас ждет. А ведь наверняка знал, паскуда!

– Очаровательная штучка, – хмыкнул вор.

– Йох не пожалел денег на безделушку, – поддержал я его.

– Безделушку?! – возмутилась Лаэн. – Все мужчины такие тупицы или только вы? Да она опасней разъяренной кобры! Дай ей волю, допусти хотя бы малейшую оплошность, и она вас прикончит. Думаете, умельцы из Морассии просто так просят за нее столь умопомрачительные деньги?!

– Я справлюсь, – просто сказал Гаррет.

– А если нет?

– Тогда для начала пасть захлопнется, и эти очаровательные, острые как бритва зубки откусят мне пальцы. Или же замок плюнет ядовитой иглой, но в данном случае мне это не страшно. Я буду не перед, а за ним. Но хуже всего, если я ошибусь с последней пружиной. Чаще всего ее делают очень жесткой, и если она остановится на полпути или соскочит, замок выплюнет некоторое количество яда, который за несколько ун превращает легкие в дырявые лохмотья. На нас троих его вполне хватит.

– Ты великолепно умеешь объяснять, – кашлянул я. – Солнце мое. Не могла бы ты вернуться обратно и подождать нас за стеной?

Она тут же насторожилась:

– Зачем это?

– Затем, что, если он ошибется, ни к чему умирать всем троим.

– Тогда почему я?

– Потому что мне придется держать ему фонарь. А ты все равно сидишь без дела. Так что брысь!

Она поворчала для вида, но согласилась с моими доводами:

– Если вздумаешь умирать, предупреди заранее, дорогой.

– Я тоже тебя люблю.

Она громко фыркнула и уползла за стену.

– Отойди шагов на двадцать, – сказал я ей вслед, опустившись на четвереньки и просунув в дыру голову. – Как сделаем, позову.

Она чмокнула меня в губы, и все еще раздраженно фыркая, в полной темноте направилась прочь.

Вор изучал замок, мурлыча под нос все тот же, незнакомый мне, мотивчик.

– О чем поешь?

– О, не бери в голову, – улыбнулся Гаррет, не отводя взгляда от «морасского пса». – Старая глупая песня. Ее пела одна моя хорошая знакомая. Можно сказать, что в другой жизни.

Ну, не хочет говорить и не надо.

– Имел дело с такими штуками? – спросил я, кивая на собачью пасть.

– Пару раз, – скучающим тоном произнес он и надел на руки перчатки с обрезанными пальцами. – Не волнуйся, это не так сложно, как многие считают. При должном количестве опыта зубастые игрушки можно щелкать, как орехи.

– Надеюсь, что у тебя этот опыт есть.

– Я тоже буду на это надеяться. – На его губах появилась тень улыбки. – В основном на них попадают торопыги.

Не знаю, не знаю. «Морасские псы» погубили немало хороших воров. Слишком капризны и опасны эти штучки, и слишком умелы изготавливающие их мастера. Многие, увидев на дверях или сундуках черную собачью пасть, предпочитали убраться от греха подальше и найти себе более легкую поживу.

– Тебе придется работать вслепую. Замок с той стороны.

– А то я не видел, – пробормотал он. – Кстати, свет мне совершенно не нужен. Я все сделаю на ощупь. Так что, пока не поздно, иди к подружке. Как справлюсь, крикну.

– Мне интересно посмотреть.

И вправду было интересно.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Гаррет.

Он достал из сумки связку отмычек изумительной работы.

– Морассцы постарались?

– Нет. Куда лучшие мастера, – улыбнулся вор и просунул руки между прутьями решетки. – Ну, давай...

– Чего давать? – не понял я.

– Молись Мелоту, – заржал шутник и с первого раза попал отмычкой в замочную скважину. – Надеюсь, бог сегодня на нашей стороне.

Какое-то время он сосредоточенно молчал, и слышалось лишь тихое звяканье металла о металл. Его лицо было напряжено, губы крепко сжаты, но руки ни разу не дрогнули. Гаррету не нужно было на них глядеть, чтобы знать, что он делает, поэтому вор с интересом изучал носки своих сапог. Я с напряжением смотрел на собачью пасть, готовую в любой момент превратиться в капкан и захлопнуться. Или того хуже – выплюнуть ядовитое облако.

– Вот и первая пружина, – сказал он.

Лично я ничего не услышал, щелчок, должно быть, был очень тихим, но чуткое воровское ухо сложно обмануть.

– Сколько еще?

– Пока не откроется.

– То есть ты не знаешь?

– Не знаю, – не стал отрицать он. – Одна. Две. Десять. Это штучная работа. Каждый морасский мастер создает разное количество пружин, секретов и ловушек. Одинаковых «псов» не бывает. В этом-то и вся беда.

Во время разговора он не переставал работать, и в следующие несколько минок преодолел еще три пружины. Я начинал уважать этого странного человека. За всеми шуточками, смешками и бесшабашностью скрывался настоящий мастер. Спокойный, опытный, знающий себе цену.

– Почему ты остался со мной? – неожиданно спросил он.

– Я же сказал, мне интересно посмотреть. Ты против?

– Да нет. Смотри на здоровье. Польстило, что ты оказал мне доверие.

– Доверие?

– Ну да. Если я сейчас ошибусь, ты не очень долго протянешь. – Он криво усмехнулся. – Никак не могу зацепить «собачку». Значит, тобой двигало только любопытство: посмотреть, на что я способен?

Я задумался над его вопросом, затем честно ответил:

– Не знаю. Просто не люблю сидеть на месте. А здесь хоть какое-то дело.

– Многие из нынешнего поколения не любят сидеть на месте. Все куда-то спешат, торопятся, стремятся чего-то достичь, стараются изменить, хотя в большинстве своем сами не знают, чего хотят.

– Мы просто идем, – улыбнулся я.

– Таких людей, как вы, я называю «искатели ветра». Вы слепо гонитесь за ним, но что станете делать, когда отыщете? Никто из вас не думает, куда заведет этот поиск. Ты можешь найти совсем не то, что ищешь, и, вместо того чтобы поймать ветер Хаоса, – попадешь в бурю. Готов ли ты встретиться с ней лицом к лицу?

– Да ты философ. – Я тихо рассмеялся.

– Я стараюсь думать, – хмыкнул он. – Это не дает мне превратиться в идиота. А над тем, что я сказал, поразмышляй на досуге. Если ты, как и многие другие, идешь за ветром, сам не зная зачем, еще есть время остановиться. Избежать бури.

– Я не боюсь.

– Не бояться – это глупость. Не бояться за судьбу близких – глупость вдвойне. Если повезет, ты можешь уцелеть, но буря сожрет кого-нибудь другого. Дорогого тебе человека. Ты этого хочешь?

– Нет.

– Тогда не беги. Остановись и подумай о последствиях. Реши – нужно ли тебе это?

– Зачем ты все это говоришь? – нахмурился я.

– Мне так проще работать. – Он пожал плечами. – Если не нравится, могу замолчать. Впрочем, больше в беседах нет надобности.

Он резко повернул запястье левой руки, и в замке что-то щелкнуло.

– Оп-па! – торжествующе произнес Гаррет.

– Вышло?! – вскинулся я.

– Ты еще спрашиваешь! – Вор сделал вид, что обиделся, и, толкнув решетку вверх, показал, что она легко открывается. – Быть может, этот мир вышел несколько несовершенным, но в замках я разбираюсь. Гаррет «морасским псам» не по зубам. Зови жену, дорога свободна.

Пока Лаэн возвращалась, он подтянулся на руках, залез наверх, а затем помог нам. Я немного приоткрыл шторку фонаря, добавляя света, чтобы осмотреться. Большой, но совершенно пустой амбар. Йох не спешил здесь что-то хранить. Большая часть пола оказалась земляной, а стены сложены из толстых бревен. Никакого намека на окна. Поперечные балки под крышей. На одной из них висела толстая цепь, заканчивающаяся страшным мясницким крюком. На такой очень хорошо вешать неудобных людей. Под ребро. Как я слышал, Трехпалый порой так развлекался с теми, кто не возвращал ему долги.

Вор первым делом метнулся к двери. Затем вернулся к нам, счастливо улыбаясь:

– Я недооценил хозяина этого дома. Он не просто осторожен, а очень осторожен. Готов снять перед ним капюшон. Идите, посмотрите сами.

– Про-кля-тье, – процедила Лаэн сквозь стиснутые зубы, когда мы оказались у двери. Затем обернулась ко мне:

– Как хочешь, но обратно я не полезу. Останусь с вами.

Я неохотно кивнул. Не думал, что Йоху хватит ума повесить на амбар

два замка работы морасских мастеров. Но он это сделал! Собачья пасть с острыми зубами и замочной скважиной в глотке предупреждающе скалилась на нас.

– Придется поработать еще какое-то время. – Гаррет несколько не унывал от увиденного. – Вы все еще ищете ветер?

– Да.

– Ну, как знаете. Жизни ваши, – безразлично сказал он и вновь достал из сумки отмычки.

– Вы о чем? – полушепотом спросила меня Лаэн. – Какой ветер?

– Позже, хорошо? – Сейчас не было ни времени, ни нужды объяснять ей что-либо. Все мои мысли были заняты замком. – Гаррет, а что, если с той стороны двери – засов?

– Этот твой Йох – идиот или трус?

– Нет, – ответил я, не понимая, куда он клонит.

– Тогда никакого засова не будет. Только полный дурак будет ставить на дверь с «морасским псом» еще что-то. Собачья пасть сама по себе надежна. А здесь она двойная – с внутренней стороны и наружной. Я таких еще никогда не видел.

Сердце у меня нехорошо кольнуло.

– Откуда ты знаешь, что она двойная? – удивилась Лаэн. – Ты видишь сквозь доски?

– Нет. Я всего лишь чувствую, – тонко улыбнулся он. – К тому же обычно нормальные люди замочную скважину располагают снаружи подобных помещений, а не внутри.

– Нормальные люди обычно не ставят на амбары морасские игрушки, – не согласилась с ним мое солнце.

– Нам теперь без разницы, нормален ваш друг или безумен. Просто придется открыть одну половину и, стараясь не сбить пружины, вторую, а затем, скорее всего, еще и общую. Это займет какое-то время.

– Надеюсь, ты справишься до рассвета.

– Угу, – сказал вор и занялся делом.

Он справился меньше чем за двадцать минок. Когда замок щелкнул, на лбу Гаррета не было ни капельки пота.

– Я поражена.

– Похвала и кошке приятна, – улыбнулся Гаррет. – Теперь настала ваша очередь показать, на что вы способны.

– Ты остаешься?

Он задумался. Затем хохотнул, и в его руках оказался миниатюрный арбалет:

– Подергаем бурю за усы? Пожалуй, составлю вам компанию. Слишком гостеприимный дом, чтобы так быстро его покидать.

– Ладно. – Я и Лаэн надели черные полумаски. – Идешь за нами и в драки не ввязываешься. Есть чем закрыть лицо?

– Нет. Мне это без надобности. Только смотрите собачек. Собачки сейчас самое опасное.

Ну не хочет прятать морду – его право. Мне все равно.

Я приоткрыл дверь и оглядел окрестности. Никого. Мы выскочили и, прижимаясь к стене, юркнули с освещенного луной пространства в густую тень. Теперь можно было нормально осмотреться.

Амбар, из которого мы так удачно выбрались, находился по соседству с двумя точно такими же постройками. Тут были еще разномастные сараи, курятник, свинарник, хлев и еще несколько сооружений, о предназначении которых я не догадывался. Ярдах в двадцати стояло низкое приземистое здание конюшни. За ней начиналась узкая полоса сада. Темные высокие яблони, абрикосовые деревья и тутовник.

Мы обогнули конюшню по большой дуге и углубились в сад. Гаррет сорвал с ближайшего дерева яблоко, вытер об куртку и вонзил в него зубы. Тут же сморщился и отбросил не понравившийся плод в сторону. Мы подошли к дому с тыльной стороны.

В этом четырехэтажном дворце вполне мог жить сам Наместник. Большие стрельчатые окна были темны, и лишь в дальнем крыле первого и четвертого этажа горел тусклый свет.

– Это кухня. – Лаэн указала на освещенные окна первого этажа. – Идти через нее быстрее, но и опаснее. Там постоянно кто-то вертится. А это спальня Йоха. – Она показала на четвертый этаж.

– Не спится в такое время. Явно совесть нечиста, – пробормотал Гаррет. – Предлагаю войти вон через ту дверь.

– Она освещена фонарями, – возразил я.

– И что? Тебя пугает свет? Не бери в голову, – беззаботно отмахнулся вор.

– Нам потребуется преодолеть только оранжерею, и мы окажемся в нужном крыле, – поддержала его Лаэн. – Иначе придется идти через весь дом, а это чревато нежелательными встречами и...

– Посмотри на балкон, – мягко прервал я ее. Там сидел человек с арбалетом на коленях.

– Он спит, – возразил Гаррет. – Тоже мне сторож.

– Он может проснуться. К тому же неизвестно, сколько охраны ходит вокруг дома.

– Основная часть должна быть у ворот и парадного входа. Никто не ждет, что из амбара полезут незваные гости.

– Хорошо, – решил я. – Сделаем так, как ты говоришь. Я вас прикрою.

Они двумя теньями выскользнули из-под деревьев. Топча клумбы, преодолели опасный участок и оказались возле двери. Гаррет занялся замком, Лаэн внимательно следила за углом дома, откуда в любой момент мог кто-нибудь появиться. Стражник с арбалетом даже не пошевелился. Воистину, крепкий сон дураков – наш самый лучший союзник. Настала моя очередь бежать. Вор в этот момент как раз справился с дверью.

Мы оказались в слабоосвещенной галерее первого этажа, где горел каждый пятый из масляных фонарей на стене. Их огоньки робко дрожали, еще больше сгущая разлившийся здесь полумрак. Пол оказался застлан толстым ковром. По правую руку располагалась череда закрытых дверей, по левую – высокие окна.

Я шел первым, за мной, внимательно прислушивающийся и разом ставший серьезным, вор. Больше никаких шуточек и никаких странностей. Молчалив и собран, как и мы. Лаэн замыкала шествие, то и дело поглядывая назад.

Галерея привела нас в оранжерею.

Йох любил листики-цветочки, особенно редкие. Это была одна из его страстей, и он доставал редкие кусты в далеких странах за баснословные деньги.

Какая-то облезлая пальма, подозрительно шевелящиеся лианы, карликовое дерево, воняющий тухлым мясом огромный цветок, горящие тусклым светом, словно светляки, листья пушистого куста. От непривычных запахов ужасно хотелось чихать. Лаэн засмотрелась на сияющий куст и едва не перевернула крынку с каким-то колючим, ужасно похожим на облезлый огурец, растением. Гаррет вовремя подхватил накренившийся горшок и водрузил его на место, укоризненно посмотрев на нас.

– Глядите под ноги, – прошептал он.

Мы покинули оранжерею и вышли в небольшой зал с затухающим камином и картинами на стенах. Прямо напротив выхода – облицованная белым мрамором лестница, ведущая вверх. Как и все полы в доме, покрытая ковром.

– Дальше кухня. Нам наверх, – тихо сказала Лаэн.

– Иду первым. Вы за мной.

Держа наготове лук, я вошел в зал и, не торопясь, начал подниматься.

На втором этаже остановился. Огляделся. Подождал компаньонов. Поднялся на третий. Затем на четвертый. За все время в доме мы не встретили ни души. Я уже, кажется, говорил про сон. Он хороший союзник. Сейчас был такой нар, когда слишком поздно для того, чтобы не спать, и слишком рано, чтобы просыпаться. Минимальный риск.

– Спальня Йоха там. – Лаэн указала в нужном нам направлении. – Через коридор, две комнаты и приемную.

– Ты еще с нами, вор? – спросил я.

– Слишком «мокро», – поморщился он. – Я, с вашего позволения, порыскаю по окрестностям. Может, найду что-нибудь интересное.

Я с сомнением покачал головой:

– Нарвешься.

– Ничего подобного. Мне надо всего лишь несколько минок. Догоню.

– Оставь его. У нас свои заботы, – сказала Лаэн и затем предупредила Гаррета:

– Только учти, искать и ждать тебя мы не будем.

Он кивнул и направился в противоположную от нас сторону. Я проводил его взглядом, затем вздохнул:

– Не стоило отпускать.

– Он может нам помешать. Пускай идет.

Я неуверенно нахмурился. Если он наткнется на хозяев, то точно нам помешает. Но не стал спорить и пошел следом за ней. Две следующие комнаты оказались пусты, зато в приемной находились трое. Один скучал у дверей. Двое сидели у очага, за маленьким, уставленным фруктами, столом и играли в кости.

Увидев меня, парень у двери распахнул от удивления рот и тут же получил в горло срезень. Это гарантировало, что он не заорет и не поднимет тревогу. Во все стороны из страшно развороченной широким наконечником шеи ударила кровь. Охранник рухнул на колени и, спустя уну, уже мертвый, оказался на ковре, который приглушил падение тяжелого тела. Арбалет Лаэн противно щелкнул, и сидящий к ней спиной человек упал лицом в вазу с морасским виноградом. Его товарищ отчего-то швырнул в нас игральные кости, затем, схватив лежащий на столе короткий меч, вскочил и умер от второй стрелы.

Несколько ун и три трупа. Никто из сторожей не успел издать ни звука. За семь лет бездействия мы не растеряли навыков и работали слаженно и быстро. Лаэн перезарядила арбалет, кивнула в сторону двухстворчатых дубовых дверей с бронзовыми ручками, которые вели в спальню Йоха. Ее глаза в прорезях маски горели недобрым синим огнем.

Я кивнул в ответ, достал из колчана новую стрелу, положил на тетиву и встал напротив входа. Лаэн перешагнула через покойника, стараясь не наступить на впитывающуюся в ковер кровь, подошла к спальне. Надавила на дверную ручку и, толкнув дверь, плавно «ушла» в сторону, освобождая мне дорогу. Через миг я уже стоял в комнате, где от горящих свечей было достаточно ярко. Йох на огромной кровати с кроваво-красным пологом и белыми простынями оказался слишком занят рыжей девицей и не сразу понял, что стряслось. Бабенка увидела нас первой и, испуганно пискнув, шарахнулась в дальний угол, натянув одеяло до самого подбородка. Йох Трехпалый – высокий, широкоплечий, еще совсем не старый, с красивым утонченным лицом, аккуратной бородкой и желтоватой кожей жителя Урса, грязно выругался и, увидев нас, застыл.

Маски не ввели его в заблуждение. Он знал, кто к нему пришел и зачем. Несколько долгих мгновений мы смотрели друг на друга. Йох криво улыбнулся побелевшими губами, сел на кровати, с вызовом посмотрев на меня. Решив отомстить мне за два отрубленных пальца, он рискнул, поставил свою жизнь против наших и проиграл. Я ничего ему не сказал. Никаких высокопарных, злорадных или торжествующих слов. В этом не было нужды. Он был умным малым и прочитал приговор в моих глазах.

Я выстрелил прямо ему в сердце. Стрела прошла насквозь, и мелкие капли крови попали на простыни и подушки. Трехпалый завалился на правый бок и, спустя мгновение, умер. Девчонка тихонько и обреченно захныкала.

– Не вздумай орать, – строго сказала ей Лаэн.

Та что есть сил зажмурила глаза и заскулила:

– Пожалуйста, не убивайте! Ради Мелота! Я даже не видела ваших лиц! Я вас никогда не узнаю. Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалейте!

Лаэн оказалась рядом с ней и несильно ударила ее ребром ладони по шее. Этого вполне хватило, чтобы рыжеволосая на долгое время потеряла сознание, и мы могли не опасаться, что она поднимет на ноги весь дом. Я на всякий случай проверил тело Йоха. Убедившись, что он действительно мертв, показал моему солнцу на выход. Здесь нам больше делать нечего.

В приемной мы обнаружили Гаррета. Вор, привалившись к дверному косяку, с мрачным интересом смотрел на лежащих в крови мертвецов.

– Не слишком чисто сработано. Ковер теперь не отстираешь. А, между прочим, за него можно было бы сорвать соренов триста.

– Хватит трепаться, – сказал я. – Поговорим, когда выберемся.

– Как скажешь. Лично я после обхода нескольких комнат преставившегося хозяина, да пребудет он в свете, проживу и без ковра.

Мы довольно быстро оказались у лестницы и начали спускаться, но на втором этаже удача от нас отвернулась. Дверь распахнулась, и прямо на нас вышли двое. Первый, с мечом, был каким-то головорезом Йоха. Другой оказался внешне очень похожим на Га-нора – рыжим северянином.

Гаррет шарахнулся в сторону, под прикрытие наших спин. Лаэн всадила болт в живот сыну Ирбиса, здраво посчитав его самым опасным. Тот, несмотря на рану, выхватил меч, заревел так, что задрожал потолок, и бросился на нас. Помог Гаррет, выпустивший два болта подряд. Оба человека остались на полу, но свое дело они сделали, подняв весь дом.

Из дверей мягкими кошачьими шагами появились еще двое рыжих. Третий северянин поднимался по лестнице с первого этажа.

Великолепно!

Вор не стал ждать дальнейшего развития событий и дал деру, выбрав для себя несколько оригинальный путь к отступлению. Забросив разряженный арбалет за спину, он рванул к окну, прыгнул и вместе с рамой и осколками стекла упал куда-то на улицу. С учетом того, что второй этаж находился на достаточно большой высоте от земли, поступок Гаррета можно было расценивать как чистое самоубийство. Но ушел он красиво, это бесспорно. Даже наши противники на одно мгновение застыли в полном ошеломлении.

Этим я и воспользовался, подстрелив того, что шел снизу. На меня тут же с рычанием бросился один из оставшихся воинов. Я взялся за у-так. На мое счастье, рыжий поскользнулся на крови убитого товарища, упал на колено, подставив темечко. Удар у меня вышел смазанным и не слишком сильным, и северянин, даже будучи ранен, едва не подрубил мне мечом ноги. Пришлось уворачиваться и добивать его вторым ударом.

Когда с врагом было покончено, я развернулся к Лаэн, но она справилась без моей помощи. Рыжий счел, что женщина не представляет для него никакой опасности. Схватил ее и приподнял в воздух.

Напрасно.

Спрятанный в левом рукаве кинжал прыгнул Лаэн в руку, и она вогнала оружие противнику под подбородок. Затем резко дернула вниз, вспарывая шею.

Где-то этажом выше раздались встревоженные крики, и мы бросились вниз. Оказавшись в зале на первом, я швырнул в окно увесистый столик для бумаг. Стекло с оглушительным грохотом лопнуло, и по скрипящим под ногами осколкам мы выскочили наружу.

Вора не было. Если честно, я ожидал увидеть его разбитый в лепешку труп, но на земле остались лишь вывороченная рама да битое стекло. Наш,

так вовремя удравший компаньон, оказался на удивление живучим парнем.

Мы бросились через клумбы, безжалостно давя несчастные тигровые лилии и гроганские розы. Дом с каждой уной просыпался все больше, в окнах верхних этажей мелькали огни – там бегали люди с факелами. Пока они думают, что убийцы в доме, но очень скоро начнут обыскивать окрестности.

Мы почти добрались до сада, когда я увидел, что из-за угла дома к нам бегут трое. У двоих в руках были короткие луки. Ближайший ко мне лучник выстрелил, но промазал.

– Под деревья! Живо! – крикнул я Лаэн.

До стрелков не больше восьмидесяти шагов.

Танг!

Одного из лучников я уложил, зато его товарищ оказался проворным малым. Сокрушительный удар в правое бедро ослепил болью, и я рухнул на траву. Стрелок победно вскрикнул и бросился ко мне. Рядом с ним бежал вооруженный дубинкой охранник.

Эта скотина все же умудрилась в меня попасть!

Стрела пробила бедро насквозь, и штанина быстро намокала от крови. Пришлось стоять на левом колене и, практически ничего не видя от боли, бить на шум.

Танг!

Противный хрип известил меня о том, что я не промазал. Оставался еще один противник, но тут подоспела Лаэн. Она вырвала у меня из-за пояса топорик. Свист рассекаемого воздуха, тупой удар, падение тела.

– О Мелот! – простонала она, подхватывая меня под мышки и волоча под прикрытие деревьев. – Терпи! Все будет хорошо, любовь моя!

Боль немного отступила, и зрение постепенно прояснялось. В горле пересохло, и ужасно хотелось пить.

– Не смертельно, – просипел я. – Надо избавиться от стрелы.

– Сейчас.

– Нет. Я сам.

Сжав зубы, я сломал торчащее из ноги древко. Застонал, а затем, не мешкая, выдернул то, что торчало у меня с противоположной стороны бедра. И едва не потерял сознание.

– Надо остановить кровь. – Лаэн все это время держала меня за плечи.

– Не сейчас и не здесь. – По моим щекам катились слезы. – Надо убираться, пока не стало еще хуже. Помоги встать.

Прыгая на здоровой ноге и опираясь на ее плечо, я поковылял прочь. Не знаю, за сколько времени мы добрались до амбара, иногда боль

подступала, и мне становилось не до счета. На наше счастье, больше мы ни на кого не напоролись.

Лаэн подхватила оставленный нами фонарь, оказалась в яме первой и поддержала меня, когда я неловко спрыгнул вниз.

– Кажется, вор не добежал, – сказал я. – Или был так добр, что оставил нам свет.

– Мне плевать, – ответила она.

Мое солнце опустила решетку, затем я с трудом протиснулся под разобранной стеной и с грехом пополам помог ей поставить кирпичи на старое место. Это давало хоть какую-то надежду на то, что мы ненадолго собьем погоню со следа. В ушах шумело, голова кружилась. Прежде чем заняться раной, следовало отойти как можно дальше, но я понимал, что если отсрочить лечение, то очень скоро потеряю сознание из-за кровотечения.

Лаэн кинжалом взрезала окровавленную штанину. Быстро достала из сумки чистые тряпки и пузырек с едкой, пахучей жидкостью. Вытерла кровь.

– Чисто прошла, – сказала она, имея в виду стрелу, и неожиданно вылила на меня половину флакона. Я взвыл от жгучей боли и едва не выскочил из собственной шкуры. Она начала ловко бинтовать рану, стягивая повязку. У меня в глазах метались разноцветные пятна, а в ушах гремел колокольный звон. На какое-то время я потерял сознание. Когда очнулся, увидел, что нога уже перебинтована, а Лаэн беззвучно плачет.

– Не надо, – попросил я. – Обещаю не умирать в ближайшие сто лет.

Она послушно вытерла слезы и улыбнулась:

– Все хорошо. Я просто испугалась.

Не буду рассказывать, как я ковылял по подземному коридору обратно. Но могу гордиться тем, что стены, которые когда-то создал Скульптор, услышали от меня столько проклятий и ругательств, что их хватило бы на целую команду матросов.

Из оружия у нас остались лук да кинжалы. Лаэн потеряла арбалет во время драки с северянами, а верный у-так остался в черепе одного из врагов. Ни я, ни мое солнце в тот момент не озаботились его подобрать.

Жалко. Эта игрушка была со мной еще со времен Сандона.

Когда впереди мы увидели льющийся с потолка тусклый свет, я заорал:

– Пень!

– Ну, наконец-то! – с явным облегчением отозвался он. – Проклятье! Что с вами?

– Может, ты вначале нас вытащишь, а потом будешь задавать

вопросы? – вяло огрызнулся я.

Он сбросил веревку:

– Вы с удачей?

– Да, – коротко бросила Лаэн.

– Слава Мелоту! – с еще большим облегчением, чем раньше, выдохнул гийян. – Давайте, мы вас вытащим. А где вор?

Значит, Гаррет решил не возвращаться старой дорогой. Умный. Понял, что Молс может от него избавиться. Или же просто предпочел другой путь. Надеюсь, он выпутается из этой передраги.

– Ты пойдешь первой, – тихо сказал я жене. – Они опасаются Дара, но все равно будь осторожна.

– Справишься самостоятельно? – на всякий случай спросила она.

– Да. Пень, тяни!

Пока она поднималась, я потушил фонарь и проверил кинжал. Вряд ли нам собираются устроить какую-нибудь пакость, но береженого Мелот бережет.

– Давай! Не тяни! – крикнул Пень.

Я хорошенько обвязался, затем, не обращая внимания на боль в ноге, встал, опираясь на стену. Двое подручных красномордого гийяна живо втащили меня наверх.

– Не повезло, – буркнул тот, быстро глянув на мою ногу. – Тебе бы к лекарю.

– Я как раз об этом подумываю.

– Парни, помогите ему добраться до двери.

– Ни к чему. Справлюсь самостоятельно.

– Не доверяешь? – усмехнулся Пень.

– А ты бы стал? – Я вернул ему усмешку.

– Твоя воля, ковыляй сам. За мной, ребята.

Он, обиженно сопя, направился к лестнице, оставив нас с Лаэн наедине.

– Вроде настроен он мирно, – неуверенно сказала она.

– Но кинжал в рукаве не помешает. Помогите подняться, пожалуйста.

Я худо-бедно взобрался наверх, и когда мы оказались в основном помещении, случилось то, что случилось.

Лаэн предупреждающе вскрикнула, и в то же мгновение на наших руках появились полупрозрачные лиловые кандалы. В следующий миг мы оказались на полу, связанные магией по рукам и ногам. Все, что я мог, это смотреть.

Кроме Пня и его подручных здесь была Молс с шестью людьми, пяток

гвардейцев Наместника и Ходящие. Три женщины в длинных синих платьях с красным кругом, вышитым на груди, и белыми покрывалами на волосах.

Я с яростью посмотрел на Молса:

– Глупо, Катрин!

Ее лицо осталось бесстрастным:

– У меня не было выбора. Сам понимаешь.

Понимаю. Но не прощаю. Рано или поздно она ответит за предательство. Клянусь Бездной!

– Это точно они? – спросила самая старшая из Ходящих.

– Да, – сказал знакомый голос откуда-то справа. Я скосил глаза и увидел Шена. Живого и здорового.

– Да, – повторил он. – Это они.

А затем наступила темнота.

Глава 23

Тиф непрерывно думала о ночной встрече у пирса и терялась в догадках, с кем свела ее судьба и как этот обладающий непонятной силой человек связан со стрелком. Так продолжалось до позднего вечера, пока она не почувствовала всплеск магии девчонки-самородка. Той, из-за которой все началось.

Проклятая немедленно бросилась туда, где использовали колдовство. Но пока она добралась до нужного места, мерзкая девка успела исчезнуть. Зато трактир, в котором, судя по всему, она находилась, кишел стражниками. Проклятая чувствовала смерть. Уже в темноте на место прибыла Ходящая. Дольше оставаться здесь было рискованно, и Тиа убралась подобра-поздорову. Она не успевала добраться до Гавани к началу комендантского нара, поэтому решила переночевать под открытым небом. Для этого отлично подходило старое кладбище Второго города, то самое, где недавно прятались Нэсс и Лаэн.

Устроившись поудобнее, Тиф задумалась.

Девка оказалась еще глупее, чем можно было предположить, раз использовала Дар на виду у Башни. Проклятая надеялась, что опередит Ходящих и первой доберется до самородка. Ближе к утру неожиданная вспышка сразу трех «искр» заставила ее проснуться. Ожидания Тиф полностью оправдались. Когда она прибежала на нужную улицу, из небольшого винного подвальчика, примостившегося в одном из ничем не примечательных домов, гвардейцы Наместника вынесли двух потерявших сознание людей. В свете факелов она прекрасно рассмотрела и стрелка и девку. И едва не выдрала себе волосы от разочарования, увидев идущих следом троих Ходящих. С ними ей, в теперешнем положении, было не справиться. А потом появился мужчина, в котором она, к своему несказанному удивлению, узнала Целителя. Парень оказался Ходящим, чего не было уже со времен Скульптора!

Пленных увезли прочь, и Тиа оставалось лишь локти кусать. Она ничегошеньки не могла поделать! Единственное, в чем Тиф была уверена – теперь этих людей следует искать в Высоком городе. В Башне, куда путь ей совершенно заказан. Следовало дождаться рассвета и проникнуть на Скалу^[46].

Она вернулась обратно на кладбище, где сейчас было для нее безопаснее всего, и с нетерпением стала наблюдать за быстро светлеющим

небом.

Я очнулся оттого, что в глаза бил солнечный свет, и какое-то время лежал, не поднимая век. Было тихо. Тогда я пошевелился, и тут же правая нога отозвалась жуткой болью. Стараясь не стонать, открыл глаза и, приподнявшись на локтях, осмотрелся.

Каменный мешок с низким сводом. Крепкая решетка вместо двери и небольшое оконце напротив того места, где я лежу. Через отверстие проходили теплые солнечные лучи и падали мне на лицо. Прости-прощай Золотая Марка! Капитан Даж вряд ли нас ждет. Небось давно ушел в море. А мы остались здесь. В лапах Ходящих.

«Лаэн?» – мысленно позвал я.

Нет ответа.

Гаррет оказался провидцем. На свою беду, мы нашли наш ветер и попали в такую бурю, из которой вряд ли выберемся целыми.

Больше чем через нар раздались шаги, зазвенели ключи, замок лязгнул, и ко мне вошел Шен в сопровождении двух гвардейцев и тюремщика. На его черной бархатной куртке серебряными нитями было вышито пламя^[47].

– Оставьте нас, – коротко бросил он.

– Если что, мы рядом, – сказал тюремщик и вместе с солдатами вышел.

Шен дождался, пока они удалятся, затем улыбнулся:

– Здравствуй, Нэсс.

– Что с Лаэн? – вместо приветствия процедил я.

– Можешь не волноваться. – Он позволил себе еще одну осторожную улыбку. – Ты ее скоро увидишь.

– Как скоро?

– Как только мы поговорим.

– О чем? О нашей дальнейшей судьбе? – скривился я. – Могу предположить, что ничего хорошего нам не светит.

– Хочу осмотреть твою рану, – неожиданно сказал Шен.

– Ну, попробуй.

Он тихо и обидно рассмеялся:

– Ты похож на пса, который мечтает сцапать кошку, Серый. Не стоит глупить.

– А то будет что? – с вызовом спросил я. – Зажаришь меня, Ходящий?

– Рад бы, да не умею. Послушай. Многие в Башне хотят погасить «искру» Лаэн. Я постараюсь, чтобы они этого не сделали, и поговорю с

Матерью. Ну, так как? Мне помочь или ты и дальше будешь скалиться?

– Бездна с тобой. Делай, что хочешь, – сдался я.

– Вот видишь, всегда можно договориться. – Он уже был рядом.

– Что-то я не припомню, чтобы ты спешил договариваться во время нашего путешествия от Песьей Травки.

Он не ответил, и я перевел разговор на другую тему:

– Мы с Гисом в какой-то момент посчитали, что тебя слопали мертвяки. Как тебе удалось выбраться из Плеши?

– Повезло. – Мальчишка пытался распутать засохшую от крови повязку.

– Ай!

– Не дергайся, – строго сказал Целитель. – Вы неслись как угорелые, а моя лошадка подотстала. Ну вот и получилось, что дальше пришлось действовать в одиночку. Я вернулся к реке, перебрался на тот берег и выскочил через кладбище в поля.

– Герой, – сказал я и тут же взвыл оттого, что он положил руки прямо на рану.

– Сказал же, не дергайся! – рявкнул Ходящий.

Я шипел и сыпал проклятьями. Он не обращал на меня никакого внимания. Его ладони засияли ярким, солнечным светом. Спустя уну в ране стало холодно, словно туда засунули ледышку. Холод расползлся по ноге, и я уже не чувствовал пальцев. Мороз, иначе это не назовешь, начинал безжалостно грызть кости.

А затем все разом закончилось. Приятное тепло растеклось по телу, и я открыл глаза. Осторожно пошевелил ногой, с удивлением понимая, что ничего не болит. Раны больше не было. Остался лишь небольшой светло-белый шрам. Несколько побледневший и вспотевший, Шен довольно ухмылялся:

– Иногда в Даре Целителя есть свои преимущества. Не могу делать то, что Огоньки и другие Ходящие, зато умею лечить. Порой это умение оказывается очень кстати.

– Ты неожиданно добр.

Он поморщился:

– Очень не хочется тащить тебя на себе. Только и всего.

– Предпочитаешь, чтобы я взошел на плаху самостоятельно? – поинтересовался я.

Целитель пристально посмотрел на меня, затем нехотя произнес:

– Вы убили Ходящую и заслуживаете смерти. Но сейчас с вами всего лишь хотят поговорить. В особенности с Лаэн.

– Интересно глянуть на того, кто почитит нас беседой. Бедняга, наверное, опух, пока придумывал столь сложный и нелепый план нашего возвращения в Альсгару.

– Догадался?

– Не совсем. Быть может, по старой дружбе объяснишь мне, что к чему?

Он неохотно кивнул:

– Поиски вас не прекращались все эти годы. Но вы как сквозь землю провалились.

– Представляю, как Башня должна была злиться, – вставил я.

– Достаточно для того, чтобы вас в конце концов нашли. Причем совершенно случайно. Люди Молса постарались. Она была должна нам.

– Я в ней разочарован.

– Ну, это лучше, чем каторга в Медных рудниках, так что булочница согласилась оказать содействие. Ты должен понимать, что Лаэн представляет для Башни некоторый интерес. Но если бы Ходящие или Огоньки появились в вашей дыре, никакого разговора бы не получилось. Никто не знал, на что способна твоя жена, и поэтому Мать не стала рисковать. До сегодняшнего дня. После встречи с Проклятой Ласка несколько подрастеряла Дар. Что касается Йоха, то Молс сама сделала так, чтобы подкинуть ему слушок о том, что вы все еще не в Счастливых садах. Он давно точил на тебя зуб и, на свою беду и наше счастье, не пожалел денег за ваши головы.

– Гениальный план, – с иронией сказал я. – А если бы его люди все же умудрились выпустить из нас дух?

– Риск был невелик.

– Ага. Иди, скажи это Седому и его друзьям. Они нас едва не прибили. Но раз вы рисковали, значит, мы были для вас не так уж и важны.

– Я всего лишь Целитель и не вхожу в Совет. – Он пожал плечами. – Все решала Мать.

Порой я начинаю думать, что Ходящие не слишком дружат с головой.

– Именно поэтому с Кнутом поехал ты?

– Да. Молсу сказали несколько слов, и меня взяли в их компанию. «Искру» Целителя никому не увидеть, пока он не использует Дар. Так что я был вне подозрений. Лаэн никогда бы ничего не почувствовала. Я всего лишь должен был узнать о ее возможностях и проследить, чтобы вы без проблем добрались до Альсгары.

– А если бы мы не поехали?

– Но ведь поехали.

– М-да... – глубокомысленно изрек я. – Поступки Башни ставят меня в тупик.

Шен неожиданно рассмеялся:

– Ну и ладно. В общем, все шло отлично до прихода набаторцев, ну а потом ты знаешь. К тому же я вас потерял в Плеши. Так что вся надежда оставалась на Молса. Ты рано или поздно должен был к ней прийти.

– Да, – сухо сказал я. – Только она не спешила вас обрадовать. Вначале загребла нашими руками горячие каштаны, а уж потом сдала.

Ах, Молс, Молс! Старая ты гадюка.

– Давай на время оставим этот разговор. Надо идти. – Он встал и, подойдя к решетке, позвал тюремщика.

В карете было светло и чисто. Богатые сиденья, обитые красным бархатом, позолоченные ручки, широкие окна с шелковым занавесом бордового цвета. Ребята не пожалели дорогих сидений. Мне оказали честь, усадив на них грязным, да еще в изрядно рваной и окровавленной одежде.

Шен сел напротив, а по бокам от меня устроились два не улыбкающих широкоплечих гвардейца на тот случай, если я начну капризничать. Лишняя предосторожность. Пока у них в руках мое солнце, я не стану рыпаться.

– Где Лаэн? – вновь спросил я.

– Прояви немного терпения. Очень тебя прошу. Ты встретишься с ней, как только мы прибудем на место.

Карета тронулась, и Шен, потеряв ко мне всякий интерес, начал смотреть в окно. Гвардейцы словно в рот воды набрали, но, стоило мне пошевелиться, парень, что сидел справа, начинал нервничать. Это забавляло меня до тех пор, пока второй гвардеец не потерял терпение и не пихнул меня кулаком в бок. Стало совсем тошно. Я волновался за Лаэн. Неизвестно, что решат Ходящие.

Иногда я бросал взгляды в окно. Очень скоро мы проехали через парк, и карета остановилась у небольшого озера.

– Снимите с него кандалы, – отдал приказ Шен. Он вышел, следом за ним – гвардеец, другой легонько ткнул меня в спину, чтобы и я не засиживался. Звения цепью, я спрыгнул вниз.

На улице нас ждали с десятков солдат. Один из них избавил меня от оков.

Подъехала еще одна карета. Оттуда появились трое Ходящих и Лаэн. На ее руках все так же сияли лиловые браслеты. Мое солнце была бледна, но когда увидела меня, на скулах выступил яркий румянец, а синие глаза заблестели. Не обращая внимания на сопровождение, направилась ко мне.

– С тобой все в порядке? – спросил я.
– Если не считать этой мерзости. – Она скривила губы и показала на магические кандалы. – Но более-менее. А у тебя?
– Точно так же, – усмехнулся я и тут же увидел улыбку на ее губах. – Шен снизошел до того, чтобы вылечить мою ногу.
– Ну, не стоит благодарности, – скромно сказал Целитель.
– Жаль, что у меня связаны руки. – Лаэн зло сверкнула глазами. – Я бы с радостью двинула тебе в зубы, гаденыш. За все хорошее.
– Значит, мне повезло, – совершенно серьезно сказал он. – Идемте, нас ждут.

Что же. Буря ждет. За то, что мы совершили семь лет назад, придется заплатить. Весь вопрос в том, какую цену с нас попросят?

– Сними с нее кандалы, – сказал я Целителю.
– Нет! Ее Дар...
– Снимай, заberi тебя Бездна, или можешь забыть о всяких разговорах! – рявкнул я.

Шен прищурился, потом кивнул Ходящим. Те были не в восторге, но отчего-то послушались мальчишку. Сияние погасло.

Интересно, как сейчас обстоят дела с Даром Лаэн? Не думаю, что эти тетки сумели освободить ее «искру». Я скосил глаза вправо.

Там находилась Башня. Огромное строение, подпирая облака, угрюмым великаном нависло над нами. Несмотря на светлый, с розовыми прожилками камень, из которого Скульптор сваял одно из своих самых величественных сооружений, – от этого застывшего величия веяло неприкрытой угрозой. Слишком многое за тысячу лет повидали эти стены. Они помнили кровь тех, кто умирал в них во время Темного мятежа, насытились болью, страхом, отчаянием и безумной надеждой сражавшихся друг с другом магов. Впитали в себя их души, сжали камнем и не отпустили ни в Счастливые сады, ни в Бездну, заставив вечность наделять себя силой. Обычные люди редко попадали в колоссальный, увенчанный семью остриями шпиль. Это была вотчина Ходящих и Огоньков, всем остальным проход был дозволен лишь по особому приглашению. И крайне прискорбно, что мы попали в это мизерное число.

Что нас ждет? Чего хотят от нас маги? Я не верил Целителю. Вряд ли нас ловили так долго только для того, чтобы «поговорить». Почти никто из прошедших через Светлые ворота никогда не возвращался обратно.

– Теперь мы можем идти? – ядовито поинтересовался Шен.

Какую-то уну мы с Лаэн смотрели друг другу в глаза. Затем она едва заметно кивнула и, крепко взяв меня под руку, повернулась в сторону

возвышающейся над всем миром башни Ходящих.

Октябрь 2004 – август 2005

Глоссарий

Альсгара – крупнейший город южной Империи. Основан более тысячи лет назад на скалистом уступе недалеко от Устричного моря. Основной рост и развитие получил при Скульпторе, который отстроил два крупных храма Мелота, три первых кольца крепостных стен, башню Ходящих, подземные катакомбы для стока вод, дворец Наместника и многое другое.

Алая Палата (Орден Алых) – подчиняется Наместнику. Заклинатели-демонологи, входящие в состав Ордена, борются с прорвавшими реальность мира Хары созданиями Бездны, а также с духами и призраками. В отличие от Ходящих, заклинатели не обладают «искрой», и их умение основывается на ритуальной магии, эликсирах, формулах и символических рисунках. Глава Алых – Магистр Ордена.

Болота Эрлики – расположены за Катугскими горами и занимают обширные территории на востоке северной части Империи. Знамениты тем, что именно в них, вместе со своей армией, во время Войны Некромантов, погибла одна из Восьми Проклятых – Холера.

Бездна – по поверьям, именно в нее попадают души грешников. Населена демоническими созданиями, которые порой умудряются прорваться во «внешние миры». Именно Бездна дает «тепло» «искрам» тех, кто обратился к черной стороне Дара.

Блазги – раса, живущая в Великих блазгских болотах на юге Империи. Большая часть блазгов никогда не покидает родины и крайне редко приходит в человеческие города. Имеют отталкивающую внешность, человеческая речь для них очень трудна, поэтому овладевают ей лишь единицы. Блазги считаются отличными бойцами. Во время Войны Некромантов они встали на сторону Империи и сформировали Болотный полк, считавшийся одним из самых эффективных и боеспособных подразделений Второй Южной армии.

Брагун-Зан (Мертвый пепел) – каменистые мертвые пустоши на севере Империи, появившиеся в результате Войны Некромантов.

Номинально входят в состав страны, хотя живущая здесь раса нирит считает себя свободным народом. Центром Брагун-Зана является Грох-нер-Тохх (Громкопоющая гора) – спящий вулкан.

Великая пустыня – огромная территория за Сдисским королевством.

Врата Шести Башен – неприступная цитадель, перекрывающая единственный проходимый перевал в западной части Самшитовых гор. Это самый удобный путь в Империю с юга. Крепость отстроена Скульптором около тысячи лет назад. Ни разу не была взята штурмом.

Война Некромантов – война, разразившаяся после Темного мятежа и захватившая всю южную и часть северной Империи. Армия Проклятых сражалась с армией Империи против Ходящих. Потом к магам-отступникам присоединились Сдис и Набатор. Война длилась пятнадцать лет, полностью обескровила юг страны и выжгла Брагун-Зан во время самого страшного магического поединка между Ходящими и Проклятыми.

Итогом войны стало поражение Шести (одной из причин проигрыша послужила гибель Холеры). Они ушли в Сдис, а затем за Великую пустыню. Империя в свою очередь потеряла территории за Самшитовыми горами, которые отошли Набаторскому королевству.

Высокородные – раса лесных жителей – эльфов. Она живет в лесах Сандона и Улорона. Несколько веков Высокородные воевали с Империей за восточную часть Самшитовых гор и перевалы, ведущие на юго-восток в Необжитые земли, сейчас принадлежащие Империи. Череда войн закончилась тем, что эльфы были изгнаны вначале из Улорона, затем прижаты в Сандоне и разгромлены при Гемской дуге. Королю Высокородных – дельбе Вискэ пришлось подписать мирный договор, хотя некоторая часть Домов этого племени была против союза с Империей. Эльфы считают стрельбу из лука недостойной мужчины, поэтому этим оружием у них пользуются только женщины (Черные лилии).

У Высокородных семь Великих Домов – Дом Земляники (в данный момент Правящий), Дом Росы, Дом Ивы, Дом Тумана, Дом Бабочки, Дом Лотоса, Дом Искры. В каждый Дом входит пятьдесят Высокородных семей.

Вышестоящие – название колдунов-некромантов Восьмого круга, самых сильных магов Сдиса, проходящих свое обучение под присмотром Проказы. Вышестоящие держат в своих руках всю власть над страной,

подчиняясь лишь Проклятым.

Великий упадок – период времени между смертью Скульптора и Войной Некромантов. Занял около пятисот лет. Именно в эти века Ходящие потеряли множество секретов искусства и лишились возможности создавать новые заклятия.

Воронье Гнездо – мощная крепость, стерегущая дорогу на Альсгару с востока.

Герка – город в Самшитовых горах. Был оставлен во времена Войны Некромантов. Номинально до сих пор принадлежит Империи, но вот уже пять веков является заброшенным.

Гийян – мастер-убийца. Слово произошло от блазгского гийянджаггарраттанда – «убийца, которому платят награду».

Гаш-шаку – второй по величине город южной Империи. Оборонительные укрепления этого города строил Скульптор.

Гемская дуга – название местности недалеко от Сандона. Там произошло последнее крупное сражение между людьми и Высокородными, закончившееся победой Империи и подписанием мирного договора между двумя расами.

Дети Ирбиса (сыны Ирбиса) – название одного из семи кланов северян, живущих в Льдистых землях, на севере Империи. Кроме Ирбисов существуют кланы Снежных Белок, Медведей, Сов, Куниц, Лосей, Волков.

Избранный – человек, прошедший Круг Некромантов – магическую школу Сдиса.

Йе-арре – раса крылатых существ, попавших в земли Империи после того, как часть их племени превратилась в Сжегших душу. Раньше жили за Великой пустыней.

Йе-арре в течение многих веков бок о бок живут с людьми. Ткани, созданные этим племенем, высоко ценятся во многих странах, и именно благодаря этому товару Сыны Неба преумножают свое богатство.

Книга Призыва – главная книга заклинателей, в которой собраны основные заклинания по борьбе с демонами.

Лепестки Пути – созданные Скульптором порталы, способные перемещать людей на немыслимые расстояния за несколько мгновений. Портал может активировать только Ходящая. Скульптор до самой смерти не раскрыл секрета создания Лепестков, и никто больше не сумел создать новые порталы.

Во время Темного мятежа Мать Ходящих – Сорита – сумела усыпить порталы, и с тех пор они перестали действовать. Все попытки «разбудить» их оказались безуспешны.

Лестница Висельника – создана магами прошлого за триста лет до Скульптора. Рукотворный перевал через Катугские горы в виде узкой лестницы с огромным количеством ступеней и укреплений. Ведет на север Империи из южных областей.

Лесной край – территория перед Самшитовыми горами, занимающая большую часть юга Империи.

Морт – порождение магии колдунов Сдиса. Эти создания не живые, но и не мертвые, собственноручно отрубают себе нос, уши, язык и наносят на лицо уродливые шрамы. О жестокости, живучести и изворотливости этих существ ходят легенды. В землях Империи эти создания не появлялись со времен Войны Некромантов.

Морассия – маленькая страна, славящаяся на весь мир Хары своими мастерами-оружейниками, а также ювелирами и изобретателями.

Набатор – большое и сильное королевство за Самшитовыми горами. Враждует с Империей за ее юг, который на заре времен принадлежал Набатору.

Нириты – раса, обитающая в Брагун-Зане. Достаточно лояльно относится к людям, хотя и не признает себя подданными Империи. Ниритами правит их королева или Зан-на-кун (Пепельная дева). Нириты поклоняются горе Грох-нер-Тохх.

Окни – большой город, находящийся между Катугскими горами и

Перешейками Лины.

Праздник Имени – празднование дня рождения Императора.

Проклятые – восемь Ходящих-мятежников, уцелевших после Темного мятежа. Корь (Митифа), Чума (Лей), Лихорадка (Ретар), Чахотка (Рован), Холера (Гинора), Оспа (Аленари), Проказа (Тальки), Тиф (Тиа). Лихорадка и Холера погибли во время Войны Некромантов.

Приграничный край – территория между Империей и Набатором. Считается землями Набатора, но из-за огромного количества говов, населяющих этот участок Самшитовых гор, не обжита.

Перешейки Лины – две каменистые тропы, проходящие через болота Шетта. Естественная преграда к Лестнице Висельника и Окни, охраняющая юго-восток Империи.

Повелители – самоназвание Проклятых.

«Рыба» – «выращенный» с помощью магии некроманта мертвец, покрытый чешуей. Способен взрываться по приказу хозяина, уничтожая всех, кто в этот момент находится рядом с ним.

Сандон – леса на востоке Империи у Самшитовых гор, населенные Высокородными.

Сорита – Мать Ходящих, погибшая во время Темного мятежа.

Счастливые сады – по поверьям, туда уходят души праведников. Именно из садов черпают силу для своих «искр» носители светлой стороны Дара.

Скульптор – величайший маг в истории Хары. Создал множество величайших строений, а также Лепестки Пути.

Сжегшие душу (шей-за'ны) – народ, родственник йе-арре. Живут за Великой пустыней, являются непревзойденными лучниками. По легендам Сынов Неба, шей-за'ны пошли против своего бога, именуемого у этих народов Танцующим, и были наказаны. У них отобрали души и крылья.

Снежные тролли – немногочисленная раса, живущая в Льдистых землях. Союзники северян.

Темный мятеж – был поднят группой Ходящих, желавших изменить правила обучения и владения магией. После мятежа восемь уцелевших магов-отступников стали именоваться Проклятыми.

Улорон (Страна Дубов) – первая родина Высокородных, леса у Катугских гор, отвоеванные Империей у этой расы и возвращенные после заключения мира в обмен на восточную часть Самшитовых гор и Восточные земли.

notes

Примечания

В сутках – 24 нара. В наре – 60 минок. В минке – 60 ун. – Здесь и далее примеч. авт.

Горячий шаф – слабый алкогольный напиток со специями, настоянный на хмеле и различных травах (чабрец, ромашка, зверобой, липа). Холодный шаф – бодрящий напиток без алкоголя, изготавливается преимущественно из мяты и ромашки.

3

Сол – мелкая серебряная монета.

Бредняк – кустистое растение, обычно встречающееся у берегов рек.

Лысый камень устанавливают на всех перекрестках. По поверьям, он не дает злу найти дорогу к домам людей.

Гов – разновидность низших демонов.

Сорен – золотая монета.

Блазги – раса болотных жителей, живущих в Империи.

Праздник Лун – большой религиозный праздник, проходит в середине зимы.

Высокий город – самая старая часть Альсары, построенная на так называемой Скале, вокруг которой впоследствии вырос остальной город.

Фунт – мера веса, равная приблизительно 400 г. В данном случае говорится о силе натяжения тетивы.

Гавань – район Альсары у самого моря.

Выстрел из мощных луков в большинстве случаев исключает долгое прицеливание и удержание натянутой тетивы. Из-за большой силы натяжения стрельба идет на так называемый «разрыв» (используется противоположно направленный рывок обеих рук).

14

Название одного из трех кланов жителей северной части Империи.

Война Некромантов произошла за 500 лет до описываемых событий, причиной послужил Темный мятеж Проклятых. В результате ее Империя отказалась от земель, лежащих перед Вратами Шести Башен, отступив за горную цепь, и начала войну с Высокородными за леса Улорона и Сандона.

Чусы – самоназвание горных племен.

Ошен – горное дерево с колючими листьями.

У-так – метательный топорик у блазгов.

Намек на цвета Набатора.

Так в Империи иногда называют народ йе-арре.

Простой лук – лук, состоящий только из одного материала, преимущественно из дерева.

Композитный лук – лук, состоящий из трех материалов – дерева, рога и сухожилий.

Имеются в виду два изгиба на рогах и два по обеим сторонам грифа рукоятки лука.

Гийян – жаргонное название мастера заказного убийства. Слово произошло от блазгского гийянджаггарраттанда – «убийца, которому платят награду».

Имеется в виду виселица.

В сдисской магической школе полноправные маги входят в Круги Мастерства. Наивысший круг – Восьмой.

Ищущие – носители Дара, способные обнаруживать в других людях «искру».

Так называют колдунов Восьмого круга.

Одно из названий Проклятых.

Огромные лесные территории на востоке Империи. Королевство
Высокородных.

Сорита – Мать Ходящих, погибшая во время Темного мятежа в бою с Проклятыми.

Хилсс – название посоха некроманта. Этот магический артефакт создается в результате череды сложных ритуалов и является полумертвой-полуживой вещью, магия которой пробуждается, только если их владелец «связывает» свою душу с посохом и отдает ему часть Дара и жизненных сил. Набалдашник посоха создан в виде черепа, в точности копирующего череп того, кто управляет хилссом в данный момент.

Мать – глава Ходящих. Выбирается большинством голосов из Совета Ходящих (тридцати трех самых сильных магов Империи).

В Радужной долине находится магическая школа Ходящих.

Кир-лле – дух, чаще всего встречаемый в древних развалинах. По поверьям, те, кто слышит его песню, скоро обязательно умирают.

Кукс – живой покойник.

Сорита – легендарная Мать Ходящих, правившая в год Темного мятежа. Была убита собственной ученицей Тиа ал'Ланкарра, впоследствии ставшей известной, как Тиф.

Реска – дынная водка.

Сыны Неба – самоназвание йе-арре.

Здесь имеется в виду охотник за наградой, объявляемой за голову преступника городским магистратом.

Один из Домов Высокородных. Отличался особой жестокостью в обращении с пленными.

Второе название Улорона.

Король Высокородных. На данный момент дельбе Вискэ из Дома Земляники.

В Золотой Марке правит Содружество купцов, куда входят самые уважаемые и богатые торговцы страны.

Печати Бездны – комбинация четырех костей, каждая из которых показывает «пятерки». Считается выигрышной.

Скала – устаревшее название Высокого города.

Пламя, как и красный круг, – символ Ходящих.